

ВОСТОКА

XXVII съезд КПСС об историческом
призвании социализма

О комплексном подходе
к проблеме
азиатской безопасности

Советский Союз — Вьетнам:
братское сотрудничество

Специальные экономические
зоны Китая

Япония: движение за дружбу
с Советским Союзом

Меняющаяся действительность
в зеркале литературы КНР

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

1/86

1/86

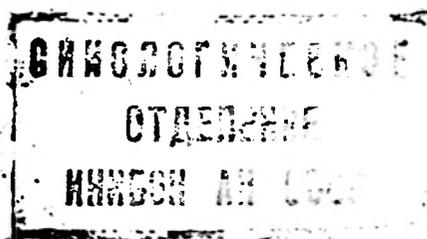

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1 [57] 1986

Издается с 1972 г.

Научный и общественно-политический журнал
выходит четыре раза в год на русском,
английском, японском и испанском языках

XXVII СЪЕЗД КПСС

КПСС об историческом призвании социализма 3

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- И. И. КОВАЛЕНКО.* О комплексном подходе к проблеме азиатской безопасности 14
В. Я. ПОРТЯКОВ, С. В. СТЕПАНОВ. Специальные экономические зоны Китая 37
С. И. ВЕРБИЦКИЙ. Япония в трехсторонней системе 47
РОЙ КИМ. Тихоокеанское сообщество: миф или реальность? 60
А. В. БЕРЕЗНОЙ. За фасадом «экспортного чуда» 73
М. В. ДЕМЧЕНКО. Япония: движение за дружбу с Советским Союзом 84

ИДЕОЛОГИЯ

Критика буржуазной си-
нологии

А. Г. ЛАРИН. Синологи США об американско-китайских отношениях 93

ИСТОРИЯ

Из истории отечественно-
го востоковедения

Н. Л. МАМАЕВА. К вопросу о политической программе Сунь Ятсена 98
И. А. ЛАТЫШЕВ. Япония накануне и в годы второй мировой войны 108

Борцы за народное дело

В. С. МЯСНИКОВ. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина 113

Н. Ф. ЛЕЩЕНКО. Эйтаро Норо — марксист-революционер 122

КУЛЬТУРА

В. Ф. СОРОКИН. Меняющаяся действительность в зеркале литературы КНР 128

Н. Т. ФЕДОРЕНКО. Труд ученого, талант поэта 140

ПУБЛИКАЦИИ

ОБЗОРЫ. СПРАВКИ. СООБЩЕНИЯ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- ХУ ШЭН.* Из истории агрессии империалистических держав в Китае 150
- О. В. ПЕТРОВ.* Советский Союз — Вьетнам: братское сотрудничество 154
- Н. Л. ШЛЫК.* Экономические связи СССР — КНДР 161
- С. Н. ГОРЕНКО, Б. Т. КОЛОСКОВ.* Китай и ЮВА: по страницам сборника документов 167
- М. А. ЯКОВЛЕВА.* Торгово-экономическое сотрудничество стран АСЕАН 172
- Д. УЛЫМЖИЕВ.* Герои Халхин-Гола бессмертны 179
- Н. Г. СЕНИН.* Исследование о видном китайском философе 180
- Л. Н. БАУМАН.* НТР и социальный прогресс Вьетнама 183
- Н. Ю. НОВГОРОДСКАЯ.* Из истории международных отношений на Дальнем Востоке 187
- В. И. АНДРЕЕВ, В. И. ОСИПОВ.* «Нодон синмун» о Советском Союзе 189

Адрес редакции: Москва, 117818
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), *Г. В. АСТАФЬЕВ*, *Р. С. БЕЛОУСОВ*, *Г. А. БОГДАНОВ*, *Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ* (зам. главного редактора), *М. С. КАПИЦА*, *И. И. КОВАЛЕНКО*, *В. А. КРИВЦОВ*, *О. Б. РАХМАНИН*, *Б. В. САГАРЕВ* (отв. секретарь), *А. И. СЕНАТОРОВ*, *В. М. СОЛНЦЕВ*, *М. Л. ТИТАРЕНКО*, *С. Л. ТИХВИНСКИЙ*, *Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ*, *Н. Т. ФЕДОРЕНКО*.

Важнейшей вехой в истории Коммунистической партии Советского Союза и нашего государства, в мировом развитии стал XXVII съезд КПСС. Итоги съезда трудно переоценить. Съезд рассмотрел и принял новую редакцию Программы партии, изменения в Уставе КПСС, Основные направления экономического и социального развития СССР в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года.

Значение принятых на XXVII съезде КПСС документов определяется прежде всего тем, что в них партия наметила стратегический курс развития нашей страны как на ближайшее, так и на длительное время, сформулировала концепцию ускорения экономического и научно-технического прогресса, дальнейшего планомерного и всестороннего совершенствования социалистического общества с учетом коммунистической перспективы, программу борьбы за мир и социальный прогресс. В этом громадное историческое значение решений XXVII съезда КПСС, они воздействуют на умы и сердца людей во всех уголках земного шара, дают динамичный импульс поступательному движению человечества по пути мира и прогресса.

Общезвестно, что с реализацией созидательных планов советского народа, народов всех стран социалистического содружества неразрывно связаны судьбы мира и прогресса на нашей планете, по сути, будущее всего человечества.

Принятая XXVII съездом КПСС нынешняя редакция третьей Программы КПСС сохраняет свойственную марксистско-ленинским партиям преемственность основополагающих теоретических и политических установок. Вопрос о преемственности в развитии теории и программных установок партии — это вопрос о ее теоретической принципиальности и последовательности, ее верности марксизму-ленинизму, это также означает творческое развитие основного содержания, обогащение принципиальными положениями в соответствии с историческим опытом.

Уже в самые ближайшие годы предстоит перестроить экономику страны на новых началах, поставить на службу социалистическому строительству новейшие достижения научно-технической революции, преобразовать многие стороны нашей общественной жизни, а это в свою очередь потребует психологической перестройки общества, повлечет за собой преодоление всего устаревшего и косного, всего того, что сопротивляется новому. Предстоит напряженный творческий труд с тем, чтобы в полной мере использовать исторические возможности и преимущества социалистического строя во имя нового могучего подъема материального и духовного потенциала Страны Советов, во имя благосостояния народа, надежного обеспечения обороноспособности Советского Союза.

Программа КПСС в ее нынешней редакции — это и программа борьбы за мир. Наши планы теперь, как и прежде, имеют ярко выраженный мирный, созидательный характер. Вместе с тем они учитывают необходимость крепить безопасность и обороноспособность нашей Родины.

Четверть века прошло со времени принятия третьей Программы КПСС. Сама жизнь подтвердила правильность ее основных теоретических и политических положений. За этот период наш народ во главе с Коммунистической партией добился значительных успехов в развитии

производительных сил, в совершенствовании производственных и социальных отношений, социалистической демократии, культуры, в формировании нового человека. Советский народ вступил в период развитого социализма, представляющего собой закономерную ступень социально-экономической зрелости социалистического общества в рамках первой фазы коммунистической формации. В Программе КПСС уточняется достигнутый уровень общественного развития, указывается, что предстоит еще пройти большой путь дальнейшего совершенствования построенного в нашей стране социалистического общества.

Опираясь на основные теоретические и политические положения третьей Программы КПСС, подтвержденные жизнью, обогащая и развивая ее содержание, критически переосмысливая те выводы и установки, которые не выдержали испытания временем, партия выработала ясную, научно обоснованную программу действий во имя человека и мира на земле, отвечающую реальностям современной внутренней и международной жизни. В емких формулировках Программы на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина, постоянно обогащаемого живым творчеством масс, глубоко раскрывается диалектика становления и развития нового общества.

Выступая в 1918 г. на VII съезде партии, В. И. Ленин отметил: «Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся»¹. Этим ленинским требованиям полностью отвечает новая редакция Программы КПСС.

Выход Советского Союза на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма, поставил в порядок дня и новую величественную и сложную задачу — задачу всемерного и всестороннего совершенствования построенного у нас социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ. И понятно, что это потребовало выработки и закрепления новых и уточнения некоторых прежних программных положений. Необходимость в таких уточнениях диктуется и современной международной обстановкой, теми изменениями в расстановке сил, которые происходят как в классовом, социальном плане, так и вокруг борьбы за утверждение принципа мира в качестве всеобщей нормы межгосударственных, международных отношений.

Как никогда сложна и взрывоопасна международная обстановка. Никогда еще перед нашей планетой так остро не стоял вечный, но обретший сегодня новое содержание вопрос: быть или не быть? Все больше людей в мире видят, что Советский Союз является правофланговым в справедливой борьбе за мир, за мирное сосуществование разных государств и народов и, значит, за торжество высокой нравственности.

Страна Советов как великая мировая держава своим примером, своей миролюбивой внешней политикой оказывает ныне определяющее воздействие на весь ход мировых событий. Советский Союз, страны социалистического содружества в целом являются определяющим фактором прогрессивного развития человечества.

Крупномасштабные и конструктивные советские инициативы, предложения, внесенные М. С. Горбачевым в Женеве, аргументированно показали это всему миру. Встреча на высшем уровне в Женеве убедила народы в правоте и миролюбии внешней политики КПСС, которая выражает коренные жизненные интересы не только советского народа и народов братских стран социализма, но и всего человечества. Под натиском непреодолимого стремления народов к миру империализм вынужден привносить в свою политику соответствующие коррективы, но

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 55.

агрессивные круги империализма продолжают наращивать гонку вооружений, обостряя угрозу глобального ядерного катаклизма.

Вместе с тем в результате Женевской встречи появился ряд полезных договоренностей по многим направлениям развития двустороннего сотрудничества между СССР и США. Они послужат хорошей базой для повышения уровня доверия между нашими странами и народами. Но сфера безопасности, ее ядро — предотвращение милитаризации космоса и сокращение ядерных вооружений — будут и впредь главным определителем взаимоотношений СССР и США, показателем состояния международного климата в целом.

Конечно, долговременная значимость всего того полезного, о чем удалось условиться в Женеве, может проявиться лишь в конкретных, практических делах. Потребуется прежде всего сконцентрировать усилия на развязке важнейших вопросов, которые не удалось решить на этой встрече, а именно вопросов, связанных с задачей прекращения гонки вооружений. Нежелание руководства США отказаться от программы «звездных войн» не позволило прийти в Женеве к конкретным договоренностям по реальному разоружению, и прежде всего по центральной проблеме ядерных и космических вооружений.

Советской стороной представлена глубокая аргументация, которая должна помочь руководству США найти волю и решимость объективно оценить внешнеполитические позиции СССР и прежде всего осознать все губительные аспекты пресловутой программы СОИ. Она — главное препятствие на пути к радикальному сокращению ядерных вооружений.

Ориентиром для поиска взаимоприемлемых решений должна оставаться подтвержденная теперь уже руководителями государств договоренность о необходимости предотвращения гонки вооружений в космосе и ее прекращения на Земле, достигнутая в январе 1985 г. на уровне министров иностранных дел СССР и США. Выраженная на высшем уровне воля придать ускорение этой работе на женевских переговорах по ядерным и космическим вооружениям имеет особое значение.

Впереди новые встречи руководителей СССР и США. Чтобы не затруднять достижения будущих договоренностей, необходимо воздерживаться от всего, что подрывало бы достигнутое в Женеве. Например, от акций, которые блокировали бы переговоры, размывали ограничители гонки вооружений, такие, как Договор об ограничении систем противоракетной обороны, соответствующие положения Договора ОСВ-2. США следовало бы прислушаться к настоятельнейшим требованиям мирового сообщества и подобно Советскому Союзу объявить мораторий на ядерные испытания, что, к сожалению, пока не имеет места.

На подходе к новой встрече в верхах главное — создать возможности для действительного прекращения гонки вооружений и приступить к практическим шагам по сокращению ядерных арсеналов. Начинать готовиться надо уже сейчас. ...Советский Союз, со своей стороны, заявил М. С. Горбачев на сессии Верховного Совета СССР, намерен не сбавлять темпов, со всей решимостью и в духе честного сотрудничества с Соединенными Штатами добиваться свертывания гонки вооружений, общего оздоровления международной обстановки. Мы рассчитываем, что такой же подход будет проявлен и со стороны США.

Сейчас уже всем стало ясно, что встреча в Женеве стала крупным политическим событием международной жизни. Ее итоги создают возможность для перехода от состояния опасной конфронтации к конструктивным поискам путей нормализации советско-американских отношений, оздоровления международной обстановки в целом. В центре встречи была поставлена самая насущная задача, самая жгучая проблема современности — проблема войны и мира. Принципиально важно, что руководители СССР и США в совместном документе заявили: ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть по-

бедителей. Они подчеркнули важность предотвращения любой войны между нашими странами — ядерной или обычной — и обязались не стремиться к достижению военного превосходства. Политбюро ЦК КПСС в своем решении по итогам встречи отметило, что в этом смысле итоги переговоров в Женеве способны оказать позитивное воздействие на изменение политического и психологического климата в современных международных отношениях, их оздоровление, уменьшить угрозу возникновения ядерной войны.

На встрече в Праге 21 ноября 1985 г. высшие руководители государств — участников Варшавского Договора выразили полную поддержку конструктивной позиции, изложенной М. С. Горбачевым на переговорах с президентом США Р. Рейганом. Они высоко оценили исключительно важный вклад в совместно разработанную миролюбивую политику стран социалистического содружества, сделанный Генеральным секретарем ЦК КПСС в ходе Женевской встречи, подчеркнув, что ее результаты создают более благоприятные возможности для оздоровления международной обстановки, для возврата к разрядке.

* * *

Задача задач нашего времени — остановить гонку вооружений, прежде всего ядерных. Нет, пожалуй, другой такой сферы мировой политики, где было бы выдвнуто столько инициатив, сделано столько конструктивных шагов, в том числе односторонних, сколько сделали Советский Союз и страны социалистического содружества, чтобы остановить рост гонки вооружений. И тогда, когда их усилия встречали положительный отклик другой стороны, достигались важные соглашения, которые и ныне служат делу упрочения мира. Так было с Договорами о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах, о нераспространении ядерного оружия, с советско-американским Договором об ограничении систем противоракетной обороны, соглашениями ОСВ-1 и ОСВ-2 и т. д.

Советский Союз и страны социалистического содружества и сегодня не считают неразрешимой задачу повернуть вспять гонку вооружений, не прекращают усилий, направленных к этой цели. Здесь уместно назвать хотя бы такую крупную советскую инициативу последнего времени, как предложение договориться с США о полном запрете ударных космических вооружений и 50 %-ном сокращении своих достигающих территории друг друга ядерных вооружений; или готовность СССР договориться о сокращении ядерных средств средней дальности отдельно от решения проблемы космических и ядерных вооружений. Принятие этих предложений означало бы радикальный сдвиг в укреплении международной безопасности. Однако и на этом пути стоят серьезные препятствия. И главное из них — интересы тех, кто непосредственно связан с производством и внедрением все новых видов вооружений. «Монополии, производящие оружие, генералитет, государственная бюрократия, идеологический аппарат, милитаризованная наука, — говорится в Программе КПСС, — слившись в военно-промышленный комплекс, стали наиболее рьяными проводниками и организаторами политики авантюризма и агрессии»².

США, действуя во имя корыстных интересов военно-промышленного комплекса, намереваются распространить гонку вооружений на космическое пространство. Если этот процесс не остановить, будет дестабилизирована международная стратегическая обстановка, что повлечет за собой трудно предвидимые последствия, гонка вооружений по всем направлениям приобретет еще большие масштабы и интенсивность, по-

² Программа КПСС (новая редакция). М., 1986.

требует новых гигантских материальных и интеллектуальных ресурсов, а главное, человечество окажется еще ближе к краю ядерной пропасти.

Ну, а как будет обстоять дело с безопасностью самих США в случае реализации планов «звездных войн»? Убедительный ответ на этот вопрос дан в статье министра обороны СССР Маршала Советского Союза С. Л. Соколова, опубликованной в «Правде» 6 ноября 1985 г. В ней, в частности, говорится: «Белый дом ищет пути к достижению военного превосходства. Сегодня ему кажется, что США добьются этого, создав принципиально новый вид оружия — ударные космические средства. Но Вашингтон совершает ошибку. СССР даст адекватный ответ на вызов, который ему хотят бросить. Американской монополии в космосе не будет. Не будет у Вашингтона и военных выгод, на которые рассчитывают инициаторы «звездных войн». Стремясь подорвать безопасность Советского Союза, США фактически вступили на путь понижения своей собственной безопасности, возрастания военной опасности для народов всего мира»³.

Под нажимом Белого дома американские законодатели дали «добро» на дальнейшее раздувание расходов на гонку вооружений. Согласительный комитет конгресса одобрил законопроект об ассигновании на конкретные программы министерства обороны в текущем финансовом году беспрецедентной суммы — 298,7 млрд. долл. Законопроектом предусматривается, в частности, выделить 1,7 млрд. долл. на строительство еще двенадцати межконтинентальных баллистических ракет первого удара МХ. Более двух миллиардов долларов пойдет на создание межконтинентальной баллистической ракеты Д-5 для подводных лодок «Трайидент-2». Свыше 5 млрд. долл. ассигнуется на производство 48 стратегических бомбардировщиков В-1.

Комитет одобрил увеличение вдвое по сравнению с прошлым годом — с 1,4 до 2,75 млрд. долл. — фондов на форсированную реализацию программы «звездных войн». Этот шаг с ликованием встречен в стане тех, кто рвется к созданию ударного космического оружия. Как сообщает «Вашингтон пост», руководители программы планируют ускорение испытаний ядерных устройств, которые предполагается разместить на околоземной орбите.

Единственной уступкой общественным требованиям можно считать решение законодателей ввести мораторий на испытание Пентагоном системы противоспутникового оружия «АСАТ». Однако эта мера была подвергнута яростной критике со стороны министра обороны К. Уайнбергера, обвинившего конгресс во всех смертных грехах — от «уступок Советскому Союзу» до «подрыва контроля над вооружениями и национальной безопасности США».

Со своей стороны, КПСС, Советское государство, твердо и решительно противодействуя агрессивной политике империализма, проводят курс конструктивного подхода к решению международных вопросов путем переговоров, проявляют готовность к диалогу. В пользу этого убедительно свидетельствуют позиция Советского Союза по наиболее важным международным проблемам, ее широкомасштабные, далеко идущие инициативы, под непосредственным воздействием которых и развиваются международные отношения.

Важным событием международной жизни последнего времени стало Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Оно привлекло к себе внимание каждого, кому дорого дело мира и безопасности народов. И это закономерно. Ведь советский руководитель наметил ясную и реалистическую перспективу борьбы за то, чтобы человечество встречало 2000 год под мирным небом, чтобы оно больше не знало страха перед ядерной, химической или любой другой угрозой

³ «Правда», 6.XI.1985.

уничтожения. «Советский Союз, — говорится в Заявлении, — обращается с призывом ко всем народам и государствам, в первую очередь, разумеется, ядерным, поддержать программу ликвидации до 2000 года ядерного оружия». И далее подчеркивается: «Речь идет о проблеме общечеловеческого значения, и решать ее можно и нужно только сообща».

Реалистический курс Советского Союза на международной арене играет роль мощного стабилизирующего фактора в нашем сложном и находящемся в напряженном состоянии мире. Новая редакция Программы партии, принятая на XXVII съезде КПСС, на основе научного анализа современной международной обстановки, обобщения колоссального по своей значимости и богатству опыта внешнеполитической деятельности Советского государства, с учетом опыта внешнеполитического сотрудничества социалистического содружества, национально-освободительным движением, всеми миролюбивыми силами планеты, определяет важнейшие направления международной деятельности КПСС и Советского государства. Здесь в концентрированной форме сформулированы принципиальные положения, определяющие характер и содержание всей международной политики нашей партии, совокупность конкретных практических мер, реализация которых призвана упрочить дело мира, способствовать процессу социального обновления.

* * *

Во время встречи с Б. Лауном — американским сопредседателем международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» — М. С. Горбачев подчеркнул, что «Советский Союз пойдет столь далеко, сколько потребуется, к полной ликвидации ядерного оружия, к окончательному устранению угрозы войны с его применением. Мы за то, чтобы на деле обеспечить первейшее право человека — право на жизнь. Мы за немедленное замораживание ядерных вооружений, полное и бессрочное запрещение их испытаний — причем при самом эффективном контроле. Единственное наше условие — взаимность».

Большую роль в борьбе за сохранение мира и устранение угрозы войны история возложила на социалистические страны, которые являются могущественной силой, способной сдерживать агрессивные круги империализма, не дать им столкнуть человечество в бездну ядерной войны.

Первостепенное значение в Программе КПСС — и это вполне закономерно — придается сотрудничеству с социалистическими странами: «КПСС считает своим интернациональным долгом вместе с другими братскими партиями укреплять единство, наращивать могущество и влияние социалистического содружества. От его прочности, от успехов созидательной деятельности каждой страны, от целеустремленности и согласованности их действий в огромной степени зависят ход соревнования социализма с капитализмом, будущее мировой цивилизации»⁴.

Проискам агрессивных сил империализма страны социалистического содружества противопоставляют последовательную линию на снижение военного противостояния. Выступая за одновременный роспуск военных блоков, в частности НАТО и Организации Варшавского Договора, или — в качестве первого шага — ликвидацию их военных организаций, они вместе с тем в условиях наращивания блоком НАТО военных приготовлений считают необходимым всемерно содействовать совершенствованию деятельности ОВД как инструмента коллективной обороны против агрессивных устремлений империализма, совместной борьбы за прочный мир и расширение международного сотрудничества.

В Программе КПСС суммирован и научно обобщен исторический опыт, на котором Советский Союз строит свои отношения с капитали-

⁴ Программа КПСС (новая редакция).

стическими странами, что имеет огромное международно-политическое значение. Отношения Советского Союза с капиталистическими странами на протяжении всей истории нашей страны складывались отнюдь не однозначно, отражая две различные линии: с одной стороны, линию наиболее агрессивных империалистических кругов, делавших все для того, чтобы силой уничтожить социализм как общественный строй; с другой стороны — линию реалистически мыслящих деятелей буржуазии, отдававших себе отчет в бесплодности и опасности таких попыток. «Коммунистическая партия Советского Союза, — подчеркивается в Программе КПСС, — твердо и последовательно отстаивает ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем»⁵. Практика последних десятилетий убедительно показала, что и правящие круги капиталистических стран вынуждены считаться с реальностями нашего времени, им приходится признать принцип мирного сосуществования в качестве фундаментальной основы отношений государств с различным общественным строем.

Советский Союз исходит из того, что различия социальных систем, идеологий не могут служить причиной для напряженных отношений между государствами противоположных общественных систем. В этой связи показательна практика взаимоотношений СССР со странами Западной Европы. Как известно, с развития и углубления отношений между ними началась разрядка, которую Советский Союз рассматривал и рассматривает как естественный и необходимый этап на пути создания всеобъемлющей и надежной системы безопасности. СССР делал и делает для развития этого процесса все от него зависящее. Советский Союз, положительно оценивая накопленный в Европе опыт развития взаимовыгодного сотрудничества, исходит из того, что потенциал такого сотрудничества велик и необходимы усилия, чтобы привести в действие все те позитивные факторы, которые в нем заложены. Пример Европы может сослужить хорошую службу развитию процесса укрепления безопасности, доверия и мирного сотрудничества, распространению его на весь мир.

В Программе нашей партии большое внимание уделено комплексу проблем, связанных с прекращением гонки вооружений и разоружением, обеспечением мира и безопасности народов, в котором подтверждена позиция СССР, рассматривающего всеобщее и полное разоружение под строгим, всеобъемлющим международным контролем в качестве исторической задачи. В этом важнейшем партийном документе сформулирована всеобъемлющая платформа борьбы за обуздание гонки вооружений, суммирующая принципиальные предложения, с которыми Советский Союз выступает на международной арене на протяжении многих лет. КПСС будет последовательно добиваться:

— ограничения и сужения сферы военных приготовлений, особенно связанных с оружием массового уничтожения. В первую очередь из этой сферы следует полностью исключить космическое пространство, чтобы оно не стало ареной военного соперничества, источником смерти и разрушения. Исследование и освоение космоса должны осуществляться только в мирных целях для развития науки и производства, в соответствии с потребностями всех народов. СССР — за коллективные усилия в решении этой проблемы и будет деятельно участвовать в таком международном сотрудничестве. Советский Союз будет выступать также за принятие мер, способствующих нераспространению ядерного оружия, создание зон, свободных от этого и других средств массового уничтожения;

— осуществления шагов, ведущих к полному устранению ядерных вооружений и включающих прекращение испытаний и производства всех

⁵ Программа КПСС (новая редакция).

их видов, отказ всех ядерных держав от применения первыми ядерного оружия, замораживание, сокращение и уничтожение всех его арсеналов;

— прекращения производства и ликвидации других видов оружия массового уничтожения, в том числе химического, запрещения создания новых типов такого оружия;

— сокращения вооруженных сил государств, прежде всего постоянных членов Совета Безопасности и государств, связанных с ними военными соглашениями, ограничения обычных вооружений, прекращения создания их новых видов, которые по своей поражающей силе приближаются к оружию массового уничтожения, сокращения военных расходов государств;

— замораживания и сокращения войск и вооружений в наиболее взрывоопасных районах планеты, ликвидации военных баз на чужих территориях, принятия мер по укреплению взаимного доверия, уменьшению риска возникновения вооруженных конфликтов, в том числе в результате случайности.

В Программе нашей партии предельно ясно выражена суть подхода Советского Союза к проблемам разоружения: «КПСС торжественно заявляет: нет такого оружия, которое Советский Союз не был бы готов ограничить или запретить на взаимной основе с применением действенного контроля»⁶.

Советский Союз твердо и последовательно проводит линию на расширение дружественных связей с освободившимися государствами, строит свои отношения с ними на основе строгого уважения их независимости и равноправия, поддерживает их борьбу против неокOLONиалистской политики империализма, за мир и всеобщую безопасность. Исторический ход событий, особенно за минувшую четверть века, убедительно доказал, что возрастающее влияние народов освободившихся стран на ход мирового развития содействует делу мира и социального прогресса. И все говорит о том, что эта тенденция с течением времени будет обретать все большую силу. В Программе партии подчеркивается: «КПСС — за полноправное участие освободившихся стран в международных делах, за увеличение их вклада в решение важнейших проблем современности. Взаимодействие этих стран с социалистическими государствами имеет огромное значение для упрочения независимости народов, оздоровления международных отношений, сохранения мира»⁷.

Конечно, не со всеми освободившимися странами отношения Советского Союза одинаковы. Но главное в политике этих стран — полностью и навсегда сбросить с себя путы зависимости от империализма. Советский Союз оказывает поддержку миролюбивым инициативам освободившихся государств и рассматривает их в качестве крупной силы, призванной содействовать упрочению мира и международной безопасности. На почве борьбы за мир и устранение угрозы мировой войны открываются широкие возможности развития и углубления дальнейшего сотрудничества между социалистическими государствами и освободившимися странами. «Союз сил социального прогресса и национального освобождения — залог лучшего будущего человечества», — подчеркивается в Программе КПСС⁸.

* * *

Женевская встреча на высшем уровне способствовала улучшению международного климата, в частности, и в Азии. В столицах стран Азии многие общественные деятели и обозреватели выражают надежду на то, что в Азиатском регионе тоже произойдут позитивные сдвиги. Так, кор-

⁶ Программа КПСС (новая редакция).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

респондент японской газеты «Асахи» констатирует, что после встречи в Женеве перед азиатскими государствами открылась возможность предпринять шаги, направленные на переход от конфронтации к разрядке. Однако нельзя не признать, что факторы, осложняющие обстановку, продолжают действовать.

Империалистическая политика дестабилизации обстановки в мире, эскалация гонки вооружений создают реальную и серьезную угрозу независимости и суверенитету государств, миру и безопасности в Азии. Развивая свою экспансию в Азиатско-тихоокеанском регионе, американские империалисты развертывают шумную кампанию вокруг мифа о «советской военной угрозе», насаждают недоверие и рознь между азиатскими государствами, провоцируют конфликты между ними. Но, как известно, именно американский империализм расширяет в этом регионе сеть своих военных баз, в том числе с ядерными арсеналами, поощряет шаги некоторых воинственных режимов, направленные на создание собственного ядерного оружия.

Американские вооруженные силы, размещенные в Южной Корее и Японии, а также корабли 7-го флота, находящиеся у берегов СССР и Китая, являются силами передового базирования, нацеленными прежде всего против Советского Союза и других стран социализма. Особое значение Пентагон придает военному присутствию в Японии. Военно-морские порты страны, используемые вооруженными силами США, позволяют вдвое увеличить радиус действия 7-го флота. Порт Йокосука служит местом постоянного базирования американских авианосцев и захода атомных подводных лодок. На острове Окинава содержатся крупнейшие за пределами США соединения морской пехоты, составляющие основу «сил быстрого развертывания». Форпостом американских ВВС становится Мисава на острове Хонсю.

Укрепляются связи в рамках военно-политического «треугольника» Вашингтон — Токио — Сеул. В последнее время вопрос о совместной поддержке южнокорейского режима неизменно занимает важное место в повестке дня переговоров США и Японии. В этой связи Япония расширила свои обязательства по обеспечению экономической и военной помощи Сеулу. Рост милитаристских приготовлений США в Азиатско-тихоокеанском регионе, ужесточение их политики в отношении СССР и других социалистических стран, сил национального освобождения вызвали в этом районе обострение напряженности, привели к углублению конфронтации между государствами различных общественных систем на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Политика агрессивных кругов империализма, прежде всего американского, была и остается главным препятствием на пути оздоровления международной обстановки на Азиатском континенте. Не вызывает сомнения, что проблема укрепления мира и стабильности в Азии выходит далеко за ее пределы. Ведь от того, в каком русле происходит развитие событий на гигантском Азиатском континенте, составляющем $\frac{1}{3}$ земной суши с населением более $\frac{3}{5}$ человечества, во многом зависит состояние политических дел на планете в целом. Чуждая национальным интересам народов Азии политика империализма и международной реакции идет вразрез со стремлением народов к прогрессу и развитию в условиях мира и независимости.

В странах Азии растет понимание той непреложной истины, что мир и стабильность на континенте не могут быть обеспечены стратегией, нацеленной на конфронтацию, на усиление милитаризации. Оценивая обстановку в этой части мира, нельзя не сказать и о том критическом отношении, которое испытывают страны АСЕАН к американским планам создания так называемого «Тихоокеанского сообщества», с помощью которого США явно хотели бы стать неким «распорядителем» военной и экономической политики государств этого самого густонасе-

ленного континента мира. В странах АСЕАН, например, опасаются, что «сообщество» могло бы подорвать роль этой организации в регионе, их совсем не прельщает перспектива попасть к США и Японии сначала в экономическую, а затем политическую и военную зависимость.

Советский Союз видит обеспечение безопасности и прочного мира в Азии не в расколе стран этого района на военные, политические или экономические группировки, а в мобилизации всех сил на борьбу с военной угрозой. М. С. Горбачев в докладе на сессии Верховного Совета СССР подчеркнул, что «чрезвычайно важно добиться, чтобы этот регион не был источником напряженности, сферой военного противостояния. Мы за то, чтобы в интересах мира, добрососедства, взаимного доверия и сотрудничества ширился политический диалог между всеми расположенными здесь государствами». Как считают в Советском Союзе, настала пора подумать об общем комплексном подходе к проблеме безопасности и возможном объединении усилий стран Азии в этом направлении.

Концепция Советского Союза, заключающаяся в комплексном подходе к проблемам мира и безопасности в Азии, в основе своей имеет коренные принципы ленинской внешней политики, впервые в истории провозгласившей идею мирного сосуществования. В этой концепции учитывается вся совокупность накопленного в различных районах мира опыта борьбы за ослабление напряженности, разрядку. По мнению Советского Союза, эта концепция могла бы включить такие инициативы, как предложения Монгольской Народной Республики о заключении между азиатскими государствами конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы, предложения стран Индокитая по налаживанию добрососедских отношений со странами АСЕАН, предложение Индии и других стран о превращении Индийского океана в зону мира, предложения Корейской Народно-Демократической Республики о мирном решении корейской проблемы и так далее. Как известно, положительную роль в урегулировании конфликтных ситуаций сыграли выработанные странами Азии пять принципов мирного сосуществования, десять принципов Бандунга, которые сохраняют свою актуальность и сегодня, также могли бы быть приняты в расчет участниками широкой дискуссии по безопасности. Как известно, провозглашение девятью странами южной части Тихого океана безъядерной зоной в этом районе нашло полную поддержку в Советском Союзе. Естественно, что путь к претворению в жизнь концепции азиатской безопасности сложен, но дорога и к Хельсинки не была ровной.

В условиях нынешнего обострения международной обстановки особую значимость приобретает оздоровление отношений между СССР и КНР. Последовательно добиваясь построения связей с Китаем на добрососедской основе, на базе принципов мирного сосуществования, советская сторона выдвинула и руководствуется идеей нормализации отношений между СССР и КНР на основе взаимного уважения и взаимной выгоды и, разумеется, не в ущерб интересам третьих стран.

В этом направлении предпринимаются определенные шаги. Пример тому — политические консультации специальных представителей правительств СССР и КНР. К явлениям позитивного порядка относится и то, что заметно вырос за последние годы объем советско-китайской торговли, постепенно налаживаются контакты в ряде других областей. Существенное значение имели в этом смысле итоги визита в КНР в декабре 1984 г. первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова. В ходе визита были подписаны соглашения между правительствами СССР и КНР об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Реализация этих соглашений, несомненно, будет содействовать созданию благопри-

житной атмосферы для углубления взаимопонимания и доверия между СССР и КНР.

На мартовском Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто, что Советский Союз хотел бы серьезного улучшения отношений с Китайской Народной Республикой и считает, что при наличии взаимности это вполне возможно.

На встрече в Кремле 23 декабря 1985 г. Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с членом Политбюро и Секретариата ЦК КПК заместителем премьера Госсовета КНР Ли Пэном М. С. Горбачевым было подтверждено искреннее стремление советской стороны к серьезному улучшению отношений с КНР. Дальнейший прогресс в деле укрепления добрососедства и сотрудничества двух наших социалистических стран, отметил М. С. Горбачев, отвечал бы долговременным коренным интересам советского и китайского народов, интересам мира и безопасности в Азии и во всем мире. Ли Пэн заявил о желании китайской стороны содействовать процессу нормализации двусторонних отношений, отметил заинтересованность КНР в поддержании международного мира.

Советский Союз последовательно добивается прочных, добрососедских отношений с Японией. Сохраняет свою силу выдвинутое нашей страной предложение заключить договор о добрососедстве и сотрудничестве с Японией. Это был бы важный шаг к укреплению взаимного доверия и созданию благоприятной атмосферы для продолжения переговоров по мирному договору. Положительную роль в улучшении советско-японских отношений могла бы сыграть совместная разработка нашими странами, при участии других заинтересованных государств, мер доверия на Дальнем Востоке.

Наша политика мира и сотрудничества, ее конкретные проявления в советских инициативах ведут к тому, что самые различные политические круги в странах Азии приходят к осознанию насущной необходимости оздоровления международной обстановки в регионе. Это полностью отражает стремления и чаяния народов всего мира. Ведь даже беглый анализ мирных инициатив Советского Союза, других социалистических стран, ряда миролюбивых государств показывает, что они распространяются практически на весь мир. В основе этих предложений лежит искреннее стремление узаконить принцип отказа от применения силы в международных отношениях. Их лейтмотивом является тезис о том, что упрочение безопасности на континенте должно стать общей целью азиатских стран и народов. Общепризнанным является понимание того, что проблему утверждения мира и стабильности в Азии одним махом не решить: это рассчитанная на перспективу задача. При этом должна соблюдаться этапность, поступательность, продуманный переход от тех договоренностей между двумя государствами или группой государств, которые уже достигнуты или будут достигнуты, к более масштабным договоренностям, с постепенным упрочением стабильности в регионе. К постепенной стабилизации обстановки в масштабах всей Азии, безусловно, могло бы привести установление зон мира и безъядерных зон в рамках отдельных регионов гигантского континента Азии.

Советский Союз всегда высоко нес и несет знамя мира и дружбы между народами. «Мир без войн, без оружия — идеал социализма». Коммунистическая партия Советского Союза в своих съездовских документах вновь подтверждает, что она и впредь будет хранить верность этому ленинскому знамени. КПСС исходит из того, что, как ни велика угроза миру, создаваемая политикой агрессивных кругов империализма, фатальной неизбежности мировой войны нет. Предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом — историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты.

*И. И. КОВАЛЕНКО,
доктор исторических наук, профессор*

Проблемы мира и безопасности в Азии и налаживание взаимовыгодного и равноправного сотрудничества между странами Азиатско-тихоокеанского региона всегда занимали одно из центральных мест во внешнеполитической деятельности Советского государства. «Россия,— указывал В. И. Ленин,— географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹. Но не только в силу этого Советский Союз уделял и уделяет первостепенное значение азиатскому направлению своей внешней политики. Интерес КПСС и Советского государства к судьбам народов Азии определяется соображениями принципиального исторического характера.

Сотни лет народы Азиатско-тихоокеанского региона изнывали под жестоким игом колонизаторов. Великий Октябрь пробудил народы Востока, вселил в них надежду на освобождение, помог им подняться на священную борьбу за свои права. Революция в России, открывшая новую эру в развитии человечества, положила начало кризису колониальной системы империализма, а вторая мировая война, в ходе которой при решающей роли Советского Союза были разгромлены наиболее агрессивные отряды мировой реакции, привела к распаду колониальной системы империализма. Десятки государств, многомиллионные массы азиатских народов вышли на историческую арену в качестве полноправных членов мирового сообщества.

Сейчас ни одно событие мирового значения не может быть решено без участия освободившихся народов Азии. Битение пульса Азиатского континента прослушивается на всей планете. Бурные события, происходящие в Азии, привлекают внимание всех, кто выступает за упрочение мира и безопасность народов. Поэтому не случайно в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в котором выдвинут комплекс новых крупных внешнеполитических инициатив, направленных на содействие улучшению международной обстановки, становлению доверия в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами, в специальном разделе подчеркивается, что «для Советского Союза как одной из крупнейших азиатских держав обеспечение безопасности в Азии имеет жизненно важное значение»². С другой стороны, как отметил в интервью монгольскому телеграфному агентству МОНЦАМЭ министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, «содержащиеся в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева предложения, общечеловеческие по своему характеру, прямо отвечают чаяниям всех народов»³.

На протяжении всей своей истории КПСС и Советское государство неустанно боролись за сохранение и упрочение мира, за обеспечение безопасности народов на основе ленинской политики мирного сосущество-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

² «Правда», 16.1.1986.

³ Там же, 27.1.1986.

вованя. Конкретным проявлением миролюбивого курса Советского Союза является неослабная борьба за мир, против угрозы ядерной войны на основе совместных усилий государств, независимо от их социальных систем и идеологических взглядов. Именно Советский Союз впервые в истории дипломатии поставил вопрос о коллективном обеспечении мира как в Европе, так и в Азии как крупнейшую проблему современности и ведет неустанную борьбу за претворение в жизнь этой исторической задачи. В новой редакции Программы КПСС указывается, что «КПСС выступает за объединение усилий всех заинтересованных государств в целях обеспечения безопасности в Азии, за совместный поиск ими конструктивного решения этой проблемы. Азия, Африка, Латинская Америка, бассейны Тихого и Индийского океанов могут и должны стать зонами мира и добрососедства».

* * *

Внешнеполитический курс Советского Союза, направленный на упрочение всеобщего мира и безопасности народов на коллективной основе, формируется на фундаментальных принципах ленинской внешней политики, которыми руководствовалась с первых дней своего существования молодая Советская республика в отношении стран Востока. Ленинские идеи и сегодня служат верным компасом борьбы за мир и свободу народов, за утверждение международной безопасности.

Одним из первых декретов Советской власти был написанный В. И. Лениным Декрет о мире, положивший в основу внешней политики мир и дружбу между народами. Империалистической политике захватов и войн ленинский Декрет противопоставил политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Принципы мирного сосуществования, разработанные В. И. Лениным и получившие развитие в документах КПСС, в решениях его съездов, являются генеральным курсом советской внешней политики, могучим средством борьбы за мир и международную безопасность.

В объединении сил социализма и национального освобождения, в их единстве и сплоченности В. И. Ленин видел залог победы над врагами мира и социального прогресса, и это ленинское предвидение сбылось. Сегодня в одном строю с Советским Союзом и другими социалистическими странами выступают десятки молодых национальных государств, которые понимают, что только в непосредственной связи с мировым социализмом они могут выстоять в борьбе против империализма и неокolonнализма.

С первым публичным изложением своего принципиального внешнеполитического курса Советская республика выступила на Генуэзской конференции, состоявшейся в 1922 г. На ней советская делегация выдвинула широкую программу борьбы за мир и международное сотрудничество, которую с полным основанием можно назвать программой коллективного обеспечения безопасности. Свою приверженность программе мирного сосуществования СССР неизменно подтверждал и неустанно боролся за ее осуществление на всех этапах развития международных отношений.

Однако в конце 20-х и начале 30-х годов капиталистический мир потряс экономический кризис. Правящие круги Германии, Италии, Японии все откровеннее делали ставку на экспансию, перераспределение сфер влияния, на захват чужих земель с помощью военной силы.

Именно в этот напряженный период Советским Союзом была выдвинута идея сохранения мира и предотвращения войны коллективными усилиями путем мобилизации всех миролюбивых сил на отпор агрессору. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принимает решение о необходимости предпринять шаги, направленные на коллективную защиту мира. В постановлении предусматривалась возможность вступления СССР в

Лигу наций и заключения регионального пакта о взаимной защите от агрессии с участием широкого круга европейских государств.

Советская концепция мира всегда носила глобальный характер. СССР рассматривал события в Европе в тесной связи с событиями в других частях света, особенно в Азии. В то же время Советское правительство учитывало, что события в Азии оказывали огромное влияние на положение в Европе и во всем мире. Последовавшее развитие событий, как известно, подтвердило правильность такого подхода.

Борясь за предотвращение военной угрозы, СССР выдвинул в 1933 г. идею неделимости мира. Под формулой «мир неделим» Советское правительство имело в виду развертывание активной борьбы в защиту мира с участием всех государств на коллективной основе. Уже тогда было ясно, что любой локальный конфликт где бы он ни происходил, представляет собой очаг, ведущий к мировой войне, что безопасность в мире может быть обеспечена только совместными усилиями всех государств.

Тезис о неделимости мира выдержал испытания временем и, как полвека тому назад, доказывает свою правомерность и жизненную необходимость. В наше сложное время, когда мир приблизился к такой черте, за которой события могут выйти из-под контроля, идея о неделимости мира выдвигается на первый план как важнейшая исходная позиция для решения глобальных проблем современности, особенно такой важной, как предотвращение ядерной катастрофы. В заявлении государств — участников Варшавского Договора «За устранение ядерной угрозы и поворот к лучшему в европейских и мировых делах», принятом на сессии Постоянного консультативного комитета в Софии (октябрь 1985 г.), с особой силой подчеркивается, что «мир неделим, и любой локальный конфликт в нынешней напряженной международной обстановке чреват опасностью перерастания в столкновение крупного, даже глобального масштаба».

Борясь в 30-х годах за упрочение мира в Европе на основе совместных усилий стран этого континента, Советский Союз не оставлял без внимания и Азиатско-тихоокеанский регион, где быстрыми темпами нарастала угроза со стороны милитаристской Японии. Экспансия японских агрессоров угрожала не только Китаю и Советскому Союзу, но и затрагивала интересы США и других западных стран. Однако, когда советская сторона предложила американцам заключить соглашение о совместных акциях на случай угрозы миру со стороны Японии, администрация США уклонилась от принятия советского предложения.

Учитывая нежелание США заключить с Советским Союзом соответствующее соглашение, советская дипломатия выдвинула предложения о заключении регионального Тихоокеанского пакта о ненападении с участием СССР, США, Китая и Японии, что явилось бы серьезным фактором обуздания японской военщины и сохранения мира в Азии и в бассейне Тихого океана. Однако США и на этот раз отказались взять на себя какие-либо обязательства на случай обострения обстановки в регионе.

Вопрос о Тихоокеанском пакте обсуждался на разных уровнях в течение нескольких лет. Сама жизнь ставила в повестку дня вопрос о коллективных действиях великих держав в бассейне Тихого океана. Однако в конце 1937 г. в США окончательно отказались от реализации советской идеи Тихоокеанского пакта. Президент Рузвельт заявил советскому полпреду, что «„пактам веры нет“... и что действительной гарантией является только сильный военно-морской флот»⁴. Это был крупный просчет американской дипломатии, которая недооценила воз-

⁴ Цит. по: История внешней политики СССР, т. 1. 1917—1945 гг. М., 1976, с. 322.

возможностей японских вооруженных сил. Внезапный удар, нанесенный ими по главной американской военно-морской базе на Тихом океане — Пирл-Харбору — в декабре 1941 г., причинил значительный урон военно-морскому флоту США.

Чтобы выиграть развязанную японскими милитаристами войну на Тихом океане, США пришлось прибегнуть к мобилизации всех своих ресурсов и пойти на соглашения с СССР об объединении усилий стран антигитлеровской коалиции в борьбе против опасного и коварного врага. Только вступление в войну СССР вынудило милитаристскую Японию подписать акт о безоговорочной капитуляции и привело к окончанию второй мировой войны.

В результате разгрома во второй мировой войне фашистской Германии и милитаристской Японии на мировой арене произошло коренное изменение соотношения сил в пользу мира, демократии и социализма. В странах Восточной Европы победили народно-демократические революции, в Азии многие страны, сбросив колониальное иго, стали независимыми, суверенными государствами, а некоторые из них встали на путь социалистического развития. Однако бывшие колониальные державы не хотели смириться с новым послевоенным устройством мира. Они предприняли отчаянные попытки вновь закабалить освободившиеся народы, пуская в ход самые различные средства, от экономического проникновения до открытой вооруженной интервенции.

«Империалистические державы во главе с реакционными американскими кругами, — отмечалось в резолюции XX съезда КПСС, — вскоре после окончания войны начали проводить политику «с позиции силы», отражающую стремление наиболее агрессивных элементов этих держав подавить рабочее, демократическое и национально-освободительное движение, подорвать лагерь социализма и установить свое мировое господство»⁵.

Стремясь сохранить свои позиции, США и другие империалистические державы прибегали к прямому вмешательству во внутренние дела азиатских стран, что порождало непрерывные столкновения и военные конфликты. Как справедливо отмечала Индира Ганди, «большинство вооруженных столкновений, если не все, вначале возникали из-за нежелания империализма отказаться от своего господства, а потом из-за того, что он прибегал к новым формам вмешательства»⁶. Военный кулак использовался в Корее и Индокитае, в Индонезии и Малайзии, на Филиппинах и в других странах. Международные, и прежде всего американские монополии, не раз организовывали вооруженные наскоки на национально-освободительное движение арабских народов. Они же были подлинными организаторами вооруженных конфликтов, которые неоднократно вспыхивали между двумя крупнейшими странами Индостанского полуострова — Индией и Пакистаном. По их вине все еще льется кровь на Ближнем Востоке, в Кампучии, Афганистане и в других районах Азиатского континента.

Советские исследователи отмечают, что только за 25 лет после окончания второй мировой войны американский империализм прибегал к вооруженному вмешательству во внутренние дела развивающихся стран почти каждые полтора года. На эти цели было израсходовано почти в 20 раз больше средств, чем на экономическую помощь всем развивающимся странам за этот же период.

Пытаясь сохранить остатки своих «империй» или установить неоколониализм, империалистические державы сколачивали различные империалистические группировки, создавали военно-политические агрессивные блоки, пытаясь опутать ими азиатские народы, противопоста-

⁵ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II, М., 1956, с. 411.

⁶ Цит. по: И. И. Тамги и н. О коллективной безопасности в Азии. М., 1973, с. 6.

вить одни страны другим, натравить одни народы на другие, заставить азиатов воевать против азиатов.

Непрерывные войны и конфликты, открытое вмешательство империалистических держав во внутренние дела азиатских народов выдвинули в конце 60-х и начале 70-х годов на первый план задачу установления новых отношений между народами континента, при которых конфронтация уступила бы место диалогу и сближению, настороженность и подозрительность — доверию, а изоляция и враждебность — широкому политическому, экономическому и культурному сотрудничеству. Демократические силы азиатских стран стали все более отчетливо сознавать, что только коллективный мир и коллективная безопасность избавят их от всех форм капитализма и неокolonнализма, от конфликтов и междоусобиц.

Политической основой коллективной безопасности является принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, ставший одним из определяющих направлений советской внешней политики. Признание именно этого принципа империалистическими державами в качестве нормы взаимоотношений между двумя мирами открыло бы возможность для перестройки международных отношений и создало необходимые предпосылки для построения системы коллективной безопасности.

Что касается правовых принципов коллективной безопасности, то они должны основываться на общепринятых нормах международного права и учитывать объективную реальность современной Азии, ее традиции, опыт азиатских народов, накопленный в ходе борьбы против империализма и неокolonнализма. В советских правительственных и общественно-политических кругах исходят из того, что коллективная безопасность в Азии может строиться на таких началах: отказ от применения силы в отношениях между государствами; уважение суверенитета и неприкосновенность границ; невмешательство во внутренние дела; широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды; признание и строгое соблюдение права каждого народа распоряжаться своей судьбой; недопустимость аннексии территории путем агрессии; урегулирование всех международных споров мирными средствами; утверждение неотъемлемого права каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

Советская идея коллективной безопасности в Азии получила широкое международное признание и была положительно воспринята азиатской общественностью. И это не случайно. Система взаимоотношений между странами в современном мире приняла столь тесный и взаимозависимый характер, что ни одно государство не может чувствовать себя в безопасности, если оно не опирается на коллективную поддержку. Поэтому все миролюбивые страны, которым чужды агрессивные намерения, стремятся к гарантии своей безопасности на коллективных началах, которые являются наиболее эффективным средством предотвращения угрозы миру и разрешения возникающих международных споров.

Советский Союз твердо убежден, что в силу самой своей природы коллективная безопасность имеет общеазиатский характер, что действенной формой сотрудничества в упрочении всеобщего мира и пресечения агрессии может стать региональная основа, то есть организация системы безопасности на отдельных континентах и в отдельных географических районах. Из суммы региональных зон безопасности может сложиться надежная всемирная система поддержания прочного мира на всей планете.

Следует отметить, что решение проблемы коллективной безопасности в Азии — сложный и длительный процесс. На пути к ней стоят и будут вставать многочисленные трудности и преграды. Необходимо

иметь в виду, что в мире существуют силы, для которых выгодно обострение обстановки, усиление гонки вооружений, особенно ядерных. Это — военно-промышленный комплекс США, транснациональные монополии, сторонники «холодной войны», различного рода шовинистические и ультранационалистические элементы. Они стремятся на путях войны добиться своих стратегических целей — ликвидации социалистической системы, порабощения освободившихся народов, установления господства власти капитала над всем миром.

Противники разрядки утверждают, что процесс ослабления напряженности якобы не приносит Западу никаких выгод или дает ему меньше, чем социалистическому содружеству. Они требуют все новых ассигнований на военные цели, навязывают народам бесконечную гонку вооружений, пытаются вновь загнать мир в окопы «холодной войны».

Импералистические круги боятся, что Азиатский континент окажется навсегда закрыт для хозяйничанья капиталистических монополий. Они же хотели бы видеть Азию всегда разделенной и открытой для агрессоров. Эти силы никак не могут отказаться от планов свержения прогрессивных режимов и подавления национально-освободительных движений. Они все еще цепляются за остатки своего влияния в Азии.

Крупнейшие капиталистические державы, и прежде всего США и Япония увидели в советских предложениях о коллективной безопасности в Азии угрозу своим политическим интересам и экономическим привилегиям, поскольку реализация советской инициативы означала бы роспуск военных блоков и союзов, ликвидацию иностранных военных баз, укрепление свободы и национальной независимости молодых национальных государств, их полного равенства и одинаковой безопасности. Поэтому они делали и делают все, чтобы дискредитировать советскую идею, представить ее в виде некоего плана, якобы направленного на установление господства СССР на Азиатском континенте.

Трудно дать заранее готовую схему и определить конкретные пути движения азиатских народов к обеспечению прочного мира коллективными усилиями. Как показал опыт, создание системы коллективной безопасности — это не разовый акт. Это длительный по времени процесс становления новых отношений между странами, в основе которого должен лежать принцип одинаковой безопасности для всех государств, независимо от их экономической мощи, военного потенциала, географических размеров и социально-политического устройства. Превращение Азии в континент мира и сотрудничества потребует немало усилий, времени и терпения всех стран, всех политических и общественных движений, чтобы преодолеть взаимное недоверие, подозрительность и предубежденность, веками насаждавшиеся колонизаторами среди азиатских народов.

В середине 1985 г. КПСС и Советское государство вновь обращаются к вопросу о коллективной защите мира, о разработке общего, комплексного подхода к проблемам безопасности в Азии с целью объединить усилия всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и стабильности. Выступая в Кремле на обеде в честь премьер-министра Индии Раджива Ганди (май 1985 г.), Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев заявил: «В Азии сегодня проблемы обеспечения мира и безопасности, пожалуй, не менее, а в отдельных районах даже более остры и болезненны, чем в Европе. Понятно поэтому, что за последние годы был выдвинут ряд важных конструктивных инициатив по некоторым аспектам безопасности Азиатского континента и его отдельных регионов. Среди авторов этих инициатив — социалистические государства, участники движения неприсоединения. В их числе — СССР и Индия...

Теперь возникает вопрос: не следует ли, с учетом всех этих инициатив, а также в какой-то мере и опыта Европы, подумать об общем, комплексном подходе к проблеме безопасности в Азии и возможном объединении усилий азиатских государств в этом направлении? Конечно, путь к этому сложен. Но ведь и дорога к Хельсинки не была гладкой и ровной. Тут, видимо, возможны разные методы — и двусторонние переговоры, и многосторонние консультации — вплоть до проведения в перспективе какого-то общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений»⁷.

Выдвигая идею общеазиатской безопасности, СССР исходит из того, что Азиатско-тихоокеанский регион должен подключиться к общемировому процессу, направленному на предотвращение термоядерной катастрофы. Несмотря на различные позиции по отдельным вопросам, народы Азии и Тихого океана связаны общностью жизненных интересов, стоят перед необходимостью решения сходных задач, которые могут быть осуществлены только в условиях мира, добрососедства и взаимного сотрудничества.

Новая постановка вопроса о комплексном подходе к проблемам упрочения всеобщего мира и международной безопасности и разработка конкретных мер, направленных на оздоровление обстановки в Азии, имеет свои основания.

Правящие круги западных стран и прежде всего США в конце 70-х и начале 80-х годов, пытаясь взять социальный реванш, пошли на открытую конфронтацию со странами мирового социализма и всеми силами мира, демократии и социального прогресса, стремясь отбросить назад, а то и разгромить их. Американская администрация прямо заявила, что целью политики США является ликвидация социализма как общественно-политической системы. Исходя из этого военно-промышленный комплекс США разработал широкую программу наращивания военно-экономической мощи, создания огромной военной машины, опирающейся на самые современные ядерные вооружения. Заправила США стремятся к установлению мирового господства американского империализма и приступили к реализации этой геополитической задачи. Были отброшены политика мирного сосуществования и разрядка как не соответствующие их имперским интересам.

Администрация США отказалась от ранее заключенных с СССР и другими социалистическими странами договоров и соглашений, особенно тех, которые касались сдерживания гонки вооружений и регулировали отношения с США на принципах мирного сосуществования, развернула во всем мире широкую психологическую войну против мирового социализма и сил социального прогресса, встала на путь провоцирования конфликтов в различных районах мира, безудержного нагнетания напряженности, осуществления политики терроризма и запугивания.

Особое усердие администрация США проявляет в наращивании гонки вооружений. Американские политики всеми силами и средствами стремятся сломать стратегический паритет, добиться военного превосходства США в мире. С этой целью в США реализуются огромные программы наращивания стратегических наступательных вооружений. Какой бы компонент таких вооружений мы ни взяли — наземный, морской или воздушный, — каждый из них перевооружается на новейшие системы оружия. В результате военные расходы США достигли в 1985 г. небывалых в истории страны размеров, превысив 300 млрд. долл.

Пентагон стремится опутать мир широкой сетью своих военных баз и разместить на них новейшие виды вооружения, включая ядерные. На

⁷ Визит в Советский Союз Премьер-Министра Республики Индии Раджива Ганди 21—26 мая 1985 года: Документы и материалы. М., 1985, с. 13.

близких и дальних подступах к Азиатскому континенту курсируют армады кораблей с ядерным оружием на борту. Здесь Пентагон держит в боевой готовности тысячи ядерных боезарядов. США приступили к практической подготовке размещения в непосредственной близости к социалистическим странам Азии, Индии и другим государствам с неудобными для США правительствами ядерного оружия средней дальности.

Размещение Пентагоном новых носителей ядерного оружия в западноевропейских странах НАТО и Азиатско-тихоокеанском регионе создало новую опасную ситуацию, вынуждает Советский Союз и другие социалистические страны принять ответные меры. Особую тревогу у народов вызывает угроза распространения гонки вооружений на космическое пространство, что привело бы к дестабилизации всей стратегической обстановки, превратило бы космос в новый источник смертельной опасности для человечества.

Как сказал М. С. Горбачев, «международное развитие пришло к рубежу, который нельзя преодолеть, не приняв в высшей степени ответственных решений, направленных на то, чтобы поставить предел гонке вооружений, остановить сползание к войне. Эти решения нельзя откладывать, не рискуя выпустить из-под контроля опасные процессы, угрожающие самому существованию человечества»⁸.

Естественно, что опасные тенденции в развитии международной обстановки сказываются и на положении в Азии. Современная политическая обстановка в Азиатско-тихоокеанском регионе характеризуется ростом напряженности. В Азии, как и в Европе, США взяли курс на превращение этого региона в еще одну зону противостояния с мировым социализмом и силами национального освобождения.

Администрация США несет прямую ответственность за существующие конфликтные ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Афганистане и в Индокитае. С помощью своих сателлитов и ландскнехтов они спровоцировали и разожгли военные конфликты в этих регионах и прикладывают усилия для их расширения, надеясь таким путем сломить стремление народов Арабского Востока, Афганистана и Кампучии к свободному и независимому национальному развитию, изолировать их от мирового социализма и превратить эти страны в свои опорные пункты для дальнейшего наступления на силы мира, демократии и социального прогресса.

Не менее опасным является деструктивная политика США на Индостанском полуострове, где Вашингтон пытается разжечь конфликт между Пакистаном и Индией, превратить этот субконтинент в арену постоянной напряженности, недоверия и подозрительности. Вооружая Пакистан современным оружием, США задались целью создать постоянную угрозу независимости Индии, дестабилизировать обстановку в этой стране, оторвать от нее отдельные штаты и превратить их в свои военно-стратегические пункты.

Резкая активизация в 80-е годы агрессивных происков США в Азиатско-тихоокеанском регионе воспринимается азиатской общественностью как намерение американского империализма и их союзников по НАТО вновь установить в Азии свое безраздельное господство. Такая политика западных держав негативно сказывается на национальных интересах расположенных здесь стран, ибо препятствует развитию общерегиональных взаимовыгодных торгово-экономических и научно-технических связей, отвлекает значительные силы и средства на военные цели, усиливает опасность углубления существующих и возникновения новых конфликтных ситуаций.

⁸ М. С. Горбачев. Избр. речи и статьи. М., 1985, с. 361.

Поэтому нормализация международного положения в регионе, устранение существующих здесь дестабилизирующих и деструктивных явлений стали насущной задачей правительств и народов всех стран, расположенных в этом районе планеты. Этим задачам и отвечает новая советская инициатива о комплексном подходе к проблемам безопасности в Азии.

Суть его состоит в том, — говорил М. С. Горбачев на обеде в честь Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунха 29 августа 1985 г., — чтобы «объединить усилия всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и стабильности. Это предложение вытекает из фундаментальных принципов ленинской внешней политики КПСС, впервые в истории провозгласившей идею мирного сосуществования. Оно учитывает всю совокупность накопленного в различных районах мира опыта борьбы за ослабление напряженности, разрядку»⁹.

Советская концепция азиатской безопасности учитывает богатый опыт накопленный народами Азии в объединении своих усилий для борьбы против старых и новых колонизаторов, против сил империализма и гегемонизма, а также тот полезный опыт, который был приобретен при решении проблем мира, безопасности и сотрудничества в Европе. Строительство новых взаимоотношений в Азии началось не на пустом месте. Азиатские народы уже не раз выдвигали такие принципы и нормы отношений, на которые можно опираться в формировании мирных и здоровых связей между народами.

М. С. Горбачев подчеркнул, что комплексный подход к азиатской безопасности мог бы включить в себя выработанные в свое время азиатскими государствами пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), десять принципов Бандунга, ряд инициатив Советского Союза и других стран региона.

Пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), провозглашенных в апреле 1954 г. Республикой Индией и Китайской Народной Р

еспубликой в преамбуле соглашения о торговле и связях между районом Китая и Индией, получили всеобщее признание в сем мире. Вот эти принципы: взаимное уважение территориальности и суверенитета; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; сотрудничество.

Международное признание пяти принципов придало им юридическую силу и они широко вошли в практику решения спорных вопросов между различными странами. Сила и жизненность принципов «шила» состоит в том, что они предполагают поддержание мирных отношений, при которых государства различных систем могут не только мирно сосуществовать, но и сотрудничать в борьбе за мир и международную безопасность.

Важную роль в консолидации молодых государств Азии и борющихся движений сыграла Бандунгская конференция (апрель 1955 г.). Ее историческое значение состоит в том, что она показала объективную возможность сплочения всех азиатских и африканских народов на общей основе борьбы против империализма и колониализма, за мир и международную безопасность. Бандунг продемонстрировал, что сила народов состоит в том, что они способны преодолеть частные разногласия в интересах обеспечения торжества общих принципов сотрудничества, в интересах мира и всеобщей безопасности.

Бандунгская конференция не только признала пять принципов мирного сосуществования, но и дополнила и развила их в стройную систему — десять принципов Бандунга — представляющую политико-право-

⁹ «Правда», 30.VIII.1985.

вую основу взаимоотношений государств с различными социальными системами¹⁰. В принятой на ней Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству подчеркивалось, что все страны должны проявлять терпимость жить в мире друг с другом как хорошие соседи и развивать дружеское сотрудничество.

Десять принципов Бандунгской конференции способствовали упрочению правовой основы борьбы народов за свою свободу и независимость, указывали конкретный путь перестройки международных отношений на новой основе. Можно без преувеличения сказать, что в наше время этими принципами проникнуты международно-договорные отношения всех миролюбивых государств. Следует особо подчеркнуть, что десять принципов Бандунга явились важным вкладом в упрочение мира и безопасности народов на Азиатском континенте.

Новые советские предложения об общем, комплексном подходе к азиатской безопасности не только питаются и вдохновляются пятью принципами («панча шила») и десятью принципами Бандунга, но и являются их дальнейшим развитием применительно к современным условиям, когда обстановка в мире чрезвычайно обострилась и требует новых дополнительных форм и методов борьбы за сохранение и упрочение мира, за возвращение к разрядке.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что в основе советской идеи общеазиатской безопасности лежит ленинская идея мирного сосуществования. Выступая за упрочение коллективными усилиями мира и безопасности в Азии, Советский Союз считает, что достижение этой цели возможно только на принципах мирного сосуществования. Советское государство исходит из того, что эти принципы и международная безопасность, в том числе и безопасность в Азии, тесно и неразрывно связаны между собой. Лишь принятие ленинской идеи мирного сосуществования и ее осуществление в полном объеме могут обеспечить международную безопасность.

Советское предложение об общем комплексном подходе к азиатской безопасности является развитием ленинских положений о войне и мире применительно к современной обстановке. Мирное сосуществование государств с различным социальным строем предполагает прежде всего отказ от войны и от угрозы силой и ее применения как средства решения международных споров, предотвращение ядерной войны и разоружение. Оно предполагает, что государства, принадлежащие к различным социальным системам, могут и должны строить свои отношения на основе всестороннего сотрудничества в интересах мира и международной безопасности. Оно включает позитивные идеи и конструктивную программу экономического, политического и культурного сотрудничества без какой-либо дискриминации.

Мирное сосуществование не имеет ничего общего с «экспортом революции» и решительно противостоит «экспорту контрреволюции». Однако колониальные войны, акты агрессии против национально-освободительного движения, военная и экономическая интервенция, колониализм во всех его формах и проявлениях, включая расизм, апартеид и неоколониализм, несовместимы с его принципами.

Принятие принципов мирного сосуществования не означает ликвидации противоречий и разногласий, отказа от соревнования между различными социальными системами, прекращения идеологической борьбы. Не означает оно также победу или капитуляцию одной из сторон. В конечном итоге победа мира будет победой всего человечества.

«В насыщенном острыми противоречиями мире, перед лицом грозящей катастрофы,— подчеркивается в новой редакции Программы КПСС,— есть единственно разумный, единственно приемлемый выход —

¹⁰ Подробнее см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4, с. 69.

мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Это не просто отсутствие войн. Это такой международный порядок, при котором господствовала бы не военная сила, а добрососедство и сотрудничество, происходил широкий обмен достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу всех народов. Избавление от растраты огромных ресурсов на военные нужды позволило бы направить плоды труда исключительно на цели созидания. Государства, вставшие на путь самостоятельного развития, были бы ограждены от посягательств извне, что облегчило бы их движение по пути национального подъема. Открылись бы благоприятные возможности и для решения коллективными усилиями всех государств глобальных проблем человечества. Мирное сосуществование отвечает интересам всех стран, всех народов.

Никогда не была столь грозной опасность, нависшая над человечеством. Но никогда не были столь реальными возможности сохранения и упрочения мира. Объединив свои усилия, народы могут и должны отвести угрозу ядерного уничтожения»¹¹.

Важнейшими элементами азиатской безопасности, указывает М. С. Горбачев, должен стать принцип отказа от применения силы или угрозы силой и решение всех спорных вопросов мирными средствами, а также принцип уважения суверенитета, территориальной целостности всех государств региона. Без признания этих принципов немыслима организация не только надежной системы безопасности, но и поддержание нормальных отношений между государствами — отношений равенства, дружбы и сотрудничества¹².

Само собой разумеется, мирное решение международных споров, неприменение силы и уважение суверенитета предусматривает прежде всего признание принципа мирного сосуществования. Понадобилось полвека упорной и настойчивой борьбы Советского Союза, чтобы самая мощная империалистическая держава мира — Соединенные Штаты Америки признали мирное сосуществование единственно возможной основой отношений между СССР и США и между другими государствами с различными социальными системами.

В общей форме это признание содержится в Уставе ООН, где говорится, что все государства должны «проявлять терпимость и жить вместе в мире друг с другом, как добрые соседи»¹³. В Уставе также предусматривается, что государства — члены ООН должны воздерживаться «в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций»¹⁴.

Понятие принципов неприменения силы или угрозы ее применения не ограничивается только отказом от применения военной силы — наиболее крайней формы насилия. В наши дни применение силы может осуществляться и в других, более завуалированных формах — политическом, экономическом и идеологическом давлении. Эти методы становятся наиболее излюбленной формой вмешательства во внутренние дела других стран. Это навязывание неравноправных договоров и соглашений, ограничивающих суверенитет освободившихся стран; разжигание национальной розни между народами; экономические методы неокolonialизма — захват источников сырья и рынков сбыта, неэквивалентный обмен, основанный на занижении цен на сырье развивающихся стран и

¹¹ «Правда», 26.X.1985.

¹² См.: Выступление М. С. Горбачева на обеде в Кремле в честь Генерального секретаря ЦК МНРП и Председателя Великого Народного хурала МНР Ж. Батмууха 29 августа 1985 г.

¹³ Организация Объединенных Наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности ООН. М., 1956, с. 33.

¹⁴ Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Нью-Йорк, 1946, с. 6.

завышении их на промышленные товары развитых стран; осуществление различных видов «помощи», принятие которой надолго привязывает развивающиеся страны к колеснице империалистических держав и т. п. Как справедливо указывается в Лусакской декларации неприсоединившихся стран (1971), «классический колониализм стремится продержаться навсегда под прикрытием неоколониализма, который является менее заметным, но ни в коем случае менее опасным средством экономического и политического господства над развивающимися странами»¹⁵.

Советский Союз всегда выступал за то, чтобы отказ от применения силы или угрозы ее применения для решения спорных вопросов стал законом международной жизни.

Другим не менее важным элементом общеазиатской безопасности должно стать уважение суверенитета, независимости и самостоятельности государственной власти данного государства во внутренних и внешних делах. Принцип суверенитета — основной и общепринятый принцип международного права, получивший юридическое закрепление в Уставе ООН.

Если раньше империалистические страны грубо и открыто попирали суверенные права народов, держа их на положении колониальных рабов, то в изменившихся условиях империализм и реакция пытаются нарушить государственный суверенитет и посягнуть на национальную независимость освободившихся стран обходными путями, методами политического и экономического закабаления, метко названными прогрессивными силами неоколониализмом.

Суть неоколониализма четко раскрыта в документах Совещания коммунистических и рабочих партий (1969): «Империалисты навязывают этим государствам экономические договоры и военно-политические пакты, ущемляющие их суверенитет, эксплуатируют эти страны путем вывоза капитала, неравноправных условий торговли, манипуляций ценами и курсом валют, займов, различных форм так называемой «помощи» и давления международных финансовых организаций»¹⁶.

Значение принципа суверенного равенства, уважения прав, присущих суверенитету, для перестройки международных отношений на новой основе в интересах мира и безопасности народов хорошо раскрыто в Заключительном акте, выработанном общеевропейским Совещанием по безопасности и сотрудничеству. В этом выдающемся документе нашего времени государства — участники совещания взяли на себя обязательства «уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость»¹⁷.

Сила советской концепции общеазиатской безопасности, опирающейся на суверенные права, свободу и независимость всех больших и малых стран Азиатско-тихоокеанского региона, в том, что она обеспечивает им полное право самим распоряжаться национальными богатствами и строить новое общество в соответствии с устремлениями и чаяниями их народов.

При рассмотрении принципа суверенности необходимо иметь в виду, что он тесно связан с территориальной целостностью и неприкосновенностью границ. Территориальная целостность государства и полнота его власти органически взаимосвязаны, ибо целостность государственной территории является необходимым условием существования самого

¹⁵ Международное право в избранных документах, т. 1. М., 1978, с. 207.

¹⁶ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 287—288.

¹⁷ «Правда», 2.VIII.1975.

государства. Принцип территориальной неприкосновенности и целостности не допускает насильственного отторжения или захвата территории какого-либо государства. Этот принцип составляет неотъемлемую часть международного права и также нашел свое закрепление в Уставе ООН, в многочисленных соглашениях и декларациях государств.

В декларации о принципах международного права, которая была принята на XXV сессии ГА ООН прямо отмечалось, что «территория государства не должна быть объектом приобретения другими государствами в результате угрозы силой или ее применения».

Для подкрепления общей международно-правовой нормы относительно недопустимости насильственного захвата чужих земель особо важное значение имеет принцип нерушимости границ. Наиболее полное раскрытие этого принципа дано в Заключительном акте, принятом на Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе. «Государства-участники,— указывается в этом документе,— рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы.

Они будут соответственно воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника»¹⁸.

Европейские государства, а также США и Канада взяли на себя обязательства воздерживаться от того, чтобы обращать территорию друг друга в объект военной оккупации. «Никакая оккупация,— говорится в Заключительном акте,— или приобретение такого рода не будет признаваться законной»¹⁹.

Коллективная безопасность в Азии, как и в Европе, немыслима без признания принципа территориальной целостности азиатских государств. Строгое соблюдение этого принципа особенно важно сейчас, когда империалистические державы и силы гегемонизма еще не отказались от планов перекройки послевоенных границ, не считают с суверенностью государств, продолжают предъявлять территориальные претензии, не останавливаясь перед применением силы или угрозы ее применения, используют вопрос о границах для натравливания одних народов на другие. Ныне существующие государства в Азии и бассейне Тихого океана в их территориальных рамках сложились исторически, их территориальная целостность нашла свое подтверждение и закрепление в соответствующих международных договорах и соглашениях.

Сейчас, когда мир поставлен на грань ядерной катастрофы, на первый план выдвигаются вопросы борьбы за предотвращение ядерной войны, за ослабление международной напряженности, за предотвращение гонки вооружений, особенно ядерного, за немилитаризацию космоса. Естественно поэтому в комплексе мер, предлагаемых Советским Союзом и имеющих целью обеспечить общеазиатскую безопасность, одно из центральных мест принадлежит мерам, направленным на ослабление и устранение ядерной опасности.

Остановимся кратко на некоторых принципах и мерах:

Первое. Отказ всех ядерных держав от применения ядерного оружия первыми в Азии, в мире в целом. Как известно, Советский Союз еще в июне 1982 г. в одностороннем порядке взял на себя обязательство не применять первым ядерного оружия. Это было смелое решение, рассчитанное не на пропагандистский успех, а на то, чтобы показать пример другим ядерным державам в области сдерживания гонки ядерных вооружений. Если бы США и другие страны, обладающие ядерным оружием, взяли бы на себя аналогичные обязательства с трибуны Органи-

¹⁸ «Правда», 2.VIII.1975.

¹⁹ Там же.

защиты Объединенных Наций, как это сделал представитель СССР, то это означало бы значительное ослабление, фактическую ликвидацию угрозы ядерной войны, избавление человечества от кошмара ядерной катастрофы. Вслед за отказом применить ядерное оружие первым легко можно было договориться о конкретных мерах по сокращению ядерного оружия, а затем и полной его ликвидации. Однако ни США, ни другие ядерные державы Запада (Англия и Франция) не присоединились к важнейшей инициативе Советского Союза и тем самым заблокировали ее реализацию. Следует отметить, что Китай еще раньше (в 1967 г.) объявил о своем решении не применять ядерного оружия первым. Таким образом из пяти ядерных держав две — СССР и КНР — показали добрый пример другим ядерным державам и призывают их присоединиться к этой важной инициативе. Предложение СССР последовать его примеру остается в силе. «Не пришло ли время нашим западным партнерам, странам НАТО, — говорил А. А. Громыко, — всерьез оценить возможности, которые открывает инициатива Советского Союза? Мы ожидаем, что они еще раз тщательно взвесят ее»²⁰.

Второе. Замораживание уровня военной активности, сокращение и прекращение гонки вооружений, особенно ядерных, в качестве первого шага к полной ликвидации ядерных вооружений.

Ядерное замораживание стало важнейшим вопросом политической и пропагандистской борьбы вокруг проблем мира и разоружения. Оно стало пробным камнем искренности отношения того или иного государства к разоружению и уменьшению военной угрозы. Замораживание включает ядерное оружие и средства его доставки — как стратегическое, так и средней дальности и оперативно-тактическое. Оно распространяется на все стадии создания ядерных вооружений — производство расщепляющихся материалов, разработку, испытания и развертывание ядерных боеприпасов и средств их доставки.

Советский Союз выступил инициатором ряда важных конструктивных предложений в области замораживания ядерного оружия. Уже в 1981 г. СССР предложил установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, то есть заморозить в количественном и качественном отношении существующий уровень таких средств, включая ядерные средства передового базирования США в этом регионе. В 1982 г. советское руководство заявило о своем решении «ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР»²¹. СССР предложил также заморозить свои ракеты и в азиатской части территории, если США согласились бы не наращивать своих ядерных средств в Азии и окружающих морях.

Выступая за замораживание, Советский Союз одновременно предлагает широкую программу поэтапного ядерного разоружения, активно борется за ее реализацию. Об этом свидетельствуют предложения СССР о полном запрещении для обеих сторон ударных космических вооружений и действительно радикальном, на 50 %, сокращении ядерного оружия, способного достигать территории друг друга. После достижения договоренности по этим крупным инициативам СССР можно было бы перейти к дальнейшему понижению уровня ядерного противостояния, вплоть до полного уничтожения всех видов ядерных вооружений под строгим международным контролем.

Третье. Неприменение ядерного оружия против стран и районов Азиатско-тихоокеанской части мира, соблюдающих безъядерный статус. Советский Союз считает это предложение весьма важной частью своего

²⁰ А. А. Громыко. Отстоять мир на земле. Выступление на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1 октября 1982 г. М., 1982, с. 4.

²¹ «Правда», 17.III.1982.

подхода к общеазиатской безопасности. Принятие такого обязательства давало бы гарантию неядерным странам от угрозы ядерного нападения, создавало бы атмосферу спокойствия и уверенности в своем мирном будущем для десятков стран и народов этого обширного региона.

Большое значение для практической реализации этой задачи имело предложение Советского Союза о неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в настоящее время, внесенное в ООН в 1978 г. Советский Союз предлагал договориться о том, чтобы на территориях тех государств, где сейчас нет ядерного оружия, оно не размещалось бы и в будущем. Подобная договоренность, по глубокому убеждению СССР, оказала бы стабилизирующее воздействие на существующий стратегический баланс, а также существенно укрепило бы режим нераспространения ядерного оружия. Однако осуществление этого советского предложения было заблокировано в ООН представителями США и других западных держав. Подобная позиция американской дипломатии вполне понятна, так как она хочет оставить за Пентагоном право размещать ядерное оружие в любой географической точке земного шара.

Советский Союз со всей определенностью заявил, что вообще никогда не применит ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения этого оружия и не имеют его на своей территории. Как известно, СССР выразил готовность придать такому обязательству форму международного соглашения и начать обмен мнениями по этому вопросу со всеми заинтересованными государствами, в том числе в Азиатско-тихоокеанском регионе. Очередь сейчас за другими ядерными державами, которые уклоняются от принятия на себя подобного обязательства. Задача прогрессивной общественности стран Азии и бассейна Тихого океана, видимо, состоит в том, чтобы оказывать систематическое и все возрастающее воздействие на правящие круги ядерных держав, уклоняющихся от этого важного обязательства и вынудить их изменить свою позицию в интересах упрочения мира и спокойствия на земле.

Четвертое. Принятие государствами, не располагающими ядерным оружием, трех неядерных принципов — не иметь, не производить и не ввозить такое оружие на свою территорию. Впервые эти три неядерных принципа были сформулированы и выдвинуты демократическими силами Японии в качестве основного требования их антивоенной борьбы. Затем эти принципы были одобрены японским парламентом в качестве официальной позиции страны в отношении ядерного оружия. Однако американская военщина не считается с волей японского народа. Американские военные корабли с ядерным оружием на борту систематически заходят в японские порты. Правда, японское правительство отрицает эти факты, но американцы самого высокого ранга не раз делали заявления, свидетельствующие, что военно-морские силы США мало считаются с этими требованиями японского народа.

Что касается Советского Союза, то он выражает готовность гарантировать в договорном порядке неприменение ядерного оружия против тех государств, которые не владеют ядерным оружием, не производят его и не имеют на своей территории. В 1982 г. было заявлено, что СССР не видит препятствий к тому, чтобы начать обмен мнениями по этому вопросу и с Японией — как в рамках предложения о проведении переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке, так и в любых других приемлемых для обеих сторон формах.

Если бы все правительства неядерных стран Азиатско-тихоокеанского региона взяли на себя обязательство строго соблюдать три указанных выше неядерных принципа, а ядерные державы обязались в договорном порядке не использовать против них ядерного оружия, то это явилось бы серьезным вкладом в дело разрядки обстановки в регионе

и в упрочении мира и безопасности в Азии и во всем бассейне Тихого океана.

Пятое. Присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия тех государств, которые еще этого не сделали. Осуществление этой меры явилось бы важнейшим звеном в цепи создания общеазиатской безопасности. Известно, что заключенный в 1968 г. Договор о нераспространении ядерного оружия сыграл важнейшую роль в предотвращении распространения ядерного оружия по земному шару. К Договору присоединилось 100 государств. Тем не менее некоторые страны, в том числе расположенные в Азиатско-тихоокеанском регионе, не подписали его. К числу таких государств Азии относятся КНР, Индия, Пакистан, Ирак, Израиль и др. Китай, как известно, давно входит в клуб ядерных держав, а Индия, Пакистан, Ирак и Израиль способны создать ядерное оружие и их научно-технические разработки находятся на довольно высоком уровне развития. Ближе других стран к ядерному оружию приблизился Пакистан, который, как заявляют представители Индии, может создать ядерное оружие в самое ближайшее время. И это неудивительно, ибо пакистанской армии помогает в производстве ядерного оружия военно-промышленный комплекс США, рассчитывающий с помощью пакистанской атомной бомбы шантажировать Индию и другие азиатские страны.

Индийское правительство заявило, что оно готово присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, если Пакистан откажется от создания атомной бомбы и даст Индии необходимые гарантии.

Очень опасную игру на Ближнем и Среднем Востоке ведет Израиль. Его лидеры все чаще угрожают применением ядерного оружия против Сирии и других арабских государств, которые стойко противостоят сионистской агрессии. По имеющимся данным, израильские правители при научно-техническом содействии США форсируют разработку ядерного оружия, рассчитывая с его помощью еще больше накалить обстановку на Ближнем Востоке, расширить масштабы своей агрессии.

Нет необходимости доказывать, какую угрозу миру и международной безопасности представляет дальнейшее расползание ядерного оружия, к каким опасным последствиям может привести вступление в ядерный клуб новых государств, вынашивающих агрессивные планы в отношении своих ближайших соседей. В последнее время усиливается активность все большего числа неядерных государств (главным образом неучастников Договора), получить из-за рубежа технологию и оборудование для строительства предприятий, способных производить ядерные материалы военного характера. Эта тенденция негласно поддерживается американской администрацией, которая взяла курс на облегчение процедуры выдачи лицензии на экспорт ядерной технологии и материалов, что чревато серьезными последствиями.

Демократическая общественность многих стран, обеспокоенная возможностью дальнейшего расползания ядерного оружия, требует от ядерных держав и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) усилить контроль над использованием ядерной технологии и материалов, всемерно укреплять режим нераспространения ядерного оружия как важного практического шага на пути к замораживанию ядерных арсеналов и ликвидации в дальнейшем ядерного оружия полностью и повсюду.

Шестое. Полное прекращение испытаний ядерного оружия, в том числе в Азии, в бассейне Тихого и Индийского океанов. Нет сомнений, что решение этой важной проблемы явилось бы достижением большого стратегического значения. Известно, что качественное совершенствование ядерного оружия и создание его новых разновидностей неразрывно связано с их испытанием, что подхлестывает гонку вооружений, способствует появлению новых, более разрушительных видов ядерного оружия.

расширению возможностей его применения. Прекращение испытаний способствовало бы также укреплению режима нераспространения ядерного оружия, так как без взрывов ядерных устройств не могли бы появиться и новые ядерные государства.

В июле 1985 г. Советский Союз выступил с новой важной инициативой, направленной на полное прекращение испытаний ядерного оружия. В Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по этому вопросу было подчеркнуто, что Советский Союз, стремясь содействовать прекращению опасного соревнования в наращивании ядерных арсеналов и желая подать добрый пример, принял решение прекратить в одностороннем порядке любые ядерные испытания начиная с 6 августа 1985 г., то есть даты, которая во всем мире отмечается как день трагедии Хиросимы. Советский Союз призвал США прекратить с этого же дня свои ядерные взрывы. Было заявлено, что Советский Союз устанавливает мораторий на любые ядерные взрывы до 1 января 1986 г., но он будет действовать и дальше, если США со своей стороны будут воздерживаться от проведения подобных взрывов. Однако администрация США ответила на советский призыв проведением целой серии подземных испытаний с целью совершенствования ядерного оружия многопланового назначения, в том числе и космического.

Новые внешнеполитические акции советского руководства, четко сформулированные в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, вызвали широкий отклик и получили поддержку миллионов честных людей во всех странах, в том числе и в США. Уйти от ответа на советские инициативы администрации Соединенных Штатов весьма трудно, так как весь мир видит, кто за разоружение на деле, а кто под прикрытием разговоров о разоружении стремится к дальнейшему наращиванию ядерных арсеналов. Борьба за полное прекращение ядерных испытаний продолжается. Достижение этой важной цели внесло бы значительный вклад в укрепление стратегической стабильности и мира на земле.

Седьмое. Отказ государств Азии и Тихоокеанского бассейна от участия в планах милитаризации космоса. Борьба против милитаризации космоса становится важнейшим фронтом борьбы миролюбивых сил, ибо распространение гонки вооружений на космическое пространство внесет кардинальное изменение в мировую стратегическую ситуацию, усилит гонку вооружений.

Прорыв США в космос с ядерным оружием вызовет ряд серьезных последствий. Так называемая стратегическая оборонная инициатива (СОИ), или, как ее называют, программа «звездных войн», не только не ведет к ликвидации ядерного оружия, а наоборот, будет стимулировать его неуклонное совершенствование. Разглагольствуя об оборонительном характере СОИ, США не сокращают, а во много крат усиливают свои приготовления в ракетно-ядерной области. Они разрабатывают около десятка новых типов стратегических наступательных вооружений, планируют развернуть 12 тыс. крылатых ракет большой дальности всех видов базирования, нацеленных не только на СССР, но и на другие страны, правительства которых проводят неугодную Вашингтону политику.

Советский Союз решительный противник перенесения гонки вооружений в космос. Он в полной мере учитывает, что распространением гонки вооружений на космос США ставят под угрозу процесс сокращения ядерного вооружения, создают совершенно новую научно-техническую базу для разработки еще более разрушительных видов оружия. И эти системы оружия будут находиться не в тысячах километров, а буквально висеть над головой противника и обладать по существу мгновенной быстротой действия.

Естественно, что в этих условиях Советский Союз будет вынужден принять необходимые меры для укрепления своей безопасности и нейтрализовать угрозу.

Советский Союз, как известно, выдвинул реалистические и далеко идущие предложения о предотвращении гонки вооружений в космосе и прекращении ее на Земле, реализация которых кардинальным образом оздоровила бы всю международную обстановку. Он также внес в Организацию Объединенных Наций предложение об использовании космоса в мирных целях в условиях его немилитаризации. Решение этой важнейшей проблемы современности явилось бы важным шагом на пути ослабления международной напряженности и открыло бы путь к поискам взаимоприемлемых договоренностей, направленных на прекращение гонки вооружений и реальное продвижение к разоружению. Это облегчило бы возврат к разрядке и ее распространение на все области международных отношений, поворот к надежной безопасности и сотрудничеству.

Восьмое. Недопущение создания новых и расширения существующих блоков в Азиатско-тихоокеанском регионе и ликвидация здесь иностранных военных баз.

Наличие военно-политических блоков и закрытых группировок, а также военных баз на чужих территориях является одним из важнейших источников напряженности. Поэтому мировая демократическая общественность считает, что эти блоки должны быть распущены, а базы ликвидированы.

Что касается Европы, то радикальным средством достижения разрядки в этом районе явилось бы одновременное аннулирование НАТО и Варшавского Договора. Поскольку страны НАТО выступают против ликвидации своего блока, социалистические страны готовы идти на решение этой проблемы путем проведения частичных мер, которые включали бы ликвидацию военных организаций НАТО и Варшавского Договора, сокращение вооруженных сил, военных бюджетов и т. п.

Страны социалистического содружества на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, проходившем в Софии в октябре 1985 г., заявили, что раскол Европы на противостоящие военные группировки не был выбором социалистических стран, и они вновь подтвердили свою «готовность к одновременному роспуску Организации Варшавского Договора и НАТО, а в качестве первого шага — ликвидацию их военных организаций»²².

В настоящее время в Азии нет действующих военных блоков, если не считать пакт АНЗЮС, объединяющий США, Австралию и Новую Зеландию и давший серьезную трещину из-за позиции правительства Д. Лонги, принявшего решение не разрешать американским военным кораблям, несущим ядерное оружие, заходить в новозеландские порты. Существовавшие ранее крупные военно-политические блоки типа СЕАТО, СЕНТО, АЗПАК развалились и фактически прекратили свое существование.

Однако кризис существовавших в Азии военно-политических блоков не означает, что империалисты и неоколониалисты сложили оружие и не предпринимают никаких мер для укрепления своих позиций. Вместо старых развалившихся блоков подготавливается создание новых. Речь идет о попытках сколотить ось Вашингтон — Токио — Сеул, которая взяла бы на себя функции военно-политического жандарма в Азии и бассейне Тихого океана, идет подготовка и к созданию более широкого военно-политического альянса под названием «Тихоокеанское сообщество». Правда, создание его всячески маскируется под вывеской на первый взгляд безобидного «экономического сообщества», которое

²² «Правда», 24.X.1985.

якобы призвано благодетельствовать страны Азиатско-тихоокеанского региона и прежде всего входящие в АСЕАН. Однако организаторам новой группировки становится все труднее скрывать ее подлинные цели и мировая общественность уже окрестила ее азиатским вариантом НАТО.

Одновременно стратеги Пентагона укрепляют свои отношения со многими странами региона на двусторонней основе, заключив с ними соответствующие договоры и соглашения о военном, политическом и экономическом сотрудничестве. Наибольшую опасность для дела мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе представляет японо-американский договор об «обеспечении взаимной безопасности», который по существу разросся в мощный военно-политический комплекс, охватывающий своим действием акваторию Тихого океана на расстоянии 1000 миль от берегов Японии. Соединение военно-промышленного потенциала двух крупнейших капиталистических держав мира вызывает законную тревогу у народов всего Азиатско-тихоокеанского региона.

Кроме того, США имеют аналогичный договор с Южной Кореей, на территории которой размещен 40-тыс. американский военный корпус, имеющий на вооружении до 1000 ядерных зарядов различного назначения. А если учесть, что Южная Корея связана с Японией рядом соглашений, в том числе и секретного характера, то становится ясным, что ось Вашингтон — Токио — Сеул уже действует. Свидетельством тому является неоднократное, одновременное проведение американо-южнокорейских и американо-японских военных учений, в ходе которых отрабатываются все виды боевых операций, вплоть до высадки десантов и нанесения ядерных ударов на территории условного противника.

По всему периметру азиатско-тихоокеанской дуги США разместили около 200 военных баз и военных объектов, на которых несут боевую службу свыше 140 тыс. американских войск и где сосредоточено огромное количество самой современной боевой техники, включая ядерное оружие. На территории одной Японии размещено 119 военных баз и военных объектов, из них половина на острове Окинава, который превращен в мощный военно-стратегический плацдарм. Опираясь на него, а также на огромные базы Субик-Бэй и Кларк-Филд на Филиппинах, Диэго-Гарсия в Индийском океане США держат под военным прицелом весь Азиатско-тихоокеанский регион.

В систему американской морской стратегии в Азиатско-тихоокеанском регионе включены также военно-морские базы на Бахрейне, на юго-западном побережье Австралии, на оманском острове Масира, на Сейшельских островах, в Саймонстауне (ЮАР), в Джибути, на Коморских островах и др.

США стремятся превратить Юго-Восточную Азию в мост, соединяющий американские военные структуры в западной части Тихого океана и на Ближнем Востоке. Стало постоянной практикой использование вооруженными силами США аэродромов, гаваней и портовых сооружений стран ЮВА в качестве перевалочных пунктов для «сил быстрого развертывания», созданных для вмешательства во внутренние дела азиатских стран от Тихого океана до Персидского залива.

Опираясь на огромное количество военных баз и опорных пунктов, систему всякого рода союзов и договоров, США превращают Азиатско-тихоокеанский регион в еще одну зону глобального противостояния с мировым социализмом и силами национального освобождения. Поэтому выдвигание задачи ликвидации иностранного военного присутствия и иностранных военных баз в регионе, недопущения создания новых закрытых военно-политических группировок отвечает неотложным интересам борьбы за построение коллективного мира и коллек-

тивной безопасности в этом обширном стратегически важном районе земного шара.

Девятое. Создание зон мира и безъядерных зон в различных районах Азии и в бассейнах Тихого и Индийского океанов.

Одной из действенных форм борьбы против гонки ядерных вооружений является создание в различных географических районах зон мира и зон, свободных от ядерного оружия. Идея создания безъядерных зон быстро завоевала популярность. Народы мира увидели в ней не только действенный путь предотвращения распространения ядерного оружия, но и средство, способствующее смягчению международной напряженности, оздоровления политического климата на планете.

К настоящему времени выдвинуто немало проектов создания безъядерных зон в Центральной и Северной Европе, на Балканах, в районе Средиземного моря, в Латинской Америке, Африке, Юго-Западной части Тихого океана, в Юго-Восточной Азии и других районах. Государства — участники безъядерной зоны берут на себя обязательство не приобретать ядерного оружия, не допускать его размещения на своих территориях. Советский Союз с самого начала занял позицию активной поддержки движений за безъядерные зоны и неоднократно заявлял, что он готов взять на себя обязательство уважать статус всех безъядерных зон, которые будут созданы, если такие же обязательства примут и другие ядерные державы.

Все активнее выступают за создание безъядерных зон широкие круги мировой общественности. Состоявшаяся в 1984 г. в Англии первая международная конференция по безъядерным зонам продемонстрировала растущую популярность этой идеи. Из стран Европы, Японии, Новой Зеландии, США — отовсюду поступают сообщения о принятии местными органами самоуправления решений об объявлении своей области или города безъядерной зоной.

В движении за безъядерные регионы включаются правительства и парламенты ряда стран. Организация африканского единства, например, объявила Африку и все ее страны безъядерной зоной. За безъядерный статус проголосовал парламент Голландии и Гренландии. Решением представителей 13 правительств, входящих в организацию Форум стран Южной части Тихого океана, безъядерной зоной объявлен огромный район, простирающийся на тысячи километров от экватора до Антарктиды, от Австралии до берегов Южной Африки.

Миллионы людей видят в безъядерных зонах важную меру по свертыванию гонки вооружений, укреплению международной безопасности.

Десятое. В комплексе мероприятий, призванных обеспечить благоприятную обстановку для реализации азиатской безопасности, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев назвал необходимость осуществления мер доверия в военно-политических областях.

В Заключительном акте Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству подчеркивается, что меры доверия должны содействовать уменьшению опасности вооруженного конфликта, неправильного понимания или неправильной оценки военной деятельности, которая могла бы вызвать опасение, в частности, в условиях, когда у государств-участников отсутствует ясная и своевременная информация о характере такой деятельности.

Меры по укреплению доверия призваны содействовать снижению уровня военной конфронтации между государствами различных общественных систем, способствовать преодолению блоковой структуры в международных отношениях. Такой подход применим не только к положению в Европе, но и имеет универсальное значение, при учете, разумеется, соответствующих региональных или локальных условий и особенностей.

Эти меры могут касаться конкретной военной деятельности государств и включать: предотвращение случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, военных инцидентов; заблаговременное взаимное оповещение о проведении военных маневров и учений, о передвижениях войск; обмен военными наблюдателями и делегациями; сокращение числа и масштабов маневров и учений; ограничение, а затем и прекращение военной деятельности государств в тех или иных районах мира.

К числу акций, содействующих укреплению доверия, должны быть отнесены и важнейшие политические и договорно-правовые мероприятия, такие, как: договор о неприменении первыми друг против друга как ядерных, так и обычных вооружений; договоренность о замораживании численности войск в определенной зоне; соглашение об укреплении гарантий безопасности неядерных государств и о неразмещении ядерного оружия на территориях тех государств, где такого оружия нет.

Эти меры доверия, выдвинутые социалистическими странами применительно к Европе, могут быть эффективными и в отношении Азиатско-тихоокеанского региона, где соседствуют такие страны, как СССР, Китай, Япония, где США разместили большое количество военно-воздушных и военно-морских баз.

Согласно предложениям СССР, переговоры по мерам доверия в Азиатско-тихоокеанском регионе должны быть открыты для участия всех государств региона. В этих переговорах в равной степени должны быть заинтересованы все государства района, если они желают разрядки напряженности, установления между ними мирных, добрососедских отношений.

Конечно, меры доверия не могут заменить собой реальные шаги по ограничению и прекращению гонки вооружений, сокращению военных потенциалов государств, но они способствуют уменьшению опасности ядерной войны и вооруженных конфликтов. В этом их неосценимое значение, особенно в тех регионах, где существует напряженность и потенциальная опасность возникновения военных столкновений.

Одиннадцатое. Отказ от поддержки извне подрывных антиправительственных террористических вооруженных группировок.

США сделали террор привычным орудием своей политики. Причем террор не только против отдельных лиц или организаций, но и против целых народов. Методами жесточайшего террора пытались США подавить освободительную борьбу вьетнамского народа, организовали кровавый переворот в Чили, растоптали солдатскими сапогами беззащитную Гренаду.

Именно США продолжают террористическую подрывную деятельность против суверенных государств — Афганистана, Кампучии, Никарагуа, Анголы и Эфиопии. Они создают и направляют в суверенные страны банды наемников и убийц, с помощью которых пытаются свергнуть законные правительства и поставить у власти своих марионеток.

Из года в год растет снабжение полпотовцев американским оружием, боеприпасами, всем тем, без чего они не могли бы вести враждебные террористические действия против своего народа. США являются вдохновителями и организаторами необъявленных войн против Афганистана и Никарагуа. Только на вооружение и обучение душманов, которые во время бандитских налетов вырезают афганских женщин, стариков и детей, Вашингтон уже потратил около миллиарда долларов. 3,2 млрд. долл. получил из-за океана режим Пакистана за согласие превратить свою страну в базу для банд душманов.

Тех, на кого делает ставку администрация США в своей политике международного терроризма, весьма точно охарактеризовал хорошо информированный сотрудник ЦРУ Д. Макмайл. Он заявил: «Это — мерзкая и трагическая реальность убийств, совершаемых бандами голо-

ворезов. Эти люди вооружены, оплачены и организованы Соединенными Штатами. Эти люди — агенты Соединенных Штатов»²³.

Американская администрация не скрывает, что намерена и впредь проводить по всему миру политику государственного терроризма. Доктрина США диктует, что США «должны оказывать поддержку любому государству и любой группировке, борющейся против коммунизма в любой точке земного шара». При этом под «коммунизмом» подразумеваются режимы, неугодные американским монополиям. Иными словами, США объявляют себя вправе прибегать к методам подрывной деятельности, провокаций, террора и прямого военного вмешательства в отношении суверенных государств, народы которых сами установили демократическую власть и отстаивают ее. При этом американские правители хотели бы, чтобы Советский Союз, другие страны социализма безучастно наблюдали, как империализм США топчет свободу и независимость народов. США пытаются изобразить национально-освободительные движения как террористические, якобы направленные против существующих законных правительств.

Советский Союз никогда не был сторонником разжигания региональных конфликтов, всегда поддерживал мирные пути их урегулирования. Осуждает он и любые формы терроризма как недопустимого и порочного метода достижения политических и иных целей. Однако в тех случаях, когда силы империализма и реакции сознательно создают «горячие точки», стремятся методами террора и провокаций свергнуть законные правительства освободившихся государств, позиция Советского Союза остается четкой и определенной — СССР всегда будет на стороне тех народов, которым угрожает империализм, тех государств, на суверенитет и общепризнанные права которых реакция покушается.

Борьба за мир, сотрудничество и добрососедство не будет иметь успеха, если не положить конец подрывной террористической деятельности США против целых стран и народов в Азиатско-тихоокеанском регионе, равно как и в других частях земного шара.

* * *

Таковы некоторые аспекты советской концепции общеазиатской безопасности. Естественно, что они не исчерпывают этой громадной проблемы и не могут претендовать на какую-то универсальность. Они должны быть дополнены и другими идеями и соображениями, касающимися налаживания политических контактов, торгово-экономического и научно-культурного сотрудничества в регионе.

Переговоры в Женеве между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и президентом США Р. Рейганом показали, что острота переживаемого момента не оставляет народам и их руководителям иной альтернативы, кроме как постигать великую науку мирного сосуществования и мирного соревнования, науку жить в мире и согласии, искать и находить мирное решение спорных вопросов.

Как отмечается в постановлении Верховного Совета СССР, итоги женевской встречи «создают возможности для перехода от нынешнего состояния опасной конфронтации к конструктивным поискам путей нормализации советско-американских отношений, оздоровления международной обстановки в целом»²⁴.

Советский Союз исходит из того, что нет таких вопросов, по которым нельзя было бы найти позитивных решений, если все заинтересованные страны будут твердо стоять на позициях сохранения мира и предотвращения ядерной войны, если они будут действовать коллек-

²³ «Красная звезда», 3.XI.1985.

²⁴ «Известия», 28.XI.1985.

тивно, следуя разумным нормам международного общения и сотрудничества. Только такой подход может гарантировать мирное будущее не только народам Европы, где особо остро стоит задача предотвращения дальнейшего повышения уровня военного противостояния, но и народам Азиатско-тихоокеанского региона, где накал военно-политического противостояния усиливается по вине США. «Мы,— подчеркивал М. С. Горбачев,— за то, чтобы в интересах мира, добрососедства, взаимного доверия и сотрудничества ширился политический диалог между всеми расположенными здесь государствами»²⁵. О позитивном развитии этого диалога свидетельствуют результаты состоявшейся в январе поездки министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе по ряду стран Дальнего Востока. Принятые в Токио, Пхеньяне и Улан-Баторе документы направлены на содействие делу мира и стабильности в Азии.

Советская идея всеазиатской безопасности — это не готовый план. Это лишь рабочая гипотеза, которая нуждается в детальной разработке и наполнении конкретным содержанием. Вся сложность состоит в том, чтобы коллективными усилиями выработать такую концепцию безопасности, чтобы от ее реализации выиграли все страны и народы, чтобы не было ни победителей, ни побежденных, ни приобретших, ни потерявших.

Советский Союз рассматривает комплексную безопасность Азии и Тихого океана как общее дело всех стран региона. Каждое государство может проявить любую инициативу и выдвинуть любое предложение, которые, если они направлены на упрочение мира и безопасности, должны быть самым внимательным образом изучены на коллективной основе. «Мы высоко ценим те конструктивные инициативы, с которыми выступают социалистические страны Азии, Индия, другие участники движения неприсоединения,— говорится в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева об очередных крупных внешнеполитических акциях Советского Союза, призванных содействовать улучшению международной обстановки. — Нашу программу мы рассматриваем как вклад в совместный со всеми странами Азии поиск общего комплексного подхода к формированию системы безопасности и прочного мира на этом континенте»²⁶.

Разумеется, эти и другие меры, направленные на ослабление напряженности в Азиатско-тихоокеанском регионе, будут решаться тем быстрее и эффективнее, чем скорее США примут их и вместе с Советским Союзом приступят к полной реализации программы ядерного разоружения, выдвинутой М. С. Горбачевым в его Заявлении от 15 января 1986 г.

Что касается Советского Союза, то он не добивается для себя никаких привилегий и готов вместе со всеми азиатско-тихоокеанскими странами искать надежные пути к ослаблению напряженности и оздоровлению обстановки во всем регионе. «Реализация нашей программы,— подчеркивается в Заявлении М. С. Горбачева,— коренным образом изменила бы обстановку в Азии, избавила бы народы в этой части земного шара от страха перед ядерной и химической угрозой, подняла бы безопасность в этом регионе на качественно новую ступень»²⁷.

²⁵ «Известия», 28.XI.1985.

²⁶ «Правда», 16.I.1986.

²⁷ Там же.

Специальные экономические зоны Китая

В. Я. ПОРТЯКОВ,
С. В. СТЕПАНОВ

Важной составной частью провозглашенной и проводимой китайским руководством «открытой внешнеэкономической политики» явилось создание с этой целью в КНР на рубеже 70—80-х годов специальных экономических зон (СЭЗ)¹ — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу в провинции Гуандун и Сямэнь в провинции Фуцзянь. В последние годы «особые» полномочия в развитии внешнеэкономических связей и привлечении иностранного капитала были также предоставлены 14 приморским городам и острову Хайнань; создаются «открытые экономические районы» в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и на побережье провинции Фуцзянь. Предполагается выделить новые приморские зоны, которые будут предназначены для наиболее активного взаимодействия с внешним миром.

Права и возможности этих районов в сфере внешних связей во всех деталях еще не определены. Однако в китайских публикациях подчеркивается, что СЭЗ должны быть ориентированы на внешний рынок в большей степени, чем приморский пояс в целом. Отсюда и придание этим зонам страны особого статуса в деле развития внешних экономических связей Китая.

Хотя СЭЗ все еще находятся на начальном этапе развития, тем не менее к настоящему времени их функции, цели, принципы деятельности проявились уже достаточно четко. Становится все более очевидной авангардная роль СЭЗ в деле проверки «новых идей и политических установок» в сфере внешнеэкономической деятельности КНР, в том числе в совершенствовании ее юридической базы, поиске оптимальных форм и методов привлечения прямых иностранных инвестиций, в импорте «передовой технологии, информации и искусства управления».

В то же время как ориентация СЭЗ на тесную связь с мировым рынком, так и стремление китайского руководства обеспечить с самого начала достаточно эффективное функционирование специальных экономических зон потребовали поиска и внедрения новых методов хозяйственного управления, адекватных задачам и особенностям СЭЗ. Реформа системы труда и заработной платы, цен, строительства, проведенная в Шэньчжэне и распространяемая на остальные СЭЗ, дала китайской печати основание считать специальные экономические зоны не только «окном техники, знаний, управления, внешнеэкономической политики», но и «окном реформы». Согласно указанию Госсовета КНР, СЭЗ ныне призваны «искать путь для социалистического экономического строительства и реформы хозяйственного механизма всей страны»².

В свете дальнейшего расширения в 1984—1985 гг. рамок «открытой внешнеэкономической политики» китайского руководства и масштабов реформы хозяйственного механизма в КНР обобщение некоторых итогов деятельности СЭЗ и сопутствующих ей проблем представляется своевременным.

¹ В принятом в советской литературе переводе на русский язык китайского термина «цзинцизи тэцзюй». В КНР этот термин обычно переводится на русский как «особый экономический район».

² Цит. по: Лян Вэньсэнь. Роль специальных экономических зон как «окна». — «Жэньминь жибао», 8.III.1985.

История формирования и развития СЭЗ

Принципиальное решение о создании в КНР специальных экономических зон было принято ЦК КПК в июле 1979 г. по инициативе Дэн Сяопина, который впервые высказался по этому поводу в апреле 1979 г. на рабочем совещании ЦК КПК. С сентября 1979 г. началась подготовительная работа по созданию зон Шэньчжэнь и Чжухай, а позднее и Шаньтоу. Датой их официального учреждения считается 26 августа 1980 г., когда Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей утвердил «Положение о специальных экономических зонах провинции Гуандун». В октябре 1980 г. с санкции Госсовета КНР в провинции Фуцзянь была создана СЭЗ Сямэнь.

Как декларируют в Китае, «теоретической основой» учреждения СЭЗ в КНР являются положения В. И. Ленина о возможности использования государственного капитализма для экономического развития социалистической страны, а также суждения К. Маркса и Ф. Энгельса об интернационализации производства и формировании мирового рынка, которые «полностью применимы к социалистическому Китаю 80-х годов XX в.»³. На практике в КНР внимательно изучался и мировой опыт создания «зон свободной торговли», «свободных портов» и «районов экспортной переработки продукции»⁴.

Первоначальной целью создания СЭЗ явилось более активное привлечение в экономику КНР средств из-за рубежа, прежде всего капиталов соотечественников из Гонконга и Макао, расширение экспорта, увеличение валютных поступлений, заимствование передовой техники и методов управления, обогащение опыта участия Китая в международном экономическом сотрудничестве в целом⁵. Поскольку в ходе практической деятельности специальные экономические зоны продемонстрировали определенную способность «осваивать новую информацию о мировом рынке и быстро распространять ее внутри страны»⁶, то ныне они квалифицируются как «опорный пункт», «мост для проникновения Китая на мировой рынок»⁷. Освоение в СЭЗ производства некоторых самых современных видов продукции (микроэлектроника, интегральные схемы) позволило также рассчитывать на превращение их в базу новых отраслей промышленности и даже в «ступень, стимулирующую технический прогресс и во внутренних районах» Китая⁸.

В настоящее время, по утверждению заведующего канцелярией по делам специальных экономических зон Госсовета КНР Хэ Чуньлиня, в СЭЗ «созданы первоначальные условия, необходимые для привлечения зарубежных инвестиций»⁹. Помимо развертывания достаточной крупномасштабной инфраструктуры и собственно промышленного строительства¹⁰, важное значение для улучшения «инвестиционной среды» в СЭЗ имела разработка законодательной базы их функционирования, включая правовые стороны привлечения иностранного капитала. В частности,

³ Цзинцзисюэ вэньчжай (Дайджест экономической науки). Пекин, 1984, № 10. с. 4—5.

⁴ В 1983 г. в 80 странах мира насчитывалось свыше 400 таких зон. При этом на зоны свободной торговли приходилось 10 % объема мировой торговли, а к 1990 г. эта доля, как ожидается, возрастет до 20 %. — «Цзинцзисюэ чжоубао», 17.XII.1984.

⁵ См., например: «Гунжэнь жибао», 6.VI.1981.

⁶ «Жэньминь жибао», 8.III.1985.

⁷ Цзинцзисюэ вэньчжай..., с. 5.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 8.III.1985.

⁹ «Жэньминь жибао», 3.IV.1985.

¹⁰ Так, строительная площадь СЭЗ Шэньчжэнь достигла 5 млн. кв. м («Китай», 1985, № 5, с. 5); вложения в капитальное строительство в Шэньчжэне за 1980—1983 гг. составили 1,9 млрд. юаней, в том числе 9 % — государственные средства, 31 % — иностранные вложения и остальные — местные средства. — См.: «Ляован», 1984. № 24.

приняты такие юридические акты, как временные положения провинции Гуандун о регистрации предприятий в СЭЗ, о правилах въезда и выезда для СЭЗ, о труде и заработной плате для этих зон, а также утвержденное Госсоветом КНР положение об управлении смешанными и иностранными банками в специальных экономических зонах, положения зоны Шэньчжэнь о правилах землепользования, об экономических контрактах с границей, импорте техники¹¹. Кроме того, ряд аспектов деятельности иностранных предпринимателей в СЭЗ в той или иной мере регулируется различными общекитайскими законами о смешанных предприятиях, основанных на китайском и иностранном капитале, и об иностранных предприятиях на территории КНР¹².

В соответствии с идеей премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна «использовать притягательность налоговой системы... для иностранного капитала»¹³ китайское законодательство предусматривает ряд существенных льгот для деятельности иностранных бизнесменов в СЭЗ по сравнению с остальной территорией страны. Так, подоходный налог для всех видов предприятий с участием иностранного капитала (смешанные, договорные, полностью основанные на иностранном капитале) в СЭЗ составляет 15 %; они освобождены от местных налогов на прибыль¹⁴. Для СЭЗ отменены пошлины на импорт товаров (за исключением спиртных напитков и сигарет), предоставлены права свободного вывоза товаров и капиталов. Дополнительные льготы предусмотрены в отношении предприятий с объемом иностранных инвестиций свыше 5 млн. долл., а также применяющих новейшую технику и технологию; при использовании и сырья; при реинвестировании прибыли на месте и т. п. На период 1982—1985 гг. была предусмотрена 30—50 %-ная скидка с платы за аренду земли в СЭЗ Шэньчжэнь, плата определена с учетом соответствующих расценок в Гонконге, она варьируется от 10 до 100 юаней за квадратный метр в зависимости от характера создаваемого объекта¹⁵.

Установленные правила землепользования дают определенные выгоды китайской стороне. Так, в смешанных (акционерных) предприятиях плата, причитающаяся китайской стороне за использование земли иностранным партнером, выступает как часть ее денежного пая, а в договорных предприятиях земля (оцененная в зависимости от местоположения участка) является «овеществленным» капиталом китайской стороны, соединяемым с денежным капиталом или техникой (до 20 % паевого капитала) иностранного предпринимателя. В чистом виде арендная плата взимается фактически лишь с предприятий, полностью основанных на иностранном капитале¹⁶. В целом действующие правила налогообложения и землепользования позволяют китайской стороне получать 70 % налогов и прибыли при 50 %-ной доле участия иностранного капитала в совместном предприятии¹⁷.

¹¹ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао». Шанхай, 14.1.1985; «Жэньминь жибао», 12.IV.1985.

¹² См. по этому вопросу: Е. Г. Пашенко. Правовые аспекты политики «открытых дверей» в КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 1, с. 74—84.

¹³ См.: «Ляован», 1984, № 24.

¹⁴ Подоходный налог в размере 15 % прибыли предусмотрен также для производственных предприятий в так называемых «зонах развития экономики и техники», создаваемых в 14 «открытых» приморских городах. На остальной территории КНР налог на прибыль смешанных предприятий составляет 30 % (плюс 3 % местный налог), а на прибыль полностью иностранных предприятий — от 20 до 40 % в зависимости от чистого дохода.

¹⁵ См.: Проспект «Инвестиционная среда в специальной экономической зоне Шэньчжэнь», изданный «Компанией развития СЭЗ Шэньчжэнь». Пекин, 1982, с. 8, 19.

¹⁶ «Недвижимое имущество Китая», 1984, № 8. — Цит. по: Цзинцзисюэ вэнчжай..., № 11, с. 58.

¹⁷ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 11, с. 37.

На конец 1984 г. четыре специальные экономические зоны заключили в общей сложности 4,7 тыс. контрактов с зарубежными компаниями. Объем иностранных инвестиций по этим соглашениям должен составить 4 млрд. ам. долл., а фактически использовано 840 млн. долл. (или пятая часть всех использованных в стране прямых иностранных инвестиций)¹⁸. При этом наблюдается тенденция к наращиванию год от года объема сделок с иностранными бизнесменами. Наибольшие результаты достигнуты в 1984 г., когда было заключено 1400 различных соглашений, предусматривающих привлечение 900 млн. долл. иностранных средств, а фактически было использовано 330 млн. долл.¹⁹ В первой половине 1985 г. заключено еще 406 контрактов с привлечением 390 млн. долл., в том числе фактически использовано 160 млн. долл.²⁰

Наиболее крупной и развитой является СЭЗ Шэньчжэнь, расположенная на границе с Гонконгом (площадь 327,5 кв. км). Объем фактически использованных иностранных инвестиций здесь составил на конец 1984 г. 580 млн. долл., то есть 1/7 всех привлеченных в КНР иностранных инвестиций²¹.

Таблица

Привлечение иностранных средств в СЭЗ Шэньчжэнь
(млн. гонконг. долл.)²²

Годы	1979	1980	1981	1982	1983	Всего за 1979—1983	1984
Число контрактов	170	303	578	383	878	2 512	885
Инвестиций по соглашениям	235	2135	6800	1420	2634	13 224 (1 800 млн. ам. долл.)	5100
Фактически использованные средства	120	250	590	880	1130	2 970 (400 млн. ам. долл.)	1700
Тип объектов							
совместные предприятия	7	4	13	11	92	127	
договорные предприятия	30	24	39	47	149	289	
иностраные предприятия	—	5	18	8	13	44	

СЭЗ Шэньчжэнь отличается комплексным характером развития, охватывающим такие сферы, как туризм, международная торговля, промышленность, подготовка кадров, разработка месторождений нефти в Южно-Китайском море. Постепенно растет доля инвестиций для промышленных объектов: в общем объеме привлекаемых иностранных средств с 8 % (по соглашениям) в 1979—1982 гг. до 39,3 % в 1983 г. и 35,6 % в 1984 г.²³ Сокращается привлечение иностранных средств в таких формах, как компенсационные сделки, сборка деталей, изготовление изделий из материалов и по образцам заказчика при росте доли вложений в совместные проекты, с 67,8 % всех инвестиций в 1980—1983 гг. до 90,3 % в 1984 г.²⁴ В 1984 г. предприятия с участием иностранного капитала дали 50 % стоимости промышленного производства

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 3.IV.1985.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 3.III.1985.

²⁰ In: "Beijing Review", 30.IX.1985.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 18.I.1985, 12.VIII.1985.

²² Данные за 1979—1983 гг. — Экономический ежегодник Китая 1984. Пекин, 1984, с. VI—180—181; за 1984 г. — «Гоцзи маон» (Международная торговля), 1985, № 3, с. 17. Данные по графе «Инвестиции по соглашениям» округлены нами.

²³ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 2, с. 47; «Гоцзи маон»..., с. 17.

²⁴ См.: «Гоцзи маон»..., с. 17.

зоны, составившего 1,8 млрд. юаней²⁵. В зоне учреждены представительства ряда иностранных банков.

Достаточно активно развивается и расположенная на границе с Макао СЭЗ Чжухай (первоначальная территория 6,7 кв. км., 29 июня 1983 г. увеличена до 15,16 кв. км). По состоянию на конец 1984 г., СЭЗ Чжухай заключила более 1440 соглашений о привлечении иностранных средств на общую сумму 1,68 млрд. долл., из которых фактически использовано 205 млн. долл.²⁶ Зона ориентирована в основном на развитие торговли, туризма, легкой и пищевой промышленности.

СЭЗ Шаньтоу (первоначальная площадь 1,67 кв. км, 29 ноября 1984 г. расширена до 52,6 кв. км) к маю 1985 г. заключила с иностранными бизнесменами 134 соглашения на сумму 1,39 млрд. гонког. долл.²⁷, 40 % соглашений приходится на промышленность, главным образом легкую и текстильную²⁸.

СЭЗ Сямэнь (провинция Фуцзянь, первоначальная площадь 2,5 кв. км, в июне 1985 г. Госсовет КНР утвердил ее расширение до масштабов всего острова Сямэнь — 131 кв. км) ориентирована на развитие туризма, приборостроения, электронной, легкой и текстильной промышленности. К концу 1984 г. утверждено осуществление 156 различных совместных проектов, предусматривающих использование 380 млн. долл. иностранных средств²⁹.

Хозяйственная реформа в СЭЗ

Важным условием решения задач, поставленных перед специальными экономическими зонами, явилась опора их деятельности «на смелую реформу экономической системы и методов управления». На совещании по вопросам «открытой внешнеэкономической политики», организованном Секретариатом ЦК КПК (26 марта — 6 апреля 1984 г.), была еще раз подчеркнута необходимость «добиваться того, чтобы система управления СЭЗ была способна безотлагательно реагировать на быстро меняющуюся обстановку на мировом рынке, приносить большой экономический эффект»³⁰. С этой целью в Шэньчжэне с 1981 г. проводится комплекс реформ в сфере управления (включая разделение административных, партийных и хозяйственных органов); предприятиям предоставлены достаточно широкие права во внешнеэкономической деятельности, в производстве и сбыте продукции, использовании средств; введена практика контрактного набора рабочих и конкурсного — инженерно-технического и управленческого персонала и т. д.³¹ В целом главным принципом в функционировании экономики зон открыто провозглашено рыночное регулирование³².

В свете намеченной на III сессии ВСНП шестого созыва (март — апрель 1985 г.) очередности экономических реформ в КНР, согласно которой первостепенное значение на данном этапе придается реформам системы труда и заработной платы и системы цен и ценообразования, особый интерес представляет соответствующий опыт Шэньчжэня.

²⁵ См. там же; «Жэньминь жибао», 12.VIII.1985.

²⁶ Подсчитано по: «Beijing Review», 1.IV.1985.

²⁷ Сообщение агентства Синьхуа, 6.V.1985.

²⁸ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 20.V.1985.

²⁹ См. там же, 17.VI.1985.

³⁰ «Ляован», 1984, № 24.

³¹ См.: «Цзинцзинсюэ чжоубао», 2.VII.1984. В результате «эффективность трудового персонала» в СЭЗ существенно выше средней по стране. Так, в промышленном районе Шэкоу СЭЗ Шэньчжэнь средний возраст кадровых работников составляет 34—35 лет, а рабочих — 24—25 лет, причем 80 % из них имеет среднее образование. — «Китай», 1985, № 5, с. 8.

³² Доклад члена Госсовета КНР Гу Му на 9-м заседании ПК ВСНП шестого созыва. — «Жэньминь жибао», 18.I.1985.

В зоне постепенно расширяется практика контрактного найма новых рабочих (к середине 1984 г. 70 % занятых в промышленном районе Шэкоу работали по контрактам), при которой набираемый персонал сначала подписывает с предприятием опытный контракт на полгода, а затем, при согласии обеих сторон, и официальный контракт, определяющий взаимные обязанности предприятия и рабочих и служащих³³. Предприятие имеет право увольнять не соответствующий требованиям контракта персонал. В то же время «контрактные» рабочие считаются составной частью рабочего класса Китая и пользуются всеми вытекающими из этого правами³⁴.

На начальном этапе создания зоны в системе заработной платы применялся принцип «ниже, чем в Гонконге, выше, чем во внутренних районах страны». При этом фактический доход рабочих и служащих складывался из сравнительно низкой заработной платы и многочисленных надбавок, в сумме превышающих основную зарплату (за проживание в пограничном районе, на транспортные расходы, на квартплату, на оплату воды и электроэнергии, на лечение членов семей и т. д.). Первым шагом реформы заработной платы явилось включение надбавок в основную зарплату и переход к самостоятельной оплате рабочими и служащими всех бытовых услуг. Данная система действовала с 1981 по октябрь 1983 г., а затем началась и «всесторонняя реформа» заработной платы, то есть переход к ее разделению на «твердую» и колеблющуюся составные части. Ныне зарплата на всех предприятиях (включая все виды предприятий с участием иностранного капитала) состоит из следующих элементов: основная зарплата (прежняя зарплата по разрядам); зарплата по занимаемой должности, зарплата, зависящая от итогов хозяйственной деятельности предприятия и трудового вклада самого работника, и, наконец, надбавки: за пограничный район (15 юаней) и действующая с декабря 1979 г. во всей стране надбавка в 5 юаней ежемесячно за повышение розничных цен на некоторые виды продовольствия.

По итогам 1-го квартала 1984 г. в промышленном районе Шэкоу СЭЗ Шэньчжэнь, где сосредоточены смешанные и иностранные предприятия, среднемесячная заработная плата составила 193,76 юаня (по КНР в среднем в 1984 г. 80 юаней), в том числе основная зарплата — 30,5 %, за трудовые посты и должность — 37,2 %, колеблющаяся зарплата — 22 % и надбавки — 10,3 %³⁵. Средняя зарплата рабочих государственных предприятий в Шэньчжэне была существенно меньше и достигала 131 юаня в месяц³⁶, что, однако, заметно выше средней зарплаты рабочих и служащих в целом по КНР.

Хотя в китайской печати подчеркивается, что реформа системы труда и заработной платы в Шэньчжэне породила целый ряд сложных теоретических проблем³⁷, а целесообразность массового перехода к контрактному найму рабочих и служащих подчас оспаривается, тем не менее принцип тесной увязки заработной платы с эффективностью хозяйствования предприятий завоевывает все большую популярность, а практика трудоустройства по контрактам, особенно в строительстве и сфере услуг, постепенно расширяется³⁸.

Главными элементами реформы системы цен в Шэньчжэне явились, во-первых, передача права установления цен на большинство товаров непосредственно предприятиям и, во-вторых, существенное расширение сферы действия колеблющихся и свободных цен как на

³³ См.: «Цзинцзи жибао», 15.VI.1984.

³⁴ В мае 1985 г. в СЭЗ Шэньчжэнь было принято специальное постановление о деятельности профсоюзов в зоне.

³⁵ См.: «Цзинцзи жибао», 15.VI.1984.

³⁶ Ил: «China Reconstructs», 1984, N 9.

³⁷ См.: Цзинцзисюэ вэньчжай..., с. 7.

³⁸ На август 1985 г. в КНР численность «контрактных рабочих» достигла 2,14 млн. человек. — «Жэньминь жибао», 27.IX.1985.

предметы потребления, прежде всего продовольствие, так и на средства производства.

В настоящее время единые цены действуют на железнодорожные, морские и авиационные перевозки, почтово-телеграфные услуги, плату за жилье, воду, электроэнергию, на медицинское обслуживание, городской транспорт, обучение. По плановым ценам продается и централизованно распределяемая для Шэньчжэня часть материальных ресурсов. Она относительно невелика. Преобладающая доля главных видов средств производства в зоне закупается по колеблющимся ценам, включая импорт, играющий подчас ведущую роль. Так, в 1983 г. из объема поступивших в зону Шэньчжэня стального проката, цемента, древесины, угля, машин и электротехники (суммарно на 306 млн. юаней) доля продукции, централизованно распределенной государством, составила 10,87 %; произведенной на месте — 5,96, полученной по договорным ценам — 25,1, а импорта — 58,07 %. При этом по стальному прокату (160 тыс. т) доля централизованных государственных поставок составила всего 2,38 %, а импорта — 66 %, по древесине (47 тыс. кубометров) соответственно 8,5 и 87 %³⁹.

С 1 ноября 1984 г. в Шэньчжэне введены свободные (колеблющиеся в зависимости от спроса и предложения) цены на овощи и верхние «ограничительные» цены на зерно и зернопродукты, растительное масло, свинину при отмене нормированного снабжения ими (например, на растительное масло вместо прежней преysкурантной цены в 1,86 юаня за 1 кг введена верхняя «ограничительная» цена в 3,6 юаня за 1 кг). При этом дотации провинции Гуандун к розничным ценам на зерно установлены на уровне 8 млн. юаней в год (в 1983 г. — 9 млн. юаней) и являются неизменными в течение трех лет, дотации к ценам на другие виды продовольствия ликвидированы⁴⁰.

Хотя в ряде китайских публикаций подчеркивалось, что опыт Шэньчжэня в области реформы системы цен «нельзя перенимать полностью», однако на практике она в большинстве городов Китая развертывается в сходном направлении.

Некоторые оценки деятельности СЭЗ

Китайское руководство, уделяющее пристальное внимание специальным экономическим зонам, расценивает их опыт как «в целом успешный». Видимо, такая оценка сыграла существенную роль в решении об «открытии для внешнего мира» ряда приморских городов и районов, внешнеэкономическая деятельность которых развертывается с очевидным учетом апробации в СЭЗ тех или иных методов привлечения техники, иностранного капитала и т. п.

Вместе с тем функционирование СЭЗ оказалось на практике сопряжено с целым рядом сложных социальных, идеологических, политических проблем, ставших в последнее время предметом скрупулезного критического анализа в Китае⁴¹. При этом все более прослеживается тенденция оценивать опыт СЭЗ не изолированно (когда развитие СЭЗ рассматривается, по сути дела, как самоцель), а в контексте решения задач «открытой внешнеэкономической политики» страны в целом, носящей «поисковый характер» и требующей «постоянного выявления...

³⁹ Цзягэ лилунь юй шицзянь (Теория и практика цен). Тяньцзинь, 1985, № 3, с. 39.

⁴⁰ См.: «Шинце цзинци даобао», 10.XII.1984.

Предполагается, что главный выигрыш от этого получит бюджет Шэньчжэня, чистые доходы которого (за вычетом 4 млн. юаней на повышение заработной платы рабочих и служащих) возрастут на 6 млн. юаней.

⁴¹ Это особенно наглядно проявилось в ходе работы III сессии ВСНП КНР шестого созыва в марте — апреле 1985 г.

разрыва между намеченными целями и реальной ситуацией» с последующим «урегулированием политических установок»⁴².

Такой угол зрения позволяет «высветить» не только реальные достижения, но и нередко ограниченную значимость, а иногда и просчеты в деятельности СЭЗ по привлечению иностранного капитала, техники и технологии, развитию экспорта⁴³. По мере накопления практического опыта оценки возможностей СЭЗ, их вероятных темпов продвижения к поставленным целям стали более реалистичными и осторожными, сменив первоначальные излишне оптимистичные ожидания.

Известный китайский экономист, вице-президент Академии общественных наук КНР Лю Гогуан выделяет теперь 3 этапа в развитии Шэньчжэня⁴⁴, которые, видимо, с необходимыми поправками предстоит пройти и другим СЭЗ.

1) С момента создания до настоящего времени — начальный этап, характеризующийся формированием инфраструктуры, началом привлечения иностранного капитала и новейшей технологии, приобретением опыта управления, развития внешнеэкономических связей, сбыта продукции.

2) До 1990 г. — задачи этого этапа заключаются: а) в переходе от «внутренне ориентированной к внешнеориентированной «модели» развития, к опоре на внешние инвестиции и сбыт на внешнем рынке; б) в переходе от структуры экономики, где ведущая роль принадлежит торговле и сфере услуг, к структуре, где главную позицию занимает промышленность, рационально сочетающаяся с торговой, особенно внешнеторговой деятельностью; в) в применении передовой технологии в традиционных отраслях промышленности и преобразовании последних таким путем. Имеется в виду, чтобы 50—60 % инвестиций в промышленность осуществлялось за счет иностранного капитала, экспортная ориентация производства должна быть доведена до уровня 70 %⁴⁵.

3) 1990—2000 гг. На этом этапе должно быть завершено преобразование традиционной промышленности и обеспечен переход от трудоемких к технико- и знаниеёмким отраслям, к преобладанию технологически передовых отраслей.

В настоящее время СЭЗ еще очень далеки от выполнения тех функций, которые для них были определены. Это касается и наиболее развитой из них — Шэньчжэня. Промышленность играет в зоне еще весьма скромную роль. На ее долю приходится 25 % доходов Шэньчжэня, тогда как на торговлю и туризм — 34, строительство — 18 %⁴⁶. Розничный товарооборот в 1979 г. превышал совокупную стоимость промышленного и сельскохозяйственного производства на 1 млн. юаней, а в 1983 г. — уже на 380 млн. юаней, или на 50 % (если взять только стоимость продукции промышленности, то товарооборот был больше на 74 %)⁴⁷.

Развитие Шэньчжэня в последние годы шло во многом за счет государственных капиталовложений, которые в 1979—1984 гг. составили 1,6 млрд. юаней против 1,1 млрд. юаней иностранных инвестиций⁴⁸. Причем последние в значительной степени направлялись в создание инфраструктуры, а не в промышленность.

Экспортная ориентация производства зоны также пока четко не просматривается: лишь 20 % продукции вывозится на внешний рынок⁴⁹.

⁴² «Шицзе цзинци даобао», 15.IV.1985.

⁴³ См., например: «Жэньминь жибао», 2.IV.1985.

⁴⁴ См. там же, 12.VIII.1985.

⁴⁵ См.: «Жэньминь жибао», 9.VIII.1985.

⁴⁶ In: «Asian Wall Street Journal», 8.VII.1985.

⁴⁷ In: «China Trade Report», August 1985.

⁴⁸ Ibid.

Дефицит внешнеторгового баланса Шэньчжэня в 1983 г. составил 484 млн. долл.⁵⁰

В Шэньчжэне мало крупных объектов с действительно передовой технологией. Преобладают сравнительно простые, трудоемкие сборочные и обрабатывающие производства⁵¹. Как следствие, глубина переработки (доля чистой продукции в валовой стоимости продукции) в промышленности Шэньчжэня в 1984 г. составила только 21 % при среднем по стране уровне 35 %⁵². Вопреки ожиданиям большинство объектов с участием иностранного капитала создается на договорных, а не на акционерных началах.

Специалисты в Китае, в частности должностные лица в Шэньчжэне, теперь лучше понимают, что превращение его в крупного производителя экспортной продукции потребует значительных усилий и времени, «не реалистично было бы рассчитывать на то, что в СЭЗ будет с ходу создана экономика, ориентированная на экспорт»⁵³.

«Открытость» СЭЗ, широкие контакты с иностранным капиталом способствовали появлению в крупных масштабах различных экономических преступлений, включая коррупцию, контрабанду, валютные спекуляции. Подчас китайская сторона страдает и от прямого мошенничества зарубежных контрагентов: подобные случаи, раскрытые в Шэньчжэне в середине 1985 г., нанесли Китаю весьма значительный ущерб⁵⁴.

Валютные неурядицы и связанные с ними сложности в деле контроля экономических процессов, различные злоупотребления являются, пожалуй, самой острой внутренней проблемой Шэньчжэня. Предприятия и организации Шэньчжэня, используя разницу между внутренними и внешними ценами, нередко делают упор не на расширение экспорта, а на сбыт продукции внутри страны, в том числе сбыт импортной продукции в чистом виде или с незначительной обработкой.

ЦК КПК принял даже решение о выпуске особой валюты для обращения в СЭЗ с целью наведения порядка в валютно-финансовой сфере. Пока это решение не реализовано. На практике в Шэньчжэне из оборота вытесняются юани, а в ходу гонконгские доллары и валютные чеки КНР⁵⁵.

Приоритет рыночного регулирования в управлении СЭЗ обернулся и более высоким ростом цен, чем в КНР в целом. В Шэньчжэне в 1979—1983 гг. он составил 7,9 % в среднем в год. В начале 1985 г. центральные органы вынуждены были ввести серьезные ограничения в деятельности Шэньчжэня. Было ограничено кредитование, особенно в валюте, ужесточена налоговая политика: теперь предприятия СЭЗ должны отчислять государству 70 % валютных доходов вместо прежних 30 %⁵⁶.

Разумеется, сложности развития СЭЗ связаны и с важными объективными причинами. Китайские должностные лица признают, что западные фирмы, особенно японские, ревниво охраняют свои технологические достижения, видя в Китае потенциального конкурента⁵⁷. Инве-

⁴⁹ См.: «Жэньминь жибао», 9.VIII.1985.

⁵⁰ In: «China Trade Report», August 1985.

⁵¹ Так, из 878 контрактов, заключенных Шэньчжэнем в 1983 г., только в 31 случае полученные техника или «ноу-хау» расценивались как действительно передовые. — Экономический ежегодник Китая 1984..., с. VI—181.

⁵² См.: «Жэньминь жибао», 12.VIII.1985.

⁵³ «Beijing Review», 1985, August 26, p. 4.

⁵⁴ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1985.

⁵⁵ В 1983 г. в Шэньчжэне в юанях было реализовано 66,4 % розничного товарооборота, а в валютных чеках и гонконгских долларах — 33,6 %. — «Цзягэ лилунь юй шицзянь», 1985, № 3, с. 39. По некоторым оценкам, в Шэньчжэне сосредоточено 10 % общекайтайского оборота валютных чеков КНР.

⁵⁶ In: «Asiaweek», 1985, July 26.

⁵⁷ Ibid. — Видимо, не случайно пока в СЭЗ преобладает гонконгский капитал. Так, в Шэньчжэне доля инвестиций из стран Западной Европы в период по 1983 г. включительно составляла менее 2 %, а из США — 1,8 %. В 1984 г. они возросли соответственно до 4 и 3 %. — «Гоцзи маон»..., с. 17.

ститоры заинтересованы в использовании ради прибыли дешевой китайской рабочей силы, льготных условий в налогообложении, передаче китайцам второстепенных обрабатывающих операций. Они всеми способами стараются изменить ориентацию предприятий СЭЗ на сбыт продукции внутри Китая, опасаясь появления сильного конкурента.

Трудности в достижении первоначально намеченных целей породили попытки пересмотреть их, наметить по крайней мере на ближайшее время более простые задачи. В одной из статей Лю Гогуан упоминает точки зрения о целесообразности специализации Шэньчжэня на сельском хозяйстве, торговле, туризме, сфере услуг⁵⁸. Известно и мнение специалистов-практиков о том, что в ближайшем будущем СЭЗ могут выйти на мировой рынок только с традиционной продукцией⁵⁹.

Даже высказывания китайских руководителей, еще недавно абсолютно оптимистические, стали более осторожными. Дэн Сяопин летом 1985 г. охарактеризовал СЭЗ Шэньчжэнь «как все еще эксперимент»⁶⁰, чем привел в замешательство зарубежных специалистов и бизнесменов и породил сомнения в перспективах и стабильности политики в отношении СЭЗ. Китайской прессе пришлось выступить с разъяснениями, что речь идет не о стратегии развития СЭЗ, а о выборе конкретных практических решений, где соответствующие изменения и пробы неизбежны.

Несомненно, подход в Китае к функциям, целям, механизму деятельности СЭЗ будет и впредь эволюционировать вслед за развитием самих зон, расширением масштабов и диверсификаций форм «открытой внешнеэкономической политики» в целом, в связи с возникающими проблемами и трудностями. Вместе с тем при всех издержках специальные экономические зоны КНР уже сделали важное дело: позволили Китаю приобрести в сжатые сроки внушительный опыт многообразного по формам взаимодействия с мировым рынком и зарубежными деловыми кругами, стимулировали (в ряду других побудительных факторов) начало перестройки организации внешнеэкономической деятельности страны.

Официальная экономическая политика китайского руководства, закрепленная в решениях Всекитайской партийной конференции (сентябрь 1985 г.), в предстоящей перспективе, в частности в седьмой пятилетке, по-прежнему отводит внешнеэкономическим связям важное место в модернизации народного хозяйства. Предполагается дальнейшее расширение деятельности СЭЗ и других «открытых» территорий КНР. Будет разработан специальный план развития СЭЗ⁶¹. Он может носить достаточно масштабный характер. По крайней мере, по некоторым оценкам китайских специалистов, только в СЭЗ Шэньчжэнь предполагается привлечь до 2000 г. 5 млрд. ам. долл. иностранных средств и еще 2 млрд. долл. получить от хозяйственной деятельности самой зоны⁶².

Вместе с тем сомнения в Китае относительно позитивного характера воздействия СЭЗ на дело социалистического строительства в стране в целом не исчезли. Не случайно в китайской печати участилась публикация материалов, призванных доказать, что «СЭЗ Китая — это социалистические специальные экономические зоны, а не капиталистические специальные политические зоны». При этом опыт и деятельность СЭЗ квалифицируются как «использование капитализма для строительства социализма»⁶³. Ответ на комплекс сложных проблем, связанных с функционированием СЭЗ, судя по всему, может быть дан только их последующим развитием.

⁵⁸ См.: «Жэньминь жибао», 9.VIII.1985.

⁵⁹ In: «Asiaweek», 1985, July 26.

⁶⁰ «Beijing Review», 1985, July 15.

⁶¹ См.: «Жэньминь жибао», 26.IX.1985.

⁶² См.: Тэцзюй цзинцзи лилунь вэньти луиьвэньцзи (Сборник статей по теоретическим проблемам экономики специальных экономических зон). Пекин, 1984, с. 96.

⁶³ См.: Фан Шэнь. Специальные экономические зоны Китая — капитализм ли это? — «Цзинцзисюэ чжоубао», 1.IX.1985.

Япония в трехсторонней системе

С. И. ВЕРБИЦКИЙ

В первой половине 80-х годов значительно возросла активность японской дипломатии на мировой арене. Причем она сопровождается широковещательными заявлениями японских государственных деятелей о превращении Японии в «глобальную» державу. Как признание повышения роли Японии в иерархии капиталистических государств, они рассматривают участие японских представителей в так называемой системе «трилатеризма» («трехсторонности»), координирующей деятельность трех центров капиталистического мира: США, Западной Европы и Японии. Особое внимание японская дипломатия уделяет функционирующим внутри системы «трилатеризма» «трехсторонней комиссии» и ежегодным совещаниям руководителей глав государств и правительств семи ведущих капиталистических стран (США, Англии, Франции, Японии, ФРГ, Италии, Канады).

Еще в начале 60-х годов японские правящие круги рассматривали повышение роли Японии на мировой арене как важную долгосрочную цель японской дипломатии. В 1962 г. тогдашний премьер-министр Д. Икэда выдвинул концепцию «трех столпов» капиталистического мира, настаивая на признании за Японией наряду с США и странами «Общего рынка» соответствующего места в решении международных проблем¹. Однако реализация этой концепции стала возможной лишь после того, как Япония в конце 60-х годов вышла на второе место в мире после США по валовому национальному продукту. Премьер-министр Э. Сато, выступая в 1970 г. на специальной сессии парламента, заявил, что основой нового курса Японии должно стать приведение ее политического влияния в международных делах в соответствие с возросшей экономической мощью².

Факторы, которые привели к провозглашению концепции «трилатеризма», носили противоречивый характер и прежде всего отражали резкое обострение социально-экономических проблем, стоявших перед капиталистическим миром. Структурные кризисы в мировой экономике в начале 70-х годов, военно-политическое поражение США в Индокитае, усиление влияния социалистических стран побудили руководителей империалистических государств добиваться координации деятельности трех экономических центров капиталистического мира, выработки совместной стратегии в экономической, политической и военной областях. В связи с ослаблением собственных экономических позиций представители американского истеблишмента искали новые формы удержания в сфере своего влияния союзников как на Западе, так и на Востоке. Инициаторы концепции «трилатеризма» выражали опасения ростом центробежных тенденций между тремя центрами капиталистического мира, и прежде всего — резким обострением экономических противоречий, которые оказывали дестабилизирующее влияние на мировую капиталистическую систему. В то же время они подчеркивали их тесную экономическую взаимозависимость, участие в военных блоках (НАТО

¹ См.: «Асахи», 15.11.1962.

² См. подробнее: Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М., 1973, с. 53—55.

и японо-американский договор безопасности), признание общих социально-политических ценностей.

США рассматривали участие в ней Японии как важный фактор удержания ее в сфере своего политического влияния. З. Бжезинский высказывал опасения, что возрождение в Японии национализма в сочетании с «идеологическим радикализмом» дестабилизирует положение в районе Тихого океана и поэтому необходимо прочно привязать Японию к странам Запада³. Американская сторона также рассчитывала, что сильная зависимость Японии от США в военной и экономической областях позволит использовать своего дальневосточного союзника в определенных ситуациях для воздействия на внешнеполитический курс европейских стран.

Отношение европейских стран к участию Японии в «трехсторонней системе» носило двойственный характер. Они рассчитывали, что появится больше возможностей для сдерживания торговой экспансии Японии на европейском рынке. В то же время руководители европейских стран опасались, что Япония, как более «слабая (в политическом плане) сторона» треугольника, будет поддерживать гегемонистскую политику Вашингтона.

Бывший министр экономики Японии Н. Усиба отмечал, что основными факторами, которые побудили индустриальные державы добиваться создания трехстороннего консультативного механизма с участием Японии, являлись быстрое экономическое развитие Японии и мировой экономический кризис первой половины 70-х годов⁴.

Видный японский политолог К. Мусякодзи писал в начале 70-х годов, что взаимозависимость между высокоразвитыми странами капиталистического мира побуждает их к сотрудничеству «во имя общих выгод». В то же время среди них существуют значительные разногласия. Они прежде всего заботятся о своих национальных или региональных интересах. На первое место, по мнению К. Мусякодзи, стали выходить экономические противоречия, которые, в свою очередь, оказывают негативное влияние на их сотрудничество в политической и военной областях. Поэтому основной задачей трехсторонней системы должна стать так называемая кризисная дипломатия, то есть создание специального механизма для разрешения конфликтных ситуаций между ведущими капиталистическими странами⁵.

В первой половине 70-х годов такой трехсторонний механизм был создан.

К концу 70-х — началу 80-х годов происходит существенная модификация взглядов японской консервативной элиты как в отношении задач, стоящих перед трехсторонней системой, так и роли в ней Японии. Выступая на пленарном совещании «трехсторонней комиссии» в Лондоне в марте 1980 г., один из ведущих деятелей ЛДП К. Миядзава акцентировал внимание на общности ценностей ориентаций трех центров капиталистического мира и необходимости их тесного сотрудничества для выработки общей стратегии в отношении социалистических стран и прежде всего СССР. Он подчеркнул, что в связи с ослаблением экономических и политических позиций США Япония должна взять на себя часть «глобальной ответственности». Особое внимание он обратил на необходимость изменения отношения к проблеме «национальных интересов», которые необходимо рассматривать в контексте глобальной стратегии империализма. В то же время К. Миядзава выразил заинтересованность в том, чтобы американское руководство оставалось важ-

³ In: Z. Brzezinski. *Between Two Ages. America's Role in Technoltronic Era*. New York, 1970, p. 4.

⁴ In: *Trialogue*. New York, 1983, N 33, p. 12.

⁵ In: K. Mushakoji. *A Note on Trilateral Crisis Diplomacy in «Postwar Trends in Japan»*. Tokyo, 1975, p. 20—21.

ным фактором трехсторонней системы; по его мнению, Япония и Западная Европа не должны отказываться от «опоры» на американскую мощь⁶.

Наряду с общими целями японские политики и дипломаты, участвуя в деятельности трехсторонней системы, преследуют и собственные, прежде всего защиту интересов японских монополий. Важной задачей они считают противодействие протекционистским мерам США и Западной Европы в отношении японского экспорта и защиту принципа «свободной торговли», который пока устраивает японские монополии, обладающие большей конкурентоспособностью своих товаров. Японское руководство рассчитывает, что участие Японии в трехсторонней системе даст ей возможность выступать от имени «азиатских стран» и таким образом укрепить свое влияние в «третьем мире» и особенно в Тихоокеанском регионе.

И, наконец, консервативные политики надеялись, что «приобщение» к крупным державам повысит влияние правящей партии и их личный престиж среди широкой общественности и приведет к подъему националистических настроений в Японии.

Именно в контексте этих концептуальных установок, долгосрочных и конъюнктурных целей правящих кругов Японии осуществлялась деятельность японских представителей в «трехсторонней комиссии» и на совещаниях «большой семерки».

«Трехсторонняя комиссия» была создана в 1973 г. В ее состав вошло около 200 влиятельных представителей деловых и академических кругов США, Западной Европы и Японии. На ее регулярных сессиях обсуждаются доклады, на основании которых готовятся рекомендации правительствам долгосрочной политики в экономической и военной областях, «трехсторонняя комиссия» фактически превратилась в координационный центр по выработке концептуального подхода к наиболее острым проблемам, стоящим перед капиталистическим сообществом.

Японскую сторону в «трехсторонней комиссии» представляли видные деятели ЛДП, руководители предпринимательских организаций, крупные чиновники, консервативные ученые. В течение длительного времени председателем комиссии от Японии был банкир Такэси Ватанабэ, бывший президент Азиатского банка развития. Японские члены комиссии принимали самое активное участие в пленарных заседаниях и симпозиумах, в подготовке докладов, на основе которых выработывались специальные предложения и рекомендации для представления их соответствующим правительствам. Содержание этих докладов, их выводы дают возможность судить о концептуальном подходе консервативных кругов Японии к наиболее важным международным проблемам.

На первом этапе деятельности «трехсторонней комиссии» основное внимание уделялось обсуждению вопросов, связанных с сотрудничеством в экономической области между США, Западной Европой и Японией, а также взаимоотношениям между Востоком и Западом и Севером и Югом. По просьбе японской стороны военные проблемы на сессиях не рассматривались. Однако с начала 80-х годов на первое место выходит обсуждение таких вопросов, как «региональная» и «глобальная» безопасность.

В контексте «кризисной дипломатии» рассматривались вопросы взаимоотношений между тремя экономическими центрами капиталистического мира в области торговли, финансов, энергетических ресурсов, развития новейшей технологии.

Какое значение японская сторона придает принципу «свободной торговли», свидетельствует следующая выдержка из доклада по проб-

⁶ In: «Asian Survey», 1980, vol. 20, N 7, p. 677—682.

леме безопасности на токийской сессии трехсторонней комиссии 1983 г. «...Экономический кризис первой половины 70-х годов, эмбарго на экспорт нефти с Ближнего Востока в 1973 г., рост цен явились сильным шоком для японской экономики и оказали влияние на всю структуру японской политики. В настоящее время в экономическом протекционизме японское правительство видит более серьезную угрозу для страны, чем широко дебатлируемая угроза СССР»⁷.

Одним из наиболее важных объектов дискуссий в трехсторонней комиссии стала проблема «Восток — Запад» и прежде всего различные аспекты взаимоотношений между тремя центрами капиталистического мира и СССР. Следует отметить постепенное изменение подхода японской стороны к этому наиболее важному для сохранения мира вопросу.

На Токийской сессии трехсторонней комиссии в 1977 г. был представлен доклад «Сотрудничество между развитыми промышленными державами и социалистическими странами в области глобальных проблем», одним из трех авторов которого был видный японский политолог Ф. Камия, профессор университета Хосэй. На содержании и выводах доклада отразились веяния разрядки второй половины 70-х годов. В докладе акцентировалось внимание на тех областях экономики, где можно достигнуть взаимопонимания между различными экономическими системами: в области использования ядерной энергии в мирных целях, совместного развития сырьевых запасов, в сфере торговли, помощи развивающимся странам, борьбе с загрязнением окружающей среды.

С начала 80-х годов основной акцент в дискуссиях в трехсторонней комиссии перемещается в сторону обсуждения «оборонных вопросов», причем японская сторона стала принимать в них активное участие. В докладе, представленном для обсуждения на Римской сессии трехсторонней комиссии в 1983 г. на тему «Трехсторонняя безопасность. Оборона и контроль над вооружением. Политика в 80-е годы», акцентируется внимание на проблеме так называемой «советской военной угрозы», участия Японии в глобальной военной стратегии США, «вклада» Японии в «трехстороннюю оборону».

В то же время в докладе признается, что оборонная политика США сама по себе может быть источником прямой опасности для японцев, которые опасаются, что из-за просчетов или иррациональности во внешнеполитическом курсе США Япония может быть вовлечена в военные конфликты. Япония также «разочарована» качеством консультаций с Вашингтоном по советской проблеме; так, например, в Японии считают экономические санкции против СССР, как, например, в отношении газопровода, малоэффективными и чрезвычайно дорогостоящими⁸.

О повышении роли Японии в трехсторонней системе и дальнейшей трансформации концептуального подхода консервативных кругов к глобальным проблемам свидетельствует тот факт, что на пленарной сессии трехсторонней комиссии в Токио в марте 1985 г. основным докладом «Безопасность Юго-Восточной Азии и трехсторонняя система» был подготовлен не как обычно группой, представляющей все три центра, а только представителем Японии, профессором Национальной академии обороны Масаси Нисихара.

Наиболее значительное внимание в докладе уделяется проблеме вовлеченности трех центров капиталистического мира в «оборону» ЮВА. К концу 70-х годов, отмечает М. Нисихара, участники трехсторонней системы пришли к выводу, что у них имеются общие интересы

⁷ Smith C. E., P. Vittorelly, Saeki Kiichi. Trilateral security Defense and Arms Control Politics in the 1980-s. Tokyo, 1983, p. 17.

⁸ Ibid., p. 18.

в отношении важных международных проблем, связанных с региональной безопасностью ЮВА.

Представляет интерес сделанное в докладе заявление о возможности создания новой транстихоокеанской системы безопасности. Новая система, заявляет автор, не должна заменять «старую» — военные соглашения США со странами этого региона, а использовать ее как «базу».

Некоторые политические обозреватели отмечают возросшее влияние деятельности трехсторонней комиссии на подход участвующих в ней сторон к глобальным проблемам. Так, в майском журнале «Монд дипломатик» за 1984 г. говорилось о том, что предложения, выработанные комиссией, являются уже не рекомендацией, а фактически «директивой» для соответствующих правительств. Они нередко предопределяют результаты встреч на высшем уровне.

Ежегодные совещания руководителей и глав государств и правительств семи ведущих капиталистических стран — США, Англии, ФРГ, Франции, Италии, Канады и Японии, проводятся с 1975 г. Предполагалось, что основной задачей «встреч в верхах» должна была стать выработка антикризисных мер, направленных на стабилизацию капиталистической экономики. Однако постепенно этот «форум» лидеров капиталистического мира модифицировался в механизм по формированию глобальной стратегии Запада в отношении социалистических и развивающихся стран.

Участвуя в совещаниях «большой семерки», японские руководители преследуют как внешнеполитические, так и внутривнутриполитические цели. Япония, по их мнению, добилась включения в «семью перворазрядных держав» и допущена к обсуждению глобальных проблем капиталистического мира.

В то же время появилась возможность, как отмечал обозреватель газеты «Майнити», создать среди общественности впечатление, что руководители Японии являются крупными государственными деятелями, которые «участвуют в процессе принятия решений по проблемам, затрагивающим политическую стратегию западного мира»⁹. О том, какое значение придавало руководство ЛДП участию Японии в «большой семерке», говорит следующий факт. Когда летом 1980 г. премьер-министр М. Охиря серьезно заболел и возможность его участия в совещании «в верхах» в Венеции стала проблематичной, это вызвало острое беспокойство в руководстве ЛДП, которое опасалось, что его отсутствие может негативно сказаться на результатах предстоявших выборов в нижнюю палату депутатов. Один из ближайших сторонников М. Охиря заявил, что он «привезет премьер-министра на совещание в Венецию даже на носилках»¹⁰.

Одной из причин слабой активности Японии на первых совещаниях «в верхах», по мнению японских обозревателей, являлся определенный комплекс «отчужденности» от развитых капиталистических стран Запада. Они писали о том, что Япония является «новичком» на международной дипломатической арене, что японские руководители «не являются лидерами мирового масштаба»¹¹. Причиной «отчужденности» они рассматривали также специфику японской культуры, языка, которая осложняет непосредственное общение японских лидеров с руководителями западных стран, «составляющих единую семью, поддерживающих между собой доверительные отношения»¹².

⁹ «Майнити», 4.VI.1980.

¹⁰ «Mainichi Daily News», 19.VII.1981.

¹¹ «Japan Times», 10.I.1979.

¹² Вот почему в японских консервативных кругах рассматривали как «политический успех» премьер-министра Накасонэ установление им дружеских отношений с президентом Рейганом, одним из проявлений которых стал обмен уменьшительными именами «Ясу» и «Ронни».

Во время первых совещаний «большой семерки» японские руководители основное внимание обращали на экономические вопросы. Они добивались смягчения критики США и стран Западной Европы в связи с дисбалансом в торговой области в пользу Японии. Большой интерес проявлялся к «сырьевой проблеме», и прежде всего к выработке совместных действий развитых капиталистических стран в отношении стран ОПЕК.

Определенный шок у японских правящих кругов вызвало то обстоятельство, что Японию не пригласили на встречу глав правительств США, Великобритании, Франции и ФРГ в Гваделупе в 1979 г. Однако на этот раз политические обозреватели акцентировали внимание на более реальной причине. «В то время как внешняя политика западных стран, — писала газета «Токно симбун», — представляет неразрывное целое в политической, экономической и военной областях, Япония проявляет интерес только к экономическим вопросам. В нашей дипломатии имеются «белые пятна», которые накладывают «табу» даже на дискуссии по проблемам безопасности»¹³.

Японские консервативные лидеры пришли к выводу, что они не смогут стать равноправными участниками формулирования глобальной стратегии капиталистического мира, пока не изменят подхода к военным проблемам.

В начале 80-х годов японское правительство и руководство ЛДП закончили выработку так называемой «Программы экономической безопасности», в которой подчеркивалось, что развитие японской экономики неразрывно связано с международными политическими, экономическими и военными факторами. Япония, отмечалось в ней, должна добиваться стабилизации существующей структуры мировой экономики, прилагать всемерные усилия для обеспечения бесперебойных поставок сырья и продовольствия и принимать меры по обеспечению охраны безопасности своих морских коммуникаций¹⁴.

Провозглашение программы «экономической безопасности» сопровождалось активным вовлечением Японии в глобальную военно-политическую стратегию новой американской администрации. В коммюнике, опубликованном после встречи Рейгана и Судзуки в мае 1981 г., было зафиксировано, что японский премьер-министр «выразил мнение о важном значении для промышленных демократических стран одинакового подхода к различным политическим, военным и экономическим мировым проблемам и последовательного их решения с целью создания всех условий для обеспечения безопасности Запада в целом»¹⁵.

Конкретным проявлением нового подхода к глобальным проблемам явилась активная деятельность премьер-министра Судзуки на совещании «большой семерки» в Оттаве в июне 1981 г. Впервые на встрече «в верхах» глава японского правительства выступил с собственной программой, призвав к осуществлению так называемой «комплексной стратегии». Она предусматривала «осуществление эффективных контрмер против усиления военной мощи СССР» и его «проникновения» в страны «третьего мира»; укрепление экономики западных стран, стабилизацию положения в развивающихся странах на основе разрешения проблемы Юг — Север.

Что касается непосредственного вклада Японии в «комплексную стратегию», то, по заявлению Судзуки, он должен заключаться в укреплении экономической и политической стабильности развивающихся стран¹⁶.

Другими словами, японский премьер-министр официально деклариро-

¹³ «Токно симбун», 19.VII.1979.

¹⁴ In: «News from MITI», 1982, May 7.

¹⁵ «Кокусай мондай сирё», 1981, № 6, с. 42.

¹⁶ In: «Mainichi Daily News», 22.VII.1981.

вал готовность Японии взять на себя «бремя» по стабилизации и укреплению прозападных режимов, прежде всего в Тихоокеанском регионе.

Еще во время встречи на высшем уровне в мае 1981 г. между премьер-министром Судзуки и президентом Рейганом было объявлено, что Япония и США будут увеличивать предоставление помощи районам, важным с точки зрения поддержания мира и стабильности на земном шаре. В ежегодном обзоре японского института мира и безопасности указывается, что к этим «важным районам» японская дипломатия причисляет такие страны, как Пакистан, Турция, Египет, Ямайка, Судан, Гондурас, Оман. В редакционной статье газеты «Майнити» в связи с этим совершенно резонно говорится, что когда руководители Японии говорят об укреплении сотрудничества развивающихся стран со свободным миром, то они прежде всего имеют в виду государства, стоящие на «передней линии конфликтов в Юго-Восточной Азии и других регионах мира. Другими словами, это не что иное, как стратегическая помощь «противодействия коммунизму», которая предоставляется государствам, вовлеченным в острые конфликты. Она может лишь привести к усилению напряженности в этих регионах»¹⁷.

Политические обозреватели указывали на некоторые характерные особенности и подоплеку активности премьер-министра Д. Судзуки на совещании в Оттаве.

Перед началом совещания «большой семерки» Рейган и Судзуки договорились о координации деятельности по ряду проблем. Именно поддержка американской глобальной стратегии стала основной линией поведения японских лидеров на совещаниях «в верхах».

Антисоветская направленность выступлений Судзуки, его явное желание «подыгрывать» американской администрации в этой области, по мнению японских обозревателей, в значительной степени была связана с экономическими проблемами, попытками отвести или по крайней мере ослабить критику западных держав «агрессивных методов» торговой политики Японии¹⁸.

Деятельность японского премьер-министра на совещании в Оттаве привлекла внимание к еще одной «специфической» особенности поведения японских политиков. Политический обозреватель газеты «Асахи» сформулировал ее следующим образом: «Когда слова и действия политического деятеля, ответственного за внешнюю политику страны, «колеблются», то в этом случае трудно добиться доверия других стран»¹⁹. Так, во время переговоров с американскими руководителями Судзуки акцентировал внимание на союзнических отношениях с США, во время визита по европейским странам он уже подчеркивал важность отношений со странами Западной Европы и «намекал», что намерен пересмотреть политику зависимости от США. Напоминая об этих фактах, обозреватель «Асахи» писал: «Какие бы заявления ни сделал Судзуки в Оттаве, остальные участники встречи будут задавать вопрос: не изменит ли он снова свою позицию?»²⁰

Двойственность, противоречивость поведения японских руководителей в значительной степени объясняются внутривнутриполитическими факторами — опасениями, что воинственные заявления за рубежом вызовут резкую критику со стороны широкой общественности, оппозиционных партий, которые не без основания полагали, что претензии японских правящих кругов на повышение международного статуса страны будут сопровождаться ростом национализма и имперских амбиций.

¹⁷ «Майнити симбун», 8.V.1984.

¹⁸ Ibid., 22.VII.1981.

¹⁹ «Asahi Evening News», 20.VII.1981.

²⁰ Ibid.

На совещании «большой семерки» в Версале в июне 1982 г. японские «инициативы» также были заранее согласованы с американской администрацией и находились в русле глобальной стратегии Вашингтона.

Во время предварительной беседы между Судзуки и Рейганом американский президент выразил удовлетворение мерами, предпринятыми японским правительством по усилению «оборонных возможностей Японии»²¹. Рейган заверил японского премьер-министра, что американская администрация понимает опасения Японии и будет учитывать их во время переговоров с СССР. Он также выразил одобрение японской политике в отношении КНР. Судзуки со своей стороны подчеркнул, что дружеские отношения с Пекином для Японии так же важны, как и ее сотрудничество со странами АСЕАН. Таким образом, японо-китайские отношения стали рассматриваться как важный аспект глобальной политики западного сообщества.

Важное значение на встрече Судзуки с Рейганом придавалось экономическим проблемам. Оба руководителя заявили о своей поддержке системы свободной торговли, что было расценено обозревателями как совместная критика возможных протекционистских мероприятий в странах Западной Европы²².

Встреча в Версале состоялась в период попыток преодоления промышленного спада в США и Западной Европе, который характеризовался ростом безработицы и высокими темпами инфляции. В Японии экономические показатели были более благоприятными, и поэтому премьер-министр Судзуки выступил на совещании «большой семерки» с предложениями, которые должны были продемонстрировать намерение Японии активно участвовать в стабилизации мировой экономической системы. Некоторые из них нашли отражение в заключительных документах совещания в Версале.

В ходе версальской встречи обсуждались противоречия между Японией, с одной стороны, и США и Западной Европой — с другой, в торгово-экономической области. Японское правительство, чтобы избежать критики западных держав, за неделю до совещания «в верхах» объявило о решении либерализовать импорт ряда товаров, в том числе компьютеров, ядерных реакторов. Участники встречи расценили эти меры как «шаг в правильном направлении», однако потребовали от Японии осуществления дальнейших мер по расширению доступа на ее рынок товаров из США и стран Западной Европы²³. В Версале японский премьер-министр поддержал требование американской стороны создать нечто вроде финансового варианта КОКОМ — специальной организации, которая должна вводить ограничения на предоставление кредитов СССР и другим социалистическим странам.

Встреча «в верхах» в Вильямсберге в мае 1983 г. продемонстрировала качественное изменение подхода консервативных кругов Японии к глобальным проблемам современного мира. На этом совещании премьер-министр Накасонэ фактически взял на себя две роли. Во-первых, наиболее последовательного адвоката и проводника антисоветской военной стратегии американской администрации и, во-вторых, инициатора концепции неделимости обороны «западного мира» и Японии.

Политические обозреватели подчеркивали, что именно японский премьер-министр задавал тон при обсуждении вопросов как в политической, так и в военной областях. Он требовал от руководителей западноевропейских стран оказать открытую поддержку глобальной стратегии США. «По жесткости своего тона японский премьер превзошел

²¹ «The Daily Yomiuri», 3.VI.1982.

²² Ibid.

²³ См.: БИКИ, 17.VII.1982.

даже самого президента США и консервативных лидеров Западной Европы»²⁴.

Как и во время прошлых встреч «в верхах», в Вильямсберге состоялась предварительная встреча Накасонэ с Рейганом, во время которой японский руководитель дал обещание поддерживать американскую позицию во время основных переговоров.

Японский премьер-министр явился наиболее решительным сторонником требований США о размещении ракет среднего радиуса действия в Европе. Во время совещания в Вильямсберге Накасонэ заявил, что новые американские ракеты должны быть размещены в Западной Европе в соответствии с планами НАТО, даже если это приведет к разрыву на советско-американских переговорах в Женеве²⁵.

На вопрос М. Тэтчер, чего больше всего Накасонэ ждет от встречи «большой семерки» в Вильямсберге, японский премьер-министр ответил: «Укрепления позиций президента Рейгана на переговорах с Москвой». Примечательно, что даже консервативный премьер-министр Великобритании была шокирована столь воинственной позицией японского премьер-министра. «Неужели, — заявила она, — для Японии вопрос о размещении ядерных ракет в Европе имеет столь важное значение?»²⁶

Японские газеты писали в эти дни, что для западноевропейских политиков эта проблема не столь проста, как для Накасонэ. Они напомнили, что 70 % населения ФРГ выступает против размещения американских ракет и политика Бонна в этом вопросе отнюдь не целиком соответствует курсу на силовую конфронтацию, которую проводит администрация Рейгана.

Подписав вместе с другими участниками совещания в Вильямсберге «Политическую декларацию по вопросам безопасности», Я. Накасонэ фактически объявил о наступлении нового важного этапа во внешней политике Японии — «сотрудничества в осуществлении стратегии НАТО»²⁷.

В этом заявлении говорится, что оборона Запада и Японии неделима и что именно этой концепцией следует руководствоваться при переговорах с СССР. В нем указывалось на необходимость наращивания военной мощи стран — участниц «большой семерки» и поддержки ядерной стратегии американской администрации.

«Произошло то, чего мы больше всего опасались, — говорилось в редакционной статье «Асахи», — премьер-министр подписал заявление на совещании в Вильямсберге вместе с другими участниками по вопросам ядерного оружия. Таким образом, Япония заявила фактически о полном сотрудничестве в осуществлении стратегии НАТО»²⁸. Японские политические обозреватели подчеркивали, что заявления о сотрудничестве с НАТО являются нарушением 9-й статьи конституции, которая запрещает Японии участие в системе коллективной безопасности, и представляют собой фактически отказ от трех «неядерных принципов».

Пытаясь объяснить причины, побудившие премьер-министра Накасонэ занять «жесткую» позицию на совещании в Вильямсберге, японские обозреватели указывали на сильный нажим Вашингтона, который «потребовал от Токно оказать открытую и заметную поддержку американской глобальной стратегии»²⁹. Несомненно, что давление США оказало определенное влияние на позицию японского премьер-министра. Бесспорно, однако, и то, что это «давление» попало на очень благоприятную почву. «Заявление Накасонэ в Вильямсберге, — писала

²⁴ «Эмпури», 30.V.1983.

²⁵ См.: «Эмпури», 30.V.1983.

²⁶ «Майнити», 30.V.1983.

²⁷ «Асахи», 30.V.1983.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

«Ёмиури», — опиралось на позицию МИД и всего правительства в целом»³⁰.

На поведение японского премьер-министра оказывали определенное влияние и факторы «престижности». «Накасонэ, — писала "Майнити", — не скрывает своего стремления стать лидером мирового класса и всеми силами пытается продемонстрировать решительность и жесткость своей дипломатии»³¹.

Как и на прежних совещаниях «в верхах», японские руководители рассчитывали, что решительная поддержка военно-политической стратегии Запада ослабит критику в адрес Японии в отношении импорта сельскохозяйственных и промышленных товаров, а также роста дисбаланса во взаимной торговле в пользу Японии³². Благодаря их усилиям удалось добиться включения в заключительное коммюнике положения о необходимости ограничения политики протекционизма в мировой торговле.

Все оппозиционные партии выступили с резкой критикой позиции, занятой Накасонэ на совещании в Вильямсберге. Руководство СПЯ заявило, что она является абсурдной для премьер-министра страны, подвергшейся атомной бомбардировке. В заявлении Комэйто указывалось, что присоединение к глобальной стратегии Рейгана ведет к конфронтации с СССР и потере независимой позиции в дипломатии.

Очередное совещание «большой семерки» проходило в июне 1984 г. в Лондоне в период нового раунда гонки ядерных вооружений, предпринятого американской администрацией, в обстановке роста социальной напряженности в большинстве европейских стран и обострения кризисных ситуаций в различных регионах мира. Участники совещания решили продемонстрировать «единство» и общность интересов основных центров капиталистического мира.

Как и на предыдущих совещаниях, наиболее важным аспектом деятельности японского премьер-министра явилось согласование позиций Японии и США. На предварительной встрече Накасонэ и Рейган договорились о единой стратегии нового этапа многосторонних торговых переговоров. США и Япония решили совместно начать атаку торговых барьеров, которыми страны «Общего рынка» пытаются оградить свою экономику.

Общность взглядов США и Японии по большинству обсуждавшихся на совещании вопросов дала основание политическим обозревателям говорить о существовании закулисного сговора между Накасонэ и Рейганом, о распределении обязанностей между ними на совещании «большой семерки».

«На совещании в Лондоне, — писала "Асахи", — блок США — Япония вызывает раздражение у руководителей западноевропейских государств»³³.

Значительное влияние на позицию японского премьер-министра в Лондоне оказывал внутривнутриполитический фактор. Причем его нельзя рассматривать вне контекста предвыборного камуфляжа в США. Дело в том, что Рейгану необходимо было предстать в глазах американских избирателей в образе «миротворца», и не последняя роль в создании этого нового «имиджа» отводилась совещанию «в верхах». Поскольку из Вашингтона раздавались миролюбивые заявления, в Токио также решили, что сейчас не время демонстрировать «ястребиную позицию».

На совещании в Лондоне отчетливо проявилось амбициозное стремление правящих кругов Японии выступать в рамках трехсторонней си-

³⁰ «Ёмиури», 31.V.1983.

³¹ «Майнити», 30.V.1983.

³² Пассивный баланс США и Западной Европы в торговле с Японией составлял в 1982 г. соответственно 12 651 и 11 464 млн. долл.

³³ «Асахи», 10.VI.1984.

стемы от «лица единственной азиатской экономической сверхдержавы». Об этом премьер-министр Японии заявил еще на пресс-конференции в самолете по пути в Лондон. Он призвал участников совещания учитывать в своей экономической политике «интересы бедных стран и прежде всего АСЕАН».

В связи с этим политические обозреватели указывали на то обстоятельство, что на предварительной встрече Накасонэ с Рейганом была достигнута договоренность о «координировании усилий в помощи третьему миру». Газета «Акахата» расценила этот факт как «свидетельство Вашингтона предоставить Токио значительную часть политических и экономических функций по поддержанию империалистического влияния в Азии»³⁴.

На конференции в Лондоне для поддержания своей репутации мировой державы японская дипломатия решила продемонстрировать свои возможности выступать в роли «посредника» в конфликтных ситуациях. Как сообщил министр иностранных дел Абэ в интервью газете «Ёмиури», выступление Накасонэ по поводу ирано-иракского конфликта привлекло всеобщее внимание участников совещания. Именно Япония, по его словам, внесла решающий вклад в выработку совместного заявления по этому вопросу, добиваясь придания ему сбалансированного и нейтрального характера, хотя большинство участников требовали в этом документе осудить Тегеран как «главного виновника войны».

Накасонэ в принципе поддержал предложение Рейгана о том, чтобы все ведущие капиталистические страны одновременно выбросили на рынок необходимое количество нефти из своих стратегических запасов в случае блокады Персидского залива. Однако этот план встретил противодействие руководителей европейских стран, которые не без оснований опасались, что Вашингтон надеется за их счет предотвратить новый энергетический кризис, который мог серьезно подорвать шансы Рейгана на переизбрание.

На встрече в Лондоне, как и на прошлых совещаниях, проявились две тенденции, характерные для трехсторонней системы в целом, — с одной стороны, попытка добиться общего подхода к наиболее острым проблемам, стоящим перед капиталистическим миром, с другой — намерения упрочить позиции своего монополистического капитала за счет партнеров.

Во время очередного совещания «большой семерки» в Бонне в начале мая 1985 г. американская администрация пыталась добиться вовлечения своих европейских союзников и Японии в так называемую «стратегическую оборонную инициативу». Руководители европейских стран отнеслись к этому проекту без энтузиазма, президент Франции предложил вместо нее разработать совместную европейскую программу использования новейшей технологии.

В этой сложной, не совсем благоприятной для планов Вашингтона ситуации американская администрация возлагала надежды на своего японского союзника. Во время встречи с Накасонэ в Бонне перед началом совещания «большой семерки» Рейган призвал Японию присоединиться к ведущимся в США исследованиям в области противоракетной обороны с элементами космического базирования. Премьер-министр Японии находился в затруднительном положении. Он не мог не учитывать негативной реакции японской общественности на американские планы звездных войн. Перед началом встречи в Бонне одна из крупнейших японских газет «Майнити» призывала Накасонэ «не превращать совещание “в верхах” в “политическое шоу”, а сдержать данное им оппозиционным партиям обещание приложить все усилия, чтобы оно стало встречей “за мир и ядерное разоружение”». В газете подчеркива-

³⁴ См.: «Акахата», 11.VI.1984; «Асахи», 11.VI.1984.

лось, что «японскому правительству следует проявлять особую осторожность в подходе к "стратегической оборонной инициативе"»³⁵.

Накасонэ во время встречи с Рейганом выразил понимание в отношении американской программы и охарактеризовал ее как «неотъемлемый элемент стратегии обеспечения безопасности Запада». Японский премьер-министр выдвинул тезис о «моральной обоснованности» исследований в этой области и заявил, что Япония будет продолжать изучать вопрос об участии в «стратегической оборонной инициативе»³⁶.

Однако практические шаги Японии в этой области и деятельность японской стороны на совещании в Бонне свидетельствовали о том, что японское правительство уже фактически приняло решение об участии в программе звездных войн. Еще до отъезда в Бонн Накасонэ заявил в парламенте о «возможности технологического сотрудничества» с Вашингтоном в деле разработки космического оружия, что вызвало возмущенные оппозиции и широкой общественности.

Как сообщали японские газеты, японский премьер-министр и на этот раз пытался выступать в качестве посредника в урегулировании расхождений между США и Францией, «чтобы поддерживать тесные отношения с Рейганом»³⁷.

Газета «Санкэй» писала, что японский премьер-министр фактически поддержал американскую программу как «средство антисоветской стратегии США»³⁸. «Акахата» охарактеризовала позицию Накасонэ как недостойную главы государства, испытавшего на себе ужасы атомных бомбардировок³⁹.

Большое внимание на совещании в Бонне было уделено проблеме «старого» и «нового» протекционизма. Причем, как отмечали участники встречи, особую опасность для мировой торговли представляет скорее не «старый» протекционизм с его высокими импортными и таможенными пошлинами, а «новый» — с его различными косвенными, а порой и скрытыми ограничениями. Европейские страны выступили с критикой такого рода протекционизма в Японии, которая одновременно с этим расширяет свою экспансию на мировом рынке.

Японское правительство, обеспокоенное обострением экономических противоречий с США и Европейским сообществом, своими главными торговыми партнерами, стремилось уже в будущем году провести переговоры в рамках ГАТТ о торговле и тарифах. Однако руководители европейских стран воздержались от определения сроков проведения предложенной японской стороной конференции. Политические обозреватели указывали, что в экономической области во время встречи прослеживалась тенденция к «расползанию» интересов представленных на ней государств в связи с различием между ними в технологическом уровне, характером сельскохозяйственного производства, спецификой протекционистской политики и другими факторами.

В заключительном коммюнике, принятом участниками боннской встречи, говорилось о их приверженности принципам свободной торговли, о решимости бороться с протекционизмом, инфляцией, безработицей. Тем не менее вопрос открытия очередных переговоров в рамках ГАТТ, которых добивалась Япония, остался открытым. Активность, проявленная японской стороной на встрече «в верхах» в Бонне, не принесла ощутимых результатов.

Если попытаться охарактеризовать деятельность Японии в трехсторонней системе, то она определяется прежде всего стремлением японских правящих кругов повысить свой статус в иерархии империалисти-

³⁵ «Майнити», 30.IV.1985.

³⁶ «Майнити», 3.V.1985.

³⁷ «Токио симбун», 1.V.1985.

³⁸ «Санкэй симбун», 3.V.1985.

³⁹ См.: «Акахата», 3.V.1985.

ческих держав и получить доступ к формированию глобальной стратегии капиталистического мира.

Руководители Японии используют механизм трехсторонней системы для смягчения критики западных держав в отношении экономической экспансии Японии на их рынках, которая привела к значительному дисбалансу во взаимной торговле. Особое внимание японская сторона уделяет защите принципа «свободной торговли», используя в своих интересах определенные разногласия по этому вопросу между США и Западной Европой.

Японская дипломатия рассматривает трехстороннюю систему как важный фактор укрепления своего влияния среди развивающихся, и прежде всего азиатских, стран. Именно в этом контексте следует рассматривать попытки японских лидеров выступать на совещаниях «в верхах» от имени азиатских стран и то внимание, которое они уделяют посреднической роли Японии в кризисных ситуациях в различных регионах мира.

Превалирующей тенденцией в деятельности японских представителей в трехсторонней системе является согласованный с США подход к решению глобальных проблем современного мира, поддержка антисоветской стратегии американской администрации. Этот курс связан как с конъюнктурными соображениями, так и с ценностными приоритетами консервативных кругов Японии, которые в отличие от европейских руководителей никогда не проявляли особого интереса к процессу разрядки и рассматривали международные проблемы преимущественно с точки зрения баланса сил между США и СССР.

Деятельность японских представителей в трехсторонней системе свидетельствует о том, что «глобальная» роль Японии на мировой арене по-прежнему ограничивается рамками японо-американского военно-политического союза.

Тихоокеанское сообщество: миф или реальность?

РОЙ КИМ

От редакции. Проблема создания Тихоокеанского сообщества широко дискутируется в последнее время в официальных и академических кругах Запада. «ПДВ» уже неоднократно давал оценку планам создания Тихоокеанского сообщества. Правящие круги США и Японии явно имеют в виду организовать на основе «сообщества» замкнутый военно-политический и экономический блок, призванный всемерно укрепить их позиции в этом обширном районе мира в ущерб интересам социалистических и развивающихся стран. Действуя совместно в этом направлении, Вашингтон и Токио тем не менее испытывают недоверие друг к другу, проистекающее из их гегемонистских замыслов в регионе. Американо-японским противоречиям в деле создания Тихоокеанского сообщества посвящено публикуемое ниже эссе американского политолога Роя Кима. Следует отметить, что в оценке целого ряда международных проблем (гонки вооружений в США, милитаризации Японии, осуществляющейся под прикрытием мифа о «советской угрозе», и т. д.) он целиком придерживается характерных для буржуазной политологии позиций.

* * *

Занимается заря эры Тихого океана. Сегодня зона Тихого океана, самого большого из мировых океанов, обладает большинством человеческих и природных ресурсов земного шара. Экономически это один из наиболее динамично развивающихся и процветающих районов мира. В то же время этому региону присущи порожденные прошлым и настоящим проблемы и конфликты, а для устранения сохраняющихся противоречий необходимы коллективные усилия.

Каковы же проблемы и перспективы реализации мечты английского историка А. Тойнби о том, что XXI век будет веком Тихого океана? Как известно, создатели проекта Тихоокеанского сообщества полагали, что, если объединить экономики западной части Тихого океана и Северной Америки, все остались бы в выигрыше в результате международного разделения труда. Первоначально к членству в Тихоокеанском сообществе были рекомендованы пять развитых стран (Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия и Соединенные Штаты), пять стран — членов АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд), Южная Корея, Гонконг и Тайвань. Предполагалось, что независимые тихоокеанские государства (Папуа — Новая Гвинея, Фиджи и Тонга) в будущем также станут членами этого сообщества.

В первоначальном проекте есть, естественно, ряд аномалий. Во-первых, если ассоциация будет носить название «Тихоокеанская», то как быть с теми странами Латинской Америки, которые также имеют выход к Тихому океану? Создатели проекта, судя по всему, не рассматривали это соображение как существенное в значительной мере из-за малого объема внешней торговли этих стран. Присоединятся ли они к предполагаемому сообществу в будущем или же полностью останутся вне его просто потому, что слаборазвиты? Требуется разрешение острый вопрос взаимодействия сообщества с системой свободного рынка. Здесь

возникают проблемы членства, особенно для стран с социалистической экономикой в регионе — КНДР, КНР, СРВ и, самое главное, СССР. Вопрос заключается, следовательно, в том, будут ли тихоокеанские социалистические страны исключены из сообщества из-за того, что они имеют отличные экономические системы.

Помимо этих двух аномалий, в Тихом океане существуют серьезные экономические, политические проблемы и проблемы безопасности. Некоторые из них являются новыми, но по большей части это проблемы старые, такие, как все еще продолжающееся разделение Китая и Кореи, напряженность в отношении Китая с Вьетнамом и Кампучией, беспокойные Филиппины, сохраняющаяся натянутость в советско-китайских отношениях и, наконец, хотя это и не последняя по значению проблема, напряженность в советско-американских отношениях, которая, несомненно, отразится на возможности создания Тихоокеанского сообщества.

В Атлантике отношения между странами — членами НАТО и Варшавского Договора остаются относительно стабильными в течение более тридцати лет. Что касается района Тихого океана, то здесь для послевоенных лет характерны крупные периодические изменения. Однако сейчас Япония, Китайская Народная Республика, Советский Союз и Соединенные Штаты стоят перед проблемой: как далеко они могут пойти в создании коалиций для того, чтобы сдерживать влияние противников и своих союзников? Другими словами, возможно ли достижение стабильного баланса в их отношениях или же постоянные конфликты приведут к конфронтации? Все это, безусловно, влияет на перспективы создания Тихоокеанского сообщества.

В основном в Тихом океане существуют четыре перекрывающиеся треугольника: 1) Пекин — Токио — Вашингтон, 2) Пекин — Москва — Вашингтон, 3) Пекин — Москва — Токио и 4) Москва — Токио — Вашингтон. Из-за ограниченности объема статьи невозможно полностью проанализировать все четыре треугольника. Хотелось бы только сказать, что треугольник Пекин — Токио — Вашингтон представляется наиболее благополучным, а треугольник Пекин — Москва — Вашингтон наиболее конфликтным. Без сомнения, звено Япония — США является самым важным из двусторонних отношений, в то время как напряженные отношения СССР — США создают больше всего трудностей для Тихоокеанского сообщества. Давайте же, постоянно помня об этом, подробно проанализируем отношения Япония — США как определяющий, ключевой момент возможного создания Тихоокеанского сообщества.

Действительно, двусторонние отношения Япония — США являются необходимым звеном Тихоокеанского сообщества. Они приносят многие взаимные политические и экономические выгоды и обладают потенциалом для международного сотрудничества с целью создания более стабильной международной обстановки. Обладая самой мощной экономикой в мире, Соединенные Штаты и Япония являются наиболее значительными производителями в области новейшей технологии, которая, похоже, будет определять быстрое экономическое развитие и процветание в ближайшем будущем. Сегодня, на пороге XXI столетия, Соединенные Штаты и Япония, видимо, будут наиболее важными в мире экономическими конкурентами либо партнерами. Если существующая напряженность в их экономическом соперничестве приведет к протекционистским мерам, пострадают не только Япония и Соединенные Штаты; эта напряженность, без всякого сомнения, отрицательно скажется на мировой экономике в целом, включая и район Тихого океана. По существу, есть две основные причины, вызывающие экономическую напряженность между США и Японией: растущий дефицит США в торговле с Японией и настоятельные требования Вашингтона увеличить расходы последней на оборону. Поэтому от того, как будут решаться эти две сложные проблемы, неизбежно будет зависеть возможность создания сообщества.

Эта неопределенность, вероятно, вызвана фундаментальными изменениями в американо-японских отношениях. Послевоенная японская концепция зависимости от США, похоже, больше не проявляется на практике. Прежде о полной зависимости Японии от Соединенных Штатов было принято говорить следующее: «Когда Вашингтон простужается, Япония болеет воспалением легких». Однако нынешнее положение таково, что, если японская экономика «простудится», наверняка заболит и американская.

Японо-американские экономические отношения

Исторически послевоенные американо-японские экономические отношения прошли через три основные стадии: американское военно-экономическое превосходство над Японией (до возвращения Окинавы в 1972 г.); относительное политико-экономическое сотрудничество (до событий в Афганистане в 1979 г.), осуществлявшееся с нежеланием со стороны Японии; открытое соперничество, если не конфликт, в торговле, инвестициях и производстве в глобальном масштабе.

Что же вызывает конфликт в американо-японской торговле? На основе изучения пяти отраслей (сталелитейная, автомобилестроение, сельскохозяйственное производство, телекоммуникационное оборудование и координация макроэкономической политики) исследователи выдвигают четыре основные причины.

Прежде всего это огромное увеличение двусторонней торговли и изменения в ее структуре, обострившие конфликт. За последние двадцать лет американский экспорт в Японию увеличился в 5 раз, а импорт — в 7 раз. Это увеличение значительно превзошло по темпам общий рост производства США. Торговый баланс также драматически изменился: постоянное положительное сальдо США после 1964 г. уступило место растущему дефициту, достигшему в 1983 г. самого высокого уровня за все время — 20 млрд. долл. Естественно, что структура японского экспорта претерпела значительные изменения. Сегодня Япония экспортирует в США в основном продукцию новейшей технологии, а не текстиль, как в 1960-е годы, в то время как продукция сельского хозяйства и сырье продолжают доминировать в американском экспорте в Японию. Другими словами, продукция, которую Япония поставляет в США, имеется там в достаточном количестве, но отличается по цене и качеству от такой же продукции, производимой конкурирующими американскими фирмами. С чисто экономической точки зрения дефицит в двусторонней торговле не так уж и опасен, если внешняя торговля данной страны в целом сбалансирована, хотя бы приблизительно. Но нельзя забывать о политической реальности в виде резко поднявшегося в США уровня безработицы и огромного дефицита федерального бюджета.

Вследствие этого правительство США предпринимает меры по протекционистской защите американского рынка от наплыва японских товаров. Протекционистские меры были значительно расширены со времени прихода к власти администрации Р. Рейгана. В настоящее время ими защищены 35 % производимых товаров — автомобили, текстиль, чугун, специальная сталь, мотоциклы. Более того, американская деловая древесина с земель, принадлежащих правительству, нефть и газ, добываемые на Аляске, запрещены законом к экспорту в Японию в основном из-за «особых интересов» США. Иначе говоря, американо-японская торговля вряд ли базируется на принципах «свободной торговли», и, по всей вероятности, она станет еще более сложной из-за растущих взаимных трений.

Второй причиной конфликта в американо-японской торговле является эрозия послевоенной международной системы. Во времена разгара «холодной войны» США, поскольку их экономика была сильной и здоровой, были чересчур щедры с Японией и другими западными промышленными союзниками. Проводя антикоммунистический крестовый поход, США не только предоставили относительно открытый рынок для японских товаров, но фактически позволили Японии пойти по пути серьезных ограничений импорта и обмена товарами, услугами и капиталом. Вместе с тем относительный закат макроэкономического положения Соединенных Штатов в период разрядки сопровождался продолжавшимся экономическим ростом Японии, ее усиливавшимся проникновением на американский рынок и контролем над экономикой зачастую в пику Вашингтону.

Третьей причиной, внесшей свой вклад в американо-японский торговый конфликт, является различия между национальными экономическими механизмами и их политикой. Как хорошо известно, правительство США, подчиняясь антitrustовскому законодательству, традиционно выступало в роли арбитра с целью сохранения конкуренции на национальной и международной аренах в рамках свободной торговли. Япония в отличие от США сделала основной упор на развитие своей торговой экспансии в мире. Высший орган США, принимающий решения в области торговли, — Бюро специального торгового представителя при президенте, не может соперничать с японским министерством внешней торговли и промышленности. Американское Бюро торгового представителя не только не смогло сформулировать четкую долгосрочную торговую политику, но потерпело неудачу даже в попытке выступить посредником в урегулировании бюрократического конфликта между различными органами исполнительной власти — министерствами сельского хозяйства, торговли, обороны, финансов и госдепартаментом по важным проблемам торговли (эмбарго на продажу зерна, нефтепроводы и передача технологий).

Последняя причина американо-японского торгового конфликта — различия в восприятии. Как уже отмечалось выше, в США все еще бытует привычное отношение к Японии как к своему слабому азиатскому протее, а в Японии некоторые склонны смотреть на свою страну как на зависящую от Соединенных Штатов. Обе эти концепции, естественно, не имеют ничего общего с нынешними экономическими реалиями. У некоторых американцев просто не укладывается в голове, что они могут проиграть в открытом соревновании своему японскому клиенту, и поэтому они автоматически начинают подозревать Японию в нечестной конкуренции. Раздраженные подобным отношением США, японцы полагают, что их осуждают за трудолюбие и эффективный труд, за то, что они живут в соответствии с тем, что профессор М. Морисама назвал «японской конфуцианской рабочей этикой».

Анализ этих основных причин американо-японских торговых трений не предполагает в настоящий момент обнадеживающих перспектив. Естественно, что эти проблемы неизбежны, они в негативном плане отражаются на возможности создания Тихоокеанского сообщества, ибо имеют тенденцию к интенсификации и распространению как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении.

Пытаясь разрешить эти двусторонние проблемы, японцы приняли два важных изменения в торговой политике: они пошли на добровольное сокращение экспорта в США и на слияние с американскими предприятиями, испытывающими трудности. Как эти два изменения в японской торговле повлияют, прямо или косвенно, на будущее Тихоокеанское сообщество, сложно даже предположить. Однако в настоящее

время они, похоже, несколько снизили накал эмоций в американо-японских отношениях.

Сильно обеспокоенные возможностью принятия конгрессом США под давлением американского правительства протекционистских мер, японские автомобильные корпорации самостоятельно установили квоты на экспорт. Так, в 1984 г. Япония экспортировала в США лишь 1850 тыс. легковых автомобилей, хотя это и является увеличением квоты на 170 тыс. единиц по сравнению с 1983 г. Как утверждают, Япония безуспешно пыталась добиться квоты на экспорт автомашин в размере 1900 тыс. штук, в то время как США стремились снизить ее до 1800 тыс. штук. Комиссия США по международной торговле рекомендовала в июле 1984 г. тремя голосами против двух на пять лет установить квоты на импорт стали и ввести дополнительные тарифы для оказания помощи сталелитейной промышленности США, испытывающей трудности. Как и ожидалось, японские сталепромышленники выступили с резкой критикой этого решения.

Вторым направлением в японской экономической политике являются прямые капиталовложения в США. Изначально вызванные к жизни профсоюзными лидерами и деловыми кругами США для сокращения американского дефицита в торговле с Японией, японские инвестиции просачивались на американские берега в течение более чем десятилетия. США стали ныне основным объектом японских капиталовложений за границей, на их долю в 1982 г. приходилось 24,7 % всех японских инвестиций за рубежом. Соединенные Штаты являются самым крупным рынком сбыта Японии, столь жизненно важным, что без него она уже не смогла бы существовать. Япония переходит от политики просто экспорта к производству товаров в самих Соединенных Штатах для того, чтобы стабилизировать американский рынок. С японской точки зрения, это происходит в самый подходящий момент: конгрессу США представлены на рассмотрение более двадцати законопроектов о взаимоотношениях в торговле и законопроект об участии в прибылях местных властей, имеющие явно протекционистский характер.

Как же отреагировал Вашингтон? В 1983 г. президент Р. Рейган сделал заявление, в котором приветствовал иностранные, в том числе и японские, прямые капиталовложения в Соединенные Штаты, если они преследуют только экономические цели. Однако только экономические соображения сами по себе существуют редко. В апреле 1984 г. директор ЦРУ У. Кейси назвал большую долю участия японских капиталов в американском производстве компьютеров «тройным конем». Он предупредил, что слишком большая зависимость от японской технологии может подорвать лидирующие позиции США в этой области. Действительно, долговременные экономические, стратегические и политические последствия все увеличивающегося участия Японии в американской экономике очень трудно предсказать: приведут ли всплески националистических протекционистских настроений внутри Соединенных Штатов или будут способствовать более тесному экономическому международному разделению труда между США и Японией, являясь, таким образом, положительным вкладом в создание Тихоокеанского сообщества? Япония, вложившая в американский бизнес 10,5 млрд. долл., является четвертым иностранным инвестором США, лишь немного отставая от Канады. Японские вклады намного значительнее, чем те 8 млрд. долл., которые Соединенные Штаты вложили в японскую экономику.

Реакция в Соединенных Штатах на это была различной. Для профсоюзных лидеров самым главным является вопрос о том, спасут ли японские инвестиции рабочие места. Представителей деловых кругов прежде всего беспокоит угроза, которую представляют японские кон-

куренты для торговли на внутреннем рынке. Экономисты озабочены более долговременными последствиями прежде всего потому, что американская экономика рискует быть лишенной капиталов, ибо Япония может начать вывозить прибыли от своих американских капиталовложений, что японцы в значительных размерах пока еще не начали делать. В целом же увеличение японских капиталовложений в американскую экономику приветствовалось. Зачастую представители местных властей вступают в конфликт с федеральной администрацией, стремясь привлечь японские вклады на свою территорию. Однако существуют и те, кто рассматривает японские капиталовложения как возможную ловушку, опасаясь концентрации власти в руках растущей прослойки лиц, зависящих от японского капитала.

Японские капиталовложения в Соединенных Штатах не являются совершенно новым явлением. Сборочная линия фирмы «Сони» в городе Сан-Диего, работающая уже 12 лет, выпустила к маю 1984 г. 5 млн. телевизоров. Завод по производству телевизоров компании «Мацусита квазар» в пригороде Чикаго отпраздновал в 1984 г. свое десятилетие. В феврале 1983 г. «Тоёта» и «Дженерал моторс» объявили о создании смешанного предприятия с капиталом в 230 млн. долл. по производству малогабаритных автомобилей на бездействующем заводе в городе Фремонт. В апреле 1984 г. «Ниппон коккан» объявила о достигнутом соглашении о покупке 50 % акций «Нэшнл стил корпорэйшн» за 292 млн. долл. Что является новым, так это неожиданно увеличивающиеся размеры японских капиталовложений в США. В последнее время агрессивные японские компании, стремящиеся обойти возрастающий контроль над импортом, который мешал продаже их товаров в США, вкладывали накопившиеся деньги, часто по заниженной стоимости, в американский бизнес.

Японские прямые капиталовложения связаны и с вопросами безопасности США. Стремление оградить американскую технологию, особенно связанную с вопросами безопасности, часто выдвигается в качестве причины контроля над японскими капиталовложениями. Об этом уже говорилось в 1978 г., когда американская компания «Боинг» взяла итальянского и японского (консорциум, в который входили компании «Фудзи», «Кавасаки» и «Мицубиси») партнеров для строительства широкофюзеляжного самолета «Боинг-767». Панели для фюзеляжа изготавливались в Токио, для сборки же переправлялись в Сиэтл. «Если они захотят создать свой коммерческий самолет, они могут сделать это без нас», — подтвердил представитель «Боинга». Это соглашение, сказал он, позволило «Боингу» разделить стоимость на всех и уменьшить риск. Что касается следующего поколения своих самолетов, «Боинг» предложил партнерам участие в размере 25 % прибыли, а не 15 %, как это было ранее. Директор ЦРУ У. Кейси выразил серьезную озабоченность по поводу соглашений о сотрудничестве, например, между «Хитати» и «Нэшнл семикондактор» или между «Амдал» и «Фудзицу», в соответствии с которыми американские компании, производящие компьютеры, слишком зависят от своих японских партнеров в области конструирования и производства составных частей для продаваемых ими крупных многоцелевых компьютеров. «Мы, — заявил Кейси, — рассматриваем это как опасный курс как с точки зрения национальной безопасности, так и с точки зрения торговой политики».

Несмотря на риск для национальной безопасности, американские деловые круги до нынешнего дня в целом приветствовали японские капиталовложения. Необходимо и неизбежно, чтобы американский бизнес с достоинством принимал изменения. Лидерство в технологической области, похоже, является такой же характерной чертой японских компаний, проникающих в Соединенные Штаты, как и техника управления, которая привлекла к себе столько внимания. Японские компа-

нии известны резко отрицательным отношением к найму лишних рабочих и вмешательству в условия труда рабочих. В конечном итоге можно ожидать, что японцы будут более жестки к рабочим, чем американские управляющие.

Большая напряженность в американо-японской торговле является источником озабоченности для всего бассейна Тихого океана. По всей вероятности, Япония будет и в дальнейшем иметь большие прибыли в торговле с Соединенными Штатами, даже если она уберет все существующие ныне торговые барьеры для того, чтобы удовлетворить требования США. Ибо, как хорошо известно, Япония бедна природными ресурсами и зависит от импорта сырья, особенно нефти и других видов минерального топлива. Она должна получать иностранную валюту для оплаты нефти путем экспорта других товаров. Если бы США пожелали продавать Японии достаточное количество нефти с Аляски, то несбалансированность двусторонней торговли в значительной мере уменьшилось бы.

Общепринятым, особенно в Соединенных Штатах, является мнение, что японская торговая политика повинна в американском торговом дефиците. Япония сохраняет ряд нетарифных барьеров в области импорта, что является источником ее столкновений с Соединенными Штатами. Они включают импортные квоты на некоторые виды продукции сельского хозяйства, особенно мясо и цитрусовые. Хотя Япония и является крупнейшим покупателем американской сельскохозяйственной продукции, последняя все еще сталкивается со сложностями проникновения на японский рынок. С уверенностью можно сказать, что с экономической точки зрения в японских интересах было бы сократить барьеры для сельскохозяйственного импорта, потому что Япония могла бы тратить на импорт этих товаров значительно меньше, чем стоит их внутреннее производство, и, конечно, это улучшило бы отношения с Соединенными Штатами.

С точки зрения Токио, однако, существуют географические, исторические, культурные и политические причины для сохранения сельскохозяйственного протекционизма. Ими являются: ограниченные площади обрабатываемых земель на гористом архипелаге; программа перераспределения земель, проведенная американскими оккупационными властями и запрещающая владение большими участками земли; традиционное стремление к мелкому фермерству на основе одной семьи и, самое главное, существование сельскохозяйственного лобби, которое является основным источником поддержки правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Политическая сила японских фермеров определяется тем, что большинство членов парламента представляют сельские районы, ибо послевоенная урбанизация Японии не нашла отражения в перестройке избирательных округов. В результате за каждое кресло в парламенте в некоторых городских округах голосует в четыре-пять раз больше избирателей, чем в сельских зонах.

С 1955 г. большинство членов правящей ЛДП являются выходцами из консервативных сельскохозяйственных районов. Учитывая эту политическую реальность, вряд ли стоит удивляться, что сельскохозяйственные субсидии, выплачиваемые фермерам, весьма значительны. Например, в марте 1981 г., в конце финансового года, они составили 10,4 млрд. долл., то есть 54 % от всего сельскохозяйственного дохода Японии за год. Члены ЛДП, защищающие сельскохозяйственный протекционизм, являются наиболее проамерикански настроенными политиками и твердыми сторонниками увеличения военных расходов Японии — цель, которой добиваются Соединенные Штаты, стремящиеся разделить с другими бремя глобальных военных расходов. Закупки в США продукции сельского хозяйства порождают и многие другие проблемы Японии. Обеспечивая себя продуктами питания менее чем

на 50 %, она, естественно, заботится о том, как гарантировать свою безопасность. Япония является самым крупным покупателем американской сельскохозяйственной продукции, что в 1982 г. дало США 5,6 млрд. долл. Тем не менее японцы имеют основания для волнений по поводу надежности Америки. Они хорошо помнят эмбарго, наложенное США на экспорт сои, важного продукта питания японцев, в 1973 г. во время правления администрации Никсона.

Еще одной причиной для беспокойства Токио является закон о запрещении Японии покупать нефть Аляски в основном в связи с американскими внутривластными соображениями. Снятию запрета на экспорт нефти Аляски в Японию противятся, несмотря на его явную экономическую выгоду, различные группы, представляющие американский флот, в частности Союз моряков. В октябре 1981 г. японо-американская группа по экономическим отношениям в своем дополнительном докладе президенту США и премьер-министру Японии рекомендовала американскому правительству подготовить детальный анализ причин «запрета на экспорт нефти Аляски и последствий его отмены». Много дискуссий велось вокруг этого экономически оправданного, но политически трудного шага во время визита в Соединенные Штаты в январе 1983 г. премьер-министра Я. Накасонэ. Однако и до настоящего времени американский запрет на нефть Аляски остается не снятым.

Как устранить трения в американо-японской торговле? С. Окита, бывший министр иностранных дел Японии, характеризует торговый дефицит США как естественный аспект системы свободного рынка. Японию, утверждает он, нельзя осуждать за слабость американского внутреннего экономического производства. Нельзя также рассматривать японский рынок как ограниченный для доступа американских товаров. Японские импортные квоты и нетарифные барьеры являются более либеральными, чем в ЕЭС. Подлинные проблемы, полагает С. Окита, вытекают из высоких учетных ставок, инфляции и завышенной стоимости доллара в США. Эти факторы увеличили конкурентоспособность японских экспортных товаров и затрудняют американский экспорт. Торговые конфликты, по его мнению, требуют совместного разрешения, а не взаимных обвинений. В Соединенных Штатах с готовностью признают, что причиной падения обменного курса нены по отношению к доллару по крайней мере с 1980 г. является отток капиталов из Японии в Соединенные Штаты. Главной причиной этого оттока капиталов являются высокие учетные ставки в Америке. Но вместе с тем высказывается мнение, что японские ограничения также влияют на международный приток капитала.

Естественно, что различия в области торговли вызывают политическую напряженность. Как отмечала в своем докладе в январе 1981 г. японо-американская группа по экономическим отношениям, двусторонние экономические разногласия ухудшают сотрудничество Японии и США как в неэкономической, так и в экономической областях по мере того, как они становятся «все более очевидными и острыми». Эти разногласия могут легко привести к созданию эффекта их чрезмерности, истощая физически и психологически американских и японских официальных деятелей во время частых и длительных встреч, не дающих удовлетворительного результата. Более того, торговые конфликты оказывают длительное неблагоприятное воздействие на японо-американские отношения. Учитывая это, смогут ли Соединенные Штаты и Япония стать лидерами в создании Тихоокеанского сообщества? Прежде чем поднимать этот вопрос, кратко остановимся на американо-японских отношениях в области безопасности.

Американо-японские отношения в области безопасности

Американо-японские отношения в области безопасности не базируются ни на общности истории, ни на общности культуры. В целом они прежде всего основываются на понимании общности интересов. Серьезный разрыв между пониманием и ожиданием, похоже, существует в японо-американских отношениях в области безопасности. В основном американо-японским соглашениям в этой области угрожают: неопределенность в оценке Японией характера этих отношений и нежелание связывать себя обязательствами с США в военной области, в особенности в районах Индийского океана и Персидского залива; обеспокоенность Токио переменчивостью и непредсказуемостью американской внешней политики в период после войны во Вьетнаме, когда касающиеся Японии решения принимались в одностороннем порядке, без предварительных консультаций; характер японской демократии и возможность возникновения крайне левого пацифизма или праворадикального милитаризма по мере усиления недовольства общественности отношениями в области безопасности с Соединенными Штатами. То, как Токио и Вашингтон будут решать эти три основные проблемы, неизбежно отразится на перспективах создания Тихоокеанского сообщества. Учитывая изменяющийся американо-советский глобальный баланс сил, в особенности в районе Тихого океана (тут автор повторяет версию Вашингтона о нарушении Советским Союзом равновесия сил в мире. — Ред.), Х. Окадзаки, генеральный директор отдела исследований и планирования министерства иностранных дел, полагает, что японская политика должна основываться на геостратегической важности Японии для Соединенных Штатов и Советского Союза. Япония, уверяет он, могла бы стать более важным фактором в создании военного баланса между Западом и Востоком, чем Европа или Средний Восток, так как ее географические особенности в большей степени способствуют обороне и она имеет сильную экономику. Далее, он полагает, что японская общественность начинает понимать необходимость этих политических изменений. Для Японии, погребенной под радиоактивным пеплом, униженной американской оккупацией, а в настоящее время столкнувшейся с неопределенностью международного окружения, вопрос о перевооружении определенно станет одной из важнейших проблем 1980-х годов. Решение вопроса о перевооружении Японии отразится не только на американо-японских двусторонних отношениях, но окажет решающее воздействие и на перспективы создания Тихоокеанского сообщества.

Сегодня Япония старается сама обеспечить свою безопасность. Это происходит в значительной мере как ответ на растущую неуверенность в приверженности Америки оборонным обязательствам и прежде всего увеличивающуюся уязвимость Японии от внешних обстоятельств, особенно в районе Персидского залива. Учитывая тот факт, что 65 % нефти поставляется в Японию из Персидского залива, легко понять, что Япония чувствует себя неудобно из-за эскалации конфликта между Ираном и Ираком. Более серьезным, однако, является то, что Япония расценивает как увеличение советской военной мощи в Тихом океане. Хотя Япония и рассматривает Советский Союз как основной источник угрозы, вопрос о том, насколько велика эта угроза и что именно составляет «угрозу», интенсивно дебатруется в японских политических кругах. На деле Япония до нынешнего времени избегала рассматривать Советский Союз в качестве «действительной» угрозы, говоря лишь об угрозе «потенциальной», на том основании, что, хотя Советский Союз и может напасть на Японию, его намерение сделать это не яв-

ляется четким (автор вновь повторяет миф о советской угрозе, используемый Токио как прикрытые политики милитаризации. — Ред.). Японские политики в последнее время утверждают, что советская военная угроза реальна и серьезна. Во время своего визита в Вашингтон в мае 1981 г. премьер-министр Дз. Судзуки заявил, что Япония по собственной инициативе и в соответствии с конституцией и основной линией в области обороны будет стараться прилагать больше усилий для улучшения обороноспособности японской территории, морского и воздушного пространства в пределах до 1000 миль. Преемник Судзуки, Я. Накасонэ, был еще более откровенен, говоря во время визита в Вашингтон в 1983 г. о готовности Японии стать «непотопляемым авианосцем» в Тихом океане против возрастающего советского могущества.

Хотя эти обязательства Японии и нашли должное понимание в США, две страны имеют фундаментально противоположные геостратегические принципы. Естественно, что Вашингтон рассматривает Японию и передовое американское базирование там в контексте глобальных геостратегических соображений; Япония же стремится оценивать свою собственную безопасность с точки зрения региональных стратегических перспектив.

Соглашаясь, по крайней мере на словах, с необходимостью объединенной системы безопасности Запада, Япония в то же время старается не дать Советскому Союзу повода рассматривать ее как слабую либо угрожающую страну и стремится поддерживать с СССР — твердо, но вместе с тем корректно — относительно хорошие отношения. Если по каким-либо причинам глобальное равновесие сил решительно изменится в пользу Советского Союза, будет легко объяснимым стремление Японии все больше увязывать свои интересы с интересами СССР. Во всяком случае, Япония традиционно действовала в соответствии с принципом «не задевай могущественного».

Стремление Японии обеспечить собственную безопасность вызвано главным образом сложным развитием американско-японского партнерства в области обороны. Хотя очевидное единство американско-японских интересов в области обороны все еще значительно перевешивает разногласия, похоже, что партнерство переживает период глубоких изменений, результат которых в значительной степени менее ясен, чем это можно было бы предположить на основе идеи К. Уайнбергера о «партнерстве в области обороны». Большие изменения произошли в глобальном равновесии сил. Положение Соединенных Штатов и Японии в системе международных отношений, характер их связей друг с другом, их взаимоотношения с другими странами, характерные черты внутренней политики значительно изменились с 1950-х годов. Все более могущественные группировки в обеих странах стали рассматривать партнерство как оставляющее желать лучшего. Несмотря на явные усилия обоих правительств сохранить и укрепить партнерство при Накасонэ и Рейгане, представляется возможным, что нынешние двусторонние связи в области безопасности, напоминающие англо-японский союз во время и после первой мировой войны, могут стать все менее и менее близкими и пути обеих стран постепенно разойдутся, даже если это и не приведет к конфликту.

Указанием на начало расхождения может служить значительная разница в оценках, делавшихся У. Колби и У. Кейси — бывшим и нынешним директорами ЦРУ. У. Колби выразил опасение, что прошлое лидерство Америки в политических и стратегических делах свободного мира может быть сменено сильными позициями Японии в экономической и социальной областях, которые будут доминирующими в будущем. Он опасался, что сила японской экономики сможет позволить ей занять лидирующее место в финансовом мире в ущерб доллару в качестве средства международных расчетов. Предвосхищая эти собы-

тия, Колби предложил, чтобы Япония и Соединенные Штаты выработали совместную политическую структуру и дали бы полную свободу деятельности для своих экономик в рамках общей структуры вместо двух отдельных политических структур. Пока существуют две отдельные политические структуры, предсказывал он, соперничество в экономической области будет находить свое отражение в политике и будет возникать соблазн использовать политические орудия для подавления экономической мощи партнера. У. Кейси предостерегал, что слишком большая зависимость США от японской новейшей технологии опасна как для национальной безопасности, так и для американской торговли.

Исторически в японо-американских отношениях в области безопасности в послевоенный период было три стадии: стратегия Ёсиды в 1950-х годах; основные направления программы национальной обороны в 1976 г. и нынешний военный «реализм» при Накасонэ.

С. Ёсида, первый премьер-министр Японии после оккупации, выступал за то, чтобы она после поражения в 1945 г. в вопросах своей безопасности опиралась на США, но отклонял американские требования о перевооружении страны. Ёсида, прозванный «японским Аденауэром», рассматривал американско-японскую систему безопасности, которую он обсуждал с Дж. Даллесом в Сан-Франциско в 1951 г., не более как временный вынужденный союз, неизбежный результат поражения, американской оккупации Японии и «холодной войны». Ёсида полагал, что Япония, небольшая, бедная природными ресурсами островная страна, зависящая в своем экономическом выживании от импорта сырья и экспорта готовых товаров, не имеет иного выхода, кроме поддержания дружественных отношений с США, в то время самой могучей морской державой мира. Однако Ёсида был уверен, что при благоприятных международных условиях и динамичном руководстве Япония вновь по праву займет место великой державы. Сан-Францисский договор 1951 г. был заменен договором 1960 г. о двустороннем сотрудничестве и безопасности. С этого момента Соединенные Штаты взяли на себя обязательство защищать Японию, однако для использования американскими силами японских средств с целью обороны страны или поддержания международной безопасности в Восточной Азии необходимо было согласие Японии. Последняя не имеет схожего обязательства защищать Соединенные Штаты, что делает договор 1960 г. по сути своей односторонним.

Основные направления программы национальной обороны 1976 г. легли в основу японской стратегии недавнего времени. Они предполагали в своей главной части существование в Японии в мирное время минимальных, способных отразить мелкомасштабную агрессию сил при предполагаемом ядерном равновесии сверхдержав. То, что в Японии рассматривали как закат американской силы в обеспечении безопасности в Тихом океане, о чем свидетельствовали доктрина Никсона, поражение во Вьетнаме и последующее относительное уменьшение военного превосходства США над Советским Союзом, вызвало серьезные сомнения в надежности американских обязательств по обеспечению безопасности Японии.

До 1978 г. ни один из японских лидеров не касался вопросов обороны в своих основополагающих политических выступлениях, пока Т. Фукуда не нарушил эту традицию. Еще одним беспрецедентным событием явился официальный визит в страны НАТО начальника Управления национальной обороны (УНО) С. Канэмару. С этого момента японское правительство официально и публично начало выражать серьезные сомнения в способности США обеспечить безопасность Японии, заявляя, что Соединенные Штаты более не могут в одностороннем порядке обеспечивать защиту своих западных союзников, учитывая значительное развитие советской мощи, что является разительным контрастом по

сравнению с предыдущим доминирующим положением американских вооруженных сил. Преемник Канэмару, Г. Ямасита, впервые за послевоенный период посетил в июне 1979 г. с официальным визитом Сеул для переговоров по вопросам безопасности. В октябре того же года премьер-министр М. Охира впервые принял решение об участии в организуемых Соединенными Штатами многонациональных военно-морских маневрах совместно с Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южной Кореей, начавшихся на Гавайских островах в марте 1980 г. Доклад Академии УНО, представленный в июле 1980 г., особо подчеркивал, что «Пакс Американа» более не существует, и призывал Японию предпринимать самостоятельные усилия по отражению военных угроз. В апреле 1982 г. премьер-министр Дз. Судзуки заявил, что СССР добился ядерного превосходства над США. В сентябре 1982 г., очевидно под сильным американским давлением, Судзуки согласился на американский план размещения от 40 до 50 истребителей Ф-16 на авиабазе в Мисава.

Сегодня, однако, премьер-министр Я. Накасонэ проводит политику так называемого «военного реализма». Он выступает за более прочный военный союз с Соединенными Штатами, в особенности для достижения политических и экономических целей. Поскольку основные военные цели Соединенных Штатов переместились в Европу и на Средний Восток, «военные реалисты» считают необходимым защитить обычными вооружениями уязвимый район, охватывающий Северо-Восточную Азию и западную часть Тихого океана. Они расценивают более тесное американо-японское сотрудничество в области обороны как способ утверждения членства Японии в сообществе свободных и демократических наций. По этой и другим причинам Я. Накасонэ в январе 1983 г. посетил Сеул. Это был первый визит японского премьер-министра в Южную Корею за 37 лет.

Этому аплодировали в Вашингтоне. Премьер-министр Я. Накасонэ особо подчеркнул на экономической встрече в верхах в Вильямсберге в мае 1983 г. неделимость безопасности западных стран. В итоге то, что начинает проявляться в союзе США — Япония, — это твердо отстаивающая и равная в своих правах, а не покорная и бесправная Япония. Хотя большинство творцов американской политики, в вопросах обороны постоянно оказывавших на Японию нажим, добиваясь, чтобы она больше делала в военной области, должны были бы приветствовать позицию «реалистов» по вопросу безопасности, они, похоже, колеблются. Многие по обе стороны океана выражают все больше опасений по поводу неясного будущего «военного реализма» и того, является ли такая стратегия, более приемлемая для большего по размерам государства, желательной внутри самой страны. Окружающие Японию страны, видимо, будут менее терпимы к такой программе. Даже Соединенные Штаты, подталкивая японцев к перевооружению, похоже, не очень уверены в том, чего они хотят от перевооруженной Японии, и еще менее в том, как повлиять на японскую программу перевооружения.

В чем можно быть почти уверенным, так это в существовании вероятности того, что японская стратегия в области безопасности будет отлична от американской. Основные отличия, как было показано выше, связаны не только с различными геополитическими позициями, но также и с различиями в историческом, культурном и даже этническом наследии.

• • •

Несмотря на огромные потенциальные возможности Тихоокеанского сообщества, приходится делать вывод, что, учитывая преобладающие экономические и стратегические разногласия, пророчество А. Тойнби останется невыполненным.

Резюмируем некоторые ключевые моменты. Существуют фундаментальные проблемы членства различных стран региона в предполагаемом сообществе, связанные с соображениями географии, типом экономической системы, а также проблемой, как их соединить. Существует явная нехватка в дальновидном руководстве по обеим сторонам Тихого океана. Более того, есть нежелание и невозможность разделить экономическую власть — в особенности между Соединенными Штатами и Японией — на равной основе для подобного сообщества, даже наоборот, это противоречит интересам этих двух стран. Соединенные Штаты и Япония, два основных потенциальных кандидата на лидерство в Тихоокеанском сообществе, похоже, слишком часто поддаются иррациональным человеческим слабостям — амбиции, стремлению к руководящему положению, стремлению спасти свое лицо, иллюзии, самообману, — что не позволяет им посмотреть в лицо реальности и обдумать все совместно к взаимной выгоде. Поскольку движущим принципом для их лидеров является стремление сохранить свой пост путем улещивания как можно большему и нанесения обиды как можно меньшему числу лиц при постоянной мысли о перевыборах, трудно ожидать, что они сформулируют яркие и долговременные политические программы. Проекты в истории, как бы грандиозны они ни были, чаще бывали невыполненными, чем наоборот. Какой же будет судьба Тихоокеанского сообщества? Только время может дать ответ. Таким образом, Тихоокеанское сообщество — это не миф, не реальность, это по-прежнему видение.

За фасадом «экспортного чуда» ;

(ТНК в торговой экспансии
Гонконга, Тайваня
и Южной Кореи)

А. В. БЕРЕЗНОЙ,
кандидат экономических наук

Быстрый рост промышленного экспорта из Гонконга, Тайваня и Южной Кореи в последние годы привлекал все более пристальное внимание исследователей. На Западе поспешили даже объявить это явление «экспортным чудом». О чудесах, как известно, начинают говорить тогда, когда остаются нераскрытыми или непонятными реальные экономические процессы и закономерности. Действительно, и в данном случае буржуазные экономисты признаются в своей несостоятельности. «Объяснение восточноазиатского экономического „чуда“ — заключают, например, после обзора основных работ на эту тему американские исследователи Дж. Хикс и Г. Реддинг, — оказалось для теоретиков (на Западе. — А. Б.) неразрешимой задачей»¹.

Тем не менее так называемая открытая модель ориентированного на экспорт развития трех указанных дальневосточных территорий в последние годы всячески рекламируется ими в качестве своего рода эталона для остальной части развивающегося мира. Все дело в том, что именно эта дальневосточная «тройка» стала одним из ключевых опорных пунктов международного монополистического капитала на периферии мирового капиталистического хозяйства, одним из важнейших «полигонов» для испытания его новейших методов неокolonиального господства и эксплуатации. Тем актуальнее представляется выяснение действительных масштабов, конкретного механизма и последствий контроля «элиты» международного бизнеса — транснациональных корпораций в отношении экспортного производства и торговли Гонконга, Тайваня и Южной Кореи.

Экспортное производство под иностранным контролем

В течение 70-х годов Гонконг, Тайвань и Южная Корея заняли ведущее положение в развивающемся мире как по темпам роста промышленного экспорта (за 1968—1979 гг. — 21, 36 и 42 %), так и по абсолютным его объемам. В 1980 г. они обеспечивали соответственно 14, 18 и 15 % вывоза обработанных товаров с периферии мирового капиталистического хозяйства. То есть уже к началу 80-х годов эти три крошечные по площади дальневосточные территории, на долю которых приходится менее 3 % населения развивающегося мира, давали около половины его промышленного экспорта (примерно 57 млрд. долл. в 1980 г.)². Более того, существенно возрос удельный вес экспортеров промышленной продукции из Гонконга, Тайваня и Южной Кореи и на крупнейших капиталистических рынках. В частности, за 1969—1979 гг. на североамериканском рынке он вырос в 2,2 раза (с 4,5 до 9,9 %),

¹ «Euro-Asia Business Review», July 1983, p. 24.

² In: «The Developing Economies», December 1983, p. 282, 313; «Trade and Development: An UNCTAD Review», Winter 1982, p. 165.

на западноевропейском — в 2,7 раза (с 0,8 до 1,9 %), на японском — в 3,7 раза (с 4,7 до 17,3 %) ³.

Однако все эти на первый взгляд весьма впечатляющие количественные показатели не дают представления о качественной стороне дела, в частности о том, кто конкретно и по каким каналам осуществляет промышленный экспорт, какова «цена» успехов для непосредственных производителей, а также имеются ли перспективы устойчивого и независимого развития национальных хозяйственных комплексов. Между тем при ближайшем рассмотрении оказывается, что ведущей силой в торговой экспансии Гонконга, Тайваня, Южной Кореи были и остаются транснациональные корпорации, базирующиеся в развитых капиталистических странах, но контролируемые в тех или иных формах подавляющую часть промышленного экспорта рассматриваемых дальневосточных территорий.

Еще в 60-е годы ТНК прекрасно усвоили, какие колоссальные выгоды сулит формирование новой системы международного капиталистического разделения труда на базе перемещения части производственного аппарата в развивающийся мир. Причем в качестве основных «мест назначения» перебазированных производств были избраны именно Гонконг, Тайвань и Южная Корея, которые уже обладали целым комплексом наиболее подходящих с точки зрения международных монополий особенностей, а именно: дешевая дисциплинированная и сравнительно квалифицированная рабочая сила, достаточно развитая производственная инфраструктура, близость к важнейшим торговым коммуникациям, «надежный» инвестиционный климат, активная экспортная ориентация экономической политики правящих режимов.

Объективная основа перемещения транснациональными корпорациями производственных мощностей на дальневосточные территории была создана в результате качественных изменений в общих условиях воспроизводства в мировом капиталистическом хозяйстве. Научно-техническая революция привела к резкому усилению международной мобильности материальных и нематериальных производственных ресурсов. Подлинный переворот в средствах транспорта, связи, сбора и обработки информации резко снизил значимость географической близости предприятия и рынка сбыта как одного из главных критериев выбора места производства. Более того, появились возможности пространственного разделения прежде неделимых стадий воспроизводственного процесса (проектно-конструкторских работ, производства и сбыта) и даже разделения последовательных звеньев собственно процесса производства. Причем в ряде отраслей значение стадии производства (которое за счет множественного дробления сводится к простейшим операциям) снижается, что позволяет международному монополистическому капиталу без всякого риска перемещать эту стадию полностью или частично в развивающиеся страны с их обилием дешевой рабочей силы. В этих случаях ТНК сохраняют эффективный контроль над стадиями подготовки производства и реализации и тем самым над воспроизводственным процессом в целом. С другой стороны, ускоренные темпы технического развития ведут к переосмыслению самого понятия «современное производство». Целая группа промышленных отраслей уже переживает период зрелости или даже старения, и, следовательно, эти отрасли перестали быть генераторами научно-технического прогресса. Поскольку эти производства не могут более считаться передовыми, империалистические страны проявляют растущую заинтересованность в их перебазировании в развивающиеся страны. Аналогичные процессы происходят и на внутриотраслевом уровне, где даже в рамках динамичных в технологическом отношении отраслей продукция, считавшаяся вполне

³ In: «The Developing Economies», December 1983, p. 286.

современной еще 10—15 лет назад (например, телевизоры, карманные калькуляторы), теперь является устаревшей, производство ее — «обременительным» для экономики развитых капиталистических государств, а потому подлежащим перемещению в развивающиеся.

Таким образом, в рамках «нового» международного разделения труда за развивающимся миром вообще и дальневосточными территориями в первую очередь сохраняется прежняя роль периферии, но уже периферии не аграрной или сырьевой, а индустриальной. Как пишет об этом член руководства Коммунистической партии Филиппин М. Магальона, «старые колониальные отношения, основанные на системе обмена „сырье — готовая продукция“, уступают место связям технологической зависимости. Национальная экономика перестает быть только лишь сырьевым придатком какой-либо колониальной державы, а превращается в значительной мере в технологический винтик производственного конвейера транснациональных корпораций США, Японии и Западной Европы»⁴. В результате зависимость фиксируется на более высоком уровне, а эксплуатация становится еще интенсивнее.

Процесс интенсификации эксплуатации периферии мирового капиталистического хозяйства находит самое наглядное отражение в рамках так называемых свободных экспортных зон, первые из которых стали создаваться именно на дальневосточных территориях. Внутри таких зон ориентированные на экспорт иностранные филиалы освобождаются от таможенных пошлин и в значительной степени от налогов, пользуются полной свободой в области вывоза прибылей, а также существенными льготами при получении кредитов и оплате услуг инфраструктурных объектов. Особенно привлекательным для транснациональных корпораций является отсутствие ограничений на продолжительность рабочего дня или даже запреты на забастовки, что наблюдается, например, в Южной Корее. Активно используя такие преимущества, любезно предоставляемые ТНК правящими режимами дальневосточных территорий в погоне за увеличением промышленного экспорта, иностранный капитал превратил свободные экспортные зоны в настоящие «заповедники» наиболее одиозных методов повышения степени эксплуатации местного пролетариата.

Немногоим отличается положение работающих на предприятиях ТНК и за пределами экспортных зон. Давление огромной резервной армии труда заставляет их соглашаться практически на любые условия из страха вообще остаться без средств к существованию. При этом в политике найма ТНК предпочитают ориентироваться на наиболее бесправную часть местной рабочей силы — молодых женщин или детей. Как отмечал, например, французский исследователь К. Рэмбо, «магазины многих стран ломаются от игрушек с клеймом «Мейд ин Гонконг». Эти красивые куклы и заводные машинки, сделанные руками маленьких гонконгцев, отмечены еще одним «клеймом» — беспощадной эксплуатацией детей»⁵.

В среднем расходы ТНК на оплату труда в Гонконге, на Тайване и в Южной Корее в середине 70-х годов были примерно в 9 раз ниже, чем в США, в 5—10 раз ниже западноевропейского уровня и в 4 раза ниже японского. Что касается продолжительности рабочей недели, то, например, в текстильной промышленности Южной Кореи в 1980 г. она только по официальным (явно заниженным) данным составляла 55,2 час., тогда как в США — 40, в Великобритании — 42,9, в ФРГ — 39,7, во Франции — 39,8, в Японии — 40,8 час.⁶ В итоге, хотя на местных предприятиях ТНК, как отмечает советский экономист В. М. Соколинский, «производительность труда, общая эффективность производства

⁴ «Коммунист», 1984, № 15, с. 109.

⁵ C. R i m b a u d. 52 millions d'enfants au travail. Paris, 1980, p. 157.

⁶ In: Yearbook of Labour Statistics. Geneva, 1981, p. 403—408.

повышаются, однако результат высокой отдачи труда работников в значительной степени не остается ни у самих трудящихся (несмотря на высокую производительность труда и интенсивность, заработная плата очень низка), ни даже у местных капиталистов или национального правительства. Он вывозится за рубеж, туда, откуда были инвестированы капиталы для организации экспортного производства»⁷.

Именно такие возможности резкой интенсификации эксплуатации наемного труда и стали важнейшим стимулом для перемещения части производственного аппарата ТНК в Гонконг, на Тайвань и в Южную Корею. А поскольку основные рынки для продукции перемещенных производств оставались в центрах мирового капитализма, промышленный экспорт, направляемый туда из дальневосточной «тройки», быстро приобрел невиданные масштабы. В первую очередь это коснулось товаров потребительского назначения — сначала одежды, текстиля, обуви, игрушек, затем бытовой электроники, кино- и фотоаппаратуры, оптики, музыкальных инструментов, часов и пр. Неудивительно, что по потребительским товарам удельный вес Гонконга, Тайваня и Южной Кореи в общем объеме промышленного экспорта из развивающегося мира в развитые капиталистические страны стал особенно высок. В 1980 г. по 16 основным видам этой категории продукции он, в частности, достигал 72 % по сравнению с 19 для всей остальной развивающейся Азии, 7 — для Латинской Америки и около 3 % для Африки, Ближнего Востока и Океании⁸.

Но экспорт, осуществляемый филиалами иностранных корпораций, может служить показателем внешнеэкономического потенциала той или иной страны (территории) лишь со знаком «минус». В этом случае внешнеторговые потоки направляются ТНК обычно по каналам внутрикорпорационного обмена, где их штаб-квартиры осуществляют практически безраздельный контроль — сами определяют цены, географическое распределение и т. д. Как справедливо отмечает видный канадский экономист Дж. Хеллейнер, рост экспорта из развивающихся стран, замкнутого внутрикорпорационным перераспределительным механизмом ТНК, вовсе «не подрывает глобальных операций этих фирм. Будущее расширение экспорта третьего мира становится «управляемым» как элемент долгосрочного инвестиционного планирования самих транснациональных фирм»⁹.

Между тем вплоть до начала 70-х годов высокие показатели экспортного роста Гонконга, Тайваня и Южной Кореи достигались главным образом за счет форсирования подобного рода внутрифирменных поставок международных промышленных монополий.

Однако уже к концу истекшего десятилетия положение меняется. Если в экспорте относительно сложного оборудования внутрикорпорационный обмен ТНК продолжает играть очень весомую, а во многих случаях и преобладающую роль, то в том, что касается традиционных товаров потребительского назначения, его удельный вес сводится к минимуму (см. табл. 1).

Необходимость ускоренной капиталистической трансформации экономики дальневосточных территорий, ставшей одной из приоритетных задач стратегии неокOLONиализма, заставила ТНК дать больший простор развитию местного предпринимательства, вовлекать его на правах младшего партнера в новое международное капиталистическое разделение труда. В то же время международный монополистический капитал предпочитает держать этот процесс под своим неослабным контро-

⁷ В. М. Соколинский. «Новое международное разделение труда»: метафоры неокOLONиализма. М., 1984, с. 73—74.

⁸ In: «The American Economic Review», May 1983, p. 339.

⁹ G. Helleiner. Intra-Firm Trade and the Developing Countries. New York, 1981, p. 65.

Таблица 1

Внутрикорпорационный обмен ТНК в импорте США
промышленной продукции из Гонконга, Тайваня
и Южной Кореи в 1979 г. (в %)

	Текстиль	Одежда	Обувь	Электротехническое оборудование	Неэлектротехническое оборудование	По всем обработанным товарам
Гонконг	4,9	3,4	3,6	43,4	68,5	18,1
Тайвань	13,1	1,2	3,1	58,1	19,3	20,5
Южная Корея	5,5	7,1	1,8	67,3	64,2	19,7

Источник: G. Helleiner. Op. cit., p. 62.

лем, чтобы по возможности не допустить возникновения новичков-соперников в и без того острой конкурентной борьбе на мировых рынках. Иностраный контроль над экспортом дальневосточных территорий вовсе не устраняется, а лишь видоизменяется, становится более замаскированным и изощренным. Ключевое значение здесь приобретает уже даже не собственность на предприятия по производству того или иного экспортного товара, а монополистическая власть над всей международной сетью каналов продвижения этого товара к конечному потребителю. Не случайно сформированная ТНК целая система неравноправных контрактных (закупочных) отношений с формально независимыми местными предпринимателями обеспечивает, по заключению французских экономистов Ж. Трупена и А. Галле, «жесткий иностранный контроль даже при фактическом отсутствии финансовых вложений»¹⁰.

Новые контрактные формы зависимости

Ведущую роль в осуществлении операций по закупке предназначенных на экспорт обработанных товаров у производителей дальневосточных территорий играют транснациональные торговые корпорации (ТНТК). В отличие от промышленных ТНК они ничего не производят, но, обладая чрезвычайно разветвленной товаропроводящей сетью, внедряются в качестве посредников в международный обмен и получают торговую прибыль. Преимущества ТНТК по сравнению с другими фирмами, действующими на мировых рынках, заключаются в наличии у них детально разработанной и четко налаженной системы текущей информации о рыночном потенциале каждого региона, малейших колебаниях конъюнктуры на каждом рынке, концентрации финансовых и трудовых ресурсов специально на торговой деятельности, устойчивых (и зачастую на неформальной основе) связей с основными покупателями, а также крупнейшими банками, обеспечивающими торговым гигантам столь необходимый им оперативный доступ к ликвидным средствам. Конечным результатом этих преимуществ становится эффективный контроль над международной сетью каналов сбыта. Экспортеры же Гонконга, Тайваня и Южной Кореи испытывают значительные трудности при проникновении на западные рынки как из-за высокого уровня их монополизации и мощной протекционистской защиты, так и в силу специфических особенностей самой экспортной продукции, спрос на которую нередко подвержен динамичным изменениям вкусов и моды. В этих условиях им зачастую не остается ничего иного, как полностью полагаться на транснациональных посредников. «Слабая в прошлом

¹⁰ «Mondes en développement», 1981, N 34, p. 134.

активность торговых компаний в области сбыта и распределения обработанных товаров, произведенных в развивающихся странах, — отмечали в этой связи эксперты ЮНКТАД, — подверглась коренному пересмотру с ростом их промышленного экспорта. Национальные производители часто сталкиваются с трудностями при экспорте на отдаленные рынки, особенно в случаях с товарами, для которых дифференциация, дизайн и изменения во вкусах потребителей имеют важнейшее значение, и они полагаются на иностранных торговцев вместо того, чтобы создавать собственные сбытовые каналы и торговые организации»¹¹.

Среди иностранных торговых монополий, действующих в Гонконге, на Тайване, в Южной Корее, выделяются две группы. К первой относятся транснациональные корпорации оптовой торговли, явившиеся, по сути дела, первооткрывателями этого прибыльного закупочного бизнеса. Пионерами здесь были японские «универсальные торговые компании» («сого сёся»), которые уже с конца 60-х годов начали буквально наводнять все основные капиталистические рынки товарами широкого потребления, произведенными на предприятиях дальневосточных территорий. Вскоре примеру японцев последовали крупнейшие оптовые фирмы США и Западной Европы.

Успех коммерческих операций транснациональных оптовиков, которые выступают опосредствующим звеном между расположенными в разных странах производителями и предприятиями розничной торговли, определяется их способностью предвосхищать изменение конъюнктуры, соответствующим образом быстро перестраивая товарную структуру своих закупок, а также всеми способами снижать издержки, в том числе и за счет постоянного поиска новых, более дешевых поставщиков. Именно эти поиски и вывели их в конечном счете на производителей Гонконга, Тайваня и Южной Кореи. Характерной чертой деятельности здесь иностранных оптовых корпораций является активная опека над местными предприятиями-экспортерами, которым, особенно на первых порах, диктуется фактически каждый шаг. В то же время в процессе заключения закупочных контрактов транснациональные оптовики сражаются буквально за каждый цент, добиваясь возможно более низкого уровня цен. При этом они редко дорожат устоявшимися связями с непосредственными производителями и моментально переключаются на альтернативные источники снабжения даже в случае небольшого повышения издержек.

С начала 70-х годов в закупочных операциях на Дальнем Востоке начинает динамично увеличиваться удельный вес крупнейших розничных корпораций развитых капиталистических стран (таких, как «Сирс», «Робек», «Маркор», «Мэйсиз», «Блумингдейл», «Маркс энд Спенсер», «Си энд Эй Моудз», «Кауфхоф»), многие из которых приобрели транснациональный статус именно в результате своей экспансии в развивающемся мире. Эта группа торговых монополий, особенно так называемые розничные цепи¹², начала осуществлять здесь значительную часть своих закупок прямо через собственные заграничные отделения. Подобные сдвиги были во многом обусловлены повышением организационно-технического уровня самих предприятий-экспортеров. Дело в том, что как покупатели розничные корпорации обычно предпочитают не иметь прямых связей с новичками экспортного производства или ненадежными поставщиками. Однако, когда последние приобретают необходимый опыт и репутацию, розничные фирмы всеми способами стремятся избежать посредничества оптовиков.

¹¹ Док. UNCTAD. ST/MD/25. Geneva, 1981, p. 9.

¹² «Розничные цепи» представляют собой системы унифицированных магазинов, осуществляющих продажи полного ассортимента потребительских товаров, маркированных товарным знаком торговой фирмы-владельца.

Группа транснациональных розничных корпораций неоднородна. Одни из них специализируются на продаже самых дешевых товаров. Низкие цены в данном случае отодвигают на второй план заботу о качестве и безусловном удовлетворении изысканных вкусов. Не случайно главным объектом поисков здесь становятся поставщики с минимальными издержками. Другие предъявляют самые высокие требования к качеству и стилевым особенностям закупаемой продукции, а также строгому соблюдению сроков поставок, включаемых в общий план сезонных продаж. Поэтому закупочные цены этих фирм, как правило, немного выше. В то же время общим элементом стратегии всех розничных корпораций в отличие от транснациональных оптовиков является ориентация на установление длительных связей с поставщиками дальневосточных территорий. Их отделения обычно закупают непосредственно у местных предприятий 60—100 % продукции на 1—2 года вперед. В такой ситуации потеря заказа рассматривается производителями как куда более серьезная угроза, чем заниженные закупочные цены, с которыми им волей-неволей приходится мириться. Что касается прибылей, получаемых розничными монополиями, то об их масштабах можно судить даже по одному типичному примеру, приводившемуся на специальных слушаниях в конгрессе США: «Сшитый в Южной Корее мужской костюм доставляется в Калифорнию по цене 45 долл. фоб и продается за 125 долл. в универсальном магазине в нашей стране (в США. — А. Б.); пошив того же костюма обошелся бы нам примерно в 65—70 долл. Отсюда совершенно очевидно, почему каждая розничная фирма выступает за расширение импорта. Ведь в расчете на каждый костюм она получает дополнительно 20—25 долл. прибыли»¹³.

В самые последние годы в рядах транснациональных посредников, закупающих обработанные товары в Гонконге, на Тайване и в Южной Корее для последующей их перепродажи под своим товарным знаком на западных рынках, появились промышленные ТНК — производители аналогичной продукции. Руководство многих из них пришло к выводу о том, что подобного рода операции являются более выгодными, чтобы приспособиться к конкуренции в области импорта и сохранить контроль над рынками, чем дорогостоящее перемещение за рубеж части своих производственных комплексов. Так, розничная торговля и прокат бытовой электроники, произведенной главным образом в Восточной и Юго-Восточной Азии, приносят английской корпорации «Торн-ЭМИ» значительно больше прибыли, чем ее производство. Американскому широкому потребителю южнокорейская компания «Самсон электроникс» практически неизвестна, хотя на нее уже приходится немалая доля телевизионного рынка США. Дело в том, что телевизоры «Самсон» продаются здесь под товарным знаком известной американской монополии «Сильвэния», допускающей продукцию южнокорейского конкурента на местный рынок только через свою торговую сеть. В Великобритании аналогичным образом действуют корпорации «Кларкс» и «Джэгер» — ведущие производители обуви и трикотажных изделий в стране, осуществляющие широкомасштабные закупочные операции на Тайване и в Гонконге соответственно. Вполне понятно, что промышленные ТНК предпринимая закупки только у тех производителей дальневосточных территорий, которые сумели добиться достаточно высокого качества продукции. В противном случае западные корпорации серьезно рисковали бы своей коммерческой репутацией.

Общая количественная оценка относительного значения закупочных операций иностранных монополий в промышленном экспорте Гонконга,

¹³ U. S. House Committee on Ways and Means, Library of Congress Study on Imports and Consumer Prices. 95th Congress, 1st Session. Washington, 1977, p. 296.

Тайваня и Южной Кореи в значительной мере затруднена, поскольку статистики в этой области вообще не существует. Единственным выходом здесь является использование выборочных обследований. Показательны, в частности, результаты проведенного в конце 70-х годов американскими экономистами Ю. Ри и Г. Перселлом специального опроса южнокорейских фирм-экспортеров, который показал, что посредством закупочных операций иностранных корпораций размещается около 81 % их промышленного экспорта, в том числе 61,5 закупается транснациональными оптовыми корпорациями, 4,1 — розничными фирмами и 14,3 % — промышленными ТНК — производителями аналогичной продукции¹⁴.

Сильнейшая зависимость экспортеров от транснациональных посредников вытекает уже из высокого уровня концентрации закупок в руках чрезвычайно узких групп иностранных монополий. По данным того же опроса, например, 12 из 49 южнокорейских фирм, предоставивших соответствующую информацию, направляли от 41 до 60 % своего экспорта всего четырем или менее «крупным покупателям»; 6 — от 61 до 80 %; и 12 — от 81 до 100 %¹⁵. В этих условиях потеря даже одного такого клиента может означать крах предприятия. Не случайно иностранный контроль приобретает здесь вполне осязаемые очертания: транснациональные посредники практически по собственному усмотрению определяют цены и сроки поставок, а также модели, стилевые характеристики, особенности оформления и упаковки экспортируемой продукции (см. табл. 2).

Таблица 2

Масштабы влияния иностранных корпораций-покупателей на характеристики продукции южнокорейских экспортеров*

	Доля экспортных продаж, на которую распространяется иностранное влияние (в %)				Иностранное влияние имеет место, но масштабы его не определены
	1—20	21—60	61—80	81—100	
Число фирм-экспортеров:					
— производящих только по дизайну иностранных покупателей	15	12	8	12	20
— вносящих модификации в продукцию по требованию иностранных покупателей	18	14	6	14	16

* На базе обследования 92 южнокорейских компаний в 1978 г.

Источник: «Oxford Bulletin of Economics and Statistics», November 1979, p. 379.

Данная таблица свидетельствует о том, что примерно $\frac{3}{4}$ опрошенных южнокорейских экспортеров либо вносили модификации в характеристики продукции по требованию иностранных корпораций-покупателей, либо вообще производили ее непосредственно по их дизайну. В конечном счете транснациональные корпорации, осуществляющие закупочные операции в Гонконге, на Тайване, в Южной Корее, начинают диктовать местным производителям не только техническую и коммерческую, но даже инвестиционную политику. Как подчеркивал в этой связи, приводя пример закупок швейных товаров английской розничной корпорацией «Маркс энд Спенсер», известный обозреватель «Интернэшнл геральд трибюн» С. Сэлмэнз, «она начинает вмешиваться во все

¹⁴ In: «Oxford Bulletin of Economics and Statistics», vol. 41, N 4, November 1979, p. 379.

¹⁵ In: Ibid., p. 384.

аспекты операций своих 600 с лишним поставщиков, диктуя не только число швов и ширину припуска их изделий, но также норму их прибыли»¹⁶.

Под угрозой экспортного спада

В начале 80-х годов в экспорте Гонконга, Тайваня и Южной Кореи начали обнаруживаться признаки спада. Если в течение двух предшествовавших десятилетий темпы роста экспорта измерялись двузначными величинами, то в 1982 г. экспорт Южной Кореи фактически топтался на месте, а у Гонконга и Тайваня даже несколько снизился (на 2—3%). И как отмечал по этому поводу информированный американский еженедельник «Бизнес уик», «даже с учетом наметившегося на горизонте оживления в мировом хозяйстве есть веские основания полагать, что четыре «экономических чуда» (кроме дальневосточной «тройки», здесь имеется в виду еще и Сингапур. — А. Б.) никогда не приблизятся к темпам роста, достигнутым за прошедшее десятилетие»¹⁷. В 1983—1984 гг. эти прогнозы представлялись слишком категоричными, но итоги уже первой половины 1985 г. полностью подтвердили их правоту: экспорт Южной Кореи сократился на 4%, Гонконга (в реальном выражении без учета реэкспортных операций) — на 6, а рост тайваньского экспорта был символическим — 1% («South», November 1985, p. 121).

В чем же причины сбоев, которые стала давать, казалось, столь отлаженная «экспортная машина» дальневосточных территорий? Немалую роль здесь, безусловно, сыграло общее ухудшение экономической ситуации в капиталистическом мире. Действительно, одним из важнейших факторов, обеспечивших динамичный экспортный подъем Гонконга, Тайваня и Южной Кореи в 60-х и первой половине 70-х годов, были относительно высокие темпы экономического развития империалистических центров, куда направляется львиная доля вывозимых обработанных изделий. До тех пор пока рынки развитых капиталистических стран росли достаточно стабильно, индустриальные структуры последних могли перестраиваться со сравнительной легкостью, приспособливаясь к притоку дешевых импортных товаров. Но кризисные потрясения структурного и циклического характера середины 70-х — начала 80-х годов, снизившие до предела поглощающую способность западных рынков, резко обострили торговые противоречия, вызвав беспрецедентное для послевоенных лет нарастание протекционистских тенденций. Волна «нового» протекционизма, в арсенале которого центральное место заняли так называемые добровольные ограничения экспорта (навязываемые странам-экспортерам под давлением государств-импортеров), нанесла серьезный удар экономике трех дальневосточных территорий. Коснувшись текстильных товаров, она распространилась на обувь, бытовую электронику, сталь, продукцию транспортного машиностроения и электротехнической промышленности. Как отмечал в этой связи, описывая процесс навязывания «добровольных» ограничений, «Бизнес уик», «переговоры обычно ведутся чуть ли не с пистолетом на столе, когда импортирующие страны угрожают полностью закрыть доступ на свои рынки»¹⁸.

Однако не стоит здесь и переоценивать (как это нередко делается) значение протекционизма. Ведь преобладающая часть экспорта Гонконга, Тайваня и Южной Кореи осуществляется по каналам, подконтрольным западным ТНК (промышленным и торговым), которые, когда им это нужно, без особого труда находят возможности преодоления барье-

¹⁶ «International Herald Tribune», 1.IX.1980.

¹⁷ «Business Week», 28.III.1983, p. 65.

¹⁸ Ibid. 9.V.1977, p. 38.

ров, воздвигаемых правительствами стран их базирования под давлением протекционистского лобби¹⁹. Используя собственное не менее мощное лобби, транснациональный бизнес добивается для себя, по существу, особого, преференциального режима в том, что касается применения торгово-политических ограничений. Ярким примером могут служить отдельные позиции американского внешнеторгового тарифа, которые предусматривают значительное снижение пошлин на импортируемые товары при условии, что сырье или полуфабрикаты для их производства были первоначально экспортированы из США; в этом случае пошлина взимается лишь со стоимости, добавленной за рубежом.

Главные причины резкого замедления роста экспорта из Гонконга, Тайваня и Южной Кореи связаны скорее не с эскалацией протекционизма на их основных рынках сбыта, а с наблюдающимся в последние годы снижением привлекательности этих территорий как объектов инвестиционной и закупочной деятельности западных ТНК. С одной стороны, ныне все более оказывается подорванным основной стимул, заставлявший международные монополии размещать здесь свои производственные единицы или заказы среди местных предприятий — а именно чрезвычайно низкие издержки на заработную плату. В целом ряде соседних с дальневосточными территориями стран, таких, как Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Шри Ланка и других, труд в настоящее время значительно дешевле. В Индонезии, например, среднечасовая заработная плата не превышает 40 центов, тогда как в Гонконге она составляет 1,15 долл., а в Южной Корее 1,4 долл.²⁰ Именно на эти страны ТНК все более активно переориентируют свои инвестиционные и закупочные операции, связанные с трудоемкими видами продукции. В экономической литературе стали говорить о «новой волне» развивающихся стран-экспортеров, которые начали постепенно опережать дальневосточные территории по темпам роста промышленного экспорта.

По издержкам экспортной продукции с дальневосточной «тройкой» стала конкурировать и КНР, правительство которой в последние годы всячески стимулирует развитие экспортного производства (особенно в текстильной и швейной промышленности) на основе создания предприятий совместно с иностранным капиталом и активного использования каналов сбыта транснациональных торговых корпораций. «Производство китайских предприятий, сданных в аренду (иностранным компаниям. — А. Б.), — отмечают по этому поводу эксперты ЮНКТАД, — сегодня все более вытесняет текстильные изделия, произведенные в Южной Корее и Гонконге, в японских супермаркетах при содействии «сого сёся» в области транспорта и маркетинга»²¹.

С другой стороны, угроза для промышленного экспорта Гонконга, Тайваня и Южной Кореи исходит ныне и непосредственно из развитых капиталистических стран, а точнее от головных предприятий самих промышленных ТНК, расположенных в странах базирования. Развернувшаяся на Западе «реиндустриализация» сделала возможным создание так называемых гибких производственных систем, легко перестраиваемых на выпуск новых видов продукции и способных изготавливать товары дешево малыми сериями. Эти системы основаны на использовании управляющих ЭВМ и промышленных роботов, оснащенных микропроцессорами. Еще лет десять назад автоматизация таких отраслей, как, например, швейная и обувная с их мелкосерийным производством

¹⁹ Это лобби в настоящее время представляет главным образом интересы транснационального промышленного капитала, не способного быстро адаптироваться к сдвигам в международном капиталистическом разделении труда за счет форсирования зарубежных операций.

²⁰ In: «Business Week», 28.III.1983, p. 65.

²¹ Doc. UNCTAD. TD/B/C. I/ 219. Geneva, 1980, p. 199.

и динамичным изменением моделей и типов продукции, казалось, никогда не будет рентабельной. Сегодня «гибкая автоматизация» становится реальностью, дающей огромную экономию за счет круглосуточной работы предприятий фактически без участия людей, за счет меньших производственных площадей и т. д. В этих условиях товары, произведенные на автоматизированных предприятиях в самих развитых капиталистических странах, оказываются зачастую более конкурентоспособными, чем промышленный экспорт дальневосточных территорий. Инвестиционные и закупочные операции в Гонконге, на Тайване и в Южной Корее становятся в этих случаях для ТНК нецелесообразными.

* * *

Проведенный анализ свидетельствует о том, что транснациональные корпорации сыграли ведущую роль в экспортном подъеме Гонконга, Тайваня и Южной Кореи. Несмотря на весьма скромный удельный вес иностранных филиалов в промышленном экспорте этих дальневосточных территорий, ТНК осуществляют здесь более завуалированный, но достаточно эффективный монополистический контроль, глубоко внедрившись в международную сеть каналов сбыта и навязывая на этой основе неравноправные посреднические отношения местным, лишь формально независимым экспортерам. И если до последнего времени проблема иностранного контроля над экспортом мало беспокоила правящие режимы дальневосточной «тройки», сознательно взявшие курс на поощрение экспансии западных корпораций, то уже в начале 80-х годов они на собственном опыте убедились, какими пагубными последствиями может обернуться засилье ТНК в данной области. Снижение привлекательности Гонконга, Тайваня и Южной Кореи как объектов инвестиционных и закупочных операций международных монополий, обусловленное выдвиганием «новой» шеренги развивающихся стран — промышленных экспортеров с еще более дешевой рабочей силой, а также революционными сдвигами в техническом базисе ряда промышленных отраслей на Западе, очень болезненно сказалось на экспорте дальневосточных территорий и соответственно (учитывая ключевое значение последнего для подобного рода «открытых» хозяйств) ухудшило практически все их основные внешнеэкономические и внутриэкономические показатели, привело к кризисным потрясениям, увеличению недогрузки производственных мощностей, к разгулу инфляции, ухудшению положения трудящихся масс. Закат экспортного бума Гонконга, Тайваня и Южной Кореи в последнее время все более заставляет даже западных исследователей, еще недавно рьяно восхвалявших «восточноазиатское чудо», пересмотреть свои взгляды и признать, что «модель развития» этих дальневосточных территорий себя исчерпала.

Япония: движение за дружбу с Советским Союзом

М. В. ДЕМЧЕНКО

«Мы — за улучшение отношений с Японией, уверены, что такая возможность реальна. Она вытекает уже из того простого факта, что наши страны — непосредственные соседи», — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР¹.

Этим в очередной раз была подтверждена принципиальная и последовательная позиция Советского Союза, который всегда придавал и придает большое значение развитию добрососедских связей со своим дальневосточным соседом, созданию атмосферы доверия между народами двух стран.

«Народная дипломатия» — так образно называют движение за дружбу — нередко опережает официальную дипломатию. Еще в 1922 г. в разгар интервенции против молодой Советской Республики, то есть за три года до установления дипломатических отношений между Японией и СССР, среди японского народа развернулось широкое движение за прекращение интервенции, за признание рабоче-крестьянской России, за солидарность и дружбу с советским народом. По инициативе профсоюзов и ряда общественных организаций Японии был создан Комитет за невмешательство в дела России (Тайро хикансё досикай). Именно он стал основным выразителем общественности страны, выступавшей за установление японо-советских дипломатических отношений.

После установления дипломатических отношений (январь 1925 г.) японское движение за дружбу с СССР пополнилось рядом организаций — Японо-русским обществом (Нитиро кёкай), Японо-русским литературно-художественным обществом (Нитиро гэйдзюцу кёкай), Обществом японо-советских культурных связей (Ниссо бунка кёкай) и др.² Каждое из них в свое время и в своей сфере деятельности, преодолевая всевозможные гонения реакционных кругов и официальных японских властей, внесло огромный вклад в налаживание и развитие добрососедских отношений между народами Японии и Советского Союза. Именно «народная дипломатия» в Японии явилась катализатором установления и развития японо-советских межгосударственных отношений. После разгрома японского милитаризма в ходе второй мировой войны сторонники движения за дружбу между Японией и СССР вновь немедленно развернули активную деятельность. В декабре 1945 г. создается Общество изучающих Советский Союз (Собиэто кэнкюся кёкай), провозгласившее своей целью укрепление дружбы и культурных связей между Японией и СССР, правдивое ознакомление японских трудящихся масс с достижениями страны социализма. В мае 1946 г. возрождается Общество японо-советских культурных связей (Ниссо бунка кёкай). По инициативе этих двух обществ в апреле 1949 г. учреждается Общество японо-советской дружбы (Ниссо синдзэн кёкай). Оно сыграло важную роль в мобилизации японского общественного мнения в пользу быстрой нормализации отношений между Японией и СССР.

¹ «Правда», 28.XI.1985.

² См.: СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М., 1978.

Подписанием 19 октября 1956 г. Совместной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии было прекращено состояние войны между двумя странами и восстановлены дипломатические отношения. А еще за четыре месяца до этого был создан подготовительный комитет, обратившийся к японскому народу с призывом создать общенациональную организацию, выступающую за дружбу с СССР и объединяющую представителей самых широких слоев населения независимо от их политических взглядов и убеждений. Такая общенациональная организация — Общество «Япония — СССР» (Ниссо кёкай) — была учреждена в июне 1957 г. Его председателем был избран Итиро Хатояма, который, будучи премьер-министром Японии, подписал Совместную декларацию о нормализации японо-советских дипломатических отношений.

Закончим на этом краткий экскурс в историю. Обратимся к событиям сегодняшним. Автору настоящей статьи, многие годы проработавшему в Японии журналистом, а в последние годы как члену правления Общества «СССР — Япония» многократно участвовавшему в различных советско-японских встречах, хотелось бы поделиться некоторыми личными наблюдениями, касающимися движения за японо-советскую дружбу, многообразия его форм, а также его важной роли в борьбе за упрочение добрососедских связей, за сохранение мира. Прежде всего несколько строк об основных организациях, включившихся в это движение.

Общества дружбы

Общество «Япония — СССР» (ОЯС), являющееся наиболее важным партнером Общества «СССР — Япония», объединило представителей широких слоев японского народа. В ней участвуют коммунисты и социалисты, политические деятели из правящей Либерально-демократической партии, бизнесмены, видные деятели науки и культуры. Цель Общества, как говорится в одной из статей его Устава, — содействовать установлению взаимопонимания и дружбы между народами Японии и СССР и тем самым способствовать делу мира во всем мире.

Выполнению этой задачи отдали долгие годы своей жизни такие искренние и верные друзья Советского Союза, как вице-президент Общества Муранти Хорнэ, председатель хоккайдской федерации отделений Общества «Япония — СССР» Масао Акидзуки и многие другие активисты. Не раз доводилось мне встречаться и беседовать с ними. И всегда поражала та энергия, устремленность, самоотдача, с какой они исполняют свою работу.

Законной гордостью ОЯС являются созданный при нем в 1949 г. Институт русского языка, который уже окончили десятки тысяч японцев, и крупнейшая в Японии библиотека русской и советской литературы (в ней свыше 100 тыс. томов) с читальным залом и кабинетом советской экономики. Большую помощь институту оказывает Общество «СССР — Япония». Оно присылает много литературы и учебников, короткометражных учебных фильмов, знакомящих студентов с культурой и жизнью народов Советского Союза.

Начиная с 1959 г. ОЯС проводит месячники японо-советской дружбы, посвященные годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции. Месячники — это торжественные собрания друзей нашей страны, кинопросмотры советских фильмов, фотовыставки и лекции об СССР, а также другие мероприятия. В них участвуют советские делегации.

Руководствуясь широко известной пословицей «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», ОЯС уделяет большое внимание развитию туризма в СССР. В 1961 г. Общество с этой целью организовало Японо-советское туристическое бюро, по линии которого в СССР побывало свыше 80 тыс. японцев: ученых и деятелей культуры, представителей де-

ловых кругов и политических деятелей, студентов, рабочих и крестьян. Общество «Япония — СССР», имеющее свыше ста отделений и филиалов в большинстве префектур страны, — массовая организация, обладающая большими потенциальными возможностями в движении японской общественности за развитие добрососедских связей с Советским Союзом³.

Процесс нормализации и развития японо-советских отношений вовлек в себя представителей различных политических сил и многих организаций, часто находящихся на диаметрально противоположных полюсах внутривнутриполитической арены Японии. Стали создаваться дружественные нашей стране организации различной политической ориентации, члены которых подходили к развитию связей с Советским Союзом со своих классово-политических позиций, собственных интересов. Однако их объединяет общее стремление к установлению отношений доверия, доброжелательности, взаимной выгоды и добрососедства между двумя странами.

Среди таких организаций следует прежде всего назвать основанное в апреле 1965 г. Общество японо-советской дружбы (Ниссо синдзэн кёкай), в котором активно участвуют члены Социалистической партии Японии, ряда других демократических организаций, а также представители Либерально-демократической партии, партии Комэйто, Партии демократического социализма. В настоящее время Общество имеет свыше 90 отделений⁴. Мне приходилось присутствовать на мероприятиях Общества, которые довольно многообразны: это дни Советского Союза, месячники японо-советской дружбы, выступления советских самодеятельных коллективов, различные советские выставки и «корабли дружбы» — новая и особенно популярная форма общения больших японских молодежных туристических групп с советскими людьми. Общество японо-советской дружбы нередко проводит крупные мероприятия в сотрудничестве с другими организациями, выступающими за добрососедство с Советским Союзом.

Возглавляющий Общество японо-советской дружбы влиятельный политический деятель Японии Мунэнори Акаги, неоднократно входивший в состав правительства либерал-демократов, решительно выступает против тех сил в Токио, которые в угоду Вашингтону пытаются помешать расширению японо-советских связей. В интервью газете «Асахи» в 1971 г. он заявил: «Вместо того чтобы плясать под дудку США, необходимо укреплять отношения сотрудничества с Советским Союзом»⁵. А девятью годами позже, как бы продолжая эту свою мысль, президент Общества М. Акаги в беседе с корреспондентом журнала «Новое время» отметил: «Я думаю, что те из бизнесменов, кто поддался нажиму правых, проамериканских кругов, начинают сейчас сожалеть об этом. Не используя всех возможностей, заложенных в японо-советском деловом сотрудничестве, мы совершаем ошибку. Дело тут не только в том, что торговля — фундамент мира. Торговля с Советским Союзом прежде всего выгодна нашей стране»⁶.

В 1965 г. было учреждено Общество японо-советских связей (Ниссо корю кёкай), объединившее главным образом представителей деловых кругов и интеллигенции, среди которых — видные адвокаты, профессора университетов, мэры городов, известные кинорежиссеры и другие деятели культуры. Общество наряду с индивидуальными членами имеет около 40 коллективных членов, поддерживает связи с крупными японскими газетами, журналами, библиотеками, научно-исследовательскими учреждениями и другими организациями, заинтересованными в развитии связей

³ См.: Б. И. Угринович. Япония: движение за добрососедство с Советским Союзом. М., 1984, с. 56.

⁴ См.: Япония наших дней. Справ. изд. М., 1983, с. 217.

⁵ «Асахи», 20.VIII.1971.

⁶ «Новое время», 1980, № 39, с. 10.

с Советским Союзом. Оно вносит заметный вклад в развитие отношений между японским и советским народами в области культуры, науки, техники и торгово-экономической сфере.

Ассоциации и другие организации

Вопреки линии недругов добрососедства между Японией и СССР река японо-советской дружбы с каждым годом становится все полноводнее, в нее впадают все новые и новые притоки. При отсутствии межправительственного соглашения о культурных связях, заключить которое неоднократно предлагал СССР, но японское правительство не отвечало согласием, дело культурного и научного обмена между народами двух стран в значительной мере взяла на себя в Японии созданная в 1966 г. Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами (Нихон тайгай бунка кёкай). Ее возглавляет известный японский ученый, политический и общественный деятель, президент университета Токай профессор Сигэёси Мацумаэ.

Наиболее активным партнером ассоциации является СССР. Ежегодно между Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с заграницей (ССОД) и ассоциацией заключаются Программы культурных и научных обменов.

Проведение двусторонних научных симпозиумов и коллоквиумов, советских выставок и кинофестивалей, организация гастролей художественных коллективов и поездок специализированных туристических групп, обмена студентами и ежегодных встреч журналистов двух стран — вот беглый и далеко неполный перечень мероприятий ассоциации.

При ассоциации в 1971 г. основан Институт по изучению науки и культуры СССР с целью сбора и распространения в Японии информации о культурных и научных достижениях Советского Союза.

В 1970 г. появляется Ассоциация мэров Западного побережья Японии по укреплению дружбы и экономического сотрудничества с советскими городами, возникшая на волне быстрого развития движения породненных городов, пионерами которого стали в 1961 г. Находка и Майдзуру. После учреждения этой ассоциации начали регулярно проводиться встречи мэров входящих в нее городов и председателей исполкомов городов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В настоящее время уже около 20 советских и японских породненных городов поддерживают между собой регулярные связи. обмениваются делегациями и материалами, касающимися опыта городского строительства, системы народного образования и здравоохранения, мер по охране окружающей среды, а также выставками и кинофильмами, спортивными командами и коллективами художественной самодеятельности. Регулярным стало и проведение Дней породненных городов в СССР и Японии. Благодаря связям породненных городов в движение за японо-советскую дружбу включаются новые группы населения Японии: работники органов местного самоуправления, мелкие предприниматели, деятели науки и культуры, журналисты и студенты из самых различных районов страны.

В движение за добрососедство с СССР включились и парламентарии Японии, создав в 1973 г. Парламентскую ассоциацию японо-советской дружбы (Ниссо юко гинн рэммэй). В нее входят депутаты от обеих палат парламента, представители всех политических партий страны. Ее председателем ныне является видный политический деятель Ёсио Сакураути, бывший министр иностранных дел Японии. Во время своего визита в СССР в августе 1984 г. Ё. Сакураути заявил, что ассоциация видит свою задачу в том, чтобы способствовать развитию японо-совет-

ских связей, поддерживать политический диалог между двумя странами, в том числе по парламентской линии⁷.

В 1979 г. в рамках правящей Либерально-демократической партии было учреждено Общество сторонников японо-советской дружбы (Ниссо юко конвакай), призванное, по словам его основателей, стать «новым политическим каналом» для связей Японии с СССР «в целях преодоления застоя в японо-советских отношениях и улучшения этих отношений».

За углубление взаимопонимания и дружбы между народами Японии и СССР, расширение двусторонней взаимовыгодной торговли активно выступают многочисленные средние и мелкие промышленные и торговые фирмы, входящие в Ассоциацию японо-советской торговли, созданную в 1967 г., Хоккайдское общество японо-советской торговли, основанное в 1972 г. в городе Саппоро, и в Восточно-Хоккайдское общество японо-советской торговли, учрежденное в 1976 г. в городе Кусиро.

Картина огромного многообразия движения за японо-советскую дружбу была бы неполной, если бы мы не упомянули такие организации, вносящие свой посильный вклад в упрочение добрососедства между народами двух стран, как Японское общество по исследованию русской литературы, появившееся еще в 1950 г., две японские «Березки» — самодеятельный хор «Сиракаба» («Березка») и магазин «Сиракаба», детское общество «Корешки травы» (Куса-но нэ кай), «Мичуринское общество Японии», учрежденное в 1954 г. с целью популяризации и применения исследований советского ученого, картинная галерея Гэккосо, музеи японо-советской дружбы в Хэде и Саруфуцу, Союз ресторанов русской кухни, созданный в 1974 г., центры Японо-советской дружбы в Нингате и Раусу, Совет связи Домов японо-советской дружбы острова Хоккайдо, образованный в 1984 г. В одной статье невозможно даже кратко ознакомить читателей с деятельностью всех этих организаций. Расскажем лишь о двух японских «Березках» и Домах японо-советской дружбы на Хоккайдо.

Пример двух японских «Березок» свидетельствует о том, что искренние друзья Советского Союза при любой «политической погоде» остаются верны избранному ими пути. Самодеятельный хор «Сиракаба» возник в 1950 г. Сначала это был небольшой кружок молодежи, изучавшей русский язык и разучивавшей русские народные песни. Затем участники кружка стали выступать с концертами. На первых порах исполняли песни только по-русски, затем перевели их на японский и теперь поют на двух языках.

Мне посчастливилось не раз бывать на концертах коллектива «Сиракаба» в Токио, беседовать с его организатором, бессменным руководителем и дирижером Го Китагавой. Он рассказывал, как быстро самодеятельный хор увеличивал свою численность и приобретал широкую известность в стране. Этому, по его словам, способствовал необычайный рост популярности русских народных и советских песен в послевоенной Японии. Выступлениями перед жителями Токио и многих других городов «Березка» старалась внести свой вклад в обмен культурными ценностями, в укрепление мира и дружбы между народами Японии и Советского Союза.

Сейчас в хоре участвуют более 100 человек. Это люди разных профессий: заводские рабочие и служащие компаний, преподаватели высших учебных заведений и воспитательницы детских садов, студенты и домохозяйки. В репертуаре японской «Березки» более 300 русских народных песен и песенных произведений советских композиторов.

Залы, где выступает «Сиракаба», всегда полны, многие приходят целыми семьями. За время своего существования хор дал тысячи концертов в Токио и многих других городах Японии.

⁷ См.: «Известия», 1.IX.1984.

Вторая японская «Березка» — магазин. Он знакомит японцев с изделиями прикладного искусства многих наций Советского Союза — матрешками, куклами, расписной деревянной посудой, янтарными изделиями, а также с другими товарами нашей страны. Очень интересные факты о нем сообщил президент японской торговой фирмы «Тоё боэки» Цунэо Намба в своем выступлении на состоявшейся в ноябре 1980 г. в Москве второй конференции «круглого стола» представителей советской и японской обществности.

В магазине «Березка» я работаю около 20 лет, — рассказал Ц. Намба. — 1980 год стал годом страданий для большинства японских мелких и средних фирм, торгующих с Советским Союзом. Поскольку именно они оказались самой большой, непосредственной жертвой «экономических санкций», предпринятых японским правительством против СССР под давлением Вашингтона.

В преддверии Московской Олимпиады фирма «Тоё боэки» решила в течение 6 месяцев, с марта по август 1980 г., организовать в 12 универмагах Японии выставки-продажи советских товаров. Были заключены соответствующие соглашения, закуплены товары, однако универмаги отказали фирме «Тоё боэки» в предоставлении помещений для таких выставок-продаж.

— Но именно тогда, в разгар антисоветской пропагандистской шумихи, — отметил Ц. Намба, — в наш магазин «Березка» на Гиндзе, в центре Токио, стали ежегодно приходиться по несколько сот человек, а в воскресные и праздничные дни — более чем по тысяче человек. Они не только охотно покупали советские товары, кстати сказать, объем продаж стал быстро расти, но и расспрашивали о Советском Союзе, о его внешней политике и отношении к Японии. Это свидетельствует о том, что, несмотря на провокационные акции противников дружбы Японии с СССР, большинство японцев стремятся к добрососедству с нашей страной, приветствуют развитие торгово-экономических, культурных и других связей с Советским Союзом.

Дома японо-советской дружбы на Хоккайдо

Все началось с поездки влиятельного хоккайдского бизнесмена Ясусабуру Сибано в 1971 г. в Москву в составе делегации представителей деловых кругов острова Хоккайдо. Несмотря на свои 68 лет, он хотел собственными глазами посмотреть СССР — страну, о которой на Хоккайдо ходили разные толки и к которой сам он под влиянием антисоветской пропаганды не испытывал симпатии. Из этой, первой поездки в Советский Союз (затем их было еще много) Я. Сибано вынес самые яркие впечатления, был очарован приветливостью и искренностью советских людей.

На Хоккайдо он вернулся с мыслью о том, что именно расширение дружественного обмена, углубление взаимопонимания между японским и советским народами, развитие на этой основе двусторонних взаимовыгодных торговых связей пойдет на пользу Японии и послужит делу укрепления мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Весь остаток своей жизни Я. Сибано решил посвятить упрочению добрососедства между народами Японии и СССР. Он горячо поддержал идею создания Хоккайдского общества японо-советской торговли, стал его председателем и выступил инициатором сооружения в Саппоро Дома японо-советской дружбы и культуры. Я. Сибано нашел поддержку у хоккайдской федерации отделений Общества «Япония — СССР» и других прогрессивных общественных организаций, профсоюзных объединений и представителей почти всех политических партий в этом районе, а также у местной администрации.

Дом японо-советской дружбы и культуры в Саппоро был открыт в сентябре 1977 г. в ознаменование приближавшегося 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Он явился первым не только на Хоккайдо, но во всей Японии подобным сооружением, специально построенным для местного населения как центр средоточия достоверной информации об СССР, которая поможет жителям острова развеять нагроможденные всевозможных вымыслов и мифов о ближайшем соседе, углубить взаимопонимание, установить отношения доверия и дружбы.

Автор статьи присутствовал при закладке здания этого Дома в 1975 г. и побывал в нем 10 лет спустя. 82-летний господин Сибано и его супруга, несмотря на возраст, по-прежнему энергичные и радушные, провели в выставочные залы, в одном из которых экспонировались советские книги, в другом была развернута выставка об Алтайском крае, показали кинозал, читальный зал, библиотеку, где шел урок русского языка, книгохранилище, рассчитанное на 100 тыс. книг, и другие помещения. За время существования Дома в нем организованы десятки мероприятий: цикл вечеров советского кино и русской музыки, японо-советская молодежная конференция, ряд выставок, выступления советских художественных коллективов, лекции наших ученых и многое другое. Теперь в среднем в год здесь бывает около 15 тыс. японцев.

У Дома японо-советской дружбы и культуры в Саппоро есть немало недругов — правые организации, милитаристские, реваншистские силы. Они пытались сорвать сооружение Дома, а когда он был построен в назначенный срок, намеревались помешать его открытию. Все их акции провалились.

Сооружение в Саппоро Дома японо-советской дружбы и культуры положило начало новому направлению в движении за добрососедство с СССР — строительству таких же Домов в других городах Хоккайдо. В декабре 1977 г. в городе Кусиро был открыт второй на острове Дом японо-советской дружбы, построенный на средства Восточно-Хоккайдского общества японо-советской торговли. Затем последовали открытия Домов в городах Вакканай (июль 1980 г.) и Хокадате (октябрь 1981 г.). О растущем интересе населения Хоккайдо к этой новой форме в движении за добрососедство с СССР наглядно свидетельствует, например, следующий факт. Идею строительства Дома японо-советской дружбы в городе Вакканай единодушно поддержали практически все жители города. Одним словом, Дом стал общим детищем всех горожан.

Появление новой формы упрочения добрососедства способствовало дальнейшему развитию и усилению движения за японо-советскую дружбу на Хоккайдо, который реакционные круги Японии хотели бы превратить в передовой опорный пункт своего противоборства с СССР и с этой целью десятилетиями воспитывали жителей острова в духе антисоветизма, насаждали среди населения реваншистские настроения, а сейчас расширяют здесь дислокацию японских и американских войск.

Двусторонние массовые встречи

Позитивное развитие советско-японских отношений в период разрядки с конца 70-х годов натолкнулось на все возрастающее противодействие со стороны Соединенных Штатов Америки, с которыми Япония находится в военном союзе. Правящие круги и правительство Японии под нажимом Вашингтона стали активно поддерживать курс США на отказ от политики разрядки, на расширение гонки вооружений. В самой Японии все чаще звучали призывы к наращиванию мощи японских «сил самообороны», созданных в нарушение действующей конституции, к вооружению этих сил современным наступательным оружием. Все ча-

ще Токио выдвигает необоснованные и незаконные территориальные притязания к СССР, разворачивает антисоветские пропагандистские кампании. Подобные акции, как видно, понадобились Вашингтону и определенным японским кругам для оправдания политики пристегивания Японии к агрессивной стратегии Пентагона.

Такой курс чреват серьезными последствиями для мира и безопасности на Дальнем Востоке, да и в первую очередь для самой Японии, которая вольно или невольно превращается в плацдарм американского ядерного оружия передового базирования, следовательно, и в «ядерного заложника». Эту опасность осознают и многие реально мыслящие японские политические деятели, и демократические силы Японии, все более активно выступающие против возрождения милитаризма, гонки вооружений, за предотвращение угрозы ядерной войны.

«Народная дипломатия» и в этой сложной, напряженной обстановке первой начала решительно действовать, чтобы повернуть вспять процесс ухудшения японо-советских отношений. Выступающие за дружбу с СССР японские организации, стараясь непременно реализовать свои ранее намеченные мероприятия в рамках двусторонних обменов, одновременно с этим стремились к усилению совместных акций.

Новой важной и перспективной формой совместной деятельности Общества «СССР — Япония» и его японских партнеров явились конференции «круглого стола» представителей советской и японской общественности. Состоялось уже 4 таких форума. Первый проходил в 1979 г. в Токио, второй — в 1980 г. в Москве, третий — в 1982 г. в Токио, четвертый — в 1984 г. в Москве. Они были весьма представительными. В каждой из конференций участвовало по несколько сот человек, в том числе политические деятели, руководители и активисты общественных организаций, ученые, журналисты, деятели культуры, представители деловых кругов, депутаты Верховного Совета СССР и японского парламента от правящей и оппозиционных партий.

Как участник трех последних конференций «круглого стола», могу сказать, что на их обсуждение был вынесен весьма широкий круг проблем — это вопросы международного положения, задачи совместной борьбы за предотвращение угрозы мировой термоядерной войны, состояние и перспективы развития отношений между СССР и Японией, пути расширения сотрудничества и обменов в области торговли, экономики, культуры и науки, спорта и туризма, роль и ответственность средств массовой информации в углублении взаимопонимания между народами двух стран, дальнейшее развитие и укрепление движения за дружбу. Одним словом, на этих форумах состоялся обстоятельный и серьезный разговор по всему комплексу советско-японских отношений, было продемонстрировано общее стремление найти выход из трудностей, которые переживают сейчас эти отношения, выявить пути использования больших потенциальных возможностей для их развития.

Конференции «круглого стола» представителей советской и японской общественности вызвали широкий интерес как в СССР, так и в Японии. Вот что, например, писала газета «Асахи» в 1982 г.: «Идея созыва конференций «круглого стола» на основе участия главным образом дружественных организаций родилась, исходя из необходимости не допустить того, чтобы японо-советские отношения шли дальше по пути ухудшения, и продолжать диалог силами общественности. Идея хорошая»⁸.

Привлек к себе внимание тот факт, что в ходе подготовки конференций «круглого стола» удалось создать подготовительный комитет, в который первоначально вошли 5 японских организаций, выступающих за дружбу с Советским Союзом, а затем к его работе подключился еще ряд организаций. Таким образом, был сделан шаг к консолидации дви-

⁸ «Асахи», 25.IV.1982.

жения за добрососедство с СССР. Опыт проведения 4 конференций «круглого стола» дает основание сделать вывод о том, что они явились значительным событием в истории развития контактов общественности СССР и Японии.

Важно отметить также и то, что конференции «круглого стола» в последние годы были дополнены и другими массовыми встречами советской и японской общественности как на общенациональном, так и на региональном уровнях. Это, например, антивоенная встреча представителей советской и японской общественности, посвященная 40-летию разгрома милитаристской Японии и 40-летию американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Это — недавно зародившиеся встречи представителей советской и японской общественности «За дружбу, добрососедство и сотрудничество на Дальнем Востоке». Первая из них была проведена в 1984 г. в Хабаровске, вторая — в 1985 г. в Саппоро, в ней с обеих сторон приняло участие около 450 человек, в том числе 200 посланцев краев и областей нашего Дальнего Востока и Сибири, а также работников ряда советских центральных ведомств и организаций.

Встреча в Саппоро прошла в обстановке дружбы, взаимопонимания и делового сотрудничества, несмотря на попытки японских реакционных сил помешать этому форуму путем организации антисоветских выходов молодчиков из правых организаций. Молодчиков этих собрали в Саппоро не только со всего Хоккайдо, но часть привезли даже с острова Хонсю.

В единодушно принятом совместном коммюнике участники встречи, в частности, отметили, что политическая атмосфера советско-японских отношений меняется в лучшую сторону, и вновь подтвердили, что для развития этой тенденции необходимо прилагать активные усилия для уменьшения и устранения существующих расхождений во мнениях по ряду вопросов, для развития политического диалога, сотрудничества в области торговли, экономики, рыболовства, развития и расширения контактов между профсоюзами, а также научных, культурных, спортивных связей, туризма и дружественного обмена общественных организаций и породненных городов.

Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что призыв к упрочению добрососедских отношений во имя сохранения мира красной нитью проходил через дискуссии всех советско-японских массовых встреч в последнее пятилетие.

Удалось ли «народной дипломатии» приостановить развитие негативной тенденции в японо-советских отношениях? В какой-то мере удалось. К числу позитивных моментов в развитии двусторонних отношений в последние 2 года можно отнести возобновление межпарламентских связей, оживление контактов обеих стран на государственном уровне.

Советская общественность, безусловно, приветствует оживление таких контактов, хотя это оживление еще не может быть расценено как свидетельство устойчивого поворота отношений двух стран на путь улучшения. Преодоление застоя в советско-японских отношениях — дело, далеко не такое легкое, как это может показаться с первого взгляда. Встречи и контакты между обеими странами на различных уровнях — это, конечно, важная предпосылка для начала диалога. Но главное — это желание вести диалог не ради того, чтобы фиксировать имеющиеся расхождения, а ради того, чтобы в ходе диалога искать реальные пути к улучшению отношений, к восстановлению обоюдного стремления развивать эти отношения в духе делового сотрудничества и дружбы, наполняя эти отношения конкретным взаимопользным содержанием.

Проблемы развития взаимоотношений США с Китаем привлекают пристальное внимание американских политологов. То обстоятельство, что изучением американско-китайских отношений занимается в США целая армия специалистов, ежегодно выпускающая в свет десятки работ, обусловлено не только важностью этих отношений для Соединенных Штатов, но и их сложностью, противоречивостью, наличием целого ряда чувствительных для обеих сторон «болевых точек». Расхождения между интересами двух государств, как отмечают американские ученые, влияют и на темпы развития политических связей, и на степень сближения в военной области, и на прогресс в различных сферах экономического сотрудничества, будь то вопрос об инвестициях в экономику КНР, о предоставлении Китаю современной наукоемкой технологии, о допуске китайского текстиля на американский рынок и т. п.

Предлагаемая статья не претендует на сколько-нибудь полный обзор новых публикаций. В ней рассматриваются несколько работ, отражающих, по нашему мнению, достаточно широко распространенные в американской политологии взгляды по двум злободневным вопросам отношений между США и КНР. Это, во-первых, вопрос о перспективах двустороннего военного сотрудничества и, во-вторых, тайваньская проблема.

Различные аспекты американско-китайских «стратегических отношений» довольно подробно анализируются в монографии подполковника американской армии Г. Б. Гасса «Китайско-американские связи в области безопасности. Ожидания и реальность», изданной Университетом национальной обороны¹.

Эта небольшая работа представляет интерес благодаря тому, что используемый автором набор аргументов во многом типичен для исследований подобного рода, а также вследствие той откровенности, с которой он развивает свою точку зрения.

Концептуальная база автора определяется генеральной целью китайской политики США: противопоставить Китай Советскому Союзу, предельно обострить отношения между ними, что позволило бы Западу подключить КНР в качестве активного элемента к своим планам «глобального сдерживания» СССР. Однако главная задача Соединенных Штатов, по мнению Г. Гасса, состоит не просто в политическом давлении на Советский Союз посредством игры «китайской картой», а в «вовлечении Китая в действия против СССР в случае американско-советской глобальной войны» (с. 9).

Арсенал средств, используемых США для достижения названных целей, включает в себя в качестве основного инструмента постоянное муссирование пропагандистского мифа о «советской угрозе» Китаю. Многократно прибегает к этому вымышленному тезису и Гасс, не замечая, вероятно, что при этом он впадает в противоречие с элементарной политической логикой. В самом деле, имеет ли смысл для какого-либо государства создавать угрозу другой стране, если тем самым оно ставит себя в заведомо невыгодные условия борьбы на два фронта, то есть в те самые условия, в которые стремится поставить его противник? Кстати сказать, и сам автор оказывается вынужденным по крайней мере ослабить звучание концепции «советской угрозы» Китаю, поскольку источники, на которые он ссылается, характеризуют ее как «отдаленную», «маловероятную» и т. п.

Тем не менее эта надуманная концепция все же достаточно активно используется автором наравне со столь же беспочвенными утверждениями об «угрозе» со стороны СССР всему «свободному миру» для того, чтобы «обосновать» целесообразность и для КНР, и для США развития двусторонних военных связей, прежде всего в форме поставок Соединенными Штатами Китаю военной техники и технологии. Прогнозируя, чем это может быть выгодно Вашингтону, Гасс пишет: «Трудно отрицать, что Соединенные Штаты извлекают определенные преимущества из содействия оборонной модернизации Китая. Благодаря такому содействию США получают возможность влиять на экономику, оборонную политику Китая и его отношения с другими странами» (с. 27).

Однако одновременно Гасс призывает политических лидеров США проявлять предельную осмотрительность в этих вопросах. «Глобальные и региональные последствия появления сильного в военном отношении Китая, — подчеркивает он, — следует внимательно изучить», учитывая, что «ключевым моментом в действиях Китая всегда бу-

¹ H. B. Gass. Sino-American Security Relations. Expectations and Realities. National Defence University Press. Washington, 1984, 74 p.

дут интересы самого Китая» (с. 9, 42). Автор акцентирует внимание на глубоких социальных и идеологических различиях между двумя странами — различиях «слишком серьезных, чтобы сформировать союз, базирующийся на одном лишь общем доверии» (с. 42). Его настаивает стремление государственных руководителей КНР избегать какой бы то ни было внешней зависимости. Правда, истоки этой «ксенофобии» он выводит, вопреки всем фактам, не из истории колониального порабощения китайского народа империалистическими державами, а из... политики Советского Союза в 50-е годы (между тем как именно в этот период СССР оказывал Китаю огромную дружескую помощь, которая была свернута не по его вине). Тем не менее автор считает допустимым, что со временем «сильный в военном отношении Китай будет стремиться к возобновлению дружбы с Советским Союзом» (с. 10).

Впрочем, и помимо идеологических вопросов, Гасс находит ряд весомых факторов, существенно уменьшающих для Вашингтона выгоду курса на сближение с КНР в военно-политической области. В собственно военном плане, по мнению автора, Китай оказался бы для США — в случае крайней обострения их военной конфронтации с Советским Союзом — недостаточно сильным и недостаточно надежным союзником. В политическом же аспекте оценки автора отражают явное нежелание влиятельных кругов в США иметь сильное китайское государство рядом со сферой своих империалистических интересов в Азиатско-тихоокеанском регионе. Такое государство, считает Гасс, способно стать источником нежелательных для США «дестабилизирующих тенденций». Он не исключает и того, что в более отдаленном будущем Вашингтону доставит хлопоты такое «увеличение влияния КНР в третьем мире», которое приведет к «сокращению эффективности» политики США во всей зоне развивающихся стран (с. 10).

Вместе с тем автор в ряде случаев придерживается тезисов, используемых Вашингтоном с целью обеспечить более благоприятную реакцию своих азиатских союзников и партнеров на маневры Соединенных Штатов в вопросах военного сотрудничества с КНР. Он утверждает, например, что расширение американско-китайских отношений на руку Сеулу и что «в свою очередь Соединенные Штаты могут ожидать от КНР поддержки присутствия американских войск в Южной Корее» (с. 16).

Однако всякая двойственность в рассуждениях Гасса исчезает, когда речь заходит о тайваньской проблеме: политическим планам США, отмечает он, соответствует Китай «не настолько могущественный, чтобы быть в состоянии взять Тайвань силой» (с. 41). Рассматривая различные варианты решения названной проблемы, Гасс считает несостоятельными нынешние попытки китайских руководителей добиться на острове восстановления суверенитета КНР мирным путем, зато не исключает возможности провозглашения Тайваня отдельным государством и, уж во всяком случае, предсказывает, что «статус Тайваня будет скорее улучшаться, чем ухудшаться» (с. 20), разумеется с точки зрения интересов США.

Но для этого «к продаже оружия Пекину следует подходить, не забывая о безопасности Тайваня», что заведомо подразумевает не только строгую дозировку в поставках военной техники в КНР, но и «предоставление Тайбэю материалов, необходимых для обороны, по мере усовершенствования вооружений НОАК» (с. 48). Гасс выражает мнение, что основополагающие американско-китайские документы, в том числе совместное августовское коммюнике 1982 г. с содержащимися в нем «равно неопределенными» обязательствами сторон, а также закон об отношениях с Тайванем дают для этого достаточные возможности.

Поставка вооружений Тайбэю для того, чтобы «скомпенсировать увеличение силы НОАК улучшением обороны Тайваня» (с. 49), вовсе не означает необходимости предоставления обеим сторонам аналогичных боевых систем. Гасс рекомендует пустить для продажи КНР устаревшее оружие конца 70-х годов, соблюдая особую осторожность в отношении техники, которая усилила бы способность китайских ВВС действовать против Тайваня или повышала бы точность наведения ракетно-ядерного оружия. Вместе с тем автор советует американским политическим деятелям, «избегая демонстративных жестов в вопросах продажи оружия Тайваню, продолжать свою линию на достаточном для поддержания его обороны уровне, пока тайваньская проблема не будет решена между Тайбэем и Пекином мирным путем» (с. 52). Гасс допускает, что в этом случае руководители КНР «могут проявить раздражение и даже понизить уровень дипломатических отношений в той же манере, в какой они повели себя, когда голландское правительство продало Тайваню две подводные лодки. Однако это принесло бы больше ущерба Китаю, чем Соединенным Штатам» (с. 48).

Таким образом, данное исследование вполне очевидно отражает курс Вашингтона, предусматривающий «экономия сил» США за счет КНР в деле конфронтации с Советским Союзом, оказание в расчете на это дозированного содействия китайским планам военной модернизации и одновременно удержание Тайваня вне сферы суверенитета Китайской Народной Республики на неопределенно долгое время.

Фактически такая же позиция прослеживается в серии разработок Центра азиатских исследований, созданного в 1983 г. в составе «Херитидж фаундэйшн» — известной исследовательской организации крайнего правоконсервативного направления — с целью, как указывается в его проспектах, «помочь политическим деятелям сосредоточить внимание на ключевых проблемах во взаимоотношениях США с азиатскими нациями».

Так, автор одного из исследований «Дилемма продажи американского оружия Пекину»², М. Ласатер, отмечая, что подготовка сделок с КНР постепенно продвигается вперед, выдвигает против них целый ряд возражений и оговорок. Он подчеркивает, в частности, что «против продажи Китайской Народной Республике современного оружия и оборонительной технологии выступают страны АСЕАН и Тайвань, к ним относятся крайне сдержанно Южная Корея и Япония» (с. 3). Особое внимание М. Ласатер обращает на собственно военную сторону дела. Анализируя, в частности, тактические данные оружия, о котором в 1984—1985 гг. велись переговоры между военными ведомствами двух стран, он приходит к выводу: «Сомнительно, чтобы предложенная Пентагоном продажа военно-морских систем Пекину могла укрепить безопасность США и служить американским интересам» (с. 5).

В другой статье³ он же, опираясь на выкладки военного и политического характера, рассматривает следующие вопросы, относящиеся к перспективам «стратегического сотрудничества» Соединенных Штатов и КНР: может ли оно быть расширено; можно ли вовлечь Китай в военный Союз, если США захотят этого; могут ли США «усилить оборонительные способности» Китая, подняв таким образом «ценность КНР как противовеса Советскому Союзу» в Азии? На все эти вопросы автор дает или отрицательные, или близкие к отрицательным ответы. «Усилия США, направленные на укрепление обороны КНР, — настаивает он, — вряд ли смогли бы намного увеличить значимость Пекина как противовеса, но могли бы иметь глубокий эффект в регионе там, где структура баланса сил является критической, например, в Тайваньском проливе» (с. 13). Свой анализ автор заключает рекомендацией: «У Соединенных Штатов нет иного выбора, кроме как урезать свои планы стратегического сотрудничества с Китайской Народной Республикой. Обеспечение безопасности США в Азии должно базироваться на силе и на поддержке традиционных союзников, а не на концепции Китая как союзника перед лицом СССР». И далее автор подчеркивает: «Пределы стратегического сотрудничества с КНР должны быть ясно осознаны. Следует твердо надеяться, что эра мифов в американско-китайских отношениях закончилась» (с. 14).

С несколько иной стороны освещаются проблемы военно-стратегического сотрудничества США с КНР в одной из последних работ известного китаеоведа-политолога Т. Робинсона — «Военное содействие Китаю: уроки Вашингтону»⁴. Робинсон, как и ряд других американских специалистов, считает такое сотрудничество в определенном смысле полезным фактором для Соединенных Штатов, усматривая в нем, в частности, возможный рычаг влияния на политику Пекина. Вместе с тем он выражает опасение, что, содействуя военной модернизации КНР, Вашингтон «поможет созданию нового и очень сильного оппонента в Азии и в глобальном балансе сил» (с. 29).

В связи с этим Т. Робинсон рассматривает вопрос о том, какими средствами располагают Соединенные Штаты и какие усилия следует им предпринять, чтобы нейтрализовать отрицательные для себя последствия прогнозируемого изменения расстановки сил в регионе. Автор предлагает комплекс мер политического и военного характера, направленных как непосредственно на Китай, так и на его соседей: во-первых, «помочь другим азиатским странам стать динамичными элементами в новом азиатском балансе сил», что означает, например, «содействие военному строительству в Японии» (с. 28). Во-вторых, «пересмотреть уровень военной мощи и стратегию США в Азии», направив в северо-восточную часть Тихого океана дополнительные авианосцы, увеличив американские ВВС в Южной Корее и вокруг нее и т. п. Логично предположить, что эти военные приготовления мыслятся направленными не только против Советского Союза. В-третьих, Вашингтон может оказывать воздействие на политику КНР, «поощряя Пекин за хорошее поведение» поставками, скажем, тех же военных товаров или, наоборот, ослабляя связи с ним в различных областях, если Китай «будет действовать вопреки интересам США» (с. 29).

В частности, такой подход предлагается применить к решению тайваньской проблемы. Для Робинсона представляется неприемлемым «бросить Тайвань на произвол судьбы», то есть не препятствовать восстановлению над ним суверенитета КНР. Решение проблемы видится автору в том, чтобы «стимулировать примирение» между руководителями КНР и тайбэйским режимом, используя для этого «то влияние на Пекин, которое дает Соединенным Штатам передача технологии Китаю, равно как и проистекающее из военных поставок влияние на Тайбэй» (с. 29). Нетрудно понять, что и данная идея рассчитана на закрепление Тайваня как отдельного от КНР политического образования на неопределенно долгое время.

Пример с Тайванем показывает, что за помощь в деле военной модернизации Китая США рассчитывают получать определенные дивиденды, и при том в течение достаточно длительного периода. Об этом, кстати сказать, откровенно пишет Г. Гасс в рассмотренной выше монографии: «Если Китай хочет иметь хоть какую-то надежду на достижение успеха в экономике и осуществление «четырёх модернизаций», особенно

² M. Lasater. The Dilemma of U.S. Arms Sales to Beijing. — «Backgrounder». Asian Studies Center, The Heritage Foundation. Washington, March 8, 1985, N 23.

³ M. Lasater. The Limits to U.S. — China Strategic Cooperation. «Backgrounder». Asian Studies Center, The Heritage Foundation. Washington, April 20, 1984, N 12.

⁴ T. Robinson. Boosting China's Military: Lessons for Washington. «Far Eastern Economic Review», 1985, vol. 128, N 23, p. 28—29.

в сфере обороны, китайские лидеры должны... преодолеть свою... ксенофобию и принять определенную степень зависимости от Запада» (с. 52).

Что же касается самих Соединенных Штатов, то американские политологи прямо или косвенно отрицают целесообразность каких-либо уступок с их стороны, если вообще считают нужным в настоящее время затрагивать этот вопрос. Во многих работах отчетливо просматривается убежденность, что от ослабления двусторонних отношений Китай потерял бы гораздо больше, чем США. Исходя из этого, некоторые авторы прямо настаивают на том, что интересам Соединенных Штатов отвечает достаточно жесткая политика в отношении КНР.

Так, в упоминавшихся аналитических разработках Центра азиатских исследований «Херитидж фаундэйшн» с момента его возникновения стала подвергаться критике концепция, смысл которой в том, что «отношения Соединенных Штатов с прежним противником — Китаем — должны поддерживаться в поступательном движении, чтобы не ослабеть, должны постоянно улучшаться, чтобы не ухудшиться»⁵ (с. 1). По мнению директора Центра Дж. Коппера, в результате проведения основанной на таких предположениях «чрезмерно мягкой, если не рабской политики» США к 1982 г. «отпустили канат до конца, не получив взамен почти ничего» (с. 1). Между тем, утверждается в статье, «Китай запрашивает больше, чем рассчитывает получить, а если нет другого выхода, то соглашается довольствоваться меньшим» (с. 1). Оценивая результаты ряда жестких мер, принятых в отношении Китая администрацией Рейгана, автор приходит к заключению: «Меньшая уступчивость со стороны США будет способствовать формированию более нормальных отношений с КНР» (с. 7).

Ту же мысль Дж. Коппер развивает в другой статье (подготовленной, кстати сказать, в связи с визитом в США Чжао Цзыяна⁶), утверждая, что обоим характер американско-китайских отношений, более выгодный для Китая, чем для Соединенных Штатов, особенно отчетливо проявлялся в вопросах коммерческих связей и передачи технологии. «В сфере же стратегических интересов, — продолжает далее автор, — Китай имеет для США побочную ценность» и вместе с тем «доставляет им много затруднений в развитии отношений с традиционными азиатскими союзниками и в поддержании важнейшего союза с Японией. Кроме того, Соединенным Штатам просто не о чем вести переговоры с Пекином по поводу Тайваня, кроме как об обещании Пекина решить тайваньскую проблему мирным путем» (с. 7). Исходя из этого, Дж. Коппер настаивает на том, чтобы в тихоокеанской политике США приоритет был отдан Японии и Вашингтон активизировал усилия по созданию «Тихоокеанского сообщества», в которое, однако же, едва ли можно будет включить Китай (с. 8).

Столь же, если не более резкой формой отличаются высказывания сотрудника Стэнфордского университета Р. Майерса⁷. Каких реальных выгод, задает он вопрос, могут ждать США от развития американско-китайских отношений в свете их эволюции с момента нормализации в 1979 г.? Торговля, считает он, не имеет особых перспектив и будет в дальнейшем развиваться медленнее, чем прежде, поскольку экономические структуры двух стран не являются взаимодополняющими: КНР не может предоставить американским покупателям ни обильных запасов сырья, ни дешевых высококачественных товаров массового потребления, да к тому же экспорт китайского текстиля сдерживается принятой в США системой квот (с. 152). Автор выражает недовольство и тем, что Китай «сравнительно редко» принимает сторону Вашингтона в связи с локальными международными кризисами.

С другой стороны, Майерс касается и «общих стратегических интересов обоих государств», имея в виду планы использования Китая для ослабления международных позиций СССР, для «создания противовеса» Вьетнаму и т. п. Однако в отличие от Т. Робинсона Майерс считает, что оказать сколько-нибудь серьезное влияние на политику КНР Вашингтон не в состоянии. Китай — это «растущая сила с собственными уникальными проблемами и национальными интересами». Отсюда следует вывод: «Вашингтону нет необходимости делать уступки ради улучшения отношений с Китаем. Такие уступки ни в коем случае не гарантируют от расхождения китайских и американских интересов» (с. 155). В частности, считает автор, «отношения США с двумя Китаями, де-факто на государственном уровне, могут быть продолжены до тех пор, пока лидеры в Тайбэе и Пекине не решат приступить к переговорам» (с. 156). Заметно более мягкий и гибкий подход к Китаю можно обнаружить в одном из последних выступлений⁸ профессора А. Д. Барнетта, одного из зачинателей «либерального» направления в американской синологии, еще в 50—60-х годах добивавшегося поворота в политике Вашингтона в сторону сближения с КНР. Однако и в его анализе явно прослеживается осознание тех факторов, которые ставят развитие американско-китайских отно-

⁵ John F. Copper. The Lessons of Playing Tough with China. — «Backgrounder». Asian Studies Center. The Heritage Foundation. Washington, 1983, August 23, N 4.

⁶ In: John F. Copper. Greeting Premier Zhao with a Balanced China Policy. «Backgrounder». Asian Studies Center. The Heritage Foundation. Washington, January 6, 1984, N 6.

⁷ In: R. H. Myers. The Pacific Basin. — To Promote Peace: U. S. Foreign Policy in the Mid-1980s (Dennis L. Bark ed.). Stanford, 1984.

⁸ См. его интервью журналу «Чжиши фэньцзы», т. 1. Нью-Йорк, 1985, № 2 (на кит. яз.).

шений в достаточно ограниченные рамки. Высказав мнение, что у КНР и США «во многих районах интересы совпадают» и стороны могут наладить «прекрасные отношения сотрудничества», он далее делает оговорку: «Это должно быть главным образом экономическое сотрудничество, а не связи явно военного характера и тем более не «союз». Я понимаю решение Китая не вступать в союз с США. Но я не одобрил бы установления каких-либо союзнических связей между Соединенными Штатами и Китаем и с позиций американской стороны, поскольку такие связи не приносят никакой пользы США — так же, как и Китаю — ни с точки зрения наших глобальных интересов, ни с точки зрения наших отношений с Советским Союзом» (с. 8). Попутно Барнетт упрекает руководителей КНР за то, что те, несмотря на наличие «многих точек соприкосновения» с Вашингтоном, ведут себя подчас «слишком критически» в отношении действий США в зоне развивающихся стран, «публикуют множество пространных заявлений относительно США и третьего мира» (с. 8).

Уделяя много внимания тайваньской проблеме, автор всячески подчеркивает ее долгосрочный, затяжной характер, предостерегает против любых попыток форсировать ее решение, противопоставляет тем «сильным чувствам, которые испытывает в отношении этой проблемы Пекин», не менее «сильные чувства» Вашингтона. Особый интерес представляют размышления автора относительно существующих путей восстановления суверенитета КНР над Тайванем. Рассматривая известные многочисленными инициативы китайского правительства в этой области как свидетельство возросшей «гибкости» его политики, он, однако же, полагает, что сами по себе они ничего не могут решить. «Нет необходимости каждую неделю вносить поправки в собственные предложения», — не без иронии замечает он.

«Сянганская модель», по мнению Барнетта, имеет определенную ценность для решения тайваньской проблемы, однако создать модель — это еще далеко не все. Если вопрос о Сянгане решался посредством переговоров Пекина с третьей стороной — Лондоном, то в отношении Тайваня Барнетт видит выход в том, чтобы за длительное время «убедить его руководителей и народ» и в «целесообразности сянганской модели», и в том, что «материковый Китай действительно изменился» (с. 9).

Понимать это следует вовсе не как рекомендацию китайской стороне усилить агитационную работу. Уточняя свои соображения, Барнетт подчеркивает: «В отдаленной перспективе окончательное решение тайваньской проблемы будет зависеть не только от перемен на Тайване, но и от изменения обстановки на материке и в Сянгане. Все здесь взаимосвязано» (с. 9). Из этого высказывания можно заключить, что автор связывает возвращение острова в состав КНР с осуществлением в самой Китайской Народной Республике таких радикальных сдвигов, которые расценивались бы правящими кругами Тайваня как достаточная гарантия неизменности существующих на острове порядков.

Никаких других путей для воссоединения Тайваня с КНР не существует: они перекрыты Вашингтоном. «Больше всего хотелось бы надеяться на то, — говорит Барнетт, — что развитие тайваньской проблемы пойдет в правильном направлении. Если же появятся какие-либо свидетельства отхода от этого направления, то в американо-китайских отношениях могут возникнуть серьезные осложнения» (с. 9). «Какотреагируют США, если на Тайване вспыхнут беспорядки или тайваньские власти провозгласят независимость и правительство КНР, может быть, окажется вынужденным применить силу?» На этот вопрос журнала Барнетт отвечает: «Подобная ситуация может привести к усилению поддержки, оказываемой Тайваню Соединенными Штатами... Если какие-либо события покажут, что в этом районе возникла новая угроза равновесию сил, США могут оживить свои обещания Тайваню» (с. 9). Анализ профессора Барнетта, очевидно, основывается на предпосылке, что Вашингтон намерен и впредь препятствовать реализации прав КНР на Тайвань, не останавливаясь перед обострением отношений с ней. Жесткость его линии, в числе прочих причин, объясняется стремлением использовать тайваньскую проблему как один из рычагов для подталкивания Китая к социальной эволюции в благоприятном для Запада направлении.

Как показывают рассмотренные примеры, в научных кругах США существует отчетливое понимание того обстоятельства, что сотрудничество Соединенных Штатов с КНР в военной сфере ограничено достаточно узкими пределами, в основе которых лежит в конечном счете несходство глубинных интересов этих двух государств (хотя, пожалуй, не всегда придается должное значение наиболее фундаментальному фактору — противоположности их социально-экономических систем). Это обстоятельство не мешает американским политологам, по крайней мере некоторым из них, поддерживать попытки Вашингтона втянуть КНР в свою антисоветскую стратегию, используя для этого, в частности, вопрос о поставках ей военной техники и технологии. Однако одновременно они рекомендуют соблюдать крайнюю осторожность и сдержанность в содействии модернизации китайских вооруженных сил, увеличивать военное присутствие США в Азиатско-тихоокеанском регионе, не пересматривать в пользу Китая системы политических приоритетов США в регионе, не делать ему сколько-нибудь значительных уступок и, уж конечно, не сдавать позиций на Тайване.

К вопросу о политической программе Сунь Ятсена

*Н. Л. МАМАЕВА,
кандидат исторических наук*

Национальная антиимпериалистическая революция 20-х годов в Китае, руководимая партией гоминьдан в сотрудничестве с коммунистами, непосредственно связана с именем великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена.

Идеологическое и политическое наследие Сунь Ятсена неизменно привлекает внимание ученых-китаеведов всех стран и научных направлений. Центр тяжести в толковании идеологических и политических воззрений Сунь Ятсена западной и китайской историографией лежит в области изучения и характеристики принципа народного благосостояния. При этом внимание зарубежных авторов, как правило, сосредоточено на вопросе: можно ли трактовать принцип народного благосостояния как идентичный понятию коммунизма? И уже исходя из характеристики принципа народного благосостояния, дается общая оценка политической теории и практики Сунь Ятсена, которая сводится к отношению Сунь Ятсена к коммунистам и к движению рабочих и крестьян.

Выдвижение этого вопроса на первый план предопределило оценку политической революционной программы Сунь Ятсена, главным образом в одной плоскости — его отношения к коммунизму и к классовой борьбе.

Советская историография, включившая в сферу своего исследования принцип народного благосостояния, принцип национализма (в меньшей степени принцип народовластия), а также опыт сотрудничества Сунь Ятсена с китайскими коммунистами в национальном антиимпериалистическом движении, разносторонне, и тем самым более объективно, освещает его теоретическую и практическую деятельность¹. Изучение принципа национализма и практики Сунь Ятсена по разворачиванию антиимпериалистического движения в Китае, его внешнеполитическая — дружественная СССР — деятельность получили всестороннее освещение в советской историографии, в основном в работах С. Л. Тихвинского.

Учение Сунь Ятсена о «трех народных принципах» — это не только философские и теоретические обобщения и представления об обществе и государстве «трех народных принципов», но и концепция политических целей, форм, этапов и движущих сил революционного движения на современном Сунь Ятсену этапе; иными словами, его политическая программа китайской революции. Выявление и оценка политической программы Сунь Ятсена, органически вписанной в учение о «трех народных принципах», главным образом в рамки принципа народовластия, определение степени ее соот-

¹ См.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964; его же. Вступительная статья. — В кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964; его же. Сунь Ятсен — друг Советского Союза. К 100-летию со дня рождения. 1866—1966. М., 1966; его же. История Китая и современность. М., 1976; его же. О соотношении национального и социального вопросов в Синьхайской революции. — В кн.: Китай в новое и новейшее время. История и историография. М., 1981; его же. Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ. (Предисловие ко второму изданию избранных произведений Сунь Ятсена). — В кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. Изд. второе, испр. и доп. М., 1985; Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983; Л. Н. Борох. Союз возрождения Китая. М., 1971; его же. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984; Г. В. Ефимов. Сунь Ятсен. Поиск пути, 1914—1922. М., 1981; В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927). — В кн.: Коминтерн и Восток. М., 1969; его же. Борьба за единый национальный фронт в Китае (К 50-летию III съезда КПК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3; А. В. Меликсетов. Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена: происхождение, развитие, сущность. — В кн.: Китай: общество и государство. М., 1977; В. Н. Никифоров. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982; М. И. Сладков-ский. Сунь Ятсен о путях экономического развития Китая. — В кн.: Сунь Ятсен. 1866—1966. К столетию со дня рождения. Сб. статей, воспоминаний и материалов. М., 1966; Г. Д. Сухарчук. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравн. анализ. М., 1983.

ветствия политическому курсу гоминьдана в революционном движении 20-х годов призваны дополнить характеристику революционно-политических взглядов вождя китайской революции, сложившуюся в советской историографии, а также уточнить характер и особенности национальной антиимпериалистической революции 1925—1927 гг.

Основная целевая установка Сунь Ятсена для революционного движения Китая XX в. — борьба за торжество «трех народных принципов» — оставалась неизменной на протяжении всей его жизни.

Деятельность Сунь Ятсена и его сподвижников во имя идеи «трех народных принципов» в практике революционной борьбы носила вполне конкретный характер. В эпоху Синьхайской революции это была борьба под лозунгом свержения маньчжурской династии и создания парламентской республики, в послесиньхайское десятилетие — борьба под лозунгами «в защиту республики» и в «защиту конституции» (Временной конституции 1912 г., принятой в Нанкине. — Н. М.), а с 1923 г. — под лозунгами борьбы с империализмом и милитаризмом². Если в борьбе с маньчжурской династией выдвигался лозунг построения парламентской республики, то в послесиньхайское десятилетие шла борьба за сохранение и улучшение системы парламентской республики, которая в сложившихся экономических и политических условиях Китая демонстрировала свою нежизнеспособность³. Неустойчивость политической системы Китая после Синьхайской революции Сунь Ятсен объяснял прежде всего живучестью монархических идей. Поэтому он вел неустанную борьбу с монархическими настроениями и силами⁴.

Форма участия Сунь Ятсена и его сподвижников в революционном движении послесиньхайского десятилетия определялась конкретными историческими и политическими условиями, в которых возникла и развивалась партия Сунь Ятсена. В условиях сложившегося соотношения сил между пекинским правительством и милитаристскими группировками Сунь Ятсен и его сподвижники, объединившись с юго-западной группировкой милитаристов, включились в борьбу между милитаристскими группировками за преобладающее влияние на пекинское правительство, то есть в борьбу за власть. Это направление деятельности партии осуществлялось в русле традиционных взаимоотношений между милитаристскими группировками, включавших методы вооруженной борьбы и мирных союзов, лавирования и компромиссов.

Реальным результатом революционной и политической деятельности Сунь Ятсена явилось его участие в организации и работе правительств Юга — 1917, 1920, 1923 гг., которые аналогично правительствам Севера выступали «орудием» той или иной военной группировки. Для правительств Юга была характерна тенденция обосновать свое существование стремлением к возрождению парламентских форм правления. Тем не менее и в деятельности правительств Юга наблюдались та же чехарда и парламентская неразбериха, как и в политической жизни Севера. В октябре 1923 г. Сунь Ятсен образовал в Кантоне революционное правительство. Этому правительству суждено было сыграть значительную роль в укреплении партии Сунь Ятсена и в ее воссоздании на новых организационных и частично идейно-политических принципах. Оно явилось переходным к образованию в июле 1925 г. Национального правительства — правительства партии Сунь Ятсена, в организации и деятельности которого наиболее полно отразились его общественно-политические взгляды.

Определяя главную задачу революционного движения в послесиньхайское время в деле переустройства политической системы Китая, Сунь Ятсен в качестве первого шага считал необходимым ослабление и нейтрализацию военно-бюрократического административного аппарата, характерными чертами которого были произвол и злоупотребление местными военными властями. В теории и практике Сунь Ятсена для решения проблемы политического переустройства общества разрабатывались две линии — революционный метод и путь мирного объединения страны на демократической, парламентской основе.

В китайской революции, по мнению Сунь Ятсена, исключительно важную роль должен был играть военный фактор. Учитывая опыт Синьхайской революции (1911—1913) и исходя из сложившихся в Китае условий военных междоусобиц между феодальными группировками, Сунь Ятсен определял армию в качестве основной силы в обществе, способной совершить революцию, а единственным способом осуществления революции — походом подчиненных ему войск на Север, разгром милитаристов и объединение всей страны под властью гуандунского правительства⁵. В Декларации о походе на Север (18 сентября 1924 г.) программой-минимум гоминьдана провозглашалась борьба против милитаристского пекинского правительства, а военные действия гоминьдановского правительства объявлялись основной формой революционного движения⁶. Положение о признании армии в качестве основной и решающей силы для победы гоминьдана проходит через все теоретическое наследие и практическую дея-

² См.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1985, с. 320, 362—363.

³ См.: Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983, с. 28—30.

⁴ См.: Сунь Ятсен. Избр. произв., т. 2. Пекин, 1956, с. 705—706 (на кит. яз.).

⁵ См.: И. Д. Кузьмин. Сунь Ятсен о проблемах китайской революции. — В кн.: Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 3. М., 1980, с. 10, 11.

⁶ См.: Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 693—694.

тельность Сунь Ятсена⁷. Однако начиная с I съезда гоминьдана (январь 1924 г.) в политику опоры на военные силы частично вносится новое содержание. Оно явилось результатом того, что Сунь Ятсен под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, контактов с деятелями Коминтерна, с советскими политическими и военными советниками взял курс на создание социальной базы революции и на применение в Китае опыта революционной России и русских коммунистов⁸. Провозглашенный Сунь Ятсеном курс на реорганизацию армии являлся составной частью общей политики реорганизации партии, принятой I съездом гоминьдана: построение гоминьдана на новых организационных, по типу ВКП(б), принципах и создание массовой партии, строго централизованной армии, подчиняющейся партийному руководству и овладевшей новыми революционными идеалами борьбы с империалистической агрессивней в Китае и с милитаристами — пособниками империалистов⁹. В политической программе гоминьдана, принятой этим съездом, нашли отражение неотложные политические и экономические требования широких народных масс¹⁰, что свидетельствовало о включении Сунь Ятсеном и гоминьданом интересов народных масс в сферу партийной деятельности. В том, что съезд одобрил установку Сунь Ятсена на вступление коммунистов в гоминьдан, проявилась решимость Сунь Ятсена преодолеть оторванность партии от масс и создать единый фронт революционных сил, действующий совместно с армией и оказывающий на нее революционизирующее влияние.

Реорганизация армии осуществлялась Сунь Ятсеном и его соратниками в двух направлениях: переформирование милитаристских армий, поддерживавших кантонское правительство, и создание ядра новой армии на базе военной школы Хуанпу. Новая армия по плану Сунь Ятсена, во-первых, должна быть строго централизованна, во-вторых, должна пройти политическое и революционное воспитание. В июне 1924 г. Сунь Ятсен говорил: «Сейчас в провинции Гуандун... немало армий, которые борются вместе с нашей революционной партией, но я не могу назвать их революционными... они пестры по своему составу, не прошли революционной подготовки, не имеют революционной основы». И далее: «Войска, лишённые революционных идеалов, в конечном счете не могут отрешиться от помыслов о личной выгоде и личных интересах и, когда эти интересы приходят в столкновение с интересами революции, такие войска моментально становятся ненадежными»¹¹. Построение новой армии на основе создания новой офицерской школы Хуанпу и путем перевоспитания и переформирования старых милитаристских армий удалось лишь частично.

В течение 1924—1925 гг. была достигнута относительная централизация армии и контроль партии над армией, сопровождавшиеся лишением реорганизованных соединений и частей собственной финансовой базы в виде права собирать налоги в районах их дислокации и переводом их на денежное и вещевое довольствие, а также снабжение оружием и боеприпасами из централизованных правительственных источников¹². Введение института политкомиссаров, политизация армии имели относительный успех лишь в соединениях, сформированных на базе выпускников офицерской школы Хуанпу¹³. В корпусах, сформированных из реорганизованных милитаристских армий, составлявших абсолютное большинство гоминьдановской армии, политическое воспитание солдат и офицеров и введение института политкомиссаров столкнулись с непреодолимыми трудностями¹⁴. Весьма показателен в этом отношении сам процесс создания гоминьдановской армии: переформирование милитаристских вооруженных подразделений проходило в острой вооруженной борьбе. Использование методов революционного политического воспитания создаваемой армии, которые намечались в планах военных советников П. А. Павлова и В. К. Блюхера¹⁵, в силу объективных условий не могло дать должного эффекта. В условиях неразвитости демократических институтов в Китае, низкого уровня политической и революционной сознательности широких народных масс, невосприимчивости преобладающего большинства гоминьдановской армии к революционным идеалам, в условиях сохранения наемного характера армии принцип опоры на военные силы в революционном движении predetermined военный, верхушечный характер революции, во главе которой стояла партия гоминьдан. Положение о главенствующей роли военного фактора в китайской революции легло в основу теории Сунь Ятсена об этапах строительства государства.

Согласно «Декларации Объединенного союза» (август 1905 г.), процесс строительства государства должен пройти следующие три периода: «первый период — период управления на основе законов военного времени... Продолжительность первого периода... определяется в три года... второй период — период управления на основе вре-

⁷ См. там же, с. 692—694, 626, 699—703, 637—640.

⁸ См.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ... с. 32.

⁹ См.: Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 357—368.

¹⁰ См. там же, с. 365—368.

¹¹ Там же. Указ. соч., с. 668—669.

¹² См.: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976, с. 135.

¹³ См. там же, с. 315.

¹⁴ См.: А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае, 1924—1927 гг. Документально-очерк. Документы. М., 1979, с. 125.

¹⁵ См. там же, с. 102—103, 125, 170, 173, 185.

менной конституции... третий период — период управления на основе постоянной конституции. Постоянная конституция вырабатывается спустя шесть лет после введения временной конституции во всей стране»¹⁶. Третьему периоду, согласно взглядам Сунь Ятсена, должен был непосредственно предшествовать этап подготовки населения к введению и утверждению новой для Китая политической системы — системы парламентской республики¹⁷. В несостоятельности сложившейся в Китае после Синьхайской революции политической системы он видел подтверждение правильности своей политической теории трехэтапного государственного строительства. Сунь Ятсен вменял в вину своим соратникам по Синьхайской революции тот факт, что они не разделяли его убеждений о необходимости для Китая пройти этап, переходный от монархии к республике, — этап, названный в «Программе строительства государства» (1917—1919) периодом политической опеки¹⁸. Теория трехэтапного государственного развития, подробно изложенная в «Программе строительства государства» (1917—1919), оставалась ядром политической теории Сунь Ятсена, зафиксированной в «Общей программе строительства государства» (12 апреля 1924 г.)¹⁹, а также в лекциях о «трех народных принципах», прочитанных Сунь Ятсеном весной — летом 1924 г.²⁰

Составная часть этой теории — взятие власти гоминьданом военным путем и диктатура гоминьдана в течение первых двух периодов строительства государства.

В социально-политической истории Китая известно несколько попыток и вариантов осуществления политических планов государственного строительства Сунь Ятсена. В Синьхайской революции можно видеть первую попытку — начало военного этапа революционного строительства, развитие которого далее пошло иным путем.

Потерпев неудачу в деле создания государственности в масштабах всего Китая в ходе Синьхайской революции, Сунь Ятсен и его единомышленники попытались утвердиться на Юге. Можно сказать, что Сунь Ятсен, используя традиционные методы опоры на военные силы и иностранную помощь, начал все сначала. Сложный и тяжелый путь пришлось пройти Сунь Ятсену и его партии, пока наконец 1 июля 1925 г. было провозглашено создание гоминьдановского правительства. Вновь, хотя и в миниатюре (не в масштабах всего Китая), было заложено начало военному этапу правления партии.

Осуществив самые необходимые мероприятия по централизации армии, администрации и финансов и тем самым несколько нейтрализовав силы местных милитаристов, гоминьдан подготовил свое государство к борьбе за установление нового военного правления в пределах всей страны. По сути дела, реализация планов Сунь Ятсена о трехэтапном государственном развитии в «чистом виде» началась с Северного похода Национального правительства (весна — лето 1926 г.), предпринятого спустя уже год после смерти Сунь Ятсена.

Стремление Сунь Ятсена к построению армии на новых организационных и идейно-политических принципах тесно связано с изменением его взглядов на важность «движения народных масс в революции». Вопрос отношения Сунь Ятсена к движению народных масс целесообразно рассматривать в следующих аспектах: в плане отражения в теории и практике Сунь Ятсена классовых интересов отдельных слоев и групп населения и в плане определения Сунь Ятсеном формы участия народных масс в революционном движении 20-х годов. Вопрос отношения Сунь Ятсена к «движению народных масс» является одним из главных при оценке его политической программы. Это — один из самых дискуссионных вопросов современной историографии. Разноречивая интерпретация этой проблемы самими гоминьдановцами имела своим следствием то или иное толкование общей политической направленности его учения и служила обоснованием своих позиций как «левыми», так и «правыми» силами в гоминьдане.

Гоминьдан, как это нашло отражение в Манифесте I съезда, стремился стать выразителем интересов широких народных масс: интеллигенции, крестьян, рабочих, торговцев²¹. Такой подход был подтвержден Сунь Ятсеном в его Манифесте к походу на Север (10 ноября 1924 г.)²². Политический курс гоминьдана он определял в плане содействия и развития рабочих, крестьянских и торгово-промышленных организаций²³.

На II съезде гоминьдана (январь 1926 г.) проблема социальной опоры партии решалась строго в соответствии со взглядами Сунь Ятсена. В отчетном докладе Ван Цзинвэя говорилось: «В этом... году (в 1924 г. — Н. М.), в ряде публичных выступлений было разъяснено, что индустриальный план Президента и общая линия партии в политической области, с одной стороны, поддерживает рабочих и крестьян, а с другой — охраняет также и интересы купечества. Нет необходимости указывать, что политика ограничения капитала и требование уравнительного землепользования не на-

¹⁶ Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 105.

¹⁷ См. там же, с. 105—106.

¹⁸ См. там же, с. 202.

¹⁹ См. там же, с. 637—640.

²⁰ См. там же, с. 376—623.

²¹ См.: там же. Указ. соч., с. 362.

²² См. там же, с. 699—703.

²³ См.: там же. Указ. соч., с. 700.

носят ущерба капиталистам и помещикам»²⁴, — и далее: «Некоторые члены Гоминьдана, хотя таких немного, думают, что движение торговцев не может развиваться совместно с рабоче-крестьянским движением, и должны прийти к столкновению... наша партия не может опираться только на рабоче-крестьянское движение, игнорируя движение торговцев»²⁵.

Конкретные предложения Сунь Ятсена заключались в разработке курса на организацию профсоюзов, крестьянских союзов, союзов торговцев, интеллигенции, молодежи.

Создание на первом пленуме ЦИК первого созыва крестьянского и рабочего отделов, а в октябре 1924 г. — отдела по работе среди торговцев свидетельствовало об определенных усилиях Сунь Ятсена и гоминьдана в области социально-классовой политики. Самым значительным законодательным актом в области социальной политики в рабочем вопросе до Северного похода 1926 г. было опубликованное осенью 1924 г. от имени Сунь Ятсена как главы кантонского правительства «Положения о профсоюзах»²⁶.

В советской историографии «Положение о профсоюзах» оценивается с позиций сопоставления мероприятий гоминьдана в области трудового законодательства с социальной политикой китайского правительства: «...Тот факт, что до начала 20-х годов в Китае почти не существовало прецедентов юридической защиты прав и интересов рабочих, придавал программам партий и мероприятиям властей в этой области большое политическое значение»²⁷. «Положение о профсоюзах» 1924 г. — наиболее прогрессивный закон в области трудового законодательства и по сравнению с более поздними законами о профсоюзах, которые появились после 1927 г.²⁸ Курс Сунь Ятсена на организацию широких народных масс в союзы и на их политическое просвещение, хотя и не был направлен на организацию классовой борьбы между крестьянами и помещиками, рабочими и предпринимателями, объективно способствовал пробуждению классового самосознания и в этом смысле служил интересам отдельных слоев и групп населения.

Задачи, требования и лозунги отдельных слоев и групп населения Сунь Ятсен формулировал, исходя из своей социально-политической революционной программы военного этапа строительства государства: объединение всей страны под властью гоминьдана на основе реорганизации и централизации военного дела, административного аппарата и финансовой системы²⁹. Военный этап строительства государства предстает в работах Сунь Ятсена чрезвычайно важным и значительным для успеха революции. Именно в этот период, согласно взглядам Сунь Ятсена, должны быть подорваны основы утвердившейся в Китае милитаристско-бюрократической формы феодальной системы.

В центре внимания Сунь Ятсена на период военного этапа строительства государства стояла также задача устранения состояния хаоса в экономической и политической жизни Китая. Определив причину хаоса и ужасающей нищеты населения в злоупотреблениях милитаристско-бюрократического аппарата власти, Сунь Ятсен выдвинул на первый план задачу по экономико-политическому ослаблению и нейтрализации милитаристско-бюрократической верхушки, где одно из главных мест занимала налоговая политика. Вначале — упорядочение налоговой системы, а после утверждения власти гоминьдана — реформа налоговой системы как один из основных методов ослабления и подчинения старой бюрократии, с одной стороны, и как способ облегчения материального положения всех слоев населения — с другой³⁰.

Отсюда на первый план в политической теории Сунь Ятсена военного этапа выходили не специфические экономические и правовые требования отдельных классов и слоев населения, не общедемократические требования политических свобод (как это частично зафиксировано в Манифесте I съезда ГМД), а мероприятия по упорядочению военной, налоговой системы, по централизации финансов и административного аппарата.

Улучшение положения народа мыслилось как результат мероприятий гоминьдановского правительства по централизации власти. Программа периода политической опеки выдержана Сунь Ятсеном также в плане укрепления завоеваний военного этапа революции по централизации власти.

Особенность социально-политической программы Сунь Ятсена и гоминьдана военного периода революции — это ее общенациональный характер, обусловленный заинтересованностью всех слоев населения в немедленном прекращении злоупотреблений военно-бюрократического административного аппарата.

²⁴ Конгрессы и конференции гоминьдана. Перевод материалов. Под ред. М. Рафеса. М., 1928, с. 89 (на правах рукописи).

²⁵ Там же, с. 229.

²⁶ См.: Конгрессы и конференции гоминьдана..., с. 40—46.

²⁷ В. И. Хорьков. Нанкинский гоминьдан и рабочий вопрос 1927—1932. М., 1977, с. 23.

²⁸ См. там же, с. 21.

²⁹ См.: Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 122.

³⁰ См. там же, с. 367—368; 435—438; 686—688.

Сунь Ятсен проявил большую историческую прозорливость, определив непосредственные задачи военного этапа революционного движения. Основные направления этого курса, сформулированные Сунь Ятсеном еще в 1912 г.³¹, были взяты на вооружение гоминьданом и осуществлялись в рамках провинции Гуандун в 20-е годы. При жизни Сунь Ятсена в Кантонской революционной базе были предприняты попытки осуществления курса на упорядочение финансово-административной системы провинции. Однако эти попытки до определенного времени не имели решающего успеха. Лишь после того, как гоминьдан, укрепившись прежде всего созданием своей армии, подчинил себе вооруженные силы «союзных» милитаристов, он смог перейти к осуществлению курса на централизацию финансов и административного аппарата провинции. Этот курс был подробно разработан в материалах II съезда гоминьдана (январь 1926 г.), прошедшего уже после смерти Сунь Ятсена.

Весьма показательно, что в материалах этого съезда, в духе взглядов Сунь Ятсена, но более подробно и конкретно, имело место четкое разделение вопросов: опоры партии, социально-политической программы партии, определения формы участия народных масс в революции. Этот комплекс проблем определял отношение Сунь Ятсена и гоминьдана к «массовому движению». Хотя гоминьданом и допускалась возможность частичного осуществления мероприятий по улучшению материального и правового положения рабочих, крестьянских и торгово-промышленных слоев населения на военном этапе революции, тем не менее проведение в жизнь программы партии в целом в рабочем и крестьянском вопросах, а также в вопросе трудового и правового законодательства для торгово-промышленных слоев населения предусматривалось на более поздний период — после завоевания гоминьдановским правительством политической власти во всем Китае³². Как в работах и выступлениях Сунь Ятсена, стремившегося к пониманию и учету международных требований, так и в гоминьдановских партийных документах тех лет отразились требования текущего этапа развития революционного движения. Незначительные на первый взгляд и «второстепенные» с позиции борьбы классов требования по упорядочению налоговой системы, прекращению милитаристских междоусобиц, борьбе с бандитизмом, по формированию централизованного административного и финансового аппарата, запрещению курения опиума и т. д. выдвигались на первый план, отражая неотложные потребности общественно-политического развития Китая.

Необходимым условием осуществления социально-политической программы военного этапа революционного строительства Сунь Ятсен считал ее поддержку со стороны организованных в союзы различных групп и слоев населения. Согласно воззрениям Сунь Ятсена, профсоюзам, крестьянским союзам, союзам торговцев, студенческим союзам надлежало поддерживать все мероприятия гоминьдана: в области антиимпериалистической и военной политики, в деле построения гоминьдановской государственности.

Однако при всей широте и политической прозорливости Сунь Ятсену была свойственна недооценка уровня классовой дифференциации и остроты классовых противоречий в Китае. Он питал иллюзии, считая, что в условиях Китая 20-х годов можно временно притушить классовые противоречия между помещиками и крестьянами, капиталистами и рабочими путем партийной пропаганды, а после победы гоминьдана и его армии над северными милитаристами — разрешить классовые противоречия мирным путем.

В политической программе Сунь Ятсена на военный этап революционного движения общественным организациям и соответственно тем группам и слоям населения, которые они представляли, было отказано в праве выдвижения классовых требований и лозунгов борьбы за немедленное улучшение материального и правового положения.

Определяя политику гоминьдана в отношении рабочих, Сунь Ятсен сформулировал ее как организацию борьбы рабочих против «экономического гнета иностранных государств», но ни в коей мере не против национальных капиталистов³³. Формулируя политику гоминьдана относительно крестьянства, Сунь Ятсен говорил: «Объединяя крестьян, мы должны направить их на путь сотрудничества с правительством...»³⁴ Поддержка крестьянскими союзами мероприятий правительства, в частности по сбору дополнительных налогов для содержания армии, определялась Сунь Ятсеном одной из основных задач крестьянства в революционном движении³⁵. Задачи союзов торговцев определялись Сунь Ятсеном также в направлении поддержки ими антиимпериалистических демонстраций, организуемых правительством, борьбы с экономическим гнетом империалистических держав, мероприятий правительства по военной, финансовой и административной централизации власти в Гуандуне³⁶. Речь идет об идее Сунь Ятсена, согласно которой уровень требований и лозунгов народных масс в революционном движении 20-х годов должен определяться гоминьданом и его правитель-

³¹ См. там же, с. 121—122.

³² См.: II съезд гоминьдана. — В кн.: Конгрессы и конференции гоминьдана..., с. 166—207, 218—231.

³³ См.: Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 662.

³⁴ См. там же, с. 688.

³⁵ См. там же, с. 687.

³⁶ См. там же, с. 699—703.

ством, а также об использовании народных организаций для усиления гоминьдановского правительства. Таким образом, в политической программе Сунь Ятсена, нацеленной на решение общенациональных задач борьбы с милитаризмом и империализмом, не нашли отражения вопросы уничтожения классовой эксплуатации. Улучшение материального и правового положения народных масс в 20-е годы Сунь Ятсен связывал не с коренной ломкой социально-политической структуры и отношений собственности, а с их упорядочением.

Форма участия народных масс в революции определялась Сунь Ятсеном согласно принятой им концепции революции, совершаемой в форме военного похода регулярной армии. Через все выступления Сунь Ятсена проходит мысль о недопущении каких-либо «самовольных» действий со стороны общественных организаций и народных масс.

Вопрос определения формы участия народных масс в революционном движении и на II съезде гоминьдана решался в соответствии с учением Сунь Ятсена. Согласно материалам II съезда, народные массы должны содействовать Национальному правительству в подготовке к Северному походу — в форме исправной уплаты всевозможных налогов, поддержки мероприятий Национального правительства по военному, административному и финансовому укреплению Кантонской революционной базы, участия в организуемых Национальным правительством антиимпериалистических манифестациях, демонстрациях, стачках. Из программы гоминьдана, предусматривающей революционное движение народных масс только в форме поддержки мероприятий гоминьдановского правительства, логически следовало отрицательное отношение гоминьдана к «самовольным» вооруженным действиям народных масс и к проявлению самостоятельности общественных организаций в плане давления на правительство в области социальной политики.

Таким образом, традиционный для Сунь Ятсена и гоминьдана принцип опоры на военные силы в революционном процессе и план трехэтапного революционного движения начиная с 1923 г. дополнились разработкой комплекса вопросов, составивших понятие — массовое движение. Курс Сунь Ятсена на организацию народных масс, попытки в той или иной форме, с теми или иными ограничениями включить его в сферу своей политики способствовали расширению влияния гоминьдана на территории Кантонской революционной базы, облегчили организацию гоминьданом в июле 1925 г. своего правительства, обеспечив условия для подготовки гоминьданом военного похода против северных милитаристов. Вместе с тем следует признать, что как реорганизация партии, так и реорганизация армии, задуманные Сунь Ятсеном в направлении использования организационного опыта ВКП(б) и структуры построения Вооруженных Сил Советского государства³⁷, удалась лишь частично. Гоминьдановская армия, хотя и отличалась после своей реорганизации от милитаристских армий более централизованной структурой, более высоким образовательным уровнем и уровнем политической подготовки, главным образом среди офицерского состава, пользовалась более или менее благожелательным отношением населения, тем не менее она оставалась армией с сильными центробежными сепаратистскими тенденциями и общим низким уровнем революционной сознательности.

Сам факт обращения Сунь Ятсена, начиная с 1923 г., к вопросам подведения «массовой» базы под свою политическую программу строительства государства был тесно связан с выдвижением Сунь Ятсеном новых лозунгов революционного движения.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции Сунь Ятсен пришел к убеждению, что возрождение партии и хотя бы ограниченная поддержка ее деятельности населением возможны лишь при выдвижении сильнодействующего боевого и мобилизующего лозунга.

Революционное движение послесинхайского десятилетия, в котором участвовали Сунь Ятсен и его соратники — «в защиту республики» и «в защиту конституции» — проходило под знаменем борьбы с угрозой реставрации монархии.

Исчерпав возможности борьбы «в защиту конституции», Сунь Ятсен в октябре 1919 г. пришел к выводу о необходимости осуществления новой революции в Китае, в задачи которой должно войти не восстановление Временной конституции 1912 г., а создание новой политической системы, основные контуры которой были воплощены им в принципе народовластия³⁸. Содержание принципа народовластия, по существу, включало в себя также план строительства государства. Теория «четырех прав народа» — избирательное право, право законодательной инициативы, референдума и смещения должностных лиц — как ядро принципа народовластия, никогда не рассматривалась Сунь Ятсеном вне «плана строительства государства». Осуществление «четырех прав народа» предусматривалось Сунь Ятсеном на период политической опеки и тесно связывалось с вопросом установления уездного самоуправления, «через которое осуществляется прямое народовластие»³⁹. «Революция, — как утверждал Сунь Ятсен, — должна проходить под флагом борьбы за народовластие, поскольку причиной экономического и политического давления иностранцев является «проведение Китаем плохой политики», бессилie правительства»⁴⁰.

³⁷ См.: Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 327, 329.

³⁸ Там же, с. 287—290.

³⁹ Там же, с. 655.

⁴⁰ Там же, с. 490, 492—493.

На практике лозунг борьбы за утверждение принципа народовластия выглядел как призыв к борьбе с милитаризмом. Однако действительность этого лозунга в революционном движении 20-х годов оказалась возможной лишь в сочетании с лозунгом борьбы с империалистической агрессивней в Китае, определившим новое толкование Сунь Ятсеном принципа национализма. По Сунь Ятсену, «принцип национализма — это борьба за устранение неравенства, направленная против внешних сил, а принцип народовластия — борьба за устранение неравенства, направленная против внутренних сил»⁴¹. Сунь Ятсен понимал, что Китай подвергается со стороны империалистических держав не только экономическому гнету, но и политическому давлению, но считал, что наиболее тяжелым и опасным для Китая является экономический гнет империалистических держав⁴². Сунь Ятсен в своих работах четко проводил мысль о том, что претворению в жизнь принципа национализма должно предшествовать осуществление принципа народовластия, политическая революция должна предшествовать национальной⁴³.

Выдвижение лозунгов борьбы с империализмом и милитаризмом способствовало расширению социально-политической базы гоминьдана. Сунь Ятсен считал, что в китайской революции должно быть место соотношению трех аспектов: антиимпериалистического (принцип национализма)⁴⁴; политического (принцип народовластия) и социального (принцип народного благосостояния). Большое значение для успеха курса Сунь Ятсена на реорганизацию партии, провозглашенного I съездом гоминьдана, — превращение ее в хорошо организованную дисциплинированную партию, выступающую в революционном движении под лозунгом борьбы с милитаризмом и империализмом, стремящуюся к построению государства по типу «партия правит государством», — имела помощь СССР в создании армии, подчиняющейся партийному руководству⁴⁵.

* * *

В русле взятого Сунь Ятсеном направления борьбы с империалистической агрессивней в Китае и курса на расширение социальной базы гоминьдана выступает решение Сунь Ятсена о создании единого фронта с коммунистами, осуществлявшегося на практике в двух формах: в форме вступления членов КПК в гоминьдан и в форме самостоятельной деятельности КПК, получившей право на легальное существование на подконтрольной кантонскому правительству территории. Историческое значение деятельности КПК и коммунистов — членов гоминьдана для национальной революции 1925—1927 гг. представлено в исследованиях В. И. Глуннина. Обеспечение поддержки политики кантонского, затем — Национального правительства различными слоями китайского общества — в значительной степени результат самоотверженной работы в массах китайских коммунистов⁴⁶. Наибольший эффект и одобрение Сунь Ятсеном и гоминьданом имела деятельность КПК и коммунистов, работавших под флагом гоминьдана, по организации и проведению демонстраций, манифестаций и стачек под антиимпериалистическими лозунгами, имевшими своей целью оказать нажим на империалистические державы во внешнеполитических вопросах.

Вместе с тем совершенно очевидно, что деятельность КПК, направленная на организацию самостоятельных выступлений рабочих и крестьянских масс в защиту своих интересов, даже, с точки зрения классовой борьбы, самых минимальных — за уменьшение налогов, упорядочение фабричного законодательства и т. д., — выходила за рамки допустимого Сунь Ятсеном и гоминьданом.

Одобрение Сунь Ятсеном вступление коммунистов в гоминьдан мыслилось им так, что ими будут соблюдаться как его общеполитические программные установки, так и установки по массовому движению. Коммунисты должны были поддерживать курс, согласно терминологии Сунь Ятсена, на «политическую революцию», имеющую антиимпериалистический и в течение военного этапа государственного строительства ограниченный антиимпериалистический характер, допускающую также минимум социальных преобразований.

При наличии у гоминьдана и КПК известной общности целей революционного движения — борьба с империализмом и милитаризмом, общности политического лозунга — созыв Национального собрания и организационной общности — вступление коммунистов в гоминьдан, следует иметь в виду различный подход обеих партий к путям и методам осуществления революции. Политические установки гоминьдана в общем виде можно сформулировать следующим образом: борьба с империализмом и милитаризмом — глобальная цель китайской революции; общий политический лозунг революции — создание республики «трех народных принципов» и конституции

⁴¹ Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 631.

⁴² См. там же, с. 436, 492—493, 619.

⁴³ См. там же, с. 647.

⁴⁴ Подробнее см.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ.

⁴⁵ См.: А. И. Картунова. Указ. соч., с. 72—216.

⁴⁶ См.: В. И. Глуннин. Указ. соч.

пяти властей; конкретный политический лозунг — созыв Национального собрания как лозунг военной революции; руководящая роль гоминьдана и его правительства в революции; военный путь объединения Китая; армия как главная опора партии в революции; подчиненная гоминьдановской политике роль движения народных масс в революции; осуществление программы общедемократических и социальных преобразований — после завоевания гоминьданом политической власти в Китае.

КПК на роль главных движущих сил в революции выдвигала организованные в союзы рабочие и крестьянские массы, гоминьдановскому правительству и его вооруженным силам отводилась второстепенная, вспомогательная роль. Для КПК требования сокращения налогов, арендной платы и других общедемократических преобразований в сочетании с лозунгами мобилизации народных масс на местах, вплоть до вооруженного восстания и образования местных народных правительств, осуществляющих программу общедемократических преобразований, были требованиями текущего этапа революции⁴⁷.

Разрыв гоминьданом в 1927 г. единого фронта с коммунистами в свете такой постановки вопроса выглядит не только следствием объективного нарастания и обострения классово-борьбы в рядах единого фронта по мере расширения и углубления революции⁴⁸, но прежде всего — следствием того, что обе партии придерживались различных позиций относительно движущих сил и форм революции.

* * *

В политической теории и практике Сунь Ятсена наряду с планом военной революции имели место попытки объединения Китая мирным парламентским путем. Весьма показательны для характеристики взглядов Сунь Ятсена, что он готов был использовать любую возможность для того, чтобы как можно скорее и безболезненнее изменить политическую систему и покончить с милитаризмом. Осенью 1924 г. Сунь Ятсен выразил готовность отказаться от уже достигнутого на пути подготовки военной революции в пользу мирного пути объединения страны⁴⁹. 11 марта в «Завещании» он подтвердил свое стремление к объединению Китая мирным путем⁵⁰. На первое место в планах объединения Китая мирным путем среди внутривнутриполитических задач, которые должны решаться Национальным собранием, Сунь Ятсен поставил не введение демократических свобод буржуазного толка, не осуществление социально-классовых преобразований, а решение проблем общенационального характера: реорганизацию армии, сокращение ее численности, упразднение системы военных губернаторов, превращение солдат в рабочих⁵¹, которым надлежало сделать первые шаги в подрыве системы милитаризма в Китае.

Выдвигая идею созыва Национального собрания как лозунг мирного объединения страны, Сунь Ятсен подчеркивал, что второй момент программы, которая в настоящее время должна быть поставлена во главу угла, касается вопросов внешней политики⁵². «Говоря о внешнеполитических вопросах в Пекине, — отмечал Сунь Ятсен в своем выступлении на пресс-конференции в Шанхае 19 ноября 1924 г., — я буду настаивать на отмене всех неравноправных договоров, на возвращении Китаю таможенной автономии, концессий и отмене консульской юрисдикции»⁵³.

Таким образом, как в планах военного пути развития революции, так и в программе мирного пути объединения страны центр тяжести социально-политических установок Сунь Ятсена лежал в области решения общенациональных проблем — реорганизации и централизации армии и военного дела, финансов и административного аппарата. Решение этих проблем, по Сунь Ятсену, способствовало бы стабилизации общей обстановки в стране и подготовило бы почву для претворения в жизнь «трех народных принципов». Первый и довольно успешный опыт осуществления социально-политической программы Сунь Ятсена имел место в локальных масштабах — на территории Кантонской революционной базы. Начатые еще при жизни Сунь Ятсена мероприятия по укреплению гоминьдановской государственности в Гуандуне заложили основу для успешного осуществления Северного похода — основного направления революционного движения, возглавляемого партией гоминьдан.

Политика гоминьдана 20-х годов как при жизни, так и после смерти Сунь Ятсена вплоть до начала Северного похода (лето 1926 г.), в общем была созвучна его взглядам на цели, движущие силы и форму революции. В целом она определялась в качестве военного пути объединения Китая и не расходилась с планами Сунь Ятсена о трех этапах государственного строительства. Вместе с тем к началу Северного похода (лето 1926 г.) в политике гоминьдана появился ряд черт, отличающих ее, хотя и не в основных моментах, от политической теории и практики Сунь Ятсена: 1) идея На-

⁴⁷ См.: Сяндао. 14.VII.1926, № 163, с. 1616—1621.

⁴⁸ См.: Новейшая история Китая. 1917—1927.

⁴⁹ См.: Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 704—715.

⁵⁰ См. там же, с. 741.

⁵¹ См. там же, с. 708—709.

⁵² См. там же, с. 709.

⁵³ Там же, с. 710.

ционального собрания, игравшая роль политического лозунга у Сунь Ятсена только в планах объединения Китая мирным путем, превратилась в лозунг гражданской войны; 2) все более усиливался демагогический налет в использовании политических лозунгов гоминьданом: в пропаганде Национального собрания, антиимпериалистических лозунгов и роли народных масс в революции; 3) если Сунь Ятсен главной, хотя и отдаленной целью революции считал освобождение трудящихся от классовой эксплуатации, то после Сунь Ятсена в документах гоминьдана эта проблема не ставилась.

Историческое значение учения Сунь Ятсена огромно. Создав учение «трех народных принципов», он определил и политическую программу партии.

Выдвинув лозунг борьбы с милитаризмом, Сунь Ятсен и его партия объективно подняли лозунг борьбы против феодальных форм правления, выступив за перспективу хотя бы частичного высвобождения производительных сил страны из тупикового, застойного состояния. Программа создания централизованной военной, административной и финансово-экономической системы составляет у Сунь Ятсена самостоятельное содержание четко определенного этапа революционного развития — военного этапа строительства государства, который должен пройти Китай, прежде чем перейти к преобразованиям собственно буржуазно-демократического характера.

Выступив с антиимпериалистической программой, Сунь Ятсен в значительной степени определил его национально-освободительный характер.

Включенные в программу гоминьдана, принятую на I съезде в 1924 г., требования свободы собраний, слова, печати, права самоопределения для национальных меньшинств³⁴ вносило в антифеодальное национально-освободительное движение 20-х годов буржуазно-демократическую струю. Такое сложное переплетение направлений борьбы в Китае 20-х годов придавало революционному движению специфический характер, а перед Сунь Ятсеном ставило трудные задачи, которые он пытался решать в сотрудничестве с КПК и опираясь на революционный опыт Коммунистической партии первой страны социализма.

Революционная политика Сунь Ятсена — революционера-демократа, теоретика общества народного благосостояния, неразрывно связана с идеей дружбы с Советским Союзом, которая последовательно осуществлялась при его жизни. Союз с СССР как основная внешнеполитическая установка Сунь Ятсена для китайского революционного движения усиливал общедемократические тенденции китайской революции. Полны глубокого смысла слова Сунь Ятсена: «Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы»³⁵.

Идеи борьбы с империализмом и милитаризмом, тенденция вовлечения в революционное движение народных масс, определение органической связи революции в Китае с помощью и поддержкой Страны Советов, присущие теории и революционной практике Сунь Ятсена на современном этапе мирового революционного процесса, наши свое дальнейшее развитие и реализованы в ряде стран, идущих по некапиталистическому пути.

³⁴ См.: Сунь Ятсен. Указ. соч., с. 367.

³⁵ Там же, с. 556—557.

Япония накануне и в годы второй мировой войны

И. А. ЛАТЫШЕВ,

доктор исторических наук, профессор

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция, свершившаяся в России в 1917 г., рассматриваются советскими историками-японоведами как важнейший исторический рубеж. С этого времени сравнительно молодой японский империализм, который, как казалось, еще только набирал силу, стал вдруг утрачивать устойчивость, оказавшись перед лицом серьезных внутренних трудностей. Более того, кризисные явления в экономической и общественной жизни Японии проявились острее, чем в таких империалистических странах, как США или Англия. Причиной этого явилась относительная слабость японского империализма, который в ходе своего быстрого становления в предшествующие годы не смог окончательно разрушить прежнюю социально-экономическую структуру и оставался в рассматриваемый период опутанным густой сетью феодальных пережитков.

Так, в сфере экономики отличительной чертой структуры японского империализма было сохранение полуфеодального помещичьего землевладения с присущими этой системе кабальными условиями аренды, безземельем и нищетой крестьянских масс. Зримые элементы феодального прошлого сохранялись также в системе найма рабочей силы на промышленных предприятиях: наиболее заметно они проявились в патернализме и крайне низком, полуколониальном уровне заработной платы большинства японских трудящихся. Нищенские условия жизни крестьянских и рабочих масс страны стали в рассматриваемый период источником глубокого недовольства японского населения своим материальным положением.

С пережитками феодальных отношений была связана и такая слабость японского империализма, как узость его внутреннего рынка. В этом крылись истоки постоянного стремления японских монополистических кругов к захвату все новых внешних рынков. По той же причине в Японии особенно остро ощущались падение спроса, ухудшение рыночной конъюнктуры и прочие экономические неурядицы, сопутствовавшие мировому экономическому кризису 1929—1933 гг.

Серьезно сказались феодальные пережитки и на государственно-политической жизни страны. Достаточно напомнить, что государственный строй Японии представлял собой не буржуазную республику и не парламентскую монархию, а монархию абсолютистскую, отличительной чертой которой было верховенство императорского двора над всеми другими государственными учреждениями, привилегированное положение титулованной аристократии, военных кругов и бюрократии в общественной жизни страны, сравнительная слабость парламента и прочих выборных органов, крайняя ограниченность буржуазно-демократических свобод и почти полное политическое бесправие масс. Негативная роль пережитков феодализма проявилась и в том, что военные руководители Японии, представлявшие в своем большинстве выходцев из самурайских кланов (Сацума и Тёсю), играли в государственных и политических делах страны куда более самостоятельную роль, чем тогдашние военные круги в США или Англии. Это позволяло японской военщине, склонной к различным военным авантюрам, легче повлечь страну в вооруженные конфликты и войны.

Но чем дальше шел японский империализм по пути экономической и военной агрессии, тем острее сталкивались его интересы с национальными интересами народов соседних стран, а также с интересами других империалистических держав, стремившихся не допустить захвата Японией тех или иных сфер своего влияния. Все это постепенно вело к обострению отношений между Японией и другими странами, к международным конфликтам на Дальнем Востоке.

Но, пожалуй, самым существенным фактором, расшатавшим устои господства правящих кругов Японии в 20—30-х годах, стал могучий вихрь революционных, антибуржуазных, коммунистических идей, распространившихся по всему миру как результат рождения первого в мире государства рабочих и крестьян. За революцией в России последовали революции в Германии и Венгрии, революционное брожение охватило многие районы мира, в том числе и район Дальнего Востока. Установление советской власти в Приморье, а затем и в других районах России, находящихся вблизи от Японии, антияпонское народное восстание в Корее в 1919 г., народно-демократическая революция в Монголии, а затем революция 1925—1927 гг. в Китае — все эти события внесли новую струю волнений в тогдашнюю общественную жизнь и умы населения Японии, породив в японском капиталистическом обществе взрывоопасные политические процессы. Свидетельством тому стали, в частности, массовые рисовые бунты, охватившие

страну в 1918 г., небывалый подъем рабочего забастовочного движения, появление среди населения революционных «опасных мыслей» и образование в стране политических организаций противников существующего строя, Коммунистической партии Японии. Под нажимом сторонников демократизации политической структуры страны поборникам абсолютистской монархии пришлось тогда несколько отступить. В начале 20-х годов произошли некоторые перемены в японской политической жизни: расширился контингент населения, обладавший избирательными правами, возросло влияние на политику парламентских политических партий, в стране оживилась деятельность различных прогрессивных организаций и интеллигентских кругов. В этих переменах, называемых некоторыми историками «расцветом демократии 20-х годов», японские правители не без основания увидели угрозу своему господству и существовавшему строю в лице абсолютной монархии.

На этой основе в правящих кругах Японии появилось то тревожное ощущение нарастания кризиса, которое породило у сторонников сохранения существовавшего строя, и в частности среди военщины, намерения как-то стабилизировать обстановку и тем самым упрочить господство блока монополистической буржуазии и помещиков¹.

По какому же пути пошел японский империализм в 30—40-х годах? В сущности по тому же, что и правящие круги Германии, Италии и других капиталистических стран, где экономические, классовые и политические противоречия отличались особой остротой и создавали для правящих кругов угрозу революционного взрыва. Это был путь насильственного подавления властями сопротивления масс наступлению реакции, путь откровенной ликвидации в стране тех ограниченных буржуазных свобод, которые в какой-то мере соблюдались правительством в 20-е годы. Процесс этот завершился повсеместной милитаризацией и фашизацией общественной жизни и установлением в стране в 1940 г. открытой военно-фашистской диктатуры. Что же касается событий, связанных с внешней политикой Японии, то на всем протяжении рассматриваемого периода они представляли собой непрерывную цепь военных авантур, приведших Японию в 30-е годы к военным столкновениям с Китаем, МНР, Советским Союзом, а затем в 1941—1945 гг. к войне с США, Англией и другими союзными с ними странами.

В этой связи возникает вопрос: как удалось правящим кругам Японии навязать японскому народу свою политику, почему народные массы этой страны подчинились такому курсу, который ни в коей мере не соответствовал их коренным интересам и, более того, вовлекал страну в военную катастрофу с ее трагическими последствиями для миллионов японцев?

При ответе на этот вопрос нельзя, конечно, забывать, что переход Японии на путь фашизма, милитаризма и военных авантур происходил отнюдь не гладко, что поборники войны и фашизма сталкивались в конце 20-х—30-х годах с упорным сопротивлением их политике антивоенных, антифашистских сил — КПЯ, других левых партий, рабочих профсоюзов и прогрессивной интеллигенции. К сожалению, соотношение сил оказалось не в пользу последних, в результате чего противники милитаризма и фашизма подверглись жестокому репрессиям, а их организации были полностью разгромлены.

Чтобы понять причины поражения демократических сил, следует учесть крайне неблагоприятные условия, в которых разворачивалась их борьба с наступавшей реакцией. Из-за узости и чрезвычайной ограниченности институтов буржуазной демократии прогрессивная общественность Японии была лишена тех легальных возможностей для борьбы, какие в те годы имели, например, трудящиеся Англии и Франции. В то же время лагерь японской реакции располагал в борьбе с трудящимися сравнительно большими возможностями, чем, к примеру, реакционные силы Франции, Англии или США. На службе у реакционных сил Японии находился мощный военно-полицейский государственный аппарат абсолютной монархии, обладавший в жизни страны более значительным удельным весом и самостоятельностью, чем в других капиталистических государствах.

Одна из причин победы реакции в Японии 30-х годов состояла в том, что японский рабочий класс был в те годы довольно слабо организован. Японские рабочие профсоюзы были в большинстве своем раздроблены и сравнительно малочисленны. Число состоявших в них рабочих не превышало 6—7 % всей массы японского пролетариата. Руководство же большинства профсоюзов шло на поводу скрытых агентов буржуазии в рабочем движении — социал-шовинистов, пропагандировавших идеи согласия между трудом и капиталом, предавших интересы рабочих и расчищавших дорогу фашизму. Именно этим объяснялось то, что забастовочное движение в Японии при крайней остроте классовых противоречий даже в период наивысших подъемов разворачивалось в меньших масштабах, чем, например, забастовочное движение во Франции или США, хотя экономическое положение японских рабочих в целом было значительно хуже, чем французских или американских. По этой же причине забастовочная борьба японских рабочих чаще велась под экономическими лозунгами и в большинстве случаев не увязывалась с борьбой против наступавшей фашистской реакции.

Слабость демократических сил Японии в борьбе с реакцией и угрозой войны обу-

¹ См.: Е. Андо. Рё тайсэнкан-но Нихон сиконсюги (Японский капитализм между двумя мировыми войнами). Токё дайгаку сёпанся. Токно, 1979, с. 263—264.

словливалась и тем, что авангард японского рабочего класса — Коммунистическая партия — был в тот момент обескровлен непрерывными расправами властей и с 1935 г. не имел централизованного руководства. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что марксистская идеология, проникнув в передовые слои пролетариата и интеллигенции, еще не овладела в те годы широкими слоями трудящихся. Народные массы Японии еще не имели достаточного политического опыта. К тому же на поведении большинства населения страны сказывались шовинистические, националистические предрассудки и иллюзии в отношении императорской власти². Все это в целом и позволило империалистическим правящим кругам страны навязать японскому народу свою волю и втянуть его в русло своей политики.

Какова же была подлинная классовая сущность государственного строя и политики Японии накануне и в годы второй мировой войны?

По нашему убеждению, этот строй представлял собой не что иное, как фашистскую диктатуру наиболее реакционных и агрессивных группировок японской монополистической буржуазии, осуществляющуюся в союзе с полуфеодальными помещиками.

Иногда в западной литературе, а также в трудах японских консервативных историков государственная власть в Японии в 30-х — первой половине 40-х годов квалифицируется как диктатура кучки военных авантюристов, отстранивших от власти в процессе милитаризации страны все другие «умеренные» группировки правящего лагеря, будь то придворная бюрократия, финансовая буржуазия или парламентские политические деятели. Главную причину военного пожара на Дальнем Востоке, спровоцированного Японией в те годы, сторонники этой версии видят в том, что в политике страны тогда взяли верх не интересы предпринимательских и финансовых кругов, а устремления милитаристов из клики Тодзио, одержимых сумасбродными и чуть ли не «антикапиталистическими» идеями³.

Однако при внимательном анализе событий и фактов подобные версии оказываются несостоятельными. Военщина в Японии никогда не представляла собой силы, противостоящей другим группировкам правящего лагеря. Она всегда была связана как с императором, аристократией и помещиками, так и с финансовыми кругами. Независимые на первый взгляд в своих действиях руководители армии и флота были связаны крепкими нитями с финансовыми магнатами Японии, включая, главным образом, как «старые», так и «новые» (маньчжурские) концерны. Всякие противопоставления военных лидеров концернам, встречающиеся в работах западных историков при описании ими междоусобных распри в правящем лагере Японии, представляют собой не обоснованную примитивизацию и искажение действительности.

Связи военных кругов с финансовыми магнатами становились тем теснее, чем дальше шел японский империализм по пути агрессии. Общность интересов и действий финансовых и военных кругов не отрицали и наиболее серьезные американские исследователи. Так, например, Томас Биссон в своем обстоятельном труде «Военная экономика Японии» писал: «Миф о непримиримой вражде между дзайбацу и милитаристами является как результатом сознательного обмана, так и результатом недостатка самых элементарных знаний об экономической жизни Японии. Многие все еще представляют себе, что дзайбацу и военщина занимают на японской сцене какие-то отделенные друг от друга, независимые места. Но это не совсем так. Обе группировки необычайно тесно переплетены друг с другом... Многие офицеры армии и флота занимают руководящие посты в концернах дзайбацу. И только теперь, после войны, мы узнаем, что Тодзио, которого неизменно выставляли «чистым милитаристом», нажил миллионы на совместных с дзайбацу махинациях»⁴.

На страницах ежегодников агентства Домэй Цусин, издававшихся в Японии в 1940—1941 г. под названием «Домэй дзюмпо», то и дело публиковались сообщения, совершенно ясно свидетельствовавшие о давлении дзайбацу на правительственные и политические круги с целью дальнейшего развертывания агрессии Японии за рубежом и соответствующей перестройки ее политической структуры. Так, например, в августе 1940 г., когда гитлеровская Германия завершала военный разгром Франции, там сообщалось, что финансовые круги Японии «внимательно следят» за событиями в Европе и «требуют ускорения создания автаркической экономической системы в Восточной Азии», под которой в те годы подразумевалось установление монопольного хозяйничанья японского империализма в этом районе мира. Далее же о мыслях финансовых лидеров сообщалось следующее: «Предполагается, что борьба за колониальные и другие рынки обострится еще больше, чем прежде. Чтобы противостоять такому ходу событий, считается абсолютно необходимым установить новую государственную структуру»⁵. «Новая структура» рассматривалась, следовательно, японскими финансовыми лидерами прежде всего как подготовка тыла страны к борьбе за рынки, то есть к войне за передел мира.

² См.: К. Эгути. Кодза Нихонси (Лекции. История Японии), т. 7. Рэкисигаку кэнкюкай. Нихонси кэнкюкай. Токё дайгаку сюппанся. Токю, 1977, с. 231—252.

³ In: Н. Lory. Japan's Military Masters. The Army in Japanese Life. New York, 1943. К. Masuo. The Lost War. A Japanese Reporter's inside Story. New York, 1946. P. 168—169.

⁴ Т. А. Биссон. Военная экономика Японии, М., 1949, с. 52 (пер. с англ.).

⁵ «Домэй дзюмпо», 1940, № 8, с. 1994—1995.

О заведомо агрессивных целях организаторов движения за «новую структуру» свидетельствовали, например, тогдашние декларации кабинета Коноэ, пришедшего к власти в качестве лидера поборников «новой структуры». «Государственная политика империи, — говорилось в декларации кабинета Коноэ от 1 августа 1940 г., — должна основываться на великом духе нашей страны, воплощенном в принципе восьми углов под одной крышей... На этой основе необходимо прежде всего построить новый порядок в великой Восточной Азии, центром которого должен стать прочный союз Японии, Маньчжурии и Китая...» А несколько ниже в декларации подчеркивалось, что первою задачей Японии являлось «установление сферы совместной экономики, охватывающей великую Восточную Азию с Японией, Маньчжурией и Китаем в центре». В тот же день, 1 августа 1940 г., было опубликовано и заявление министра иностранных дел кабинета Коноэ—Есукэ Мацуоки, в котором говорилось, что ближайшей целью внешней политики Японии является «создание сферы процветания великой Восточной Азии с группировкой Японии — Маньчжурия — Китай в качестве одного из ее звеньев»⁶. Выражения «восемь углов под одной крышей», «новый порядок в Восточной Азии» и «сфера процветания великой Восточной Азии» стали, как выяснилось в дальнейшем, главными лозунгами японского империализма — концентрированным выражением его курса на захват соседних стран с целью установления своего мирового господства.

С явным одобрением отнеслись финансовые круги Японии и к созданию кабинета Тодзю, где военщина получила диктаторские полномочия, ибо в тот момент финансовые лидеры считали Тодзю и его приспешников людьми, наиболее подходящими для осуществления поставленных ими задач. Как сообщало в те дни агентство Домэй Цусин, «перед лицом нынешней обстановки, которая не допускает даже минутных колебаний и нерешительности, финансовый мир выражает свое единодушное одобрение и доверие по поводу быстрого создания нового кабинета, намеревающегося объединить в одно целое политические и военные вопросы...»⁷. В этом единении финансовых лидеров с военными диктаторами наглядно проявилась подлинная агрессивная, милитаристская сущность японского империализма. Сегодня японские историки-марксисты дают нам в своих исследованиях массу сведений, раскрывающих ведущую роль монополий в переводе Японии на военные рельсы и установлении там фашистского режима. Примером тому может служить исследование профессора Фумио Мория «История развития японского капитализма», в которой конкретно показаны те колоссальные прибыли, которые извлекли японские монополии в ходе развязывания второй мировой войны⁸.

Иногда в работах зарубежных и японских историков можно встретить утверждения, будто политический режим, установленный правящими кругами Японии в период второй мировой войны, представлял собой не фашизм, а некую иную, чисто «японскую» разновидность диктатуры. Такая точка зрения характерна, в частности, для группы американских японоведов, сторонников так называемой «теории модернизации», предпочитающих называть режим, существовавший в Японии в годы войны, властью «милитаристов». Что же касается японских историков, то, как явствует из их публикаций, даже среди ученых марксистского направления нет единства в данном вопросе: одни из них считают политический режим Японии конца 30-х — начала 40-х годов либо просто «фашизмом», либо «императорским фашизмом», в то время как другие не склонны считать тогдашнюю Японию фашистским государством, предпочитая другую терминологию, например, «абсолютизм»⁹.

За этими, казалось бы, не столь уж существенными терминологическими расхождениями скрываются, однако, большие расхождения концептуального порядка. Вопрос о том, превратилась ли Япония в рассматриваемый период в фашистское государство или нет, имеет принципиальное значение с точки зрения понимания исторических процессов, свершающихся в мире в нашу эпоху. Автор данной статьи убежден в этом, как и в том, что Япония в период второй мировой войны, по крайней мере со времени установления в стране так называемой «новой политической структуры» (синтайсэй), представляла собой не что иное, как фашистское государство, обладавшее теми же существенными отличительными чертами, которые были присущи как гитлеровской Германии, так и Италии времен Муссолини. Ниже остановлюсь на тех соображениях, которые привели меня к такому выводу.

Обратимся сначала к внешней политике японских правительственных кругов в рассматриваемый период. С первого же взгляда обнаруживается ее очевидное сходство с политикой тогдашних фашистских стран Европы: Италии, Германии и т. д. Как и в этих странах, правящие круги Японии развертывали агрессию во все больших масштабах, ставя своей целью империалистический передел всего мира. Подобно фашистским законам в Европе, правители Японии питали непримиримую ненависть к

⁶ «Домэй дзюмпо», 1940, № 22, с. 2442.

⁷ Там же, 1941, № 29, с. 3003.

⁸ См.: Ф. Мория. Нипон синхонсюги хаттацуси (История развития японского капитализма). Токно, 1970 (на япон. яз.).

⁹ См.: Кидай Нихонси-но киси тсикки (Основные знания по современной истории Японии), под ред. А. Фудзавары, С. Имаи, С. Оэ. Токно, 1984, с. 448—449 (на япон. яз.).

Советскому Союзу — стране победившего социализма — и готовились к войне с Советским Союзом в блоке с Германией и Италией. Для японских правителей и европейских фашистов война в равной мере служила главным средством разрешения как внутренних, так и внешних противоречий.

Явное сходство с фашистскими странами наблюдалось и во внутренней политике японского правительства, направленной на подготовку тыла к новым империалистическим войнам. Именно эту характерную для фашистских режимов цель преследовали всевозможные реакционные мероприятия властей в области экономики, политики и идеологии, осуществлявшиеся в рассматриваемый период под лозунгом установления «государственной структуры наипрочнейшей обороны» (кодо-кокубо кокка тайсэй)¹⁰.

Методы подготовки японского тыла к войне за передел всего мира, применявшиеся японскими властями, ничем по существу не отличались от фашистских. В сфере экономики, как и в гитлеровской Германии, установление «государственной структуры наипрочнейшей обороны» сопровождалось форсированной милитаризацией всего хозяйства страны, в ходе которой японские монополии осуществляли усиленное наступление на жизненный уровень трудящихся масс. Все махинации японских властей, проводившиеся под лозунгом «новой экономической структуры» с целью закрепощения японских трудящихся концернами, как-то: «мобилизация» рабочих на принудительные работы, насильственное прикрепление их к определенным предприятиям и прочее, также не представляли собой ничего оригинального и мало чем отличались от аналогичных мероприятий фашистских властей в Германии. Так же как и при фашистских режимах в Европе, государственная власть в Японии всемерно содействовала расширению господства монополий в экономике страны на основе подчинения и поглощения ими средних и мелких предприятий. Если говорить в политическом плане о внутренних мероприятиях японских правящих кругов, то наиболее существенным из них явилось установление «новой политической структуры». Примечательно, что установление этой структуры осуществлялось уже не только под флагом борьбы с коммунизмом, но и под флагом открытого отрицания каких бы то ни было принципов буржуазной демократии и буржуазного либерализма. После создания «новой структуры» все существовавшие прежде в Японии конституционные учреждения и буржуазные свободы были уничтожены или потеряли свое прежнее значение. Все политические партии были распущены, рабочие профсоюзы разогнаны, роль парламента сведена фактически к нулю. Критика правительства в парламенте замерла, вынуждены были замолчать даже «умеренно-либеральные» круги буржуазных политиков и интеллигенции. Повсеместный полицейский террор проводился с тех пор не только против революционных элементов (коммунистов, сознательных рабочих и т. д.), но и против всех, кто находился в оппозиции правительству.

Все это являлось, в сущности, повторением того, что произошло в Италии после прихода к власти Муссолини, в Германии с приходом к власти Гитлера, в Испании с установлением фашистской диктатуры Франко. Как и в этих странах, вся пресса в Японии была поставлена под контроль властей и превратилась лишь в средство обмана и дезориентации населения. Подобно Гитлеру, Тодзио заявлял, что «народ глуп, и если ему говорить правду, то его дух подорвется»¹¹.

Тождество способов, применявшихся при установлении «новой структуры» в Японии и фашистских режимов в Европе, не могли не признать те буржуазные авторы, которые сталкивались с японской действительностью, предварительно ознакомившись с ходом событий в фашистских странах Европы. Американский журналист Отто Толишус, прибывший в Японию в 1941 г. из гитлеровской Германии, где он провел предыдущие годы, вскоре писал следующее: «Чем больше я знакомился с обстановкой, тем больше я понимал, что в качестве необходимой предпосылки для завоевания мира японские милитаристы и ультранационалисты пытались превратить Японию в тоталитарное государство такого типа, какое воздвиг Гитлер в Германии, применяя для этой цели те же методы. В стране осуществлялась та же кампания против либерализма и демократии, против капитализма, коммунизма, материализма и индивидуализма, которые, говоря языком Гитлера, представляли в совокупности «опасные мысли» и толковались японскому народу как вредное влияние Запада...»¹².

Сходство политики правящей клики Японии с политикой фашистских заправил в Европе в рассматриваемый период не было случайным. Это сходство определялось прежде всего тем, что политика и тех и других выражала интересы правящих классов. За спинами Гитлера, Муссолини, Франко, Хорти, Антонеску и других фашистских «диктаторов» стояли те же классовые силы, что и за спиной военного «диктатора» Тодзио. Это были наиболее реакционные, наиболее шовинистические, наиболее империалистические группировки господствующих классов, среди которых как в странах Европы, так и в Японии решающим влиянием обладали магнаты финансового капитала. Извращением действительности являются утверждения некоторых «теоретиков» Запада о мнимом надклассовом характере фашистской власти и о переходе при фашизме власти в руки мелкой буржуазии. Наиболее точное определение фашизма было

¹⁰ См.: «Сюхо», 7.X.1940, с. 13.

¹¹ С. Мори. Цумудзикадзэ нидзюнэн (Двадцать вихревых лет), т. 2. Токио, 1946, с. 13 (на япон. яз.).

¹² O. D. Tolischus. Tokyo record. New York, 1943, p. 66.

дано, по нашему мнению, в речи Г. М. Димитрова на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году, где, в частности, говорилось: «Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала»¹³.

Однако в Японии, как и в ряде фашистских стран тогдашней Европы, финансовый капитал, орудовавший за спинами тех или иных «диктаторов», осуществлял свою власть не один, а в блоке с полуфеодальными классовыми группами и сословиями, которые сохранялись в указанных странах. Если в Германии это было юнкерство, в Италии и Испании — крупные землевладельцы, титулованная аристократия, духовенство и т. д., то в Японии это были помещики, придворная аристократия, привилегированные бюрократы и военные круги, сохранявшие в известной мере самурайские понятия и замашки. Именно блок финансовых магнатов с подобными полуфеодальными силами, решающая роль в котором принадлежала финансовым воротилам, определял направление, методы и формы политики тех, кто возглавлял правительственный аппарат в Японии.

Следует при этом не упускать из виду известное сходство исторической обстановки, сложившейся в Японии и фашистских странах Европы накануне второй мировой войны. В обоих случаях обстановка эта характеризовалась небывалым углублением империалистических противоречий, быстрым нарастанием революционного движения и неспособностью правящих кругов сохранить свою власть на основе буржуазного парламентаризма. Эти обстоятельства являлись причиной, толкавшей правящие круги европейских стран к фашизму как последнему средству удержания своего пошатнувшегося господства, эти же обстоятельства побуждали и правящие круги Японии уничтожить последние следы буржуазной демократии и устанавливать в форме «новой структуры» открыто террористическую военную диктатуру. Политика правящих кругов Японии была, следовательно, схожа с фашистской не только потому, что она отражала интересы одних и тех же классовых сил, но и потому, что она порождалась одними и теми же экономическими, социальными и политическими причинами и была направлена на решение одних и тех же задач.

Отсюда следует, что сходство политики японских правителей с политикой фашистских диктаторов в Европе было далеко не только внешним. Все те реакционные мероприятия, которые проводились в Японии в начале второй мировой войны под лозунгами «служения отечеству через производство», установления «новой политической структуры» и т. д., по своему существу являлись типичными фашистскими мероприятиями и представляли собой не что иное как завершение фашизации японского государственного строя.

Японская официальная пропаганда в рассматриваемый период, руководствуясь демагогическими соображениями, отказывалась отождествлять «новую политическую структуру» с фашизмом¹⁴. Политические дельцы, стоявшие во главе японского правительства, стремились изобразить себя не слепыми подражателями нацистов и итальянских фашистов, а основателями какой-то новой, присущей только Японии государственной системы.

За кулисами же установление в Японии «тоталитарного» режима расценивалось самими японскими правителями как реорганизация их политики по образцам европейских фашистов. Самыми завзятыми сторонниками фашизма выступали лидеры военищины. Один из них — генерал Акира Мутто, являвшийся правой рукой Тодзио и сыгравший ведущую роль в установлении «новой структуры», — был ярким поклонником Гитлера. «Во внешней политике, — писал впоследствии другой генерал, Рюкити Танака, — его идеалом являлось заключение Тройственного союза и установления тесных связей с нацистской Германией... Во внутренней политике он был сторонником установления политической системы на основе принципов нацистского тоталитаризма: одна партия в стране»¹⁵.

В результате ряд государственных и политических учреждений, созданных в Японии в те годы, представлял собой явные копии итальянских и германских фашистских учреждений, лишь несколько видоизмененных в соответствии со спецификой японской среды. Так, например, «Ассоциация помощи трону» (Тайсэй ёкусан кай) была создана, в сущности, по образцу итальянской фашистской партии конца 20-х — 30-х годов. Другое японское учреждение — «Ассоциация великой Японии служения отечеству через производство» (Дай ниппон сангё хококукай) — представляло собой по структуре, методам действия и классовому содержанию почти буквальное воспроизведение гитлеровского «рабочего фронта».

Явное сходство, а подчас и тождество обнаруживалось и в тогдашних внешнеполитических доктринах Японии, Германии и Италии. К числу этих доктрин относилась, например, идея «больших сфер». Один из популяризаторов этой идеи, Хисая Кунимацу, писал тогда: «Основной идеей нового порядка в Европе является теория боль-

¹³ Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935, с. 11.

¹⁴ См.: «Кайдзо», 1941, № 3, с. 73.

¹⁵ Р. Танака. Нинон гумбацу антоси (История тайной борьбы японской военищины). Токно, 1947, с. 72, 101—102.

ших сфер... Новый порядок, который строит Япония в Азии, также основан на этой руководящей идее»¹⁶.

Обращая внимание на сходство классового содержания, методов, целей и лозунгов политики японских правящих кругов и фашистских заправил в Европе, было бы, однако, ошибкой игнорировать весьма крупные различия в формах государственной надстройки Японии и, к примеру, гитлеровской Германии или фашистской Италии. Как известно, в этих наиболее крупных фашистских государствах монополия политической власти находилась в руках фашистских партий, в то время как в Японии абсолютная монархия, как и в предыдущие годы, продолжала сохранять за собой всю полноту власти. Установление фашистской «новой структуры» не задело ни одного из институтов абсолютной монархии: императора, тайный совет, министерство императорского двора и пр. Оно ни на йоту не ущемило прерогатив двора, особых привилегий военной клики, интересов дворцовой аристократии. Японская абсолютная монархия (тэнносэй) оставалась по-прежнему костяком государственного строя Японии, центром непосредственного руководства вопросами государственной политики. Более того, с разгоном политических партий, с подавлением оппозиции правительству в парламенте, с введением в стране новых репрессивных законов роль институтов абсолютной монархии в политической жизни страны возросла еще более. Отсюда следует, что в ходе реорганизации политической системы Японии под флагом «новой структуры» от ее государственного аппарата отламывались и отбрасывались лишь те декоративные буржуазно-демократические пристройки и вывески, которые были приданы ему в годы становления в стране капитализма. В то же время учреждения средневекового деспотизма и абсолютизма оставались неприкосновенными и даже укреплялись.

Нелепое, на первый взгляд, стремление правящих кругов Японии к возрождению средневекового прошлого в рассматриваемый период означало опять-таки не что иное, как превращение японской абсолютной монархии в аппарат фашистской диктатуры.

Дело в том, что между фашистскими и средневековыми методами и формами политики существует известная преемственность и во многих отношениях прямое тождество. Самое главное сходство между фашистской политикой империалистической буржуазии и политикой крепостников в период феодализма заключается в том, что в обоих случаях мы видим абсолютное лишение народа каких бы то ни было политических прав, полное устранение народных масс от участия в политике. В этом отношении фашизм как политика есть возврат империалистической буржуазии к средневековым, феодальным методам господства, а следовательно, и возрождение этих методов.

Следует при этом признать, что в Японии как в экономике, так и в политике у господствующих классов существовало гораздо больше предпосылок и возможностей для установления фашистской диктатуры, чем в ряде других империалистических стран. Если германскому империализму понадобилось заново вкопчивать в головы масс некоторые средневековые предрассудки, то в Японии средневековые учреждения, порядки и предрассудки еще в значительной мере сохранялись и в эпоху общего кризиса капитализма. Поэтому, когда обострившиеся противоречия японского империализма побудили правящие круги искать выход из кризисного положения на путях войн и возврата к деспотии, им не понадобилось производить смены форм государственного механизма в таких масштабах, как в Германии и Италии.

Основная специфика фашистского режима в Японии заключалась в том, что его формой была абсолютная монархия — тэнносэй, а в роли фашистских диктаторов выступали, главным образом, лидеры военищины. Поэтому в советской японоведческой литературе этот режим именуется обычно «военно-фашистской диктатурой».

Необходимо отметить, что в послевоенный период в Японии произошли большие, поистине исторические перемены. В итоге послевоенных демократических реформ оказались ликвидированными такие пережитки феодализма, как помещичье землевладение, привилегии аристократии, особое положение военных кругов и т. д. Сегодняшний японский государственный строй представляет собой конституционную монархию. Главную роль в решении вопросов государственной политики играют теперь парламент и кабинет министров. Японский народ располагает теперь гораздо большими конституционными правами и свободами, чем прежде, и его влияние на политику через партии парламентской оппозиции, профсоюзы, прессу стало несравненно большим, чем прежде.

Современная Япония продолжает, однако, оставаться империалистической страной, в государственной структуре и политике которой продолжают доминировать интересы и устремления монополистической буржуазии. И это обстоятельство не позволяет исключать возможность возврата японской политики на путь милитаризма и фашизма. Несомненно, такой поворот событий был бы чреват трагическими последствиями как для народа Японии, так и для народов других стран.

¹⁶ Х. Кунимацу. Тоа кэйкэн-но тири (География сферы сопроцветания Восточной Азии). Токио, 1943, с. 4.

Из истории отечественного востоковедения

Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина

*В. С. МЯСНИКОВ,
доктор исторических наук*

Репортаж из двух столетий

В начале 1981 г. мне довелось работать в архивах Финляндии, где я занимался поисками документов и материалов о пребывании Н. Я. Бичурина в ссылке на острове Валаам.

Бичурин возвратился из Китая в Петербург в январе 1822 г., а 4 сентября 1823 г. был отправлен в ссылку и находился там до ноября 1826 г. Этот период его биографии наименее изучен¹. Осветить вопрос могли бы валаамские документы и материалы, собственные труды и переписка ученого, какие-либо записки или воспоминания современников. Мысль о необходимости розысков этих источников возникла у меня еще в начале 70-х годов, при первом посещении Валаама. В то время я заканчивал подготовку к изданию «Очерков истории русского китаеведения» П. Е. Скачкова. Ленинградский китаевед Е. И. Лубо-Лесниченко высказал тогда предположение, что документы могут находиться в архивах Финляндии.

Розыск увенчался успехом. Поиски документов 160-летней давности дали возможность раскрыть новые факты, относящиеся к малоизученному периоду жизни Н. Я. Бичурина. Но написать об этом сразу же по горячим следам не удалось. То ли не давалась форма изложения, а может быть, в ходе поисков я был захвачен таким феноменом, как сам Валаамский монастырь, где Никита Яковлевич «провел изгнанником» три с лишним года.

Монастырская келья стала для Бичурина местом подготовки большого количества научных трудов, с которыми он и выступил сразу же после возвращения в Петербург, в Александро-Невскую лавру. Нужно было определить хотя бы примерный круг того, что Н. Я. Бичурин мог взять с собой в ссылку из привезенных на родину книг и рукописей, с чем он мог работать в монастыре, сохранились ли сведения о его отношениях с монастырскими властями и о контактах с внешним миром. Более того, пребывание Н. Я. Бичурина в ссылке на Валааме — это страница истории и самого монастыря (чей сегодняшний день сложен: есть «старый» Валаам на Ладоге и «новый» в Финляндии). Об этом недавно поведал Л. Резников на страницах «Нового мира»². Наше отношение к культуре былого позволяет представить и даже определить будущее, ведь нам важно сохранить для него не только окружающую среду, но и самих себя. В известном смысле Общество охраны памятников — это Общество охраны будущего с функцией предохранения завтрашнего человека от коррозии духовного обнищания, от забвения или истощения нашего культурного достояния. Реставрационные работы на Валаамском архипелаге уже начаты. Любопытно, поучительна финская страница существования монастыря, чья история складывается теперь из двух слоев, отечественного и зарубежного.

Все это натолкнуло на выбор такой формы повествования, которая позволила бы, елико возможно, приблизить к читателю полуторавековую старину, но и расширить его сегодняшний день. Итак, это научно-документальный репортаж из двух столетий...

Хельсинки, январь 1981

Та зима в столице Финляндии не была суровой. Сказывалось влияние Балтики, редкие дни отмечались морозом ниже 10°. Но часто шел обильный снег, его вывозили с улиц на огромных грузовиках. Машины днем шли с зажженными фарами. Троюары посыпали не песком, а гравийной крошкой...

С самого начала выпала редкая удача: моим спутником по командировке оказался известный ленинградский историк, крупнейший специалист по феодальному

¹ П. Е. Скачков. Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, с. 100—102; Д. И. Белкин. Русские литераторы 20-х — начала 40-х годов XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин. — Сб. Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года), М., 1984, с. 53—99.

² См.: Л. Резников. Кризис аскетизма. — «Новый мир», 1984, № 10, с. 183—200.

периоду Севера европейской части СССР, а также по истории отношений России со Швецией и Финляндией Игорь Павлович Шаскольский. Мы поселились в небольшой гостинице рядом с Хельсинкским университетом. Один из нас был знатоком всего, что связано с историей и бытом финского народа. Для другого все здесь было вновь. Но Игорь Павлович и здесь, за рубежом, сумел проявить особое, ленинградское гостеприимство: он стал моим добровольным гидом по Хельсинки, провел для меня экскурсию по Музею истории и, что не менее важно, помог быстро установить контакты с финскими историками.

Мы встретились с директором Национального архива профессором Тойво Палопски, который по своему положению фактически возглавлял все архивное дело в Финляндии. Он проявил большой интерес к проблеме поисков «бичуринских» документов. В нашей беседе участвовал и профессор Эрки Кууйо, хорошо знающий историю Валаамского монастыря. Оказалось, что в Национальном архиве имелась специальная картотека документов, относящихся к Валааму. Я с жадностью вчитывался в надписи по-русски: «Журнал входящих бумаг. 1813—1825, 1826—1832»; «Синодический журнал Валаамского монастыря. 1800—1843»; «Алфавитный указатель жертвователей. 1800—1878»; «Подлинные документы, указы, поступавшие в монастырь. 1822—1846».

Совместными усилиями был составлен план поиска интересовавших меня документов. Мне предстояло обследовать Провинциальный архив в Миккели, посетить «новый» Валаамский монастырь в Хейнавессии, познакомиться со Славянским фондом библиотеки Хельсинкского университета, встретиться в Куопио с главой православной церкви Финляндии архиепископом Павлом, хорошо осведомленным о валаамской старине, и, наконец, изучить имеющуюся в архиепископате часть валаамского архива и библиотеки.

Практическую помощь в осуществлении намеченной программы мне должен был оказывать молодой финский историк Тимо Вихавайнен. Он хорошо владеет русским языком, интересуется проблемами истории Китая и изучает китайский. Вместе с ним мы и собрались в поездку по стране...

Пекин, декабрь 1820 г. — май 1821 г.

Яркий портрет Бичурина-ученого незадолго перед его ссылкой на Валаам был создан Е. Ф. Тимковским в записках «Путешествие в Китай через Монголию», которые с весны 1823 г. печатались на страницах издававшегося Г. Спасским «Сибирского вестника»³. Они появились в свет в то время, когда на основании царского указа Синод уже вел следствие по делу «пекинских миссионеров, возвратившихся в Россию»⁴. Вот как описывает Е. Ф. Тимковский свои встречи с Н. Я. Бичуринным, происходившие, вероятно, в 1820 г.

«Декабрь 4. Для лучшего исполнения воли высшего начальства я имел объяснение с студентом Сипаковым о выгоднейших способах к покупке для Азиатского департамента оригинальных ландкарт и географий Китая. По отзыву г. Сипакова, подтвержденному о. Иакинфом, известное географическое описание Китайского государства «Дацин итунджи» весьма редко и может стоить по крайней мере 200 рублей серебром. Впоследствии дано мне знать, что упоминаемой географии вовсе не видно в пекинских книжных лавках; а ежели и находится несколько экземпляров оной, то они старого издания и слишком неполные. О. Иакинф успокаивал меня тем, что он имеет у себя книгу «Дацин итунджи», коей большая часть переведена им на русский язык... О. Иакинф перевел сокращение Монгольских законов⁵ с китайского языка... «По случаю рассуждения с о. Иакинфом о предметах учения новых миссионеров наших, коснулись мы и тибетского языка. Сему языку можно научиться в Пекине у лам, получивших образование в Тибете, а особливо в столице Далай-ламы — Хласе (Ласса), где говорят самым правильным и мягким наречием онаго»⁶.

«Декабрь 6. В 12 часов после обеда все члены обеих миссий собрались у о. архимандрита Петра. В сей беседе начальник прежней миссии объявил, что он перевел с китайского языка на русский «Историю Китая» и «Полную географию всех земель, подвластных сей империи»⁷: труд значительный и могущий принести особенную пользу. Он изъявил усердное желание, по возвращении в отечество преимущественно обратить свои усилия на окончательное обрабатание сих переводов.

³ В 1824 г. «Путешествие в Китай» было издано в Петербурге отдельно, трехтомником.

⁴ ЛГИА, ф. 19, оп. 120, л. № 413, 1822 г. Копии этих документов любезно предоставлены автору А. И. Тарасовой.

⁵ «Монгольское уложение».

⁶ Так в тексте. Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах, часть II. СПб., 1824, с. 15—17.

⁷ «Тунцзян ганму» и «Дацин итунджи».

В разговоре просил я о. Иакинфа сообщить нам сколько-либо из приобретенных им сведений о языке и нынешнем положении Китая. Он обещал снабдить новую миссию словарями, им приготовленными, изъявив при том желание, чтобы общими силами определить с точностью значение некоторых китайских слов на языке русском, дабы как остающиеся в Пекине, так и находящиеся в отечестве наши ученые при переводах употребляли китайские речения в одном и том же смысле. Намерение полезное, и для успеха в языках китайском и маньчжурском необходимое».

«Декабрь 14. Вечером о. Иакинф пригласил меня к себе. При сем случае он показал словарь китайского языка, трудами его расположенный по русскому алфавиту, — произведение, стоившее усилий и издержек».

«Февраль 25. Чен лама-хубилган ... имеет большие сведения в своей богословии, в философии и в географии Китая... Чен лама известен отчасти языки Северо-Индийских областей, а потому он в настоящей силе понимает сущность фовской (буддистской. — В. М.) веры. О. Иакинф при переводе китайских сочинений о Тибете не мало воспользовался сведениями сего ламы-хубилгана»⁸.

Когда же русские миссионеры на обратном пути через Монголию были приняты в Урге цинскими правителями — ваном и амбанем, ван «спросил о. Иакинфа на китайском языке: правите ли по-китайски? Сей вопрос был предложен от него и прочим членам миссии. Все отвечали на китайском языке. Ван отозвался, что о. Иакинф объясняется на сем языке, как самый образованный южный китаец...» Эту похвалу вана Е. Ф. Тимковский счел необходимым прокомментировать следующим примечанием: «Южные китаецы по своей любви к просвещению предпочтительно перед прочими соотечественниками знают свой язык во всей обширности его»⁹.

Петербург, май 1822 г. — сентябрь 1823 г.

В Петербургской консистории на основании доноса бывших учеников Пекинской миссии переводчика Михаила Сипакова, актуариуса (делопроизводителя. — В. М.) Льва Зимайлова и умершего потом в Пекине Евграфа Громова, а также донесений начальника 10-й миссии Петра Каменского были составлены «вопросные пункты». По их структуре и велось следствие. Характер всего «дела» становится ясен из ответов неромонаха Аркадия на допросе 29 мая 1822 г., которые и приводим здесь в кратком и близком к тексту документа изложении.

«Во время пути от Кяхты до Пекина Иакинф за сернами и птицами с ружьем не гонялся. Ружья у него не было». Не доезжая Калганской стены, миссионеры и сам Иакинф вынуждены были ехать верхом несколько верст, так как дорога здесь была «каменной и утесистой». Лошадь Иакинфа по полю его «не таскала». А все это время пути они ехали в повозках. Иакинф, «проезжая Гобийскую степью, не кидался с кулаками на пристава Первушина и не отказывался ехать дальше. Следовательно, мунгальцам, препровождавшим всю миссию от Кяхты до вышеупомянутой Калганской Большой стены, разделяющей Мунгалию от Китая, удивляться было нечему».

«По прибытии в Пекин 1808 года, генваря 10 дня... того не было, чтобы архимандрит Иакинф не допустил прежнего начальника миссии, теперь уже покойного Софрония, служить литургию». Никакой старухи Иакинф на русском пекинском подворье видеть и уговаривать ее найти «для него девок» не мог, следовательно, не мог он ее бить, а потому не мог и приезжать главный смотритель на подворье. На подворье «женский пол не впускает находящаяся от тамошняго правительства полицейская команда при парадных больших воротах». 28 февраля 1809 г. Иакинф «не гонялся с железным прутом за слугами и не бил их у парадных ворот» подворья. Ни Иакинф, ни Аркадий, ни Серафим в Пекине «ни с кем из желтопоясных, которых происхождение из царского маньчжурского рода», не дрались, в доме «желтопоясного именем Тэ-лю не были, окна не выламывали, семейство его не выгоняли, 2 шкафа не отнимали». К солдату русской гвардейской роты Алексею Федорову, происходящему от албазинцев, Иакинф «не приезжал торговать девок», и никогда Иакинфу не привозили «2 лица женского полу». У Иакинфа была своя лошадь, карета и кучер. Но кучера он никогда не бил. Иакинф «простолудинской войлочной шапочки» в Китае не носил. 15 и 16 января 1811 г. «два театральщика в покоях Иакинфа не пели и не ночевали, потешных огней и фейерверка, забав у архимандричья крыльца никогда не пускали, пожара на подворье никогда не было». Двух театральщиков не было, Иакинф «не продавал своего платья, чтобы им заплести». Китайцев на подворье не пускают, поэтому не могли приходить двое слуг (Лаувей и Хан-лю) и уговаривать Иакинфа «оставить свои пороки», и Иакинф их на кухне не запирает. Поэтому незачем было смотрителю разбирать это «дело», как пишут доносители. Иакинф в Пекине жил «трезвенно и постно, а не роскошно», жалованье выдавал всем «серебром российским ежемесячно с распиской в книгах без всякого удержания». Занимал ли у иезуитов денег и закладывал ли свое платье Иакинф, он, Аркадий, не знает. «Присланного из С.-Петербурга в Пекин в исходе 1812 года ящика с серебром» ни Иакинф и никто из членов миссии не раскупори-

⁸ Так в тексте. Е. Ф. Тимковский. Путешествие..., с. 22—23, 49, 236.

⁹ Там же, часть III, с. 118.

вали и серебра не вынимали и в китайскую форму его не переливали. Вынималось это серебро Иакинфом только на выдачу жалованья миссионерам и не тайно, а явно.

В Пекине желал остаться на другой «термин» (срок. — В. М.) один только Иакинф, который через иркутского гражданского губернатора сносился с Коллегией иностранных дел или с Синодом, прося об оставлении его начальником следующей миссии, которая состояла из 9 человек, а 10-м был бы он, Иакинф. Об этом Иакинф говорил всем членам миссии за 3 года до отъезда из Пекина, но никто из миссионеров не выразил желания остаться на второй срок. «Команда от китайского правительства, определенная для охраны русского подворья и монастыря, состоящая из двух унтер-офицеров и 10 человек инвалидов солдат-китайцев, не могла быть снята и при прежних миссиях и при миссии их находилась при вратах того посольского русского подворья... а другой полицейской команды не было при этом подворье во всю бытность их миссии в Пекине; равно не было никаких поносных и оскорбительных для имени русского надвратных надписей; следовательно, чего не было, того снимать и изглаживать было невозможно... Того, чтобы казна, вывозимая из монастыря тайно ночью порою, никогда не бывало... потому что вся казна, присылавшаяся в Пекин из С.-Петербурга к начальнику архимандриту Иакинфу, хранилась в кладовой, состоящей внутри церкви за печатью и ключом; от церкви же ключи хранились у иеромонаха Серафима, яко у казначея...»

Действительно, одно гнездо на митре взято было с камнями (драгоценными или простыми, Аркадий не знает) и нашито спереди на ночную шапочку, которую носил Иакинф «внутри только монастыря в своей келье». А при сдаче ризницы новому начальнику миссии о. Петру Иакинф это гнездо камней снял с той шапочки и положил при Аркадии в футляр той 2-й митры, которую Иакинф никогда не употреблял, потому что там была новая, отпущенная из С.-Петербурга при отправлении Иакинфа в Пекин. Да и ту новую митру употреблял он только до отъезда бывшего члена их миссии иеродиакона Нектария, «ибо с того времени ни одного разу не служил уже», а «прикаживал в церковь к службам, отправляемым им, Аркадием, и Серафимом по очереди, на молитвословие, исповедовался ж у иеромонаха Серафима, но святых таин с того ж самого времени, как не стало иеродиакона Нектария, ни одного разу не приобщался он, архимандрит Иакинф». Аркадий «в безвестных бардеях во всю свою бытность в Пекине никогда не бывал и даже понятия о таковых местах не имел». Ни Иакинф, ни другие члены миссии также никогда не посещали этих заведений. Никакими тяжбами не обременяли судебные учреждения, долговых дел не имели. «Следовательно, по оному предмету некому быть и не могло быть запытану до смерти». Никто не подвергался пытке, не попадал в ссылку, поэтому «министрам Китайского государства, из коих они, миссионеры, ведомы были только министру иностранных дел, затрудняться было не в чем». Бунта в трактире Хэлу Аркадий не знает, да и трактира у Хэлу нет, а есть хлебная лавка. В ней-то был Аркадий, о чем он уже сказал раньше, а «здесь присовокупляет только, что он не только не был вносим на двор в главную полицию... но и не бывал никогда в той полиции... не было и слуху, чтобы архимандрит Иакинф проведен был когда-либо в означенную главную полицию и подвергся с колодниками тюремному заключению».

Иакинф с Серафимом один раз выезжали в Сишань (к Западным горам) из Пекина подышать свежим воздухом, посмотреть царский дворец, «достойный любопытства» (Юаньминьюань. — В. М.), обширные фруктовые сады, посевы в воде сорочинского пшена (риса. — В. М.). Пробыли там не более одних суток. А по 15 суток никто из миссионеров, тем более Иакинф, никогда не отсутствовал, так как смотритель подворья этого не допускал. «Свита, коей принадлежал он, Аркадий, никогда не доходила до того, чтобы она горького оплакивания была предостойна: ибо начальник архимандрит занимался там сперва учением китайского языка, коему... учились и другие миссионеры; потом занимался переводом разных китайских книг... Китайский трибунал (Лифаньюань. — В. М.) похвалял даже их, духовных миссионеров, что они, живучи в Пекине, проводили время в полезных упражнениях, а не в праздности. Специальных караулов за ними не было, кроме той «привратной» стражи, которая была до них, при них и после них. Строгих запрещений миссионерам от китайского правительства не бывало, «имя русского в омерзении и презрении никогда не подходило».

«Бывшая в пекинском монастыре колокольня каменная, которую богатою почестью следует, поелику она была маленькая и низенькая, архимандрит Иакинф приказал каменщикам разобрать до основания» по неизвестным ему, Аркадию, причинам. Что касается «показанных в примечаниях архимандрита Петра вещей раскиданными», то Аркадий ничего об этом не знает, слышал только, что с казначея иеромонаха Серафима «за утраченные им вещи» Иакинф удерживал сколько-то из его жалованья. Никогда ни Иакинф, ни один из членов миссии во все пребывание их в Пекине не доходили «до необыкновенной роскоши и пышности и не из чего было допускать себя до таковой жизни; в саду, принадлежащем начальнику архимандриту, было не озеро, а мраморное четвертей в пять корытцо, в которое наливалась вода, а в воду опускалась китайская золотая рыбка, которую покупал архимандрит Иакинф через слуг своих на рынке. Сие заведение стоило одного только любопытства, а не роскоши». Корытце летом стояло на столе в настоятельском саду, а зимой — в настоятельских кельях, а потом осталось там же, в настоятельских по-

коях, по отъезде миссии из Пекина. Фонтанов в пекинском монастыре «вовсе не было». Красного дерева мебель (столы, кресла и стулья) Иакинф купил «по той причине, что оставленная прежнею миссиею мебель зделалась неспособною к употреблению». Что касается двух зеркал, то одно было куплено Иакинфом, а другое Аркадием в Кяхте и «привезены с собою в Пекин, из коих свое он, Аркадий, продал о. архимандриту Петру за 11 лан серебра». Часов ни одних не было. Вся упомянутая мебель, купленная на казенные деньги, в целости осталась для новой миссии. «в закладные лавки ни одна вещь не поступала». «Первое свидание их миссии с новою миссиею в Пекине было отнюдь не в чужом платье, а каждым лицом в своем собственном, коего могли привести они в сию столицу и китайского и русского, приличного духовному званию по покрою, из китайских материй». Ни в какие промыслы он, Аркадий, никогда не входил, в проценты ничего не давал, издержки его были умеренные, «куриных и утиных заводов никто из миссионеров не открывал. яичного торго никто не производил, скупкой векселей никто не занимался, в чужие дела никто не входил, одеяла на прокат никто не отпускал в бардель», поэтому Трибуналу (Лифаньюаню. — В. М.) все это, чего не было, запрещать не приходилось. Рассказы о том ученика Зимайлова, как пишет архимандрит Петр, Аркадий считает выдуманными.

Аркадий не говорил архимандриту Петру о том, что якобы Иакинф «истребил» всех учеников миссии и хотел «истребить» Аркадия. «Из числа учеников Маркел Лавровский умер в Пекине, быв в чахотке, а чахотка приключилась ему от чрезмерного пьянства». Смерть его наступила внезапно, поэтому он не был приобщен святых таин. Тело его было отпето в присутствии всех миссионеров, по приказанию Иакинфа, им, Аркадием, и погребено на русском кладбище. Евграф Громов, другой ученик, «отравил себя ядом почною порою самопроизвольно по неизвестной причине», что случилось не прежде смерти Лавровского, а после. Тело Громова отпето и погребено на русском кладбище. Иакинф не хотел выслать ученика Зимайлова. не преследовал Аркадия, который никогда не скрывался в отделении учеников из опасения за свою жизнь, а жил спокойно. После смерти Громова Иакинф «стал иметь особое попечение о оставшихся двух учениках Сипакове и Зимайлове, дабы представить их сюда в Россию бесполезными для своего отечества».

О постройке «церковной главы в монастыре пекинском, о неустройках, о небрежении» со стороны Иакинфа, несоблюдении контракта подрядчиком Аркадий ничего не знает. Знает только, что «вновь построенная из меди и вызолоченная глава на церковь поставлена». Постройка эта осуществлена «уже по прибытии в Пекин новой миссии», занимались ею по просьбе архимандрита Петра Иакинф и ученик Сипаков. Употребил ли на покупку книг Иакинф полученное им от архимандрита Петра жалование на всех миссионеров, Аркадий не знает. Ему известно только, что жалование все миссионеры получили от Иакинфа «с росписками в книге». Завалены ли архимандрит Петр и его миссия векселями, Аркадий не слышал. Сам он никогда никаких векселей не оставлял. «Занятие архимандрита Иакинфа переводом в Пекине «Китайской истории» («Тунцзянь ганму». — В. М.) с помощью учителя китайского и переводчика Сипакова... есть дело для него, Аркадия, поостороннее... Довольно с него и того, что он ради пользы своего отечества мог... и при преклонных к старости летах своих научиться несколько простонародному китайскому языку и знать краткий катехизис». О том, что Иакинф продал церковные дома и землю, принадлежавшие монастырю, Аркадий этого не знает. А о том, что в ризничной не оказалось нескольких вещей, Аркадий знает, так как сам был ризничим при миссии. Выезд их миссии из Пекина «последовал 15 числа мая 1821 года»¹⁰.

Допросам подвергался и сам Н. Я. Бичурин и другие члены миссии. Разница была лишь в том, что Н. Я. Бичурин отвечал на 44 пункта¹¹, а иеромонах Серафим на 46¹². Допрошены были и находившиеся в услужении у Н. Я. Бичурнина казанский мещанин С. В. Волнистов и юноша из Иркутска Марк Верхотуров. Последний показал, что «пищу и одежду он, Марко, получал от архимандрита, а денежного содержания не имел». Иакинф дал слово матери Марка отдать мальчика в Петербургское коммерческое училище, а до отдачи учить его «исправному чтению книг и правописанию», чему у него он, Марко, здесь и учился¹³.

* * *

...Консистория сочла Иакинфа «виновным» в совершении «противозаконных поступков». Он был лишен духовного сана и сослан бессрочно в Валаамский монастырь. К отправке туда же в «монастырские труды» на 4 года был приговорен и

¹⁰ ЛГИА, ф. 19. оп. 120 л. № 413, 1822 г., л. 119—120 об., 124 об. — 127 об., 129—139, 143—146 об., 149—154.

¹¹ Там же, л. 33—74 об. Текст вопросов и ответов Н. Я. Бичурнина не датирован и написан канцелярским почерком параллельно: на левой стороне вопросы, на правой — ответы. В конце ответов автограф Н. Я. Бичурнина: «Архимандрит Иакинф руку приложил».

¹² Там же, л. 75—108.

¹³ Там же, л. 109—111 об., 114—114 об.

Серафим, а Аркадий определялся на один год во Введенский Островской монастырь. Петербургская духовная консистория на основании кляузных наветов вынесла суровый приговор Н. Я. Бичурину как начальнику Русской духовной миссии в Пекине. На самом деле в ссылку отправлялся не разжалованный архимандрит, а крупный ученый, уже получивший признание в научных и литературных кругах и установивший связи со столичной общественностью, входившей в кружок княгини З. А. Волконской.

Судебный фарс завершился тем, что Иакинфу пришлось дать расписку в том, что он не будет «вступать в священнослужение». Этот документ гласил: «1823 года, августа 24 дня в С.-Петербургской духовной консистории бывший начальником Пекинской духовной миссии и архимандрит монах Иакинф, выслушав указ св. правительствующего Синода от 23 августа за № 3633 и изображенную в оном указе высочайшую с. и. в. конфирмацию, силою коих он, Иакинф, лишен архимандритского и священнического сана и оставлен простым монахом, обязан сею подпискою в том, что он, Иакинф, впредь не только архимандритом и иеромонахом называться, но и в священнослужение вступать, рукою благословлять и архимандритского креста носить не будет, а имеет именоваться и писаться простым токмо монахом, а как с. и. в. повелено отослать его в первоклассный Спасопреображенский Валаамский монастырь для всегдашнего в оном пребывания, то он, Иакинф, находясь в сей Валаамской обители, оттуда никуда отлучаться не будет»¹⁴.

На следующий день, 25 августа, в Валаамский монастырь игумену Иннокентию был направлен царский указ, излагавший решение Синода по делу Н. Я. Бичурина и двух других членов его миссии. В указе отмечалось, что «дело о противозаконных поступках бывшего начальника Пекинской в Китае миссии архимандрита Иакинфа и других лиц» возникло в связи с доносами архимандрита Петра и «от троих учеников одной с Иакинфом же прежней миссии»¹⁵.

В отношении Н. Я. Бичурина обвинительное заключение состояло в следующем.

«Архимандрит Иакинф, навлекший на себя, по бытности еще в Иркутске, близкое подозрение в соблазнительном и предосудительном поступке, держанием при себе вместо послушника девки, после сделанного испытания над поведением его удостоен был по высочайшей милости государя императора к занятию места начальника при Миссии российской, 1807 г. в Пекин отправленной. Но он вместо того, чтобы с преимуществами, ему предоставленными, сохранить обязанность столь важного поручения, и стараться изгладить совершенно прежнее о себе замечание, как оправдать наипаче высокомонаршее внимание и доверенность, омрачил поведенье свое в продолжении пребывания в Пекине и по возвращении оттуда следующими законопротивными поступками с опущением обязанностей по должности:

1-е. По прибытии в Пекин не сам принимал от предместника своего монастырское и церковное имущество, но поручал иеромонаху и не имел исправной описи имуществу монастырскому, в противность указа из св. Синода от 17 июля 1788 г., а продолжая далее беспечность свою, допустил находящихся при миссии до пьяного буянства и другого рода дерзостных поступков, также расхищения и заклада в частные руки монастырских и церковных вещей. И не только не пресекал таковых пороков, но даже сам снятое с одной митры гнездо камисей, употреблял к китайской шапочке.

2-е. Находясь в Пекине, не занимался с 1814 г. никаким священнодействием, под ничтожным предлогом неимения иероднакона, и, не приобщаясь святых таин, не исполнял долга, каждому христианину необходимого, а притом не ежегодно даже исповедовался.

3-е. Держал в Пекине, под видом услуг, молодых лет китайца, которого причетник Пальмовский не без важных причин представил в тамошний Департамент иностранных дел (Лифаньюань. — В. М.) для возвращения отцу.

4-е. Самовольно сломал колокольню и продал пять церковных домов.

5-е. Удостоил христианского погребения отравившего себя ядом ученика Громова в противность 14-го правила Тимофея, архиепископа Александрийского.

6-е. Над подчиненными употреблял он, Иакинф, меру наказания не столько исправительную, сколько жестокую и несоответственную ни званиям, ни вине, отчего происходили жалобы к самому китайскому правительству в стыд и нарекания Миссии.

7-е. Допустил он, архимандрит, и себя и иеромонахов быть публичными зрителями потешных китайских огней. С отозванием же его, Иакинфа, из Пекина новые он обнаружил доказательства испорченной нравственности и усыпления совести, ибо:

¹⁴ Там же, л. 581—581 об.

¹⁵ Провинциальный архив в Миккелли: Ев: 66, «Указы 1823 г., поступившие в монастырь». Д. № 34, л. 109. Здесь же среди указов 1823 г. излагается краткая история Валаамского монастыря (л. 50—56), к которой подклеена небольшая вставка машинописного текста: «Биографические сведения об архимандрите Иакинфе Бичурине помещены в журнале «Русская старина» за 1888 г. [см. д. № 12, 1911 года]. Справку наводил монах Иувиан, 21 мая 1919 года». Имеется в виду публикация Н. С. Моллер «Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки» («Русская старина», 1888, т. VIII, с. 281—300; т. IX, с. 525—560).

8-е. Взял из Иркутска 12-летнего мещанского сына, ехал с ним в одной повозке и спал на одной кровати, даже здесь в Лавре до самого начала дела.

9-е. Имея пребывание в Лавре, в великий пост играл в карты и попустил иметь при своей келье коровье молоко для употребления якобы показанному мещанскому сыну и поступившему к Санкт-Петербургский университет тобольского соборного ключаря Фелицына сыну.

И наконец, 10-е. Найденное у него, Иакинфа, во время проводимого здесь изыскания письмо от женщины, самим им не отвергаемое, чтобы оно не к нему было написано, наводит в подозрение в любодейной связи, потому что в письме сем упоминается о рождении женщиною младенца от того человека, к кому оно писано...

По сим уважениям св. Синод в определении, 19 февраля сего года последовавшем, судил: первое, архимандрита Иакинфа, за показанные преступления, из коих в некоторых сам он признался, в других уличается обстоятельствами или найденными бумагами, а по иным не сделал никакого опровержения, и тем доказывающего бесстрашие и укоренившийся в нем разврат, соединенный, как из всего приметно, с ожесточенным против совести и самой его должности, как недостойного носить звание священнослужителя алтаря господня, применяясь по мере обличительных доводов в преступлениях его силе 25-го, 58-го и 60-го правил св. апостол закона, богом данного Моисею, 43 правила и Закона градского грани 39, пункта 74-го, лишить архимандричьего и священнического сана, но, не исключая из ведомства духовного, оставить в монашеском звании, в котором и иметь навсегда пребывание в ставропигиальном Соловецком монастыре, с тем, чтобы, не отлучая его оттуда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре употреблено было старание о приведении его к истинному в преступлениях его раскаянию. Каковое оставление его в монашеском звании, с одной стороны, сохранит точность 25-го правила св. апостол, в котором сказано: «В блуде быв святитель, или в пьянстве, или в татъбе, довольно есть ему осуждение еже извержену быть от сана и не подобает тако его отлучити, да неващи муку претерпит еже есть отнюдь не человеколюбное». А с другой, отклонит нареканье и соблазн, могущие произойти на настоящий сан его, Иакинфа, при исключении ныне из духовного звания, ибо вместе с тем подвергается он на основании существующих узаконений или отдаче в военную службу, или обращению на казенные фабрики и заводы.

Второе. Так как наказание, полагаемое его высокопреосвященством для иеромонахов Серафима и Аркадия, соразмерно вышеописанной вины их, заключающейся в том, чтоб из них Серафима послать в монастырские труды на четыре года в Валаамской, а Аркадия на один год в Введенской Островской монастыри для исправления в жизни употребления в труды монастырские, а по усмотрении плодов исправления, и в священнослужении довольствуя, однако ж, как обоих их, равно и Иакинфа, братскою трезевою, токмо всех их никуда во все подначальное время из монастырей отнюдь в другие какие-либо города, села и деревни не увольнять, а иметь за ними строгий надзор, то таковое положение об них, Серафиме и Аркадии, оставить в своей силе.... Его величество высочайше соизволил на приведение в исполнение решения св. Синода, с тем чтобы архимандрита Иакинфа оставить не в Соловецком, а в Валаамском монастыре под строгим присмотром...

Консистория, выслушав оный св. Синода указ и изображенное в нем именное высочайшее повеление 24 числа... отправила его того ж числа с сторожем консисторским Степаном Соболевым прямо к вам, в Валаамский монастырь, с билетом, по которому велено ему, Соболеву, сдать того монаха Иакинфа под вашу росписку и, возвратясь сюда, представить ее в консисторию. О чем и о зависящем от вас как в отношении монаха Иакинфа, так и о Серафиме, который по выздоровлении от обдергающей его ныне тяжелой болезни к Вам пришлется ж.

Сей указ к вам и посылается августа 25 дня 1823 года»¹⁶.

5 сентября 1823 г. игумен Валаамского монастыря Иннокентий выдал сторожу консистории Степану Соболеву квитанцию, которой удостоверил, что «им представлен в Валаамский монастырь монах Иакинф, который от упомянутого сторожа Соболева сего месяца 4 числа принят»¹⁷.

Началась ссылка...

(Окончание следует)

¹⁶ Там же, л. 109—113. Указ был получен в Валаамском монастыре 9 сентября, как свидетельствует имеющаяся на нем помета. 13 сентября игумен Иннокентий рапортовал консистории о поступлении этого документа в монастырь, подчеркнув, что «о наблюдении за поведением его, Иакинфа, употреблено будет должное попечение». Там же, л. 114—114 об.

¹⁷ ЛГИА, ф. 19, он. 120, л. № 413, 1823 г., л. 586.

Борцы
за народное дело

Эйтаро Норо — марксист-революционер

Н. Ф. ЛЕЩЕНКО

Эйтаро Норо, видный деятель Коммунистической партии Японии, крупный теоретик и ученый, марксист, прожил короткую, но насыщенную событиями жизнь, в которой не было места отдыху и суть которой составляла напряженная работа, касалось ли это дел партийных или науки. Да, для Норо они являлись единым целым, настолько одно было связано с другим.

Обычно по прошествии времени утрачиваются подробности жизни человека. С Норо происходит наоборот: немало стало известно о нем после его смерти, да и то спустя много лет. И лишь за последние десять лет в Японии был опубликован ряд работ, помогающих воссоздать образ этого замечательного и скромного человека, беспредельно преданного своему партийному и научному долгу.

Эйтаро Норо родился в 1900 г. в деревне Наганума уезда Юбари на острове Хоккайдо. Отец Норо происходил из крестьянской семьи, занимался освоением целины, мать была старшей дочерью самурая из Сэндая. Чтобы добиться успеха в суровых условиях острова Хоккайдо, родителям приходилось прикладывать много усилий. Уже с детских лет Норо видел тяжесть труда, испытал горечь бедности. Во время спортивных соревнований в начальной школе он повредил ногу, целый год болел и не посещал школу. Правую ногу пришлось ампутировать, и Норо пользовался протезом. Из-за протеза он не смог поступить в государственную среднюю школу, главной задачей которой было воспитать из подростка солдата. Ему пришлось поехать в Саппоро и поступить в частную среднюю школу, жить в общежитии. Несмотря на протез, Норо очень любил спорт, особенно бейсбол. Когда он окончил школу, в газете «Хоккайдо симбун» о нем была опубликована заметка, где говорилось о его одаренности и успехах в учебе, о желании продолжить образование в Токио. Приехав в столицу, Норо поступил на подготовительный курс одного из старейших частных университетов Японии — Кэйю, а затем на экономический факультет.

Тяжелое детство не прошло для Норо бесследно. Будучи студентом университета Кэйю, он полгода болел и лечился в санатории, болезнь потом перешла в туберкулез. Вернувшись после болезни в университет, он познакомился с Сандзо Носака (видный деятель японского и международного коммунистического движения, ныне почетный председатель КПЯ), который окончил университет Кэйю, провел два года в Европе и в марте 1922 г. вернулся в Японию. Эта встреча многое определила в дальнейшей судьбе Эйтаро Норо. В октябре 1922 г. Носака прочитал для студентов лекцию «Общественные движения в мире». Позже при университете Кэйю было создано Общество по изучению социальных проблем в районе Мита (Мита сякай мондай кэнкюкай), костяк которого составили студенты, слушавшие лекцию Носака.

Первая мировая война дала сильнейший толчок развитию японской промышленности. Однако с весны 1920 г. в японской экономике стали проявляться признаки экономического кризиса, который болезненно сказался на положении трудящихся, началась массовая безработица, понизилась заработная плата. Наступление монополий на жизненный уровень трудящихся вызвало новый подъем рабочего и крестьянского дви-

жения в стране, способствовало усилению в нем социалистических тенденций, оживлению социалистического движения, вышедшего уже к тому времени под влиянием Октябрьской революции из прежнего пассивного состояния. В 1920 г. впервые в Японии была проведена первая майская демонстрация. Среди студенчества рос интерес к социальным проблемам, к изучению марксистской политэкономии. Марксистскую литературу начали шире переводить в Японию.

Организации марксистского направления создавались в те годы и среди японского студенчества, причем даже в таком консервативном университете, как Токийский. Члены этих организаций поддерживали связи с рабочими, участвовали в стачках, вели культурно-просветительскую работу среди рабочих. Отголоски революционных событий в России и Германии доходили до Японии, и никакие строгие запреты и гонения не могли препятствовать этому. Молодые и пытливые умы поглощали все новое, искали объяснение происходившему в Японии. Эйтаро Норо еще со студенческих времен проявлял интерес к социальным и политическим проблемам, был не наблюдателем, а активным участником событий тех лет.

Норо с интересом изучает марксистскую политэкономия, деятельно участвует в студенческом движении. Он представляет университет Кэйо в Японской студенческой ассоциации (Нихон гакусэй рэнгокай), созданной в ноябре 1922 г.; в 1924 г. она преобразуется в Ассоциацию студентов общественных наук (Гакусэй сякай кагаку рэнгокай), и здесь Норо — среди ведущих членов ассоциации.

В 1925—1926 гг. в Японии активно разворачивается студенческое движение за изучение общественных наук. В июле 1925 г. Ассоциация на своем съезде объявила, что студенческое движение за изучение общественных наук развивается как часть пролетарского движения и руководствуется идеями марксизма.

1 декабря 1925 г. были произведены аресты среди членов Общества по изучению общественных наук (Сякай кагаку кэнкюкай) при Киотоском университете, а с 15 января по 22 апреля было арестовано 38 студентов в Токио, Осаке, Кобэ, Фукуоке, Сэндае и других городах на основании статьи первой закона «О поддержании общественного порядка». Был арестован и Норо, но в сентябре его выпустили на поруки.

После окончания университета в 1926 г. Норо начал работать в Исследовательском институте по вопросам промышленного труда (Сангё родо тэсадзё), который возглавлял С. Носака. Связи с этим институтом у Норо сохранились еще со студенческих времен. Институт был создан коммунистами в марте 1924 г. с целью изучения социально-экономического развития Японии, мирового рабочего и коммунистического движения.

Эйтаро Норо активно участвовал в организации марксистских кружков среди рабочих, где читал лекции по политической экономии. По инициативе С. Носака Японская федерация труда (Родо содомэй) организовала в районе Мита школу для рабочих (Мита родо гакко). Там Норо, одетый в спецовку, читал лекции о «Капитале», объяснял непонятные места. Слушатели задавали ему много вопросов не только по экономике, но и по истории Японии, что явилось одной из причин углубленного изучения Эйтаро Норо истории страны. Вот что он сам говорил об этом: «В 1924—1925 гг. во время лекций о «Капитале» в рабочей школе и в других местах рабочие задавали мне вопросы относительно конкретных проблем японской истории. Чтобы ответить на них, мне пришлось заняться анализом социальной и экономической истории Японии. Вопросы рабочих заставили меня с головой окунуться в анализ политических, экономических и социальных реформ и процесса развития

Японии на примере Мэйдзи исин»¹. И дальнейшее изучение Норо проблемы генезиса японского капитализма будет связано с его практической деятельностью, знание исторического прошлого Японии даст ему возможность опровергнуть буржуазные теории социально-политического развития страны, вести теоретическую борьбу против различных уклонов в КПЯ.

В «Лекциях по социальным проблемам» («Сякай мондай кодза»), в «Лекциях по марксизму» («Марксусюги кодза»), в журналах «Тайё» и «Сисо» появляются статьи Норо о японском капитализме. Затем вышла книга «История развития японского капитализма». Ее первая часть, «Предыстория японского капитализма», первоначально печаталась в «Сякай мондай кодза» в ноябрьском и декабрьском номерах за 1926 г., затем вся работа была опубликована в этом же издании на следующий год, а в 1930 г. она вышла отдельной книгой. Методологической основой для этого исследования послужил «Капитал» К. Маркса.

В предисловии к этой книге Норо писал, что начал заниматься этой темой еще в студенческие годы и дипломную работу посвятил политическому и социально-экономическому анализу реформ Мэйдзи. В конце 1925 г. Норо привел в порядок свой научный архив, но в январе 1926 г. рукопись была конфискована во время ареста, и автору пришлось восстановить ее по памяти.

Эта работа Норо оказала большое влияние не только на ученых его поколения, но и не потеряла своего научного значения сегодня. Анализ японского капитализма дан в ней на основе материалистического понимания истории, с позиций классовой борьбы. История Японии начиная с VII в. исследована в контексте всемирно-исторического процесса. Проанализировав историческое развитие страны, Норо объяснил причины многих явлений в социально-политической и экономической жизни Японии 20-х годов XX в. Он одним из первых опроверг идею об исключительности японского пути развития, показал, что японскому капитализму были присущи те же этапы, что и другим капиталистическим странам.

Обращение к историческому прошлому своей страны имело для Норо практическую цель — понять путь развития Японии, определить характер предстоящей революции. Он недаром много времени уделял аграрному вопросу, ему важно было выяснить, союзником какого класса может стать японский крестьянин.

В работе «История развития японского капитализма» Норо раскрыл экономическую природу изучаемого явления, классовую базу и роль японской монархии. Именно Норо первым поставил эти вопросы в своей работе и дал им свое толкование и оценку, опровергнув идею об «особом» историческом пути развития Японии. Написанная более 50 лет тому назад, она и сейчас помогает в деле опровержения антимарксистских концепций общественного развития.

В Японии среди ученых-марксистов и деятелей социалистического и коммунистического движения с 1927 г. почти на протяжении 10 лет шла широкая дискуссия о характере японского капитализма. Поводом для нее послужили следующие обстоятельства.

15 июля 1927 г. была принята «Резолюция Постоянного исполнительного комитета Коминтерна относительно Японии». Этот документ изве-

¹ Эйтаро Норо. Нихон сихонсюги хаттацу си (История развития японского капитализма). Токио, 1930, с. 2, прим. к гл. 1.

Мэйдзи исин — принятое в японской историографии наименование событий 1867—1868 гг., в результате которых в Японии был ликвидирован сёгунат и реставрирована императорская власть. Проведенные после этого политические и социально-экономические преобразования создали условия для развития капитализма в стране. До сих пор среди японских ученых нет единого мнения относительно их характера; в советской историографии они тракуются как незавершенная буржуазная революция.

стен в Японии как «Тезисы Коминтерна 1927 г.». Тезисы, имея своей непосредственной целью помочь японским коммунистам в укреплении партии, оказали большое влияние на развитие общественных наук, в частности на изучение новой истории Японии². Они были опубликованы во втором номере журнала «International Press Correspondence» в 1928 г. В Японии перевод основного содержания тезисов появился в марте 1928 г. в журнале «Марксусюги» («Марксизм»), полный и исправленный вариант перевода был опубликован в октябре 1932 г. в журнале «Сангё родо дзихо»³.

В конце 1927 г. в журнале «Тайё» была опубликована статья Ц. Иномата⁴ «Политические позиции буржуазии в современной Японии», а в журнале «Роно», основанном в декабре 1927 г. группой коммунистов, не согласных с тезисами 1927 г. и исключенных из партии, появилась статья Х. Ямакава⁵ «К единому политическому фронту». Основные положения этих двух статей легли в основу теории группы Роноха, получившей свое название от журнала «Роно». Эти же две публикации положили начало дискуссии среди японских марксистов. Она шла не только в теоретическом плане, но и имела сугубо практическое значение — определение стратегического курса коммунистического движения, характера предстоящей революции.

В дискуссии принял участие и Эйтaro Норо. На страницах журнала «Марксусюги» он вел полемику с Ц. Иномата. Когда Норо ознакомился с содержанием тезисов 1927 г., он отметил, что его собственный анализ японского капитализма в общих чертах совпадает с той оценкой, которая дана в тезисах, и в отдельных вопросах не содержит серьезных ошибок⁶. Ответ Норо на статью Иномата был опубликован в апрельском номере журнала «Сисо» в 1929 г. Первый этап дискуссии о японском капитализме так и называют дискуссией между Норо и Иномата, поскольку она шла главным образом между ними.

В период дискуссии обстановка в Японии была сложной, шло наступление реакции по всем линиям. К закону 1925 г. об «Охране общественного порядка» была принята в марте 1929 г. поправка, предусматривающая введение смертной казни. В марте 1928 г. по Японии прошла волна арестов среди членов КПЯ и сочувствующих ей, в апреле было объявлено о роспуске и запрещении левых организаций, то есть действия реакции в лице японской монархии принимали характер систематических политических акций. Свирепствовала цензура. В статьях Норо мы можем видеть «знаменитые» цензурные кресты.

В чем заключалось существо спора? Иномата утверждал, что в Японии политическое превосходство буржуазии было решающим и окончательным, а абсолютистская форма правления являлась не чем иным, как пережитком феодального строя. Он считал, что феодальные пережитки имели место только в идеологической сфере и выражались в существовании Тайного совета, палаты пэров, генерального штаба. что абсолютизм утратил материально-классовую базу, поскольку в процессе реформ Мэйдзи было уничтожено крупное землевладение.

Возражая Иномата, Норо указывал на то, что помещики — это

² Более подробно см.: «Тихий океан», 1934, № 1; «Большевик», 1952, № 14; И. И. Коваленко. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М., 1979.

³ Содержание тезисов 1927 г. стало известно в Японии в том же году.

⁴ Ц. Иномата (1889—1942) — ученый-экономист, деятель японского социалистического движения; в 1922 г. вступил в КПЯ, руководил молодежным и международным отделами.

⁵ Хитоси Ямакава (1880—1958) — японский социалист, активный деятель социалистического движения в Японии; содействовал распространению в стране объективной информации о Великой Октябрьской социалистической революции; в 1922 г. участвовал в создании КПЯ.

⁶ См.: Эйтaro Норо. Указ. соч., с. 2, прим. к гл. 1.

классовая опора абсолютистских сил в Японии, они составляли материальную базу японской монархии. Он уделял большое внимание аграрным отношениям, считая, что здесь лежит ключ к пониманию природы японского капитализма. По его мнению, в характере аграрной реформы, проведенной правительством Мэйдзи, крылся источник противоречий в развитии японского капитализма⁷.

Эйтаро Норо указал на агрессивность японской буржуазии, которая вызывалась узостью внутреннего рынка, нехваткой сырья, ограниченностью сферы приложения капитала, полуфеодалным характером производственных отношений. Он обратил внимание на то, что японский империализм выполняет крайне реакционную роль как внутри страны, так и на внешней арене. Сохранение полуфеодалных пережитков, особенно в сельском хозяйстве, только способствовало этой агрессивности.

Норо признавал, что в союзе помещиков и буржуазии главенствовала буржуазия, особенно финансовая. В интересах крупного капитала, для развития тяжелой промышленности, по мере формирования и развития финансового капитала японский капитализм, отмечал Норо, будет ускорять процесс перераспределения колоний, которые нужны ему как рынки и как источники сырья. А это — возможная причина для империалистической войны, так как в своих требованиях японский империализм столкнется с противодействием на мировой арене⁸. Время подтвердило правильность предвидения Эйтаро Норо.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. не обошел Японию. Он сопровождался безработицей, снижением заработной платы, повышением интенсивности труда, «рационализацией» производства. Таким путем монополистический капитал стремился переложить тяжесть кризиса на плечи трудящихся. Застой в промышленности переплетался с упадком сельского хозяйства. Положение в деревне усугублялось и тем, что рабочие, потеряв работу в городе, возвращались к своим родственникам в деревню.

Выход из создавшегося положения монополистическая буржуазия искала на путях милитаризации и внешнеполитических авантюр. 18 сентября 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, вступив тем самым в активную борьбу за насильственный передел мира. В 1933—1936 гг. продолжалось расширение японской агрессии против Китая, с июля 1937 г. Япония начала войну за захват всего Китая. Получая высокие прибыли за счет эксплуатации собственного народа, японская буржуазия насильственным путем расширяла сферы для приложения своих капиталов, что не раз предсказывал Норо, изучая генезис японского капитализма.

Мало сохранилось подробностей о жизни Эйтаро Норо. Неизвестна и точная дата вступления его в КПЯ, но достоверно, что к январю 1930 г. он был членом партии, заведовал отделом пропаганды и агитации ее Центрального Комитета, возглавлял теоретическую борьбу против нападок на КПЯ, руководил молодыми теоретиками, Всеяпонским союзом работников пролетарского искусства. Его деятельность как одного из руководителей КПЯ была обширной и разносторонней.

В 1932 г. среди членов и руководящего состава партии прошли массовые аресты, но это не привело к прекращению деятельности партии. В этот, один из самых трудных для КПЯ периодов Эйтаро Норо, перейдя на нелегальное положение, примерно год успешно справлялся с партийной работой. Норо проводил большую работу по воссозданию центральных органов партии и местных организаций, несмотря на нелегальное положение, он продолжал вести большую научную и партийную работу, много писал для газеты «Сэкки», присутствовал на собра-

⁷ Эйтаро Норо. Указ. соч., с. 291.

⁸ См.: Эйтаро Норо. Указ. соч., с. 328.

ниях рабочих кружков, вел борьбу с правым оппортунизмом и левым сектантством. Норо много сделал для популяризации тезисов Коминтерна 1927 и 1932 годов.

Авантюристическая внешняя политика правящих кругов Японии сопровождалась усилением реакции внутри нее. По всем направлениям шло наступление на передовые умы страны. Обстановка была сложной. В этих условиях в мае 1932 г. начали выходить «Очерки по истории развития японского капитализма» («Нихон сихонсюги хаттацу си кодза»). Руководили этим изданием Эйтаро Норо и Ёсимити Ивата⁹. Норо, несмотря на болезнь и занятость, вкладывал в это издание всю душу.

Издание «Очерков» планировалось еще в апреле 1931 г. Норо прилагал много усилий к их составлению, хотя в это время был очень болен. Издание «Очерков» было начато по решению ЦК КПЯ в помощь партийному активу. Теоретической основой для них служили тезисы Коминтерна 1932 г., в «Очерках» развивались и конкретизировались отдельные положения тезисов.

Когда здоровье Норо резко ухудшилось, в ноябре 1933 г. руководство партии решило отправить его на лечение. Утром 28 ноября находившийся на нелегальном положении Норо вышел из дома в районе Эдогава и не вернулся обратно. По доносу провокатора, пробравшегося в квартиру, он был арестован.

Эйтаро Норо доставили в полицейское управление, затем начались его мытарства по полицейским участкам. От пыток он был едва жив. Наконец, 18 февраля 1934 г. его, совершенно больного и вконец обесилевшего, перевели в больницу в районе Синагава, где он умер 19 февраля. Родные Норо захоронили его прах на острове Хоккайдо, в родной деревне. Устраивались вечера и собрания памяти Эйтаро Норо, о нем печатались статьи.

Современники, вспоминая об Эйтаро Норо, отмечали, что он «был простой человек, мягкий в обращении с другими, скромный учитель, неутомимый руководитель»¹⁰. Следует отметить ту самоотверженность, с которой Норо отдавал себя партийной и научной работе, его активную причастность к общественной жизни страны. У этого больного и физически слабого человека оказалась сильная воля. И никакие гонения и трудности не сломили его, не заставили поступиться своим человеческим достоинством. Вспоминая о Норо, Сандзо Носака, знавший его со студенческих лет, охарактеризовал его как одного из самых выдающихся деятелей японского революционного движения.

⁹ Ёсимити Ивата (1898—1932) — видный деятель японского коммунистического движения, член ЦК КПЯ; вступил в партию в феврале 1928 г.; в октябре 1932 г. был арестован и в ноябре того же года замучен в тюремном застенке.

¹⁰ Очерки по истории рабочего движения в Японии. М., 1955, с. 142.

Меняющаяся действительность в зеркале литературы КНР

В. Ф. СОРОКИН,

доктор филологических наук

Как известно, новейшая китайская литература началась с рассказа Лу Синя «Дневник сумасшедшего», опубликованного в журнале «Синь циннянь» в мае 1918 г. Герою рассказа представляется, что он живет среди людоедов и что вся многовековая история Китая переполнена сценами каннибализма. Он пытается найти людей, непричастных к злу, но напрасно; разве что дети... «Спасите детей!» — так кончается рассказ, который современники расценили как «бомбу, брошенную в лагерь феодальных сил».

Прошло шесть десятилетий, и в ноябрьском номере журнала «Жэньминь вэньсюэ» за 1977 г. появился рассказ Лю Синью «Классный руководитель»¹. И вновь в нем прозвучал вопль: «Спасите детей!» Но на этот раз с уточнением: спасите детей, заживо погребенных «бандой четырех»...

Действие рассказа происходит спустя несколько месяцев после падения «банды четырех», когда еще не было и речи о сколько-нибудь серьезной борьбе с мрачным наследием «культурной революции». Однако уже появились первые печатные признания того очевидного для каждого мыслящего человека факта, что за прошедшее десятилетие китайской культуре, делу воспитания молодого поколения нанесен трудно поддающийся исчислению ущерб. Один из таких мыслящих людей выведен в рассказе — это учитель Чжан. Его мучит вопрос: как научить учащихся самостоятельно отличать хорошие книги от плохих и перестать верить вульгаризаторским формулам, которыми их пичкали в прошедшие годы, как покончить с результатами «политики оглуления народа».

В публицистических пассажах, поданных как размышления Чжана, слышен голос самого автора — 35-летнего издательского работника, долгое время учительствовавшего в пекинской школе. Стороннему наблюдателю мысли эти могут показаться самоочевидными. Они не казались такими ни читателям «Жэньминь вэньсюэ», забросавшим редакцию письмами, ни критикам, отметившим на совещании в журнале новаторский характер рассказа, важность поднятых в нем проблем.

Главная среди них — проблема воспитания и перевоспитания молодого поколения, в течение многих лет подвергавшегося массивному воздействию ультралевой идеологии и политики. «Как понимать жизнь? Как надо относиться к завоеваниям цивилизации? Как правильно критиковать культурное наследие прошлого и заимствовать из него все лучшее? Как отличать ароматные травы от сорняков, подлинный марксизм-ленинизм от фальшивого? Каким человеком нужно быть?» Эти животрепещущие вопросы стояли не только перед учителем Чжаном, но и перед всей страной. Для Чжана ответ состоит в том, что нужно «вести систематическое воспитание молодежи действительно на основе идей председателя Мао», которые, как он думал в соответствии с линией официальной пропаганды, извращались «четверкой».

Но вот что примечательно: в поисках духовной пищи, подспорья для осуществления такого воспитания и учитель, и лучшая часть его учеников в первую очередь обращаются к советской и мировой прогрессивной литературе. «Как закалялась сталь», «Овод», переведенный великим Лу Синем рассказ Л. Пантелеева «Часы» — вот какие книги привлекают их, освещают путь в жизни, помогают найти правильное место в борьбе.

По-своему примечателен и один из первых печатных откликов на публикацию рассказа Лю Синью, принадлежащий преподавательнице пединститута. Заинтересовавшись началом рассказа, она, по ее словам, решила, что дальше будет показано, как учитель терпеливо перевоспитывает хулиганствующего подростка. «Однако при дальнейшем чтении я обнаружила, что моя догадка была совершенно неверна. В рассказе нет бросающих в трепет конфликтов, нет замысловатой фабулы, но он побуждает к глубоким раздумьям, заставляет дрожать сердечные струны». А публицистическая концовка

¹ Некоторые произведения, упоминаемые в статье, опубликованы в русском переводе в сборниках «Люди и оборотни» (М., 1983), «Человек и его тень» (М., 1983), «Память» (М., 1985), «Современная китайская проза» (М., 1984), «Трудны сычуаньские тропы» (М., 1983), «Средний возраст» (М., 1985).

произведения показалась автору отзыва «исполненной волнующей внутренней жизни, похожей на философскую лирику»².

Преподавательница успела за те несколько лет, что прошли со времени возобновления публикации журналов и книг, прерванной «культурной революцией», привыкнуть к прямолинейно-назидательным поделкам, предлагающим читателям готовые ответы на не очень сложные вопросы. Количественно такая продукция выглядела довольно внушительной: за один 1977 г. было опубликовано 26 романов, множество рассказов, стихов... Внешне все это обладало необходимыми признаками литературных произведений: были сюжеты и лейтмотивы, образы героев и диалоги, сравнения и рифмы. Не было главного — дыхания жизни, отображения судеб страны и народа. В наспех слепленном из осколков зеркале литературы отражалась не сама действительность, а пропущенные через искажающую реальные цвета и пропорции призму нормативные представления о ней, внушаемые официальной пропагандой.

Как и в годы, непосредственно предшествовавшие «культурной революции», главным содержанием литературы объявлялось изображение якобы все обострявшейся в обществе классовой борьбы. Под «классовой борьбой» понимались прежде всего переходившие одна в другую политические кампании, но под это понятие подводились также практически любые конфликты — производственные, моральные, бытовые. Соответственно они и решаться должны были через победу «правильной» классовой линии над «неправильной». Победа могла достигаться или путем борьбы «острием против острия», или через «перевоспитание» несознательных и заблудших, но читатель не должен был оставаться в неведении, наедине со своими — скорее всего, незрелыми! — мыслями. И не случайно, что именно открытость финала рассказа Лю Синью, подспудно звучащее в нем приглашение к читателю вместе с учителем Чжаном подумать над тем, что надо сделать для «спасения» молодого поколения, так взволновали преподавательницу пединститута.

Литература лет, непосредственно предшествовавших падению «четверки» ближайших сподвижников Мао Цзэдуна, была вскоре окрещена «заговорщической литературой», поскольку она-де призвана была способствовать осуществлению «четверкой» заговора для захвата власти в партии и стране. Но если и допустить существование такого заговора (учитывая, что реальная власть уже принадлежала «четверке»), то сознательно способствовать ему мог разве лишь небольшой круг «придворных» литераторов. Основная масса печатавшихся тогда авторов — а то были люди, только что прошедшие через «культурную революцию» и «хорошо» себя в ней проявившие, — скорее всего, искренно полагала, что выполняет свой долг по воспитанию масс. Сами не имевшие, как правило, систематического образования и широкого культурного кругозора, они ориентировались на такого же читателя. И первое время после переворота в Пекине страницы книг и журналов заполнялись прежней в сущности продукцией. Только вместо «каппутистов»^{*} объектами обличения стали «четверка» и ее приверженцы, а хвалы возносились не одному Мао, но также Чжоу Эньлаю и особенно Хуа Гофэну.

Обличение преступлений «четверки», которая изображалась единственным виновником всех бед, постигших Китай за предыдущее десятилетие, носило яростный характер и охватывало самые различные жанры — от гневных поэтических инвектив до откровенной карикатуры. Попыток сколько-нибудь серьезно разобраться в происшедшем не предпринималось, да и не могло быть предпринято, коль скоро все объяснялось заговорщической деятельностью «четверки» и преступлениями ее клеветов, сама же по себе «культурная революция» и большинство установок Мао Цзэдуна продолжали оставаться в чести. В рассказах и повестях — таких, как «После снегопада» Е Вэньлина или «Надежда» Сяо Юйюаня, — борьба с влиянием «четверки» изображалась обычно как противодействие приверженцев «правильных» маоцзэдуновских концепций преступным акциям агентов «банды» и заканчивалась их разоблачением и устраниением.

Общественность ждала произведений «о времени и о себе» — произведений, в которых наконец-то было бы рассказано о пережитых страданиях и развеянных иллюзиях, о безвинных жертвах и их добровольных или обманутых мучителях, которые помогли бы разобраться в происходящем и обрести веру в жизнь, в будущее. Такие произведения стали появляться в 1978 г. и в неизмеримо большем количестве в 1979 г. Они представляли целое направление, получившее названия «обличительной литературы», или — чаще — «литературы шрамов» (от названия рассказа Лу Синьхуа «Шрамы», август 1978 г.).

Рассказ Лу Синьхуа появился тогда, когда уже были даны официальные оценки «десятилетию бедствий» как времени «феодално-фашистской диктатуры», когда полным ходом шла реабилитация пострадавших кадровых работников и интеллигенции (вина за все несчастия по-прежнему возлагалась на Линь Бяо и «четверку»). Начинаящему и в дальнейшем ничем себя особенно не проявившему писателю не нужно было политического мужества для разработки сюжета о трагической судьбе матери и дочери — одной семьи из множества разрушенных лихолетьем. Дочь в свое время публично отреклась от матери, объявленной «ренегаткой», уехала в деревню на Северо-Восток, восемь лет не имела от нее вестей. И вот от матери пришло письмо: справедливость восстановле-

² «Жэньминь жибао», 19.11.1978.

* «Каппутисты» — «идущие по капиталистическому пути».

на, «благодаря мудрому руководству председателя Хуа» ей возвращено доброе имя и прежняя работа. Однако, измученная приспешниками «четверки», она тяжело больна и просит дочь приехать повидаться.

В поезде, идущем в Шанхай, дочь вспоминает пролетевшие годы. Она не сразу поверила в вину матери, но отход прежних друзей, исключение из хунвэйбинов, страх за свое будущее сделали свое дело. Девушка стала даже ненавидеть мать, «испортившую» ей жизнь. В сердце некогда горячей и полной иллюзий девушки заползли равнодушие и разочарование. Так, может быть, теперь, когда все меняется, она сможет начать новую жизнь вместе с матерью, перед которой так виновата? Но в шанхайской больнице ей сообщают, что мать умерла за день до ее приезда. Дочь клянется не забывать о виновниках гибели матери и отдать все силы делу партии.

Казалось бы, в этом бесхитростном, идеологически корректном рассказе не содержится ничего, что не было бы известно по собственному опыту почти каждому читателю. Но именно узнаваемость, распространенность ситуаций и вызвала сопереживание, усиленное мелодраматической концовкой. Шрамы оставались не только в душе героини — они проходили по каждому сердцу, и все ждали от литературы, чтобы она и бередила их, и помогала исцелению.

Более отчетливо обличительный характер носит известный нашему читателю рассказ Ван Япина «Святая миссия», зато и объект обличения указан еще более четко. Им являются сторонники «четверки», заполняющие государственный аппарат и безнаказанно вплоть до самого своего последнего часа творящие преступления. Им противопоставлен старый, честнейший работник органов безопасности Ван, восемь лет проходивший «перевоспитание», а теперь вернувшийся, чтобы «по указанию председателя Мао и премьера Чжоу» заняться пересмотром дел несправедливо репрессированных.

При явной сконструированности сюжета, при всех оставшихся без ответа вопросах впечатляет картина царящего в стране произвола, в борьбе с которым бессильны даже облеченные полномочиями честные люди. И никакие старания обелить одних руководителей, оставив всю черную краску для других, не могут отменить непреложного, подтверждаемого ходом событий в рассказе факта, что сложившееся в середине 70-х годов положение явилось прямым следствием «культурной революции».

Не так, однако, истолковывала «Святую миссию» тогдашняя критика. В занимающей почти целую полосу статье обозреватель «Гуанмин жибао»³ тщится доказать, что рассказ отнюдь не отрицает «культурную революцию» — ведь, по словам Хуа Гофэна, главный успех ее заключается якобы в том, что была свергнута «банда четырех», а именно этим заканчивается рассказ. Более того, рассказ, исхищряется обозреватель, «воспевает культурную революцию за то, что она привела к повышению сознательности народа — массы закалились в борьбе, стали еще больше интересоваться судьбами партии и государства, еще лучше научились отличать врагов от друзей, истинный марксизм-ленинизм от ложного». Обозреватель частично прав — в результате пережитых потрясений немало людей в Китае научились отличать «врагов от своих», «подлинный марксизм от ложного», только не в том смысле, какой он вкладывал в эти слова.

С большими трудностями входила в литературу хотя бы частичная правда о пережитом страной и народом, но все же входила. И это было исполнено большого значения для литературы, для ее взаимоотношений с обществом, да и для самого общества в целом. Восстанавливалось доверие читателей к писателям, повышался престиж письменного слова, дискредитировавшего себя в предшествовавшую годину. Возрождалась гражданственность литературы. Писатели вновь начали ощущать себя нужными людям, их мысли и эмоции, их видение жизни стали находить все более активный отклик. Да и состав писательских рядов заметно менялся: среди подписей под рассказами и стихами наряду с множеством новых имен стали чаще встречаться знакомые не одно десятилетие имена художников слова, которых обрекли на молчание политические кампании.

Далеко не все они выступили после реабилитации с художественными вещами, преобладали публицистика, отклики на новые явления литературной и общественной жизни, воспоминания о пережитом, скорбь о безвременно ушедших собратьях. Поэтому общее внимание привлекали такие произведения, как рассказ «Самое драгоценное», под которым стояла подпись Ван Мэна — писателя, прославившегося рассказом «Новичок в орготделе» в 1956 г. и затем зачисленного в число «правых». Позднее ему суждено было стать одним из самых деятельных и известных представителей нынешней китайской литературы. Этот же рассказ, хотя и был отмечен премией, из ряда других произведений 1978 г. особенно не выделялся. Зато очень ярко заявил о своем возвращении в литературу бесспорно крупнейший поэт последних десятилетий Ай Цин. Среди первых стихов, опубликованных им после более чем 20-летнего вынужденного молчания, оказалась поэма «На гребне волны» — произведение большой политической и поэтической силы (она увидела свет в декабре 1978 г.).

Сюжетный стержень поэмы — судьба юноши по имени Хань Чжисюн, ее кульминация — события на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 г. (манifestации, посвященные памяти Чжоу Эньлая, стихийно превратившиеся в антиправительственные по существу выступления, жестоко подавленные). Эти события поэт характеризует как «рукопашную схватку революции и контрреволюции, света и тьмы, демократии и абсолютизма». Они «явили подлинный облик нечисти и ускорили ее гибель», они «сделали более зор-

³ «Гуанмин жибао», 5.XI.1978.

кими глаза народа». Поэтому эти события представляются «поворотным моментом китайской истории». Действия властей, подсылавших в ряды манифестантов провокаторов, вымогавших у подростков ложные «признания» в организации поджогов, Ай Цин сравнивает с «делом о поджоге рейхстага».

Последние строки поэмы утверждают, что «самым зримым» из плодов «великой культурной революции» следует считать рождение в Китае новой молодежи. Ай Цин выразил в этих словах свою надежду на то, что молодежь, подобная герою его поэмы Хань Чжисюну, будет продолжать борьбу за правду, за солнце, что они сумеют, как говорилось в другом его стихотворении, «все перевернуть, что стояло вверх ногами». Это значит — искоренить все следы «культурной революции», которая, не желая того, сама такую молодежь породила. Поэма «На гребне волны» явилась не только литературной кульминацией 1978 г., но и вершиной творчества Ай Цина после «годов молчания».

У других стихотворцев старшего поколения рождалось, и это естественно, немало произведений о славных событиях истории китайской революции, о ее видных деятелях. Вновь зазвучали и знакомые по поэзии 50-х — начала 60-х годов мотивы воспевания созидательного труда, преобразующего родную землю, прославления энтузиазма и энергии народных масс. Но приходится говорить и о том, что некоторые, порой известные, поэты подхватили в то время и те мотивы, которые были более присущи временам «культурной революции», включая антисоветские.

Так, незадолго до своей безвременной смерти (ускоренной, как писала пресса, выпавшими на его долю во время «культревы»⁴ испытаниями) Ли Цзи, вновь обратившись к теме о труде нефтяников, утверждал, будто ими движет горячее желание «перегнуть советских ревизионистов». Цзоу Дифань призывал «любимых вьетнамских братьев и сестер» не допустить, «чтобы Вьетнам стал восточной Кубой» (!), и сетовал, что-де «сибирские морозы ворвались в тепло Юго-Восточной Азии».

Совсем о другом писале поэты, чьи имена впервые появились на поэтическом небосклоне (и которые необязательно были молоды годами — просто до этого они не могли ни писать, ни тем более печататься). Они вновь и вновь напоминали о тех десяти годах, когда, по словам Ляо Ляо, «молодежь Китая была ежеминутно и ежедневно несчастна». Вместе с Ло Гэнье они воспевали недовольство всем, что вокруг, — то недовольство, которое есть «зерно любых перемен», в котором таится «созиданья начальный миг». Они пели о возрождении поруганных идеалов, о свете истины, добра и любви, о жажде жить и трудиться вместе с народом и для его блага.

Мы говорим о наиболее примечательных явлениях литературы первых лет после «культурной революции», о том новом, что в ней зародилось и начало приносить первые плоды. Рядом с этим существовало множество произведений, принципиально мало чем отличавшихся от их непосредственных предшественников, стереотипных, надуманных, беспроблемных. Новым в них было лишь то, что воспевалась не «классовая борьба» а «четыре модернизации», проклинались не «каппутисты», а «приверженцы банды четырех». Успели даже возникнуть новые формулы, по которым сочинялись рассказы, вроде той, о которой писал читатель в журнале «Вэньбао»: «Старый кадровый работник или ученый, пострадавший во время культурной революции, возвращается к работе. Ему мешает невежественный, умеющий лишь провозглашать лозунги, но имеющий высокие связи работник из числа цзаофаней. Рассказ о борьбе между ними заканчивается победой ветерана после свержения «банды четырех»... Такие истории из-готовляются по шаблону. Прочел одну — как будто прочел все; познакомился с началом — уже знаешь конец»⁵. И все же лед тронулся. Жизнь властно рвалась на страницы книг, люди ждали от литературы новых, правдивых и проникновенных слов, которые помогали бы глубже осознать пережитое и бороться за более светлое грядущее.

• • •

Говоря о литературе «последнего года или двух лет», Чжоу Ян в конце 1979 г. заявлял: «Во многих произведениях, развивающих реалистические традиции социалистической литературы, изображена острая борьба народных масс против «банды четырех», а также возникшие в те бедственные годы сложные общественные противоречия... Очень много таких произведений вышло из-под пера сравнительно молодых авторов; острота наблюдений и смелость поисков позволили им правдиво воспроизвести свой личный опыт и впечатления. Они обвиняют, они протестуют, они вопиют, потому что в пережитом ими много горечи и кровавых слез, гнева и скорби, потому что они познали отрезвление от обмана и борьбу. В присущей им острой манере они опрокинули предрассудки и запреты, изобразили потрясающие события, увиденные и глубоко пережитые ими. В этих произведениях показаны огромные раны, нанесенные народу, его душе Линь Бяо и «бандой четырех», обличены их вопиющие преступления». Одновременно Чжоу Ян выступил против произвольного употребления терминов «литера-

⁴ Буквальный перевод употребительного термина «вэньгэ» — от «вэньхуа гэмин» («культурная революция»).

⁵ «Вэнь бао», 1978. № 6, с. 36.

тура шрамов» и «обличительная литература», в которые вкладывается «оттеночек порицания»⁶.

Эти термины действительно стали употребляться все реже, на смену им пришло понятие «литература дум о прошедшем» («фаньсы взньсю»). О первых ее проявлениях, относящихся к 1978 г., уже говорилось. В следующем году «думы о прошедшем» стали если не самой массовой, то, безусловно, наиболее привлекавшей к себе внимание темой литературного творчества. Вряд ли нужно подробно пояснять, почему возрождение реализма в литературе КНР шло в первую очередь через «думы о прошедшем». Это «прошедшее» было для писателей и их аудитории таким живым, так отдавало острой болью на каждом шагу, что ни думать, ни писать о нем, ни попытаться расщелкаться с ним за все страдания и обманы, было невозможно. Без этого трудно было понять настоящее и тем более попытаться увидеть будущее. Не будем закрывать глаза и на то, что новое руководство КПК, утвердившееся на III пленуме ЦК в конце 1978 г., объективно (а в какой-то степени и субъективно, в качестве пострадавших от «культреволюции») было заинтересовано из политических соображений в такого рода литературе.

С другой стороны, обнажение язв, разоблачение преступлений и ошибок вызывало возражения не только тех, кто нес ту или иную степень ответственности за содеянное или активно участвовал в расправах и травлях. Их голоса не имели морального веса и лишь подтверждали правильность взятой литературной линии. Более серьезное значение имела позиция определенной, и весьма влиятельной, части жертв политических кампаний, теперь вновь занявших заметное место в обществе, которые полагали, что акцентирование темных сторон истории прошедших десятилетий нанесет сильный ущерб репутации КПК и престижу социализма, вызовет настроения уныния и нигилизма.

Просто отмахнуться от заявлений такого рода (надо сказать, что в открытую печать они попадали обычно как цитаты в выступлениях оппонентов — «есть люди, которые утверждают, будто...») было невозможно. Конечно, сильнейшим контраргументом было неоспоримое положение о том, что наибольший ущерб партии и делу социализма наносили сами преступления и ошибки, вся «левацкая» политика предыдущих десятилетий, а не изображение ее средствами литературы. Но этот аргумент не снимал полностью проблему соотношения и функций критического и утверждающего начала в литературе и искусстве нового периода. Полемика по этому вопросу — то скрытая, то выплескивавшаяся на страницы печати, то отражавшаяся в установочных выступлениях на самом высоком уровне — продолжалась все прошедшие годы. Она сказывалась и на колебаниях в критических оценках одних и тех же или однотипных произведений, она влияла и на умонастроения писателей, и на издательскую политику.

В результате этого в отдельные годы происходило заметное сокращение количества произведений «литературы дум о прошедшем», изображения пережитого становились порой своего рода контрастным историческим фоном для оттенения позитивных процессов нынешнего дня. Были и попытки, мы о них еще скажем, при общей отрицательной оценке левацкой политики в отношении интеллигенции представить некоторые ее аспекты как имевшие в конечном счете и позитивное значение для творчества части писателей.

И тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода «литература дум о прошедшем» продолжала свое существование и являлась, вне всякого сомнения, важным элементом общественного сознания. И не в том дело, что в книгах, повествовавших о «борьбе с правыми», о «скачке» или о десятилетии бедствий, сообщалось много новых фактов, что после них «открывались глаза»: глаза подавляющего большинства читателей, кроме самых юных, видели все, или почти все, из изображенного в книгах. Куда более важным было то, что об этом сказано вслух, что достойное проклятия громко осуждено, а достойные сочувствия наконец дождались сочувствия.

«Думы о прошедшем» заняли свое место в литературе еще до III пленума ЦК КПК; в следующем, 1979 г. эта линия в литературе стала определяющей. Из произведений этого года лишь немногие никак не связаны с событиями двух прошедших десятилетий; в остальных они являются либо стержнем, либо одной из составных частей сюжетной конструкции.

На первых порах, и это понятно, изображение внешней канвы происшедшего преобладало над детальным анализом, бьющее по нервам воспроизведение экстремальных ситуаций оставляло в тени тяжесть повседневной действительности, в центре повествования находились те, чьи страдания были наиболее знакомы авторам и своей незащищенностью могли особенно легко вызвать симпатии у читателей — интеллигентны, партийные работники, сотрудники государственного аппарата. Постепенно сфера изображения расширилась, и на первый план стали выходить также люди из других социальных групп, чьи судьбы были, быть может, менее драматичными, но не менее тяжелыми. Стали более наглядными масштаб и степень нарушений принципов социализма, имевших место в период «феодално-фашистского господства четверки», а впервые обозначившихся десятилетием раньше.

В бесчисленном количестве произведений, отображающих судьбы интеллигенции, творческой, научной и технической, своего рода точкой отсчета, обозначающей начало ее тернистого пути, является кампания «борьбы с правыми» летом 1957 г. (более ран-

⁶ «Жэньминь жибао», 20.XI.1979.

ние кампании — борьба «против трех и пяти зол», разгром группировки Ху Фэна — затронули небольшую часть интеллигенции). Эта политическая акция подробно освещена в нашей научной литературе⁷. Было показано, в частности, что наряду с действительными выразителями правой буржуазной, антикоммунистической идеологии в ходе охватившей всю страну «борьбы» пострадало много писателей, художников, ученых-гуманитариев, «повинных» лишь в том, что высказывали свои мнения о тех или иных отрицательных явлениях и недостатках, о путях их исправления (при этом их высказывания сплошь и рядом перетолковывались и извращались).

Среди таких интеллигентов, согласно современной терминологии «ошибочно зачисленных в правые», было немало начинавших свой творческий путь молодых людей. Сейчас, когда им уже около пятидесяти, они стоят в первом ряду творцов сегодняшней литературы, во многом определяя ее лицо. Это Ван Мэн, Гао Сяошэн, Ли Говэнь, Лю Шаотан, Чжан Сяньлян... Тогда в 1956—1957 гг., они успели опубликовать совсем немного — два-три рассказа, несколько стихотворений, самое большее один-два тонких сборника. После этого — судилище скорое и несправедливое, без возможности от либо объяснить, как-либо оправдаться, «трудовое перевоспитание» и отлучение от литературы на долгие годы и десятилетия. Снова взявшись за перо уже в конце 70-х годов, они (разумеется, не только они) рассказывают о том, что произошло с ними самими и со множеством их сверстников.

Студент-историк У Чжунь, герой повести Фэн Цицзя «Крик» (в оригинале заглавием является восклицание «Ах!»), в 1957 г. возвращается из командировки в кипящий, митингующий и дискутирующий университет. Старший брат приводит его к своим друзьям. Возбужденные «небывалой прежде в Китае бурлящей волной демократии», юноши и девушки рассуждают о важности борьбы с бюрократизмом, о необходимости пробуждать в людях труда чувство хозяина страны, о том, что книги и картины не должны превращаться в простые рупоры пропаганды. У Чжунь тоже произносит речь о совершенствовании государственного устройства страны с целью предотвратить возникновение единоличной власти.

Писатель, очевидно, счел излишним напоминать, что «бурлящая волна» споров, собраний и дацзыбао охватила страну после прямого призыва руководства партии развертывать дискуссии и критиковать недостатки, что высказанные У Чжунь мысли вытекали из материалов VIII съезда КПК, осудившего культ личности. Впрочем, все это никак не облегчало судьбу «ошибочно зачисленных в правые» — более того, ссылка на партийные решения была бы квалифицирована как клевета, как стремление свалить на партию собственную вину.

Едва молодые люди успели выступить с изложением своих мнений в организациях, началась кампания вылавливания «правых». В итоге, как в хроникальной манере, словно о чем-то само собой разумеющемся, повествует писатель, «все эти люди были сосланы — кто на север, кто на юг — и исчезли из виду. Брата отправили в исправительно-трудовой лагерь на север, близ границы, где он работал на лесоповале и в карьере. Престарелая мать не вынесла нежданного удара и умерла с горя. Спустя два года брат отличился при тушении пожара (при этом ему обожгло половину лица). За это с него сняли колпак «правого», но оставили при комбинате, так что он стал, по существу, таким же узником, но с «гражданскими правами». А потом новая, еще более жестокая кампания, новые, еще более мучительные испытания...».

Как подтверждает повесть Цун Вэйси (также из числа невинно пострадавших) «Следы шагов на морской отмели», оказаться в числе «правых» означало, несмотря на временные облегчения условий жизни после снятия «ярлыка», оставаться под сильнейшим подозрением и при любом неблагоприятном повороте событий вновь попасть под удар. Герой повести, начинающий научный работник Лу, был объявлен «правым» за то, что спас попытавшуюся наложить на себя руки девушку-врача (она была заклеяна как «правая» в аналогичных обстоятельствах — оказала медицинскую помощь «правому», потерявшему сознание во время судилища). Лу много лет трудится «под надзором», не имея права публиковаться. С началом «культрефа» его бросают в тюрьму по обвинению в выступлении против Линь Бяо. Более чем 20 лет длится расплата за один-единственный акт человечности, пока Лу не возвращается в конце концов к любимому делу и не соединяется со спасенной им некогда женщиной.

О том, как легко было опорочить человека, приписать ему самые невероятные намерения, рассказывает в повести «С большевистским приветом» Ван Мэн. Герой повести, молодой партработник Чжун Ичэн, опубликовал в детском журнале четверостишие под заглавием «Рассказ озимой пшеницы»: «Осыпались дикие полевые хризантемы (А я пошла в рост). Лед и снег закрыли собой землю (А во мне зреет богатый урожай)». Он не внял предостережениям о том, что поэзия до добра не доведет. Действительно, стихотворение попало на глаза «начинающей критической звезды» (прозрачный намек на Яо Вэньюаня, одного из «банды четырех», выдвинувшегося как раз во время охоты за «правыми»). И вот как интерпретировала «звезда» четверостишие. Оно опубликовано в мае, когда «правые» «начали бешеное наступление на партию», требуя ее ухода с арены, мечта о смене власти. Поэтому стихотворение нельзя рассматривать вне политического контекста тех дней. «Цветы осыпались» —

⁷ См.: С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события (1956—1973). М., 1975; ее же. Судьбы культуры КНР (1949—1974). М., 1978.

значит, компартии пора уходить со сцены. А называя цветы «дикими», автор подпеваает американскому делегату в ООН, который назвал «дикими» китайских коммунистов. «Мы вошли в рост» — это говорится о главарях правой буржуазии, а помещиках и Чан Кайши. Фраза «лед и снег покрыли землю» воплощает в себе жгучую ненависть к диктатуре пролетариата, а в словах о «зреющем в нас богатом урожае» звучит призыв к открытому контрреволюционному мятежу...

Окружающие, от секретаря райкома до любимой девушки, успокаивают Чжуна: кто же может поверить такой явной клевете. Но проходит немного времени и выясняется, что в данной организации выявлено слишком мало «правых» (о том, что существовали «нормы» разоблачений, говорится не в одной книге). Секретаря райкома обвиняют в мягкотелости — как же, столитная газета остро критиковала Чжуна, а райком взял его под защиту! И начинается «разбирательство», и Чжуну припоминают неосторожные речи — об одном руководителе сказал, что тот многословен, говорил о не всегда достаточных связях партии с массами, о бесполезности многих заполняемых анкет и сведений... Так, резюмирует писатель, в жизни Чжуна «начался новый этап, никак не связанный с предыдущими»; так вступившему в партию еще подростком (как и Ван Мэн) герою отказали в праве служить избранному делу, в праве любить свой народ и свою страну, превратили в отщепенца.

«Новый этап», «нарушение последовательности» в жизни этого конкретного человека, но только ли его одного? Разве случившееся прошло бесследно для окружающих, для тех, кто не вступился за несправедливо обвиненного и, более того, из каких-то своих соображений подлил масла в огонь? (Эта проблема среди других поставлена в повести Чжу Чуньюя «В людском море».) Были, конечно, и сомнения в обоснованности и необходимости столь суровых мер против людей, откликнувшихся на призыв партии высказываться начистоту. Но сомнения таились в душе.

В обществе жила вера в справедливость предначертаний, искренним казалось самобичевание заклеянных, а появившееся время от времени сообщения о снятии «колпаков правых» то с одной, то с другой группы пострадавших рождали надежду на скорое возвращение всех их, уже «перевоспитавшихся», в общие когорты. Вряд ли кто предполагал, что ждать придется полтора, а то и два десятилетия.

А жизнь не стояла на месте. Спустя год после избения «правых» начался «большой скачок». Насколько много было написано о нем в стихах, в прозе и в драматургии того времени, настолько редко упоминают о нем, не говоря уже о подробном его изображении, в наши дни. Наверное, дело не только в общеизвестности связанных со скачком фактов, а и в сложности самого явления. Как провести грань между подлинным энтузиазмом и эгоистическим расчетом, тщеславными амбициями («удивим мир!») и готовностью к сверхчеловеческим усилиям ради того, чтобы вырвать Китай из отсталости и бедности? Разве можно осмеивать самоотверженный, хотя и оказавшийся почти бесполезным, труд миллионов и миллионов людей? Но о последствиях этого грандиозного по размаху и по нерасчетливости эксперимента не сказать было нельзя.

«История преступника Ли Тунчжуна» — так назвал свою повесть Чжан Игун. Да, ее герой, секретарь деревенской партиячейки, в прошлом пастушок, командир отряда народного ополчения и инвалид корейской войны, преступил закон — распорядился открыть государственный амбар и заимообразно выдать зерно односельчанам. Но почему он решился на такой шаг? Весной 1960 г., сообщает писатель «великий голод пришел в деревню Лицзячжай». Он мог бы добавить — как и во множество других деревень и городов Китая.

Согласно официальной версии, тогдашний голод был вызван стихийными бедствиями. Из рассказа становится ясно, что, хотя засуха действительно была, главная причина бедствия в ином. поголовное вовлечение крестьян в массовые кампании — то плавка стали примитивным способом, то уничтожение воробьев и мышей, то рытье каналов — срывало сроки полевых работ, вело к резкому снижению урожайности. Но местное начальство — под давлением ли сверху, из желания ли отличаться — по-прежнему брало повышенные обязательства сбора зерна и сдачи его в государственные закрома.

И вот мнимые «излишки» лежат в амбаре под замком, а в фанзах кричат голодные дети и тихо льют слезы старики. Мучимый сознанием своей доли вины за происшедшее, Ли Тунчжун берет на себя полную ответственность и убеждает завскладом, своего бывшего однополчанина, не препятствовать раздаче зерна.

Крестьяне спасены, но «преступник» Ли Тунчжун арестован, он умирает в больнице, не дождавшись суда. Спустя долгие годы, когда уже восстановлено доброе имя Ли Тунчжуна, секретарь укома размышляет о том, что необходим закон, карающий карьеристов, бахвалов, очковтирателей, которым безразличны жизнь и смерть простых людей. Правильные, но, увы, запоздалые мысли...

Повесть Чжун Игуна вышла в свет весной 1980 г., сделав знаменитым имя не столь уж молодого автора. Через четыре года сходная до известной степени ситуация возникла в одной из глав нашумевшей повести Ли Цуньбао «Девятнадцать могил в горах». Но здесь голодающие крестьяне не помышляют о бегстве; они собираются толпой и молча, сверкая полубезумными от недоверия глазами, идут к рас포ложенной воинской части — там есть еда, там жизнь. Кто знает, что могло бы произойти, но комбат Го Цзиньтай, еще один истинный коммунист, делится с пришельцами своим

скромным рационом, подавая пример подчиненным. Спасенные провозглашают в честь комбата здравницу «десять тысяч лет!», на которую «имел право» один Мао Цзэдун, и дают тем самым основание для позднейших тяжких обвинений в адрес комбата. И вновь «преступником» оказывается творческий людям добро, вновь человечность навлекает наказание.

По сравнению с ажиотажем периода «скачка» и тем более с вакханалией «культурной революции» первая половина 60-х годов представляется, если отвлечься от внешнеполитических аспектов, временем сравнительно спокойного и устойчивого развития. Но литература напоминает, что по деревне прокатилась волна «четырёх чисток», задуманная как средство предотвращения «ревизионистских и буржуазных» тенденций. Как свидетельствует в романе «Поселок Лотосы» Гу Хуа, она отнюдь не прошла безболезненно. Живет в затерянном среди южных гор городке супружеская пара — мясник Гуйгуй и Юйинь, торгующая соевым творогом. Трудолюбивые и бережливые, они осуществляют давнюю мечту — строят себе новое жилище и вот-вот собираются въехать в него. А тем временем одна сверхбдительная местная деятельница уже успела «уловить» новое направление классовой борьбы и пришла к выводу, что налицо «антипартийная группка» из бывших помещиков, кулаков, «правых» и прочих вредных элементов. Еще не заселенный дом превращается в доказательство «перехода на путь капитализма» не только его хозяев, но и в чем-либо содействовавших им местных работников. Возникает дело, разворачивается «борьба» — в итоге Гуйгуй кончает с собой, а молодая вдова спасается бегством. Спастись не удастся, рука «культрева» настигает Юйинь. Объявленная «правой», она отправлена в родной поселок отбывать исправительные работы, обречена на новые страдания, которые лишь многие годы спустя сменяются новыми надеждами.

* * *

Итак, «культурная революция» — «великая», «пролетарская», «беспрецедентная»; отвергая два первых эпитета, китайские писатели с горькой иронией часто употребляют третий наряду с выражениями «десятилетие бедствий», «десятилетие смуты» и — в последние годы все реже — «период феодально-фашистской диктатуры». Общая оценка выражена в них достаточно ясно, но важно, как на страницах книг изображаются отдельные ее стороны, различные этапы, судьбы и роли социальных групп и категорий людей. Необычайный драматизм этого исторического явления, его масштабность, многообразие компонентов дают простор писательской мысли, но необходимость учета официальных интерпретаций с их нередкой противоречивостью и недоговоренностью ограничивает ее полет. И оттого рассказы о том, что происходило с персонажами книг, обычно звучат более впечатляюще и убеждающе, чем размышление о причинах происшедшего, эмоциональная характеристика поступков часто преобладает над их мотивировкой. Возьмем показ возникновения хунвэйбиновщины.

Подростки с красными повязками впервые появились на улицах Пекина в середине августа 1966 г. Но, как можно видеть, в частности, из повести «С большевистским приветом», уже в июне за глухими оградями учебных заведений и учреждений повсюду развернулась их мрачная «работа», шли допросы и пытки. «Июнь 1966 года. Пламя красных повязок накаляет без того горячие молодые сердца. Рвущиеся к облакам звуки распеваемых изречений (Мао Цзэдуна) возбуждают молодежь, зовут к борьбе. На штурм, на штурм! Бей, бей! Круши, круши! Глаза горят: построим красный-красный мир! Правда, еще неизвестно, кто окажется противником. Но есть готовые ярлыки. В соответствии с ярлыком идет допрос Чжун Ичэна».

На «ярлыке» Чжун Ичэна написано «антипартийный антисоциалистический правый элемент» («ярлык» оставался, даже если «колпак правого» официально был снят). Поэтому юнцы требуют, чтобы Чжун «рассказал, как он ненавидит компартию, как мечтает вернуть утерянный рай». Он должен признать, что ждал возвращения Чан Кайши, с тем чтобы потом мстить и убивать коммунистов. Звучит коллективное чтение цитат: «Революция это не званый обед, не писание сочинений». А затем — «свист кожаного ремня, звяканье металлической цепи, пронзительный крик боли. «Говори! Говори! Говори!» — «Я люблю партию!» — «Брехня! Как ты можешь любить партию, как ты смеешь говорить о любви к партии! Ты не хочешь признать вину, ты переходишь в бешеную контратаку! А вот мы швырнем тебя на землю и наступим ногой...» Свист и звяканье, ремни и цепи, огонь и лед, кровь и соль. Чжун Ичэн потерял сознание».

Очнувшись, Чжун думает о том, что допрашивающим его лет по семнадцати — такой волнующий, такой чистый, такой симпатичный возраст, когда мечтают о революции, о справедливости, о новом мире без грязи и человеческих слабостей. Он даже повторяет принятое тогда обращение: «Дорогие маленькие застрельщики революции!» А в ответ слышит: «Ты смеешь заигрывать с нами? Вот мы заткнем твою собачью глотку!» И, снова теряя от невыносимой боли сознание, Чжун произносит вдруг всплывшее в памяти: «Бу ли!» Это распространенная в 30—40-е годы сокращенная форма приветствия, которым обменивались подпольщики-коммунисты: «С большевистским приветом!» Непонятное в то время непосвященным, оно непонятно сейчас хунвэйбинам.

Из написанного рукой мастера отрывка видно многое — горение и максимализм молодости, нередко свойственная ей нечувствительность к чужим страданиям, подогреваемая коллективной обрядностью вера в лозунги и цитаты. Ясно, что допрашивающих интересует не истина, а подтверждение справедливости заранее навешенного ярлыка. Видна полная незащитность жертвы — герой даже не пытается протестовать, жаловаться, хотя он видит, что творится незаконно. И нельзя не почувствовать, какое значение в эту тяжкую годину имеют для него воспоминания о боевой юности, озаренной светом борьбы за высокие идеалы, братства единомышленников (об этом рассказывается на других страницах повести). Но почему такое незаконное оказалось возможным, как создавалась благоприятствующая этому атмосфера, кто и с какой целью воспитывал молодежь именно в таком духе — эти вопросы как будто и не встают перед героем повести.

Невозможно поверить, что они не стояли перед ее создателем. В другой повести, «Мотылек», он показывает начало «культурной революции» через ощущения партийного работника Чжан Сыюаня. В них доминируют смутение, тревога, непонимание смысла событий, в водоворот которых он захвачен. Персонаж из древней притчи, давшей заглавие повести, не знал, то ли ему приснилось, что он стал бабочкой, то ли бабочке снится сон, что она человек. Чжан Сыюань не знает, кто же из двух настоящий — тот, кто сидел в большом кабинете, имел секретаря и охранника, или тот «буржуазный элемент и ренегат, который сносит сейчас оскорбления и побои и ходит согнувшись, с наклеенной на спину дацзыбао и вылитым за шиворот клейстером!» «Внезапность и необъяснимость происходящего», «зловещий сон, недоразумение, жестокая шутка...» — так думает в разгар событий герой повести, и это понятно, но и спустя десять с лишним лет автор не может добавить к этому что-либо.

Приходится признать, что явление хунвэйбиновщины остается в литературе не истолкованным «извне» и не исследованным «изнутри». У Фэн Цицяя есть повесть «Усыпанный цветами путь», где в центре образ хунвэйбинки, принявшей участие в избении школьной учительницы, приведем к трагическому исходу (так думает героиня). Однако внимание писателя сосредоточено на ее последующем раскаянии, стремлении искупить свою вину, вновь встать на «усыпанный цветами путь». Ни процесс формирования хунвэйбиновщины, ни духовный облик вовлеченной в нее молодежи художественного раскрытия здесь не нашли. Читатель узнает, что героиня «была использована, одурманена самыми низкими и злобными честолюбцами и заговорщиками», но не более того.

Кровавый финал хунвэйбиновщины — братоубийственные схватки между соперничающими фракциями, каждая из которых «клянется не щадя жизни защищать революционный курс председателя Мао», — в мелодраматической форме показан в рассказе Чжэн И «Клен». Двое влюбленных друг в друга молодых людей оказываются во враждебных станах. После очередного сражения группировка героини терпит поражение, ей грозит плен, но она бросает в лицо бывшему возлюбленному: «Я никогда не стану ренегаткой» — и выбрасывается из окна. Его впоследствии обвиняют в убийстве девушки и приговаривают к смерти. В этой связи группа критиков писала: «Эти картины, нарисованные кровью и слезами, возможно, будут непонятны нашему следующему поколению. Как представить себе, что в нашем социалистическом отечестве могли возникнуть подобные исторические явления, что добрые, честные, возвышенные и чистые люди могли пойти по такому невообразимому пути»⁸. Верно, но не в том ли состоит миссия искусства, чтобы помочь следующему поколению понять случившееся.

Нельзя отрицать обличительного эффекта подобных произведений, но обилие крови, страданий и смертей скорее ослабляло, чем усиливало его. Точно так же романтизированный финал и не очень правдоподобное описание гибели героя в повести Цун Вэйси «Красная магнолия у тюремной стены» вступали в художественное противоречие с сильно написанным началом, изображавшим тяжесть условий в тюрьме, где томилась в большинстве своем невинные люди. Более длительное и глубокое впечатление оставляют произведения, в которых на первом плане не драматизм ситуации сам по себе, а породившие его социальные причины и характеры участников событий.

В рассказе Хань Шаогуна «Юэлань» кульминацией можно считать известие о самоубийстве героини, женщины из бедняцкой семьи. Однако в ходе рассказа о причинах, толкнувших Юэлань на акт отчаяния, писатель на полтора десятка страниц развертывает картину жизни китайской деревни тех лет. Строжайшее регламентирование, бесправие, гнетущая бедность, подозрительное отношение властей, видящих в крестьянах потенциальный источник «реставрации капитализма». А как убедительна фигура городского паренька, присланного вершить судьбами деревни и ее обитателей, с его слепой и безжалостной исполнительностью в начале рассказа и трудным пробуждением в нем человеческих чувств в финале!

Запоминающаяся картина жизни деревни в «годы смуты» находим в одном из сравнительно удачных романов последних лет «Сюй Мао и его дочери» Чжоу Кэцзиня (по признанию китайской критики, в жанре романа сейчас куда меньше достижений,

⁸ «Вэньсюэ пинлунь», 1979, № 5, с. 39.

нежели в области рассказа, повести или очерка). Трудолюбивый и предприимчивый крестьянин Сюй Мао живет со своими многочисленными дочерьми в отдаленной сычуаньской деревне. Было у него крепкое хозяйство, полный всякой живности двор. Когда деревню кооперировали, у старого Сюя с лица «не сходила радостная улыбка»: он осваивал новую агротехнику, получал почетные грамоты. Но наступили 70-е годы, всюду зазвучали революционные лозунги, прокатились митинги, начались взаимные разоблачения и преследования, а поля тем временем зарастали сорняками, коллективное хозяйство приходило в упадок.

Изменилась жизнь вокруг Сюй Мао, переменился и он сам. Видя, как на каждом шагу извращаются социалистические принципы развития хозяйства, как изгоняются честные вожаки крестьян и их место занимают проходимцы-горлопаны, Сюй утратил интерес к общественным делам, очерствел душой, стал думать только о личной выгоде. Он не пускает в дом дочь, которую бросил муж, и даже попытался разжиться на несчастье вконец обедневшей соседки. Роман был написан до роспуска коммун и распространения «семейных подрядов» в китайской деревне, но он помогает понять, каким образом система ведения хозяйства оказалась дискредитированной в глазах крестьян, почему частнособственнические тенденции так быстро проявились.

Социалистический путь развития сельского хозяйства в романе отстает старший из зятьев Сюй, бывший секретарь партиячки Цзинь. Ни политические пертурбации, ни житейские беды не могут столкнуть его с избранного пути. В конце книги Цзинь возвращается на руководящую должность и — после утраты первой жены — заводит новую счастливую семью. Но в тот момент деревня стояла на пороге решительных перемен, о которых писатель еще не мог знать. Найдет ли Цзинь свое место в новых условиях?

Панорама жизни китайского села после 1949 г. развернута и в серии произведений Гао Сяошэна, из которых наибольшее внимание читателей привлек рассказ «Ли Шуньда строит дом». Это внешне спокойное, не лишённое горьковатого юмора повествование о том, как крестьянин-бедняк в течение нескольких десятилетий пытается осуществить свою заветную мечту — обзавестись собственным, мало-мальски приличным жилищем — и как каждый раз, когда он, кажется, близок к успеху, новая политическая заварушка разбивает его надежды. И каждый раз он, безропотно и терпеливо, вновь принимается за свое. Критика отметила, что в этом образе писателю удалось запечатлеть существенные, выработанные долгой и трудной историей, черты облика китайского крестьянина: Ли Шуньда из тех, на ком, как говорится, «держится мир». Ненавязчиво, но внятно автор проводит мысль о том, что такие, как Ли Шуньда, а их в китайской деревне множество, имеют право на лучшую жизнь, что общество находится перед ними в долгу.

Оригинальный и действенный художественный прием нашел Ван Сицзянь в рассказе «Смерть Ли Юцяя». В нем речь идет о герое знаменитой повести Чжао Шули «Песенки Ли Юцяя» (1943), балагуре и песеннике, который помогал устанавливать новые порядки в родной деревне. Ван Сицзянь как бы прослеживает его участь в последующие десятилетия. Первое время он пользовался почетом и уважением, был даже выдвинут на работу в уезд. Но вот начались преследования мнимых «уклонистов» и вслед за этим губительные для сельского хозяйства «эксперименты». Ли Юцяй, как в былые годы, вступился за правду, поддержал своим авторитетом оклеветанных, разоблачил махинации с мнимыми рекордами. Однако времена уже переменялись, и он слышит из уст бессовестного карьериста страшные при всей их вздорности обвинения: «вонючий интеллигент», «выступает против партии и социализма». Бывшего пастуха отправляют обратно в деревню на «трудовое перевоспитание», запрягают сочинять частушки. В финале рассказа, уже в дни «культурреволюции», жестоко избитый Ли Юцяй лежит в коровнике и размышляет вслух. На его взгляд, корень зла в том, что «по недосмотру» к власти в уезде пробрались негодные люди. От малограмотного деревенского активиста, может быть, и трудно ждать более глубокого объяснения — жаль, что писатель его не корректирует.

Рассказ Ван Сицзяня завершается описанием мученической смерти создателя образа Ли Юцяя, истинно народного художника Чжао Шули. О гибели честных людей как самом вопиющем проявлении несправедливости и жестокости, особенно характерном для начального периода «культурной революции», говорится во многих произведениях.

Наш век, по-видимому, трудно поразить изображением зверских пыток, и все равно вызывают содрогание сцены расправы над оклеветанным партийным работником в рассказе писателя из Внутренней Монголии Юнь Чжаогуана «Перед рассветом». Когда оказались бессильными все, средневековые и «современные», способы мучительства, отказывающемуся «признаться» герою вырезают язык, засыпают горло горячей золой и забивают гвозди в череп... Наверное, эта жуткая сцена взята из действительности. И все же самое большое впечатление оставляют, пожалуй, не рассказы, а документальные репортажи об участии репрессированных руководителей партии и государства, опубликованные после их посмертной реабилитации.

«Последние двадцать семь дней» — так названо повествование о конце жизни бывшего председателя КНР, а тогда, в 1969 г., номерного «политического преступника»

Лю Шаоци⁹. Если бы не встречающиеся то и дело явно не придуманные подробности, репортаж мог бы показаться подражанием какому-то мрачному детективу. Недвижимого, потерявшего сознание старого человека зачем-то перевозят из столичной тюрьмы в город Кайфэн, за многие сотни километров, и прячут во внутренний двор дома собрания народных представителей. Там, отрезанный от всего мира, лишенный квалифицированной медицинской помощи, доживал свои последние часы Лю Шаоци. А после смерти его, обмотанного марлей, с надписью «острозаразный больной», под покровом ночи отвезли в крематорий. И сильнее патетических слов, инвектив и сожалений действует приведенная в репортаже деталь: предназначенный для транспортировки тела джип оказался мал, и ноги покойного главы государства высовывались из кузова...

После объявления о реабилитации Лю Шаоци, как и другим видным деятелям, посвящались восхваления в стихах и прозе, нередко занимавшие десятки журнальных страниц. Но еще больше восторженных слов было обращено к человеку, при жизни малозаметному и лишь спустя четыре года после гибели обретшему всекитайскую известность. Это Чжан Чжисинь, сотрудница Шэньянского горкома КПК, казненная в 1975 г. за высказывания, расцененные как «нападки на культурную революцию» и некоторых ее руководителей. Из множества очерков, стихов, пьес, публиковавшихся в 1979 г. едва ли не всеми журналами и газетами, вырисовывается удивительно цельный и чистый облик героини. Чжан Чжисинь не раз в своей жизни оказывалась перед необходимостью делать выбор. Она могла колебаться, испытывать сомнения, но, когда выбор был сделан, ничто не в состоянии было совлечь ее с намеченного пути. Последним ее выбором было: признать справедливость и обоснованность всего, что творилось под знаменами «культурной революции», согласиться с явным извращением истории партии, с расправами над ее преданными сыновьями — или возвысить голос в защиту истины. Она выбрала второе. И хотя ее голос звучал лишь за стенами тюрьмы, палачи сочли необходимым перед казнью перерезать ей голосовые связки.

Чжан Чжисинь, получившую музыкальное образование и одно время работавшую в Институте русского языка, по праву можно считать достойной представительницей китайской интеллигенции, принявшей на себя главный удар «культурной революции». Ее «хождение по мукам» запечатлено в биографических, очерковых, мемуарных, эссеистических произведениях, во множестве публиковавшихся в первое время после волны реабилитации; собранные воедино в одном из томов «Энциклопедии новой литературы и искусства Китая (1976—1982)».

Вот всемирно знаменитая писательница Дин Лин рассказывает о том, как ее содержали под круглосуточным наблюдением в одиночном «коровнике» («коровники» именовались помещения, куда без суда и следствия заключали «чуждиц с бычьими головами», то есть интеллигентов). Рядом, в «большом коровнике», заключен самый близкий ей человек (он обозначен инициалом, но понятно, что речь идет о Чэнь Минь, муже Дин Лин). Рядом — и бесконечно далеко, ибо не только перемолвиться, даже взглянуть друг на друга строжайше запрещено. Муки одиночества, без единой книги, без клочка бумаги, жалкий быт, грубость надзирательницы — и вдруг чудом дошедшая записка от супруга, искорка света и надежды в долголетней ночи...

Другая писательница и переводчица, Ян Цзян, в небольшой книге «Шесть записок о школе кадров» рассказывает об одной из пресловутых «школ 7 мая» — фактически трудовых лагерей, куда в массовом порядке отправлялись на «перевоспитание» интеллигенты и кадровые работники. Книга написана в спокойной манере, в ней нет драматизации — скорее наоборот, по прошествии десяти лет автор порой с горькой улыбкой вспоминает детали быта прошедших дней. Но эта манера лишь оттеняет трагическую нелепицу происходящего: лучшие умы и таланты, столь необходимые стране, загнаны в глухие деревушки и годами занимаются сбором навоза, выращиванием овощей для скудного пропитания, навсегда, как им казалось, лишенные права на творческий труд и возможности общаться с родными и коллегами. Возвращаясь к «Шести запискам о школе кадров» в связи с публикацией сходной по содержанию книги известного драматурга Чэнь Байчэня «Отрывочные воспоминания о Юаньмэне», рецензент приходит к выводу, что «самым главным негативным результатом культурной революции было попрание интеллекта и достоинства человека», и приглашает прочесть эти книги «тех товарищей, которые не подвергли полному отрицанию десятилетие бедствий»¹⁰.

Особо следует сказать об образах тех так называемых простых людей, которые не поддались насаждавшемуся в стране психозу, не утратили своих человеческих качеств и не лишились способности к здравым суждениям. Школьный дворник Ши Ихай, герой повести Лю Синью «Исполнение желаний», которого окружающие считали политически отсталым туподумом, в годы испытаний бесстрашно и бескорыстно дарит свою доброту людям — будь то обделенная судьбой бывшая княжна или жертвы произвола, мнимые «каппутисты» и заговорщики. Старый рабочий Пань из рассказа Ли Чжуня «Манго» поначалу как бы по инерции сторонится политических шахрахов и искусственного ажиотажа, а затем приходит к осознанию нелепости дове-

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 20.V.1980.

¹⁰ «Гуанмин жибао», 31.I.1985.

денного до предела культа личности. Глубоко привлекательные образы таких тружеников свидетельствуют о неизменной вере писателей в душевное здоровье народа, которое в конце концов должно победить все наносное и чужеродное.

Разумеется, в смутные времена сильными, удачливыми личностями казались другие, такие, как Цзя Дачжэнь, главный инквизитор в «Крике». По характеристике автора, он «сметлив, пронырлив, ловок, осторожен», но эти свои качества употребляет исключительно во вред людям. В повести не говорится о его дальнейшей судьбе, однако читателям известно, как часто при очередном политическом зигзаге подобные персонажи вылетали из седла. Уж на что изворотлив, беспринципен и угодлив литератор-карьерист Чжуан Чжоу из сатирической повести Чэнь Мяо «Неофициальная история крупного писателя» (это один из редких и к тому же удачных образов сатирического жанра в литературе «дум о пережитом»), но и его, процветавшего при «четверке», в итоге ждет разоблачение и наказание. Впрочем, верный правде жизни, ныне покойный автор повести предупреждает, что люди, подобные Чжуан Чжоу, вовсе не считают свою карьеру конченной; и в новых условиях они будут всеми способами лезть вверх, изображая себя при этом жертвой произвола.

Когда в печати после 1980 г. начались разговоры о слишком мрачных произведениях, «обращенных назад», которые-де проповедуют «непредсказуемость судьбы» и потому нехорошо воздействуют на читателя, у Ба Цзиня вырвался крик души: «Неужели все, что я пережил за одиннадцать лет, кем-то придумано? Разве опустошительное бедствие, перенесенное писателями и художниками, всего лишь мираж?.. Мы, пострадавшие, должны описать то, что творилось в то мрачное время, и оставить потомкам правдивый материал для вынесения приговора и написания истории эпохи... Неужели «смотреть вперед» означает, что мы должны забыть о пережитой боли, что наши раны должны продолжать гноиться?»¹¹

Теперь можно констатировать, что призыв патриарха современной литературы был услышан. Писатели и поэты оставили в своих творениях «правдивый материал о мрачном времени», обладающий незаурядной гражданской и человеческой ценностью. Он свидетельствует о том, что «пережитая боль» не забыта и что «пострадавшие» нашли в себе духовные силы возвысить голос боли и протеста. Бесспорно, что многие из произведений, представляющие собой «думы о пережитом», относятся к числу самых заметных достижений литературы прошедшего десятилетия.

Большая их часть создана в 1979—1980 гг. В последующие два-три года события периода смуты все чаще уходили на периферию повествования, подавались как факт биографии того или иного персонажа. Сама по себе оценка этого периода не претерпела принципиальных изменений, но часть писателей стала высказываться в том смысле, что, как бы ни были тяжелы перенесенные испытания, они сослужили и добрую службу — позволили приобщиться к жизни рядовых тружеников, узнать реальную действительность с таких сторон и так глубоко, как это вряд ли удалось бы в других обстоятельствах. Соответственно в их произведениях больше места уделялось встречам с хорошими людьми из народа, сочувственно относившимися к невинно пострадавшим, сценам взаимопомощи и моральной поддержки. Большим вниманием у ряда авторов стала пользоваться природа отдаленных мест, где им пришлось поневоле побывать, своеобразие нравов и образа жизни их обитателей.

Отнюдь не подвергая сомнению искренность писателей, необходимо все же сказать, что отмеченные выше настроения возникли в то время, когда печать призывала реже «оглядываться назад», меньше акцентировать мрачные стороны прошлого. Также вряд ли случайным является тот факт, что в 1984 г., после того как была провозглашена задача «полностью отвергнуть культурную революцию», повышенным (и заслуженным) вниманием и издателей, и критики стали пользоваться произведения «о пережитом», причем трагедийного плана. Это прежде всего очень сильная повесть Ли Цуньбао «Девятнадцать могил в горах», действие которой происходит в 1969 г. на строительстве военного объекта (как выясняется, совершенно бесполезного). Столкновение чувства партийного долга и честолюбия, честности и подозрительности, доверчивого энтузиазма и бездушного карьеризма заканчивается гибелью в результате преступной халатности ответственных лиц целой группы бойцов и вынужденным прекращением работы. Печальным финалом завершается и плохо подготовленная экспедиция в глубь острова Хайнань группы сосланной туда «грамотной молодежи», которая изображена в повести Кун Цзэшэна «Большие джунгли». В этот же ряд можно поставить и новую повесть Чжан Сяньляна «Деревня Люйхуашу» с ее впечатляющим изображением условий жизни в исправительно-трудовом лагере начала 60-х годов.

Очевидно, прав был Фэн Цициай, поставивший эпиграфом к «Крику» такие слова: «Пока явления, мешающие обществу прогрессу и отравляющие жизнь, глубоко не познаны и до конца не искоренены, пока из них не извлечен урок и остается возможность их повторения — до тех пор произведения, подобные этой повести, не могут быть бесполезными, и появление их неизбежно»¹².

(Окончание в следующем номере)

¹¹ Энциклопедия новой литературы и искусства Китая, т. «Публицистика» (на кит. яз.), Пекин, 1984, с. 67.

¹² Современная китайская проза. М., 1984, с. 133.

Труд ученого, талант поэта

Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР

Книга эта называется «Китайская классическая поэзия». В ней собраны стихотворения старых китайских поэтов, переведенные Л. Эйдлиным за многие годы.

История книги: в 1949 г. в переводе Л. Эйдлина вышел сборник четверостиший прославленного поэта Бо Цзюйи (772—846). Книга привлекла к себе внимание и личностью китайского поэта, и новизной перевода, что было отмечено, в частности, в рецензии, опубликованной в «Новом мире». Как пример чистоты языка и поэтического лаконизма рецензент привел стихотворение «Снежной ночью в деревне»:

Окно на юг —
сичу спиною к лампе,
Под ветром хлопя
кружатся во тьме.
В тоске, в безмолвье
деревенской ночи
Отставший гусь
мне слышится сквозь снег.

Сборник стихотворений Бо Цзюйи, видоизменяясь и дополняясь новыми переводами, выдержал пять изданий. Так наш читатель знакомился с замечательным творчеством одного из самых великих создателей китайской поэзии времени государства Тан (618—907), узнавал проникновенную, мудрую лирику поэта, а также и поразительные, встревожившие совесть современников обличительные стихи его о страданиях крестьян:

Подошвы им ранит
дыханье земли горячей.
Им спины сжигает
огонь палящего неба.
В труде непрестанном,
как будто им зной не в тягость.
Вздохнут лишь порою,
что летние дни так долги...

Наш читатель узнал и о стыде чиновника-поэта, безбедно живущего за счет страданий и лишений крестьянина:

Задумаюсь только,
и мне становится стыдно,
И после весь день я
не в силах забыть об этом.

Напомним, что Л. Эйдлину принадлежат сборники переводов стихотворений другого крупнейшего поэта древности Тао Юаньмина (365—427), благодаря которому в Китае открылась возможность невиданного развития стихотворчества. Средствами русского языка были выражены смятение поэта, тяга его к простой жизни, свободной от условностей и лжи существования чиновника:

Я поставил свой дом
в самой гуще людских жилищ,
Но минует его
стук повозок и топот коней.
Вы хотите узнать,
отчего это может быть?
Вдаль умчишься душой,
и земля отойдет сама.
Хризантему сорвал
под восточной оградой в саду,
И мой взор в вышине
встретил склоны Южной горы.
Очертанья горы
так прекрасны в закатный час,
Когда птицы над ней
чередою летят домой!
В этом всем для меня
заклучен настоящий смысл...

Когда эта статья была подготовлена к печати, пришла скорбная весть о внезапной кончине крупного советского ученого, доктора филологических наук, профессора Льва Залмановича Эйдлина.

Я хочу рассказать,
и уже я забыл слова...

Строки из этого знаменитого стихотворения скрытыми цитатами содержатся во множестве произведений последующих китайских поэтов. Стихотворение сосредоточило в себе главную идею поэта, которая переводчиком мастерски передана во всей строгой ясности ее.

Кроме объединенных в отдельный сборник стихотворений Тао Юаньмина и Бо Цзюйи, Л. Эйдлин публиковал в журналах переводы стихотворений китайских поэтов разных времен с сопровождающими статьями. Теперь все это собрано в книге «Китайская классическая поэзия», вышедшая вторым, значительно дополненным изданием (М., 1984).

Книга открывается «Девятнадцать древними стихотворениями» начала нашей эры. Уже в этих стихотворениях развита основная тема китайской поэзии — кратковременность человеческой жизни и вечное существование природы:

Вечно зелен, растет
кипарис на вершине горы.
Недвижимы, лежат
камни в горном ущелье в реке.
А живет человек
между небом и этой землей
Так непрочно, как будто
он странник и в дальнем пути.

Представлена тема постижения души человека, который вбирает в себя краски внешнего мира и обогащает их своей удивительной самобытностью. Развита и тема нравственности, верности в дружбе, с редкой силой изображенная Тао Юаньмином, верности в любви, позднее продолженная с особой виртуозностью в стихах жанра «цы».

В книге переводов Л. Эйдлина между стихотворениями Тао Юаньмина и Бо Цзюйи расположены стихотворения Мэн Хаожаня (689—740). Открытость чувств, тонкое восприятие природы, довольство малым в уединенной жизни, добрый взгляд на человека отличают этого поэта и в больших его стихотворениях, и в характерных для танской поэзии четверостишиях.

Направили лодку
на остров, укрытый туманом.
Уже вечерет —
чужбиною гость опечален...
Просторы бескрайни —
и снизилось небо к деревьям.
А воды прозрачны —
и месяц приблизился к людям.

«Из разных поэтов» — последний раздел книги, вместивший сорок одно стихотворение двадцати трех поэтов разных времен от глубокой древности до XIII в., времени Сунского государства.

Таким образом, «Китайская классическая поэзия» дает возможность нашему читателю узнать определенную часть многовековой китайской поэзии. И не просто узнать, а прочитать китайские стихи в наибольшем к ним приближении. Прочитанные мною переводы Л. Эйдлина сами свидетельствуют о высокой поэтичности, об органическом включении их в русскую поэзию.

Как историк китайской литературы, способный сверить переводы Л. Эйдлина с оригинальным иероглифическим текстом подлинника, вижу верность логическую, и в лучшем смысле этого слова — буквальную: под русские слова легко подставляются китайские иероглифы, выбор же русских слов превосходен. И с синологической точки зрения могут оценить глубину понимания Л. Эйдлиным сложных китайских текстов, наполненных историческими и литературными реминисценциями.

Обратим внимание на замечание Л. Эйдлина: благодаря отсутствию «жесткого крепления» в иероглифе, то есть благодаря наполненности его не одним, а многими словами, способными соответствовать выражаемому им понятию, переводить китайскую поэзию, как может показаться, легче, чем любую другую. Вся трудность в том, чтобы научиться читать ее, шагнуть за иероглиф и войти в многослойную толщу культуры прошедших тысячелетий и проникнуть в слово и мысль поэтов, душа которых продолжает жить и в этих переводимых тобою стихах.

Странным, быть может, покажется утверждение, что переводчик должен знать прежде всего родной свой язык, владеть им в той мере, в какой владеют лучшие из пишущих на его языке. Гёте принадлежит следующее высказывание, что кто не знает чужих языков, не имеет понятия и о своем. Могут сказать, что это недостижимый эталон. Возможно, но эталон все же останется. Мы знаем, что существуют замечательные переводы Пушкина, Лермонтова, Жуковского... Достоин сожаления, что в действительности мы сталкиваемся с переводами, словарный запас которых крайне скуден, а чувство стиля настолько примитивно, что сопоставить это с текстом классиков просто невозможно. Впрочем, понять это не так уже трудно: слишком много было бы гениев — Пушкинных, Лермонтовых, Маяковских, Есениных. Вспомним, кстати, как Есенин мечтал перевести стихи поэтов Грузии и не перевел ни строчки. У него есть такое имеющее прямое отношение к нашему предмету высказывание: «В мире важен беззначный язык,

потому что у прозревших слово есть постижение огня над ним. Но для этого нужен тот самый дар, при котором Гёте, не обладая швабским наречием, понимал Гебеля без словаря... Слово, прорывающее подпокрышку нашего разума, безлично. Оно не выписывается в строку... оно невидимо присутствует... Надо учиться понимать это присутствие».

С чувством сожаления приходится признать, что существует множество переводов, словарный запас которых крайне скуден, чувство стиля, увы, далеко от идеального. В результате переводы эти выглядят бледной немочью среди лучших образцов литературных произведений на родном языке переводчика.

Словом, дело в степени владения языком, родным прежде всего. И в том, что идеалом остается ликвидация подстрочников и овладение языком оригинала.

Нужно ли напомнить здесь, что многие великодушные поэты прекрасно переводили со многих языков, которыми не владеют. Но владение языком — понятие относительное. Хороший поэт и прекрасный переводчик поэзии вовсе не должен владеть языком в его разговорной форме. Поэт Аугуст Санг, изумительный переводчик Гёте, Гейне, Некрасова, Твардовского, не мог свободно изъясняться ни по-немецки, ни по-русски, хотя очень хорошо знал эти языки. Более того, он оставил нам редкостные переводы В. Незвала с чешского языка, которого эстонский поэт не знал вовсе. Он сам делал для себя подстрочник с помощью словарей, грамматик и переводов на другие языки. Матс Траат выпустил сборник стихов другого большого чешского поэта Й. Волькера, переводы которого также выполнены с помощью собственных подстрочников.

Все это, разумеется, так. Но здесь мы по-прежнему имели дело с прекрасным владением родным языком — главным инструментом литературного перевода.

Л. Эйдлин переводит не с подстрочника, а непосредственно с китайского поэтического оригинала. Он блестяще владеет иероглифическим текстом старой и новой поэзии. В этом — огромное его преимущество перед теми, кто переводит (с любого языка, часто не зная ни одного!) с чужого подстрочника, то есть буквального, мертвенно точного перевода.

Кому-то принадлежат слова, что перевод с подстрочника подобен «двухступенчатой ракете», которая вряд ли способна подняться и вывести на орбиту первоначальный замысел писателя. Ибо такой перевод — механистичен по своей сущности. В нем утрачивается, не находит выражения природа взаимосвязей, двуединое начало динамики: ритмико-фонетического движения поэтической речи и логического движения мысли, образующее истинный язык поэзии. Художественный перевод не равнозначен простой передаче смысла текста, не технический процесс, но творчество, искусство слова.

И здесь мне хотелось бы привести наш разговор с известным французским литературоведом Ивом Гандоном, одно время председателем Международной ассоциации литературных критиков.

— История «Павильона невозвратных услад», — сказал Ив Гандон, — одна из самых необычайных в современной поэзии. Она заслуживает того, чтобы рассказать о ней. Пять французских издателей поочередно опубликовали это сочинение, которое завершилось выходом в свет двухтомного издания. Я говорю о «Павильоне невозвратных услад» в переводе с китайского на французский...

— Вы владеете китайским языком, иероглификой? — спросил я собеседника.

— Что вы, понятия о них не имею. Но разве в этом дело?

— А в чем же, если мы говорим о китайской поэзии и ее переводе на французский?

— Помните шутку сатирика: он говорит на нескольких иностранных языках, а один даже понимает. Единственный язык, который я понимаю, французский.

— А с других просто переводите?

— Нет, я оказался переводчиком с китайского. Собственно, я сам это придумал. Тут мне помогло мое воображение. Разве вы против?

— Пока что я не знаю, против чего мне, собственно, быть.

— Так, прошу вас, выслушайте меня. Буду с вами предельно откровенен. Иначе вы тотчас почувствуете неискренность и обличите меня... Речь, ведь, идет о «переводе с китайского»...

Дело в том, что перевод, впервые появившийся ограниченным тиражом в 1942 г. в издательстве Жака Омона, не содержал имя переводчика, и можно было подумать, что умолчание оправдывалось обстоятельствами того времени. Лишь краткое примечание в конце книги было посвящено китайскому автору Цинг Пан Янгу... И представьте, наша просвещенная критика сразу же отнесла его к разряду крупнейших величин в мировой поэзии... Представьте себе, автор статьи в «Фигаро», в то время нашедший себе прибежище в Лионе, утверждал, что по силе художественной выразительности произведение это можно сравнить лишь с «Песней песней». А Леон-Поль Фарг опубликовал статью под названием «История любви», вошедшую затем в книгу «Волшебный фонарь» (издательство Орбера Лафона, 1944)...

— Но ведь это, кажется, авторитетные литературные критики?

— Еще бы! Послушайте, что писал в своей статье Леон-Поль Фарг: «Не имеет ли здесь место литературная мистификация? Вопрос этот напрашивается. Но нет, открывая книгу наугад, находишь такие строки, которые, бесспорно, являются воплощением истинной поэзии. Правда, усомниться заставляет и то, что это не похоже на перевод... Но почему бы не поверить, что мы имеем дело с замечательно удавшимся переводом?». В «Павильоне невозвратных услад» необычайно гармонично сочетаются интел-

лектуальность, романтизм и чувственность. Китаеведы скажут вам, что все эти черты делают Цинг Пан Янга фигурой, совершенно необычной в литературе его страны. Что касается меня, то мне не приходилось читать ни на одном языке, даже на французском что-либо похожее. Это сконцентрированные в единое целое Ламартин и Сент-Аман в сочетании с тонкостью «Галантных празднеств» Верлена... Мы, французы, так созданы: с одной стороны, патетика, трагическая любовь, с другой — изящные пустяки. Печаль «Олимпико», «Озер», «Ночей» Гюго, Ламартина, Мюссе и в то же время тайные литографии Деверья и Анри Монье. В китайском «Павильоне невозвратимых услад» осуществлен такой же синтез. Но что же это, в конце концов, такое, этот драгоценный томик?»

Мой собеседник передохнул, перелистал свои записи и продолжил:

— В мае 1943 г. Жак Омон издал новую брошюру того же автора под названием: «Терраса отчаяния» со следующим «Предисловием издателя»: «Успех, которым пользовался у публики «Павильон невозвратимых услад» Цинг Пан Янга, побудил нас опубликовать сегодня «Террасу отчаяния» того же автора. Это поэма в диалогах составляет, по сути, часть того же сентиментального цикла. В ней снова появляется Чистая Жемчужина — вдохновительница нежных элегий, о которых такой непогрешимый судья, как Леон-Поль Фарг, сказал, что ни на одном языке, даже на французском, он не читал ничего, что могло бы с этим сравниться.

Интерес, вызванный Цинг Пан Янгом, заставил нас обратиться к переводчику с просьбой написать более полную биографию поэта по сравнению с той, которая была опубликована в приложении к «Павильону невозвратимых услад». В этой новой биографии содержатся не только важные сведения, но и ряд отрывков из различных произведений автора, не издававшихся на французском языке».

Отпив кофе, Ив Гандон продолжал с прежней увлеченностью:

— В декабре того же года тот самый издатель выпустил в свет третью брошюру под названием «Грезы о божественных императорах». В нее вошли двенадцать новых стихотворений. Книга вышла с предисловием, в котором, между прочим, говорилось: «Мы думали, что цикл о «Чистой Жемчужине» завершился публикацией «Павильона невозвратимых услад» и «Террасы отчаяния». Поскольку у нас не было возможности заниматься изысканиями в крупных китайских библиотеках, мы не надеялись на новые открытия. Однако сам случай решил иначе. Наш друг — известный португальский китаевед Антонио де Сильва Нуньес, вернувшийся из Макао в апреле этого года, сразу же после возвращения сообщил, отвечая на вопросы редактора «Диарио де Нотиснаш», о своем намерении опубликовать перевод неизданных стихотворений Цинг Пан Янга. Он читал эти стихи в журнале «Цие Цин», где они появились в двух циклах. Один из них назывался «Грезы о божественных императорах», другой — «Дыхание восточного ветра».

После небольшой паузы, мой собеседник продолжал:

— Отмечу сразу же, что двенадцать стихотворений принадлежат тому же автору, который написал «Павильон невозвратимых услад». Если в «Грезах о божественных императорах» имя Чистой Жемчужины не названо, то в пятой и шестой «грезах» есть достаточно ясные намеки на нее. С другой стороны, в «Дыхании восточного ветра» в стихотворениях, озаглавленных «Две записи при восходе солнца» и «На краю света», говорится о ней же...

Между тем имя переводчика оставалось по-прежнему нераскрытым. Тайна частично прояснилась лишь в сентябре 1946 г., когда Марсель Любино выпустил в свет роскошное издание «Павильона», дополненное семью неизданными стихотворениями, с иллюстрациями Сильвана Соважа. На титульном листе значилось имя переводчика Ива Гандона.

— Все тайное становится явным, рано или поздно. Не так ли?

— Однако полностью загадка эта раскрылась в сентябре 1947 г., когда в издательстве Робера Лафона вышел том «первого коллективного издания стихотворений, написанных Цинг Пан Янгом в честь „Чистой Жемчужины“». Вступление Ива Гандона к настоящему сборнику, говорилось в книге, рассеет последние сомнения. Библиография изданий «Павильона» по сегодняшний день завершается еще двумя изданиями: одно выпущено Анри Вилькоком, другое — роскошное издание, иллюстрированное оригинальными акварелями вьетнамского художника Вьет Хо, — вышло под редакцией Ланов де Тартас в издательстве Ромбальди. В первом томе настоящего издания помещены стихотворения цикла «Чистой Жемчужины», кроме «Террасы отчаяния», которая, как обещалось, будет опубликована во втором томе вместе с полной библиографией Цинг Пан Янга (жизнь и творчество). В заключение надо сказать, что, находясь в прошлом году в Тайбэе, я встретился с профессором университета, знатоком китайской литературы, который рассказал, что, не имея возможности вследствие «распада бывшей «Небесной Империи» (Китая) найти подлинных произведений Цинг Пан Янга в 1971 г. и не сомневаясь в добросовестности переводчика, он занялся в том же году переводом их с французского языка на китайский (вэньян).

Ив Гандон, казалось, рассказывал не без личного удовольствия, поглядывая, однако, на своего собеседника.

— Я был Цинг Пан Янгом, китайским поэтом, — продолжал он, — это не игра слов, и меня огорчило бы, если бы это утверждение заставило кого-нибудь пожать плечами. Объясняю, в чем дело. Это было зимним вечером, еще до катастрофы в 1940 г.

Я только что пришел к моей приятельнице, которая лет пятнадцать назад была хороша так, как только может быть хороша женщина. К тому же ее красота, подобно дому, который еще не развалился, ни в чем не поддавалась разрушительному влиянию времени. В ее удивительных зелено-золотистых кошачьих глазах сверкали иногда живые огоньки. Н. была моим другом. Она много любила, много страдала... Ее квартира была наполнена опьяняющим запахом, возрождавшим для нее прошедшие времена, и этого было теперь достаточно для ее испепеленного сердца. Не вкусив сумеречных наслаждений «верного и могущественного опнума», которые предлагала мне Н., я, как только вошел к ней, с тайным сладострастием вдыхал глубокий аромат. Н., одетая в просторное китайское платье из шелка багряного цвета, приняла меня, лежа на диване. Рядом с ней под безглазым взором большого эбенового Будды, стоял поднос с лампой, палочками и серебряным горшочком, из которого она тянула коричневатую клейкую массу через длинную трубку с нефритовым наконечником. В тот вечер она была не одна. Рядом с ней на диване, опираясь на локти, полулежала молодая женщина в китайском платье из белого шелка и медленно посасывала свою трубку. Сделав глубокую затяжку, незнакомка закрыла глаза, и ее голова запрокинулась на лакированный деревянный брусок — один из тех, которые заменяли подушки в «Небесной Империи». Затем глаза ее медленно приоткрылись, и она взглянула на меня с грациозным удивлением.

Милая Н. представила нас друг другу. Она курила свою десятую трубку и снова вернулась к своим грезам, где я был, наверное, каким-то отдаленным и хилым персонажем. Она снова принялась растирать шарик наркотика концом своих палочек подобно тому, как каменщик приготавливает себе раствор, и больше не обращала на меня внимания.

Я сел на край дивана и смотрел на молодую женщину в белом платье, которую я назову, если хотите, Орианой. Я смотрел на нее, и мне казалось, что я узнаю ее. Она была миниатюрной брюнеткой, исполненной грации, присущей очень молодым китайцам. У нее были небольшие изящные руки и ноги. Миндалевидные глаза, рот, подобный вишне, матовый и золотистый цвет кожи завершали иллюзию... Мы улыбнулись друг другу, она протянула мне руку, и я поцеловал эту руку, похожую на цветок... Мы уже были друзьями и более чем друзьями... Ориана рассказала мне вполголоса о том, как она познакомилась с Н. в Сайгоне, как после своего замужества жила в колонии уже около пяти лет. Почему она была несчастлива в замужестве? Об этом слишком долго пришлось бы рассказывать...

Ив Гандю снова прикоснулся к чашке кофе, который уже успел остыть.

— Вы поэт? — спрашивала она меня. — Это чудесно. Взгляд Орианы глубоко проникал в мои глаза. В глубине ее бездонно черных очей иногда мелькало странное зеленое сияние. Над таившейся в них нежной тайной трепетали, как стрекозы, длинные ресницы, и за их шелковистой завесой, в глубине блестящего зрачка, я с невыразимым чувством видел точно такую же сцену, которую я переживал в это мгновение, но ее герои отличались от нас с Орианой.

— Вы были разочарованы?

— Это были молодой человек и молодая женщина «Небесной Империи». Они любили друг друга, говорили о своей любви, и вдруг я услышал их слова, и благодаря феномену, который я не берусь объяснить, я стал тем, кто говорил в зрачке Орианы, как если бы исчезли пространство и время, а я чудесным образом изменил свою телесную оболочку.

И поразительное это приключение продолжалось. Через несколько часов я переводил, подчеркиваю, с китайского оригинала — то есть с моего собственного текста, написанного в другой жизни, — «Встречу поэта с Чистой Жемчужиной». На следующий день я снова увидел Ориану. Она прочла мой перевод и почувствовала столь сильное волнение, что чуть не лишилась самообладания. Она тоже узнавала себя, называла меня «Цинг» и «мой дорогой господин».

— Вы, кажется, были счастливы?

— Каждый день рождался стихотворения, находившиеся в моей памяти, что и говорить, как обломки в глубине вод. Они возникали без видимого усилия, и Ориана, снова ставшая Чистой Жемчужиной, читала их, рыдая, задыхаясь от горя и любви... Но наступило неизбежное. Так же как в нашей китайской жизни после месяца хрупкого счастья, мы были разлучены. Сайгонский супруг, хоть он и пренебрегал своей женой в течение нескольких лет, был взбешен тем, что она живет в Париже. Он хотел, чтобы она жила в заточении у его родителей где-то на берегу Роны. Она должна была уехать. Я остался один и, терзаемый горем, продолжал переводить стихи, продиктованные мне тем, кем я был полвека назад на другом конце земли, — стихи, составившие «Павильон невозрастных услад»...

— Но ведь это иллюзия?

— Извините, это не так. Однажды я снова увидел Ориану в Лионе несколько месяцев спустя. Ее бдительно охраняла семья, и наша встреча была краткой. Она, казалось, подчинилась своей судьбе, восстать против которой у нее не было ни мужества, ни сил. Она вернулась в Индокитай, и я никогда не узнал, был ли ее конец столь же трагичен, как финал «Террасы отчаяния»...

— Позвольте, но все это кажется невероятным...

— Некоторые сочтут, конечно, что я рассказываю сказку и что поэмы Цинг Пан Янга, так же как и существование самого поэта, были порождены грезами опиума. Я отвечаю им на это, что мне отвратительны наркотики и я запрещаю себе прибегать к ним. Но почему бы, скажите на милость, поэт XX в. не мог бы стать новым воплощением поэта XIX в.? Почему вам трудно поверить, что Бодлер был бы Морисом Сэвом, что в Верлене жила душа Вийона, что в Мольере воскрес Плавт или в Шекспире Аристофан? Мы ничего не знаем о переселении душ, а отрицать его так легко!

— Но это уже чистая фантазия...

— Не стану спорить о том, что для меня ясно. Моя роль ограничивается переводом текста, автором которого я сам был в другое время и в другом обличьи... Позволю себе лишь добавить, что, наблюдая мужчин и женщин, жалкую любовь Запада и то состояние мира, где протекает моя новая жизнь, я безутешно сожалею о том времени и о том своем воплощении, которые навсегда исчезли...

Движимый этим убеждением, я сочинил биографию Цинг Пан Янга. Согласно моим представлениям, Цинг Пан Янг родился в Учане, столице провинции Хубэй, в 1855 г. Он был первым ребенком мужского пола у мандарина пятого ранга, и его отец, узнав о том, что у него родился сын, от радости задохнулся и умер... В семь лет Цинг уже декламировал наизусть обширные выдержки из «Шицзин» («Книги песен»), одной из тринадцати классических книг Китая. В десять лет он достаточно владел китайской грамотой для того, чтобы сочинить небольшое стихотворение, названное «Луна над пагодой», которое привело в восхищение ученых мужей из Академии Ханьлиня, самой древней китайской академии.

Четыре года спустя Цинг получил звание сюэца, то есть литературную степень, соответствующую степени европейского бакалавра. Еще через два года он стал кандидатом наук, затем цзинши — доктором наук... В 1875 г. он написал и опубликовал свое первое лирическое произведение «Наброски, сделанные в саду у зеленой беседки», в которое вошли сорок стихотворений. Императору его времени, знатоку поэзии, они так понравились, что он пригласил поэта ко двору и дал ему звание секретаря бюро императорских декретов. Благополучие Цинга казалось упроченным. Но император умер через два года от оспы, и молодой поэт, равнодушный к официальным почестям, вернулся в свое скромное жилище в окрестностях Пекина. Вскоре он женился. Как это обычно водилось в Китае, он увидел свою жену в первый раз во время свадебной церемонии. Она совсем не понравилась ему. Но вскоре она родила ему сына, и он воспользовался этим для того, чтобы отослать ее к своей матери в Учан. С тех пор Цинг мог посвящать все свое время поэзии. В 1880 г. его сборник «Дни без аромата и ночи без луны» окончательно упрочили известность поэта. Это — сюнта элегий на темы одиночества, где поэт призывает идеальную возлюбленную, во встрече с которой отказала ему судьба. Он сам над собой смеется и уверен в том, что никогда не встретит ее. Но судьба любит противоречить лирическим поэтам, чтобы сделать их великими. Однажды, переходя мост Двух фениксов в Пекине, он встретил молодую женщину, которая обмахивалась веером, сидя в палонкине. Она была прекрасна и печальна. Цинг тотчас же подумал, что встретил в ней родственную душу, о которой до сих пор тщетно мечтал и писал во множестве своих стихов. Ее звали Чистая Жемчужина, ей было девятнадцать лет, и она была первой женой мандарина Ли Пи Ю. Этот воин сражался в пограничных краях. Встречи у моста Двух фениксов возобновились. Эти встречи Цинга и Чистой Жемчужины стали поводом для создания стихов, составивших «Павильон невозвратимых услад», который считается лучшим вкладом Цинг Пан Янга в китайскую поэзию. Для них характерен романтизм, отмеченный чувственностью, который делает поэта единственным в своем роде в поэзии своей страны. Ни один китайский поэт не ушел так далеко в описании любовной страсти и ее чувственных проявлений, соблюдая в то же время необходимую меру сдержанности и искусство намека.

Я невольно спросил собеседника, как могла прийти ему на ум невероятная эта идея?

— Это вдохновение. Здесь личное участие. Самый текст «Павильона невозвратимых услад» говорит о том, что любовь Цинга и Чистой Жемчужины была недолгой. Это правда моей истории. Отозванная своим мужем, молодая женщина не должна была больше увидеть того, кто ее так любил. В «Террасе отчаяния», написанной Цинг Пан Янгом именно в это время, есть намек на то, что Чистая Жемчужина, придя в отчаяние от того, что судьба разлучила ее с возлюбленным, покончила с собой.

Слушая Ив Гандона, я отказывался верить тому, что он говорил. Весь его рассказ — легенда от начала до конца. Легенда европейца, экзотическое представление относительно Китая. Меня не могла не изумлять фантастичность измышления Ива Гандона. Вся эта история с переводом с китайского языка выдумана Ивом Гандоном от начала до конца. Никакого Цинг Пан Янга в природе не существовало. И ни о какой его поэзии говорить не приходится.

Грустно или смешно все это? Уильям Фолкнер читал как-то лекцию в университете в Токио. По ходу своего выступления он начал пересказывать какую-то довольно длинную историю, которую переводчик синхронно перелагал на японский. Фолкнер, однако, недоумевал: после каждого переведенного периода собравшиеся дружно смеялись. Когда лекция окончилась, писатель спросил у переводчика, почему студенты веселились:

неужели им действительно было смешно? И японец ответил, что он предупредил их, что история, которую расскажет Фолкнер-сан — очень смешная...

И все же подобное представление существует за рубежами Китая, в данном случае во Франции. Ненасчетаемая фантазия Ива Гандона рождает такие образы, метафоры и эпитеты, что диву даешься, зачем понадобилось ему все это выдавать за китайскую поэзию, а не оставить для собственных своих сочинений. Оказывается, экзотика сильнее реальности. И европейский читатель, французский в данном случае, проявляет необыкновенный к этому интерес.

В этой связи вспоминается рассказ Николая Тихонова о том, как он перевел — по подстрочнику — стихотворение, которое привлекло его внимание, но вскоре выяснилось, что в подлиннике такого стихотворения отнюдь не существует. Подстрочник был «выдуман», однако он содержал в себе нечто, что заинтересовало Тихонова и стало основой стихотворения. Что же это за стихотворение, спрашивал Тихонов, — перевод? Нет, не перевод, поскольку нет подлинника. Мое собственное? Нет, поскольку образы и настроение принадлежат не мне. Этот анекдотический пример — не столь уж редкий в практике переводов по подстрочнику, — чтобы заострить вопрос о необходимости более широкого взгляда на проблему в целом. Возможен вопрос, должны ли мы в нашей столь разветвленной системе межлитературных связей ограничиваться сегодня обозначением «перевод»? Не следует ли возродить известные русской литературе с давних времен понятия, как «переложения», «подражания», «по мотивам» и т. д.? Требуется ли максимальная близости, бережности в переводах не должно стеснять эти вполне законные и освященные веками формы взаимодействия литератур.

Разве не вытекает из этого вывода, что мы должны сопоставлять не только психологический, но и тематический, идейный, эмоциональный, стилистический отклик переводимого текста с оригиналом?

Кому-то принадлежат слова: «Переводить — лучший способ читать». Но «переводчик — предатель» — гласит известная итальянская поговорка, смысл которой ясен: переводчик, искажая замысел автора, предает его. Это, конечно, так.

Но, как отмечает в своей статье «Лучший способ читать» Габриэль Гарсиа Маркес, на его взгляд, Морис-Эдгар Куандро, один из самых умных и доброжелательных переводчиков во Франции, рассказывая о своей жизни, поделился некоторыми сокровенными мыслями, которые все же убеждают в противном. Переводчик — «обезьяна» автора, сказал он, перефразируя Мориака и желая подчеркнуть, что переводчик, хочет он того или нет, вынужден копировать жесты и движения автора. Выполненные самим Куандро переводы на французский североамериканских романистов, в то время молодых и безвестных, — Фолкнера, Дос Пассоса, Хемингуэя, Стейнбека, — не просто мастерское воспроизведение оригиналов: они представили Франции целое поколение писателей, чье влияние на их европейских современников, в том числе Сартра и Камю, более чем очевидно. Таким образом, Куандро-переводчик был отнюдь не «предателем», а, напротив, гениальным единомышленником. Равно как и великие переводчики всех времен и народов, чей личный вклад в переведенное произведение зачастую не замечают, зато преувеличивают недостатки перевода.

Читая на чужом для тебя языке, говорит Маркес, чувствуешь почти естественное желание перевести прочитанное. Что неудивительно, ибо одно из самых больших удовольствий от чтения, как и музыки, — возможность поделиться с друзьями. В этом кроется, вероятно, объяснение одного из заветных и постоянных желаний М. Пруста, которое он не успел осуществить, а именно: перевести с английского какого-нибудь автора, который был бы не похож на него в той же мере, как, скажем, Джон Раскин. Двух писателей, ныне не пользующихся особой популярностью у своих соотечественников, Мальро и Экзюпери хотелось бы перевести из чистого удовольствия от самого процесса. Однако дальше этого желания никогда не заходил. Но я, продолжает Маркес, давно, капля по капле, перевожу Джакомо Леопарди, тайком, в редкие свободные минуты, конечно, сознавая, что это не путь к известности и славе ни для поэта, ни для меня. Перевожу для души. Хотя сразу понял, сколь это трудно и каким самопожертвованием оборачивается надежда вкусить от плода профессионального перевода.

Сомнительно, что писатель когда-либо бывает удовлетворен тем, как переведено его творение. В каждом слове, в каждой фразе и в каждом выделении какого-либо места почти всегда скрыт подтекст, известный лишь одному автору. Поэтому, разумеется, желательно, чтобы автор сам, насколько это возможно, участвовал в работе над переводом. Поразительным результатом такого сотрудничества, пишет далее Маркес, стал прекрасный перевод «Улисса» Джойса на французский. Первый, сырой перевод принадлежит Августу Море. Затем окончательную версию он дорабатывал вместе с Валери Ларбод и самим Джойсом. По отзывам специалистов, получился шедевр. Единственный же перевод этой вещи на испанский, напротив, ниже всякой критики. Ради собственного удовольствия его сделал аргентинец Салас Субират, по профессии страховой эксперт.

Никто, разумеется, не отрицает, что нужно сохранить все особенности оригинала, чтобы произведение искусства слова в переводе на другой язык оставалось таким, каково оно есть, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Это, думается, акт лояльности по отношению к читателю, не говоря уже об авторе.

На редкость неприятное для меня занятие, замечает Маркес, — чтение переводов моих книг на три мне доступных языка. Ни на одном, кроме испанского, не узнаю се-

бя. Правда, я прочел несколько книг, переведенных на английский Грегори Рабассой, и должен признать, что попадались места, которые мне нравились даже больше, чем в испанском оригинале. От переводов Рабассы остается впечатление, будто он заучивает книгу наизусть, а затем переписывает от первой до последней строки на английском: его верность оригиналу сложнее, чем буквальный перевод. Достоинством переводов Рабассы является то, что он никогда не прибегает к помощи подстрочных примечаний, а именно этим методом чаще всего, к сожалению, пользуются плохие переводчики. Самый яркий в этом отношении пример — перевод на португальский одной из моих книг, в которой переводчик, к примеру, в подстрочном примечании дал следующее объяснение слова «астромелия»: «фантастический цветок, придуманный Г. Маркесом». В то время как своим названием (о чем я позже где-то прочел) астромелия обязана португальскому языку; к тому же на Карибах всем известно о существовании этого цветка...

Словом, переводить надо не слова в буквальном их смысле, а мысли, возникшие ассоциативно, передавать ощущения автора, его эмоциональность, его чувства и настроения.

Как ни кажется это парадоксальным, но переводы Л. Эйдлина с их достоверностью (она заметна и без сверки с оригиналом), чистотой слова и поэтическим обаянием делают для нас классическое китайское стихотворение более доступным, чем для китайца, вынужденного его читать на старом письменном языке. В свое время в помещенной в пятом номере журнала «Советская книга» за 1950 г. рецензии на перевод Л. Эйдлина лирики Бо Цзюйи академик В. М. Алексеев писал: «Между прочим, благодаря работе Л. Эйдлина наш массовый читатель получает доступ к китайскому поэту VII—IX в., как это ни странно звучит, скорее, чем массовый китайский читатель, ибо последний должен иметь не совсем простое школьное образование, чтобы читать своего родного поэта с такою же четкостью, как русский». В рецензии В. М. Алексеев говорит о поэзии Бо Цзюйи, что она «звучала просто и красиво и почти так же просто и красиво отражена в труде советского переводчика». И в заключение рецензии замечает: «Уже сейчас мы отсылаем наших китаистов-переводчиков к хорошим и умелым переводам Л. Эйдлина, на которых можно учиться».

Со времени опубликования этих слов В. М. Алексеева прошло тридцать пять лет непрерывных трудов Л. Эйдлина над осмыслением и переводом китайской классической поэзии — стихотворений Тао Юаньмина, Мэн Хаожаня, многих других поэтов, — и мы с тем же и большим правом и сейчас можем повторять эти слова, вчитываясь в книгу «Китайская классическая поэзия», вместившую в себя поэзию и науку, составляющие содержание творчества нашего переводчика.

Переводить — значит соединять два языка, две культуры, две души — автора и переводчика, ибо переводчик творит вторую художественную реальность, вторую жизнь произведения искусства на иностранном языке.

Можно ли говорить об адекватности перевода оригиналу, когда они воплощены на разных языках? Разве переведенное произведение не становится несколько иным уже потому, что сами языки отличаются друг от друга?

Перенесение литературного материала в стихию другого языка, сопряжение двух художественных миров, в котором и своеобразный «мир» писателя включает в себя и более широкое понятие — национальные особенности литературы, строй мыслей и чувств другого народа, его взгляд и видение мира.

Советская школа художественного перевода отмечает как бесплодный «буквализм», так и безграничную «вольность» перевода, вместо которых давно уже утвердился в сложном борении принцип адекватности — в равной мере и в отношении содержания, и в отношении формы. Пройдет время, быть может, быстрее, чем кажется, и читатель, с новой своей дистанции, обращаясь к китайской классической поэзии, с благодарностью и по достоинству назовет классическими переводы, принадлежащие профессору Л. Эйдлину. Перевод литературного произведения — это воссоздание художественной ценности словесными средствами иного языка, отражая в своем создании художественную действительность оригинала по законам творческого возникновения первоисточника. Цель перевода состоит в достижении художественного соответствия оригиналу при понимании того, однако, что подлинное произведение искусства слова неповторимо в своем роде и нерасторжимо с творческой индивидуальностью автора.

Цель перевода — создать на своем языке новое содержание и формы, средства, передачи формы оригинала канонизировать невозможно. Решения в каждом случае необходимо искать. Талантливым мастерам слова удастся их находить. Речь здесь, конечно, о художественном переводе, поэтическом в данном случае. Такой перевод — это пересоздание или воссоздание оригинала на другом языке, это, в сущности, воссоздание на переводимом языке нового единства содержания и формы поэтического произведения.

Талант переводчика, отмечает Л. Эйдлин, в том и состоит, чтобы на своем языке суметь передать произведение чужой литературы, сохранив его поэзию, его мысль и так ввести его в литературу своего народа. И никогда перевод не будет тождествен оригиналу, потому что он на другом языке, подчиненном своим законам, и в том числе законам мышления своего народа, и потому еще, что к индивидуальности, пусть и великого, поэта прибавляется, как бы даже скромна она ни была, индивидуальность его переводчика; от трудов которого зависят образующиеся в процессе перевода достижения и потери.

Гнедичу, переводчику «Илиады», посвятил Пушкин прекрасное стихотворение, о Гнедиче писал он, как «с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершенно единого, высокого подвига». Ему же посвятил он два двустишия. Одно из них — «На перевод Илиады». «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; Старца великого тени чую смущенной душой». И другое — «К переводу Илиады»: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера, Боком одним с образцом схож и его перевод». И все это правда. Можно сказать, что во всем этом содержится характеристика искусства перевода, даже в его идеале.

Переводчик сборника «Китайская классическая поэзия», пишет Л. Эйшлин в предисловии, хотел бы разделить с читателем те чувства, какие вызывает в нем самом китайская классическая поэзия. К этому направлены все его усилия. Переводчик хотел бы также, чтобы читатель заметил и композицию китайского стихотворения, и изящный лаконизм его, и параллелизмы, и звуковые повторы, и, наконец, самый контур стихотворения, как он видится китайцу. Китайское стихотворение оснащено единой рифмой. Как видит читатель, рифмы в наших переводах нет. Переводчик сознательно пожертвовал ею для того, чтобы в меру сил своих сохранить все, о чем говорилось выше. Переводчик счел себя вправе сделать это еще и потому, что монорифма насильственна для русской поэзии, к тому же нынешнее чтение иероглифов часто не дает этой звучавшей в старину рифмы.

Так переводчик решил для себя проблему перевода старой китайской поэзии, понимая, что могут быть и иные решения. Но как писалось некогда в альбомах — «Кто любит более меня, пусть пишет далее меня». Только бы приблизить к нам замечательную китайскую поэзию, ее мысль и чувство, отразившие характер великого народа, особенности его культуры и его истории.

Читая поэтические переводы Л. Эйшлина, мы проходим в даль веков и в широту пространств, обогащая себя знанием прошлого одного из великих народов, и понимаем, насколько близким становится оно нам, принадлежит всему современному человечеству. В наш век всеохватных коммуникативных связей и современных средств информации ни одна национальная литература не развивается обособленно, в условиях изоляции, вне взаимосвязей с искусством слова других стран. Существует множество различных путей и средств взаимопроникновения и взаимовлияния литератур. И среди них переводу художественных произведений принадлежит наиболее эффективная роль. Именно переводы оказывали и оказывают значительное воздействие на становление и развитие многих национальных литератур.

Произведения литературы — оригинальные и переводные — обладают своеобразным двуединым началом: они переходят одни в другие, дополняют друг друга. Выражая творческое взаимодействие и взаимовлияние, этот процесс обращен против замкнутости и ограниченности, которые не совместимы с развитием национальных литератур, духовного творчества. Едва ли еще какой-либо жанр сделал столько для сближения литератур и народов, их культур и духовной жизни, сколько сделал перевод лучших творений художественного гения человечества.

И мы знаем, что переводные произведения, если это подлинны творения высокого искусства, играют активную роль в живом литературном процессе любой страны. При этом в государствах с наиболее богатой и развитой литературой нередко переводится и издается и наибольшее количество книг зарубежных авторов.

Советские литераторы постоянно и широко обращаются к творческому опыту и художественному мастерству братских народов. Все наиболее ценное здесь вскоре становится достоянием советских людей.

Здесь уместно вспомнить слова Максима Горького о том, что «идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племен, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру».

Количество и качество произведений переводной литературы, масштаб приобщения народа к богатствам других культур, несомненно, свидетельствует о широте взгляда и уровне духовного развития народа, глубокой его приобщенности к общемировому культурному прогрессу. Дверь в обновляющий мир, распахнутая социалистической революцией, превратила советского человека в наиболее осведомленного участника мирового культурного процесса, в самого информированного читателя литературы, создаваемой в различных странах Запада и Востока. Широко известные статистические данные свидетельствуют о том, что Советский Союз давно уже лидирует среди стран мира по количеству издаваемых переводных книг. Достаточно напомнить, что по сравнению с США в СССР выпускается переводных книг в четыре раза больше. Нелишне в этой связи напомнить, что, по официальному признанию, изучение иностранных языков в США позорно низкое. Аналогичное положение и с изучением американцами культур других народов.

И теперь, когда мы возвращаемся к истинно поэтическим переводам, сохранившим китайской поэзии, нельзя не оценить творчества Л. Эйшлина, который дает нам подлинный смысл произведений китайской поэзии в ее самобытном звучании. Особая ценность

в том, что здесь каждое слово на точном своем месте. Сказать иначе, и сразу погаснет магический свет, идущий из глубины фразы.

Мы давно уже отошли от европеизма с его экзотической фантазией, но отнюдь не отказываемся от культурного наследия европейских народов и их художественного творчества.

Художественный перевод творчески служит упрочению духовных уз между людьми, между различными народами. Он как бы обобщает — в области содержания и формы — отечественную литературу, содействует обогащению литературного языка, многообразия его стилей. Важно при этом отметить роль сопоставительной поэтики, которая должна строиться на сопоставительной стилистике, сопоставительном стихотворении, ибо именно в поэтике художественного произведения обретают подлинность самобытные черты творческой личности художника. Поэтика, как мы ее понимаем, — есть система, органически вбирающая в себя литературоведческий и лингвистический подход к единицам поэтического перевода. Иными словами, поэтика — система структурного своеобразия поэтической формы произведения в его содержательности, в смысловой творческой сущности.

И все же главное — слово, от которого уйти невозможно. Перевод, как и оригинальное произведение, словом начинается и словом завершается. В сущности, между двумя словами — иностранным и отечественным — располагается глубокое освоение мыслей и чувств художника. Иногда это называется вживанием, то есть процессом, когда научная и творческая деятельность одновременно становится подлинным словом интерпретатора.

Думается, что едва ли есть человек, способный письменно воспроизвести подлинный текст оригинала гениального поэта, если этот человек не так же гениален, как и сам поэт. Поэтому трудно ожидать того, что мы будем располагать истинным и в полной мере адекватным воссозданием оригинального творения поэзии на иностранном языке.

Л. Эйдлин, владеющий оригиналом китайского иероглифического текста и языком поэзии — китайской и русской, предлагает нам свое прочтение, в котором завидная проникновенность и мастерство.

Нет, здесь не существует проблемы «подстрочника», «языкознания». Здесь счастливое совпадение — встреча истинного знания и искусства. Счастливая встреча.

И когда мы говорим, что невозможно переоценить талант и труд, вложенный ученым и поэтом в священное искусство — в поэтический перевод, достойно упоминания и то, что в школе русского художественного перевода поэзии, не знающей себе равных по творческим достижениям, достойное место принадлежит и советским синологам. Мы не должны забывать, что обращение к классике, в данном случае к китайской поэтической классике, является еще и стремлением доказать приблизительность устоявшегося знания или мнения. Иными словами, вводится в общественное сознание нашего времени еще одно художественное содержание искусства слова — китайской поэзии.

Автор публикуемых ниже фрагментов книги «Империализм и политика Китая» [Пекин, 1949] — Ху Шэн, видный китайский историк и философ, с 1985 г. президент Академии общественных наук Китая.

Перу Ху Шэна принадлежат работы по новой истории Китая, философии, в частности диалектическому и историческому материализму, истории развития философской мысли в Китае. Большой резонанс в КНР получила концепция Ху Шэна о научной периодизации новой истории Китая. В основу периодизации эта концепция ставит критерий классовой борьбы. Работа Ху Шэна «Империализм и политика Китая» широко известна в стране. В Советском Союзе она была переведена на русский язык под названием «Агрессия империалистических держав в Китае» и издана в 1951 г. Оценки политики империализма в отношении Китая, данные Ху Шэном в книге, не утратили своей остроты и поныне.

В период «культурной революции» работы Ху Шэна в КНР не публиковались. К творческой деятельности он вернулся только в 1973 г. В 1980 г. была опубликована его монография «От опиумных войн до «движения 4 мая», материал которой методологически построен в ключе упомянутой выше новой концепции периодизации истории Китая. Из числа недавних публикаций Ху Шэна примечательна статья «Способ исследования и способ изложения», опубликованная в «Гуанмин жибао» от 16 января 1985 г. Ху Шэн указывает в этой статье, что историкам и философам не следует основывать свои работы на надуманных схемах, а с марксистских позиций анализировать фактический материал.

Из книги Ху Шэна «Агрессия империалистических держав в Китае»

Последнее десятилетие XIX в. было временем бурного развития промышленного производства в капиталистических странах и периодом постепенного установления господства монополистического финансового капитала. Эти страны вступили на путь империалистического развития, их стремления к захвату колоний еще более возросли. Они уже почти полностью разделили Африку, большая часть Азии также стала их колонией. В Китае они уже не довольствовались захваченными ранее привилегиями, которые гарантировали им сбыт их товаров и экономический грабеж Китая. После японо-китайской войны между державами развернулась бурная конкурентная борьба за захват концессий, за раздел Китая на «сферы влияния», за право капиталовложения в Китае, длившаяся в течение 5—6 лет.

В результате этой борьбы между державами большая часть важных морских портов Китая превратилась в иностранные концессии; великие державы, каждая в отдельности, добились права вкладывать свои капиталы в строительство важнейших железных дорог Китая и в разработку крупных месторождений полезных ископаемых. Если какая-либо империалистическая держава добивалась права вкладывать капитал в строительство какого-нибудь отрезка железнодорожного пути, это было равносильно тому, что данная держава получала особые привилегии на территории, прилегающей к этому отрезку пути.

Для узаконения этой «сферы особых привилегий» державы требовали от цинского правительства, чтобы оно открыто признавало земли этого района за данной державой и не сдавало их в концессию какой-либо другой державе. Чтобы избежать взаимных столкновений, державы часто договаривались между собой о взаимном признании соответствующих сфер влияния.

К 1899 г. Англия захватила порт Вэйхайвэй, а бассейн Янцзы сделала своей сферой влияния; царская Россия захватила Порт-Артур и Дальний, а Маньчжурию и Монголию стала рассматривать как сферу своих монопольных прав и привилегий; Германия захватила Цзяочжоу и установила свой контроль над провинцией Шаньдун; Франция заставила Юньнань и на части территории провинций Гуандун и Гуанси, а Гуанчжоуань сделала своей концессией; Япония, помимо того что она захватила по Симонсекскому договору остров Тайвань и добилась контроля над Кореей, вынудила еще цинское правительство заявить, что провинция Фуцзянь и прилегающие к ней острова никогда не будут уступлены Китаю другим государствам.

Так произошел так называемый раздел Китая...

...Принцип так называемого раздела Китая был аналогичен тому, на основании которого перед этим империалисты делили Африку. Но переплетение интересов держав в Китае было намного сложнее, чем в Африке.

Особенно же важным фактором было то, что в Китае существовало правительство, которое хотя фактически уже и покорилось иностранцам, но было еще в состоянии поддерживать видимость единой политической власти внутри страны. Поэтому для империалистических держав выгоднее всего было с помощью цинского правительства сохранять и еще более расширять уже полученные ими права и привилегии в Китае и всячески стремиться к достижению взаимного согласия.

В такой обстановке в 1899 г. правительство США выдвинуло политику «открытых дверей». Говоря выше о борьбе держав за раздел Китая на сферы влияния, мы не упоминали о Соединенных Штатах.

...США предложили державам политику «открытых дверей». Некоторые считали, что политика «открытых дверей», выдвинутая в то время США, была противоположна политике других держав, что Китай избежал опасности раздела только благодаря предложению США; говорили, что, в то время как другие державы стремились к агрессии в Китае, США помышляли лишь о сохранении целостности Китая. Все эти высказывания совершенно не соответствуют фактам.

Прежде всего, США, выдвигая политику «открытых дверей», вовсе не выступали против агрессии в Китае, они только требовали уступить и им место в этой агрессии. Поэтому Соединенные Штаты отнюдь не выступали против уже установленных европейскими державами «сфер влияния» в Китае, они только выдвигали принцип «равенства возможностей». Это значит, что США тоже хотели получить часть прав и привилегий, которые имели другие державы в Китае. Все признают существующее китайское правительство и сообща пользуются всеми правами и привилегиями в Китае — вот основное содержание политики «открытых дверей».

Американец Рейд в своей книге «Проблема экспансии» писал: «После того как Соединенные Штаты распространяют свое влияние на Филиппины, они создадут линию обороны в китайских водах. Иными словами, противоположный берег Тихого океана, как и этот берег, станет владением Соединенных Штатов. Наши права на владение Тихим океаном уже расширились, ответственность за ведение колоссальной по своим размерам торговли XX в. ляжет на плечи США. Если наш курс будет верным, то после овладения Филиппинами Тихий океан станет внутренним морем США»¹.

Тогда же Скотт Ниэрлинг говорил: «Для США Филиппины имеют такое же важное значение, как для Германии Цзяочжоу, а для Англии Гонконг»². Американский сенатор Беверидж в своей речи от 9 января 1900 г. говорил: «Филиппинские острова навсегда наши... Непосредственно за Филиппинами находятся безграничные рынки Китая. Мы не откажемся ни от того, ни от другого. Мы не забудем о нашем долге по отношению к архипелагу. Мы не отступим от возможностей, открывающихся нам на Востоке»³. Эти высказывания полностью подтверждают, что США, проложив через Тихий океан путь для экспансии в Китай, выдвигая свою политику «открытых дверей» в отношении Китая, замыслили империалистическую агрессию против Китая.

Противоречила ли на деле выдвинутая США политика «открытых дверей» в Китае замыслам других держав? Нет, конечно. Едва только Соединенные Штаты познакомили заинтересованные державы с этой точкой зрения, как европейские державы сразу же одна за другой присоединились к ней, а ведь у США отнюдь не было каких-либо реальных сил, чтобы навязать этим державам свою точку зрения. США, по существу, лишь теоретически обосновали совместную агрессию держав и их в основном единую политику в Китае за последние 50 лет.

Англия занимала наиболее привилегированное положение в Китае, но, поскольку она не могла удержать другие державы от раздела Китая на «сферы влияния», она не выступала против принципа «равенства возможностей», лишь бы сохранить за собой львиную долю привилегий. Документ, излагающий принципы политики «открытых дверей», фактически был первоначально составлен служащим китайской таможни англичанином Хипписли, затем отослан в США американским посланником в Китае Рокхиллом и передан государственному секретарю США Хью.

Япония тогда полностью одобряла предложение США. Исигава Кикудзиро в своей книге «Записки дипломата» писал: «Мы поддерживаем мирную политику на Восточном море, заключающуюся в том, чтобы предотвратить раздел соседнего с нами Китая западными державами. Поэтому предложение правительства США является для Японии наиболее приемлемым»⁴.

Собственно, в то время ни одна из великих держав не имела достаточно сил для того, чтобы в одиночку проглотить Китай, поэтому каждый агрессор, исходя из своих собственных интересов, считал, что выгоднее всего сохранить существующее положе-

¹ Ли Сянлин. Доктрина «открытых дверей» и Китай, с. 43 (на кит. яз.).

² Там же, с. 44.

³ «Новое время», 1947, № 22.

⁴ Ли Сянлин. Указ. соч., с. 48.

ние, чтобы избежать опасности быть оттесненным другими, и при удобном случае расширить сферу своей агрессии...

...Начало великого антиимпериалистического движения, толчком к которому послужили кровавые «события 30 мая» на Нанкинской улице в Шанхае, бурный шквал великой революции, бушевавшей в 1925—1927 гг., немало напугали империалистические державы, осуществлявшие агрессию в Китае. Однако, как мы видели, державы готовились к этой буре. Они все шире применяли методы запугивания и подкупа, чтобы разгромить китайскую революцию, затормозить дело освобождения китайского народа.

Рассматривая тайпинское движение, революцию 1911 г., революцию 1925 г., каждая из которых имеет свои особенности, мы можем обнаружить между ними и определенное сходство. Эти три революционных периода в истории Китая были периодами борьбы между революцией и контрреволюцией, между прогрессивными и реакционными силами. Основная платформа иностранных захватчиков с их агрессивными притязаниями в эти три периода сводилась к тому, чтобы разгромить китайскую революцию, затормозить движение Китая вперед и оказать поддержку контрреволюционным и реакционным силам в самом Китае. В момент, когда складывалась революционная ситуация, когда приближалась победа революции, иностранные державы всегда провозглашали лицемерный «нейтралитет», стараясь заверить революционный лагерь в своих «добрых намерениях». Маскируясь «нейтралитетом» и «добрыми намерениями», они плели сети своих тайных заговоров. Конкретные формы этих заговоров в каждый период бывали различны.

В период тайпинского движения, как мы уже проанализировали, каждая из капиталистических держав под прикрытием «нейтралитета» шантажировала реакционное правительство, а затем, добившись удовлетворения своих требований, открыто и прямо помогала реакционному правительству в подавлении революции. Тем самым державы давали возможность китайской реакции сохранять и дальше свою власть.

В период революции 1911 г., как мы уже видели, империалисты, заявив о своем «нейтралитете», парализовали революционный лагерь, заставив его поверить, будто они отказываются от поддержки реакционного «плохого правительства». Одновременно империалисты подыскивали в лагере реакции того, кого они считали «сильным человеком». Затем, обрядив такого человека в новые одежды, они поставили его на место старых властей и продолжали поддерживать реакционный режим, помогая ему душить революцию.

Во время революции 1925-1927 гг. империалисты перед лицом вооруженного китайского народа опять на время прикинулись весьма «благожелательными» и лицемерно заявляли, что готовы признать победу китайской революции. Империалисты говорили, что, дескать, они уже разуверились в бэйянских милитаристах. На деле же они очень ловко использовали готовность китайской буржуазии, находившейся в лагере революции, пойти на компромисс. Продолжая вести политику запугивания и подкупа, они нашли в революционном лагере элементы, способные удовлетворить их требования. На место старых милитаристов они посадили новых правителей и, прикрыв новой вывеской старую систему своего господства в Китае, подавили революцию.

Методы империалистов в эти три периода были разными, но цели империалистов и их политика оставались неизменными. Неизменными оставались и их коварство, жестокость и вероломство. Их конкретные методы бывали различны потому, что соотношение сил революции и сил реакции в Китае также было неодинаковым, и, кроме того, потому, что сознательность китайского народа с каждым периодом повышалась. Чем выгоднее для революционных сил складывалась обстановка, чем выше становилась сознательность китайского народа, тем более коварными и зверскими становились приемы, которыми пользовались империалисты для достижения своих целей. Однако эти приемы могли обеспечить империалистам лишь временный внешний успех. В конечном счете их жестокость вызвала еще большую ненависть к ним китайского народа, а их коварство вырабатывало у китайского народа способность лучше разбираться в обстановке.

Антиимпериалистическая, антифеодалная революция 1925—1927 гг. потерпела поражение, но этим история борьбы Китая с империализмом не закончилась.

С 1927 г. прошло целых 20 лет, а эта история все еще ждет своего продолжения.

Чем же вообще может закончиться борьба Китая с империалистическими державами? Теоретически тут возможны два исхода. Либо империалисты, поддерживая свою политическую агентуру в Китае, сумеют «объединить» Китай, превратив его в результате этого «объединения» в свою колонию. Либо широчайшие массы китайского народа свергнут господство империализма в Китае, решительно опрокинут силы правящего класса крупных помещиков и крупной буржуазии, которых империализм всегда использовал для осуществления своей агрессии в Китае, и достигнут своей цели — независимости Китая и освобождения китайского народа.

Всю историю разобранную нами 85 лет пронизывает как стержень, борьба за окончательное решение этого вопроса. В течение последних 20 лет эта борьба еще продолжалась и продолжается, все больше обостряясь с каждым днем.

Если, рассказывая о событиях, имевших место в течение минувших 85 лет, мы можем по меньшей мере отметить, что империалисты, потратив немало усилий, в ко-

нечном счете так и не достигли своей цели, то, разбирая события последних 20 лет, нельзя не прийти к выводу, что все попытки империалистов помешать осуществлению стремлений китайского народа полностью обречены на провал. Каков же будет исход борьбы? Уже сегодня ясно как день, что китайский народ сумеет одержать верх над империалистами и добьется победы. Только этим, и ничем иным, может закончиться история борьбы Китая с империалистическими державами.

Но чтобы иметь возможность дописать этот единственный, неизбежный конец нашей книги, широчайшие массы китайского народа должны отдавать все свои знания и способности борьбе, бороться за этот исход с боевым энтузиазмом, не жалея своей крови. В наши дни китайский народ именно собственной кровью пишет продолжение своей истории. И воспоминание о прошлом историческом пути имеет сейчас большое значение.

Подводя итоги разобранной нами истории за 85 лет, можно выделить несколько положений, заслуживающих нашего внимания.

1. Агрессивная политика американского империализма в Китае имеет столь же длительную историю, как и политика других империалистических стран. Различные империалистические державы стремились поработить Китай. Среди них ведущую роль в течение 50 с лишним лет после первой «опиумной» войны играла Англия. После 1894 г. роль главного агрессора в Китае начинает играть японский империализм. А с 1899 г. в борьбу за господство над Китаем вступил под прикрытием доктрины «открытых дверей» американский империализм, началась непрерывная многолетняя борьба между Соединенными Штатами и Японией за завоевание господства в Китае. Если японский империализм вследствие своего наглого вероломства, коварства и жестокости уже давно рассматривался китайским народом как враг № 1, то американский империализм всегда прикрывал свое жестокое, зверское обличье лицемерной маской и потому являлся еще более опасным врагом.

2. Империалисты с давних времен всегда считали, что они имеют право подбирать для Китая «подходящих» правителей и «подходящий» строй. Эти правители, кем бы они ни были и какой бы империалистической державой ни выдвигались, избирались всегда империалистами и неизменно представляли собой врагов китайского народа. Чтобы обмануть пробудившийся китайский народ, империалисты никогда не жалели сил, стремясь на место «старого человека» посадить другого, выбранного ими «нового человека». Так, империалисты всех стран совместно выдвинули Юань Шикая, заменив им правителей Цинской династии. Таким же образом американский империализм на место Дуань Цижуня поставил Цао Куня. Но китайский народ убеждался каждый раз, что все крестуры империалистов, в каком бы наряде их ни являли народу, чем бы их ни украшали, что бы они ни заявляли, неизменно были людьми одной породы.

3. Строить себе иллюзии и надеяться на империалистов той или иной страны, на того или иного из их избранных вредно и опасно для дела национальной независимости Китая, для дела освобождения китайского народа. Понимание этого было добыто народом кровью, пролитой в борьбе на протяжении многих лет.

ХУ ШЭН

ОБЗОРЫ.
СПРАВКИ.
СООБЩЕНИЯ.

Советский Союз —
Вьетнам:
братское
сотрудничество

Более тридцати лет назад, 18 июля 1955 г., во время визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации Демократической Республики Вьетнам во главе с Президентом ДРВ Хо Ши Мином были подписаны документы, положившие начало советско-вьетнамским экономическим отношениям: соглашение о поставках товаров из СССР и ДРВ и соглашение об оказании Советским Союзом помощи Вьетнаму в восстановлении и строительстве промышленных предприятий и коммунальных объектов. Эти соглашения послужили базой для успешного развития равноправного экономического сотрудничества между двумя странами. Их выполнение способствовало нормализации обстановки в народном хозяйстве первого в Юго-Восточной Азии социалистического государства, преодолению молодой республикой экономических трудностей, связанных с последствиями колониального прошлого и войны против иноземных поработителей, стабилизации жизненного уровня народа Северного Вьетнама.

Вскоре под торгово-экономические отношения между Советским Союзом и Вьетнамом был подведен прочный международно-правовой фундамент: 12 марта 1958 г. был подписан договор о торговле и мореплавании.

Экономические связи с СССР с тех пор постоянно имели и имеют для Вьетнама чрезвычайно важное значение. На всех этапах существования социалистического вьетнамского государства — в период восстановления и преобразования экономики (1955—1960) и претворения в жизнь первого пятилетнего плана (1961—1965)¹, во время борьбы против американского империализма, за спасение и объединение родины (1965—1972) и отражения китайского вторжения (1979), в годы залечивания ран, нанесенных экономике страны военными действиями (1973—1975 и 1979—1980), и сегодня, когда строительство социализма осуществляется в масштабах воссоединенного Вьетнама (с 1976 г.), — помощь Советского Союза была и остается, как неоднократно подчеркивали руководители СРВ, важнейшим фактором, способствующим решению стратегических задач развития народного хозяйства и укрепления обороноспособности республики.

Выдержавшие в минувшие годы испытание на прочность торгово-экономические отношения между Советским Союзом и Вьетнамом неизменно базируются на проверенных временем принципах социалистического интернационализма, уважения государственного суверенитета, независимости и национальных интересов, невмешательства во внутренние дела друг друга, полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи.

Понятно, что за прошедшие тридцать лет неизмеримо выросли объемы советско-вьетнамского торгового оборота, масштабы оказываемого Советским Союзом братской стране технического содействия, во многом изменились содержание и характер задач, решаемых в процессе хозяйственного взаимодействия. Достаточно сказать, что товарооборот между двумя странами, едва превысивший 3 млн. руб. в 1955 г., к концу 70-х годов увеличился до 612 млн. руб.²

Постоянное расширение экономического сотрудничества между СССР и СРВ — одно из проявлений закономерной и объективной тенденции ко все большему хозяйственному сближению стран социалистического содружества. Вместе с тем оно и результат действия ряда политических факторов.

Мощным импульсом, способствовавшим ускорению развития советско-вьетнамских экономических отношений по всем направлениям, явилось государственное воссоединение Вьетнама: с этого момента торговым партнером СССР выступает страна, имеющая гораздо более высокий экспортный потенциал и проявляющая интерес к достаточно широкому кругу советских товаров и услуг. Новые горизонты в сфере экономического взаимодействия двух стран открылись в результате подписания в 1978 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ.

На нынешнем этапе советско-вьетнамские торгово-экономические связи развиваются высокими темпами. В 1976—1980 гг. взаимный товарооборот ежегодно уве-

¹ Завершить выполнение заданий пятилетки не удалось, поскольку в 1964 г. США начали против ДРВ «воздушную войну».

² См.: Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918—1966. М., 1967, с. 66; Внешняя торговля СССР в 1981 г. Статистический сборник. М., 1982, с. 11.

личивался в среднем на 24,3 %³. Высокая динамика характерна для него и в III пятилетке. За период 1981—1984 гг. объем товарооборота вырос на 41,5 %, советского экспорта в СРВ — на 38,6, и импорта из Вьетнама — на 54,2 %⁴. Советский Союз сегодня является главным торговым партнером СРВ: на его долю приходится почти две трети внешнеторгового оборота республики.

Таблица 1

Торговля между СССР и СРВ (млн. руб.)

	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.
Товарооборот	612,4	891,8	1010,7	1139,0	1261,9
Экспорт	454,9	724,6	804,2	904,1	1004,0
Импорт	157,5	167,2	206,5	234,9	257,9

Составлено по статистическим сборникам: Внешняя торговля СССР в 1981—1984 гг.

Параллельно с ростом товарооборота определенные сдвиги происходят в структуре взаимных поставок товаров. Они связаны со все большим приспособлением номенклатуры и объемом поставок, объектов сотрудничества, сооружаемых в СРВ, к содержанию решаемых странами сегодня народнохозяйственных проблем.

Советский Союз, в частности, принимая во внимание ощутимый во Вьетнаме дефицит энергоносителей и сырья производственного назначения, во все возрастающих объемах поставляет СРВ нефтепродукты, прокат черных металлов, промышленные химикаты, хлопок и пр. На базе поставок советского комплектного оборудования в СРВ значительно расширяются мощности в электроэнергетике.

СРВ, со своей стороны, увеличивает поставки в СССР чая, кофе, свежих фруктов и овощей, швейных изделий, ковров и паласов, натурального каучука и некоторых других традиционных товаров своего экспорта, внося тем самым определенный вклад в реализацию Продовольственной программы СССР, в улучшение снабжения населения Советского Союза товарами широкого потребления.

Наглядное представление об изменениях, происходящих в структуре советского экспорта во Вьетнам, дают следующие данные:

Таблица 2

Экспорт советских товаров в СРВ
(стоимость — в млн. руб., уд. вес — в %)

Раздел	1976—1980 гг.		1981—1984 гг.	
	стоимость	уд. вес	стоимость	уд. вес
Экспорт — всего	1713,3	100	3436,9	100
в том числе:				
машины, оборудование и транспортные средства	791,5	46,2	1110,7	32,3
из них для объектов, строящихся при техническом содействии СССР	398,8	23,3	593,6	17,3
нефть и нефтепродукты	140,3	8,2	1186,3	34,5
прокат черных металлов	58,8	3,4	165,3	4,8
химические удобрения	27,8	1,6	198,6	5,8
хлопок — волокно	110,5	6,4	192,8	5,6
хлебопродукты	284,9	16,6	95,0	2,8
ткани разные	18,6	1,1	3,0	0,1
медикаменты	18,8	1,1	25,6	0,7
товары культурно-бытового назначения	11,6	0,7	19,1	0,6
прочие товары	250,5	14,7	440,5	12,8

Составлено по статистическим сборникам: Внешняя торговля СССР в 1976—1984 гг.

Как видно из приведенных данных, в экспорте СССР в СРВ заметно увеличился удельный вес нефти и нефтепродуктов, химических удобрений, в меньшей мере — про-

³ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 6, с. 21.

⁴ Подсчитано по: Внешняя торговля СССР в 1981 г., с. 11; Внешняя торговля СССР в 1984 г., с. 11.

ката черных металлов. Одновременно произошло существенное сокращение доли хлебопродуктов, а также машин и оборудования. Если рост поставок топлива и сырья — согласованная сторонами линия, то уменьшение экспорта некоторых товаров — следствие позитивных перемен в народном хозяйстве СРВ. В последние годы в стране стабильно возрастает производство продовольствия. В капитальном строительстве ресурсы, в том числе машины и оборудование, концентрируются на ограниченном количестве объектов. Это позволяет заметно сокращать импорт.

Изменения в структуре импорта из СРВ не столь значительны, но и они заслуживают внимания:

Таблица 3

Импорт товаров из СРВ в СССР
(стоимость — в млн. руб., уд. вес — в %)

Раздел	1976—1980 гг.		1981—1984 гг.	
	стоимость	уд. вес	стоимость	уд. вес
Импорт — всего	650,8	100	866,5	100
в том числе:				
каучук натуральный	58,6	6,8
фриза паркетная	37,7	5,8	42,6	4,9
пряжа из натуральных и искусственных волокон	48,3	7,4	44,9	5,2
кофе	2,3	0,4	18,0	2,1
чай	17,9	2,8	25,1	2,9
фрукты и ягоды свежие	12,2	1,9	14,1	1,6
ковры и паласы	34,8	5,3	63,6	7,3
одежда, белье, трикотаж	187,3	28,8	102,5	11,8
обувь различная	25,5	3,9	24,8	2,9
кустарно-художественные изделия	84,9	13,0	84,8	9,8
циновки, ковры и ковровые изделия из пальмовых и других растительных волокон	42,4	6,5	57,1	6,6
прочие товары	157,5	24,2	330,4	38,1

Составлено по статистическим сборникам: Внешняя торговля СССР в 1976—1984 гг.

Из приведенных данных видно, что доля в импорте практически всех перечисленных товаров в минувшей пятилетке осталась примерно той же, что и прежде (за исключением одежды, белья и трикотажа, а также кофе), либо изменилась незначительно. В то же время объемы поставок за четыре года по большинству позиций уже превышают уровень второй пятилетки. Что касается одежды и белья, то уменьшение их доли связано с проведением в СРВ мероприятий по улучшению снабжения населения товарами широкого потребления, а также с тем, что на экспорт Вьетнам поставляет сейчас эту продукцию только на условиях предоставления заказчиком сырья для ее изготовления (оба этих фактора и сузили экспортные возможности СРВ по данной группе товаров).

Значительно расширилось индустриальное строительство во Вьетнаме, которое ведется на базе советского комплектного оборудования и с технической помощью СССР. К примеру, только первый из введенных в действие энергоблоков на ТЭС «Фалай» (110 тыс. кВт)⁵ превосходит по мощности построенную ранее при советском техническом содействии ТЭС «Тхакба» (108 тыс. кВт)⁶. Флагман вьетнамской энергетики — ТЭС «Хоабинь» на реке Черная (Да), строительство которой вступило в решающую фазу, — имеет проектную мощность около 2 млн. кВт⁷, что превышает суммарную мощность всех гидро- и теплоэлектростанций, которыми располагал Вьетнам к началу 80-х годов. Наиболее крупными из них, наряду с упомянутой ТЭС «Тхакба», являются ТЭС «Даним» (160 тыс. кВт), ТЭС «Уонгби» (153 тыс. кВт), «Ниньбинь» (100 тыс. кВт), «Тхудык» (165 тыс. кВт) и «Чалок» (33 тыс. кВт)⁸.

⁵ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 10, с. 5.

⁶ См. там же, 1980, № 7, с. 3.

⁷ См.: «Экономическая газета», 1983, № 45, с. 20.

⁸ См.: Социалистическая Республика Вьетнам. Социально-экономические проблемы. М., 1982, с. 168.

Динамичный рост объемов и масштабов сотрудничества между СССР и Вьетнамом является одной из важнейших особенностей его развития. Однако нынешний этап советско-вьетнамского сотрудничества характерен и тем, что все яснее проявляются глубокие качественные изменения в механизме и формах хозяйственного взаимодействия двух стран. Что же в первую очередь отличает советско-вьетнамское экономическое сотрудничество сегодня?

СССР и СРВ начали и успешно осуществляют согласование экономической политики в тех областях, которые представляют интерес для обеих сторон как сфера сотрудничества. Консультации по вопросам долговременной стратегии развития, координация государственных планов СССР и СРВ служат согласованию экономической политики.

С середины 70-х годов, в отличие от предыдущих лет, когда совместно определялись задачи лишь на очередной год, сотрудничество осуществляется на долгосрочной плановой основе. Его основные цели и главные направления, как это принято и в отношении СССР с другими странами социалистического содружества, согласовываются при координации народнохозяйственных планов двух стран на пятилетний период. Результаты координации закрепляются в межправительственных соглашениях о товарообороте и платежах и об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Вьетнамом.

В ходе третьей консультации по координации планов (на 1986—1990 гг.), которая недавно завершилась, плановые органы обеих стран, исходя из основных направлений социально-экономического развития на предстоящее пятилетие и с учетом накопленного опыта определили оптимальные объемы взаимных поставок и перечень объектов, которые будут строиться во Вьетнаме с помощью СССР, с тем, чтобы они соответствовали сегодняшним импортным потребностям и экспортным возможностям обеих сторон, способствовали обеспечению ускоренного развития ключевых отраслей экономики СРВ⁹.

Расширяется горизонт совместной плановой деятельности. Наряду с координацией планов на пятилетие намечаются основные задачи сотрудничества и на более отдаленную перспективу.

Примером согласованного подхода к проблемам хозяйственного взаимодействия является Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ¹⁰, подписанная во время визита во Вьетнам советской партийно-правительственной делегации в октябре-ноябре 1983 г. Это была первая долгосрочная программа сотрудничества СССР со страной социалистического содружества. В 1984 г. такие программы, охватывающие период до 2000 г., подписаны также с ПНР, ГДР и Кубой. Эта программа, разработанная с учетом первоочередных целей социалистического строительства во Вьетнаме, определяет возможные формы, главные направления и приоритетные области сотрудничества. К последним относятся сельское хозяйство, топливно-энергетические отрасли промышленности, металлургия, машиностроение, химия и нефтепереработка, транспорт и связь, геологоразведочные работы. Реализация программы, отвечающей коренным интересам советского и вьетнамского народов, будет осуществляться по мере подготовки необходимых условий в каждой конкретной сфере сотрудничества. Программа, будучи итогом согласования экономической политики, представляет собой одновременно и план действий по проведению этой политики в жизнь.

Советско-вьетнамское сотрудничество приобретает все более комплексный, универсальный характер. Оно оказывает влияние практически на все отрасли народного хозяйства СРВ. Обширные по номенклатуре поставки из СССР комплектного и разрозненного оборудования, сырья и материалов производственного назначения, продовольственных и промышленных товаров народного потребления способствуют наиболее эффективно использованию и наращиванию экономического потенциала братской республики, повышению благосостояния вьетнамского народа.

Возникли и укрепляются новые формы советско-вьетнамских экономических отношений: переработка на предприятиях СРВ советского сырья (главным образом хлопка и шерсти) с последующей поставкой готовой продукции (пряжи, швейных изделий, ковров) в СССР; организация во Вьетнаме производств на условиях компенсации их продукцией затрат Советского Союза на строительство объектов; организация совместных предприятий; осуществление целевых комплексных программ в отдельных отраслях экономики СРВ с целью увеличения выпуска продукции, в которой имеется взаимная заинтересованность; ремонт на предприятиях Вьетнама судов советского торгового и рыболовного флота; реализация комплекса мер по созданию в СРВ разветвленной сети станций технического обслуживания поставляемых из СССР машин, оборудования и приборов и пр.

Среди этих форм важное место принадлежит сотрудничеству советских и вьетнамских организаций в рамках созданного в 1981 г. совместного предприятия по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ «Вьетсовпетро». Для развития вьетнамской экономики, ликвидации дефицита энергоносителей в стране и повышения экспортного потенциала республики деятельность этого предприятия имеет, без

⁹ См.: «Плановое хозяйство», 1984, № 10, с. 3—8.

¹⁰ См.: «Экономическая газета», 1983, № 47, с. 5.

преувеличения, стратегическое значение. Несомненный интерес для обеих сторон представляет сотрудничество на компенсационных условиях в расширении производства во Вьетнаме олова, апатитов, кофе, лекарственных растений, натурального каучука, товаров народного потребления из резины и латекса. Оно способствует более полному удовлетворению нужд народного хозяйства СРВ и увеличению экспорта.

Исходя из принципа взаимовыгодности, Советский Союз оказывает Вьетнаму содействие в выращивании и переработке плодовоовощной продукции. Охватывающая технологическую цепочку «производство — транспортировка — переработка — хранение», эта форма хозяйственного взаимодействия имеет хорошие перспективы: географически тяготеющий к СРВ емкий рынок советского Дальнего Востока — гарантия сбыта вьетнамских фруктов и овощей в свежем и переработанном виде.

Переработка в СРВ советского сырья в определенной мере позволяет Вьетнаму решать социально-экономические проблемы — более рационально использовать имеющиеся трудовые ресурсы и производственные мощности, а Советскому Союзу — производственные проблемы, связанные с дефицитом рабочей силы в отдельных отраслях промышленности. Перспективными зарекомендовали себя и другие новые формы взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Повышению эффективности экономического взаимодействия двух стран способствует деятельность Межправительственной советско-вьетнамской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, существующей с 1972 года. Комиссия и ее рабочие группы по ведущим направлениям сотрудничества (энергетика, угольная промышленность, транспорт и пр.) регулярно рассматривают ход выполнения взаимных обязательств, принимают решения по требующим оперативного вмешательства вопросам и разрабатывают мероприятия по их реализации. На прошедших в течение 1985 г. очередных заседаниях комиссии рассмотрены, в частности, вопросы повышения эффективности работы по созданию и эксплуатации объектов, строящихся в основных отраслях экономики СРВ при техническом содействии СССР, и намечены меры, направленные на успешную реализацию первого этапа программы работ по разведке и освоению месторождений нефти и газа на южновьетнамском шельфе¹¹.

Перечисленные выше факторы оказывают положительное воздействие на весь комплекс торгово-экономических отношений между СССР и СРВ, важнейшей тенденцией развития которых становится качественное совершенствование форм и методов сотрудничества. Ныне в результате осуществления сторонами согласованного курса на хозяйственное взаимодействие уже создаются условия для перевода советско-вьетнамского сотрудничества в перспективе на сбалансированную основу.

Расширение горизонта хозяйственного взаимодействия, количественный рост и позитивные изменения качественных характеристик экономического сотрудничества выдвигают перед советскими и вьетнамскими организациями, участвующими в его осуществлении, новые и более сложные задачи.

Сегодня за каждым процентом прироста товарооборота между СССР и СРВ стоит значительно большее число материальных ресурсов, чем даже в недалеком прошлом. В связи с этим особую значимость приобретают своевременное изготовление, погрузка и поставка товаров, предусмотренных соглашениями, их обработка в портах и доставка потребителям. Сбой даже в каком-либо одном звене этого процесса у поставщика могут сказаться на результатах работы отдельных предприятий и отраслей у потребителя. Строгое выполнение сторонами взаимных обязательств является настоящим требованием сегодняшнего дня.

Немаловажная задача — дальнейшее повышение качества поставляемой сторонами продукции. Работа в этом направлении ведется и в Советском Союзе, и во Вьетнаме. В интересах народного хозяйства обеих стран — придать ей более активный характер, ориентируясь в вопросах качества на требования мирового рынка.

Осуществление согласованного в рамках СЭВ курса на интенсификацию народного хозяйства требует все большего внимания и к вопросам рационального и экономного использования ресурсов, поступающих из одной страны в другую. От повышения уровня их отдачи выигрывает как Советский Союз, так и Вьетнам, а в конечном счете и все социалистическое содружество. Чем результативнее будут сегодня работать советские и вьетнамские организации над выполнением этих задач, тем больший вклад внесут они в решение перспективной проблемы торгово-экономических отношений между СССР и СРВ — перевода их на сбалансированную основу.

Экономические связи с Вьетнамом — пример интернационалистского подхода Советского Союза к отношениям с менее развитой страной. Сущность его состоит в том, чтобы укрепить своими ресурсами и техническим опытом, предоставляемыми на льготных условиях, собственные усилия СРВ в деле развития и повышения эффективности общественного производства. Враждебная пропаганда пытается извратить подлинные цели и характер советско-вьетнамского экономического сотрудничества. Утверждается, например, что СССР якобы углубляет «подсобный характер» вьетнамской экономики, использует в своих интересах природные ресурсы и рабочую силу республики. Беспочвенность таких утверждений становится очевидной даже при беглом анализе только некоторых проблем, которые решаются в СРВ с помощью Советского Союза.

¹¹ См.: «Правда», 24.I. и 19.XI.1985 г.

Важнейшим направлением советско-вьетнамского сотрудничества является строительство и реконструкция при техническом содействии СССР ключевых народнохозяйственных объектов, завершение которых способствует движению Вьетнама по пути социалистической индустриализации и построения материально-технической базы социалистической и транспортной инфраструктуры. Символами экономического сотрудничества между СССР и СРВ стали такие объекты, как крупнейший в Юго-Восточной Азии гидроузел «Хоабинь» (мощностью 1920 тыс. кВт), ТЭС «Фалай» (640 тыс. кВт), ГЭС «Чиан» (400 тыс. кВт)¹², мост «Тханлонг» через реку Красную, совместное предприятие «Вьетсовпетро». Уже сейчас объекты, построенные с помощью Советского Союза, дают Вьетнаму 89 % всего добываемого угля, 76 — металлорежущих станков, 100 — суперфосфата и апатита, 35 % электроэнергии¹³.

Важное значение для СРВ имеет реализация при содействии СССР планов налаживания и расширения производства экспортных товаров, пользующихся спросом на мировом рынке. Так, в минувшей пятилетке с помощью СССР был намечен ввод ряда мощностей на угольных шахтах и карьерах, что позволило бы увеличить добычу угля в СРВ на 4 млн. т¹⁴; велось расширение апатитового рудника Лаокай до производительности 1,6 млн. т концентрата в год¹⁵; осуществлялось освоение целинных земель и закладка на них плантаций гевеи площадью 50 тыс. га¹⁶. СССР также оказывал Вьетнаму содействие в строительстве и оснащении комбината по производству олова мощностью 1300 т в год, шести чайных фабрик, способных переработать 222 т чайного листа в сутки, в закладке плантаций кофе на площади 20 тыс. га. Рост экспортного потенциала позволит СРВ закупать на мировом рынке все большее количество необходимых товаров.

При техническом содействии и экономической помощи Советского Союза во Вьетнаме созданы или налаживаются производства, имеющие «антинимпортную направленность» и обеспечивающие подлинную экономическую независимость республики. К ним относятся такие предприятия, как цементный завод Бимшон мощностью 1,2 млн. т в год¹⁷, суперфосфатный завод в Ламтхао годовой производительностью 300 тыс. т¹⁸, металлургический комбинат и металлургический передельный завод общей мощностью 2 млн. т стали в год¹⁹ (по этим объектам готовятся технико-экономические обоснования), Ханойский механический завод, мощности которого позволяют выпускать ежегодно 700 металлорежущих станков²⁰, завод дизельных двигателей в Годаме и пр.

Заметную роль играет советско-вьетнамское сотрудничество в стабилизации и повышении материального благосостояния трудящихся СРВ. СССР, поставляя во Вьетнам сырье для обеспечения работы отраслей группы «Б», нефтепродукты, химические удобрения и товары народного потребления, способствует решению республикой продовольственной проблемы, наполнению внутреннего рынка СРВ потребительскими товарами, что позволяет улучшать сбалансированность между спросом и предложением. Только за 1981—1983 гг. во Вьетнам поступило из Советского Союза тканей, бумаги, пшеницы и муки, консервов, сахара, посуды, медикаментов, мыла и товаров культурно-бытового назначения на сумму свыше 153 млн. руб.²¹ С помощью СССР создаются предпосылки для решения во Вьетнаме жилищной проблемы — строятся домостроительный комбинат в Суанмае, завод оконного стекла.

Все это — свидетельство того, что Советский Союз, как и другие страны социалистического содружества, в отличие от стран Запада и КНР, фактически объявивших СРВ экономическую блокаду, проводит в отношениях с Вьетнамом единодушно одобренную Экономическим совещанием стран — членов СЭВ на высшем уровне (1984) линию — продолжать на существующей справедливой основе оказание помощи СРВ в ускорении развития и повышении эффективности ее народного хозяйства с учетом поставленных задач социалистической индустриализации, содействовать широкому участию республики в международном социалистическом разделении труда²².

Вьетнам, со своей стороны, придерживается в отношениях с СССР курса, провозглашенного на V съезде вьетнамских коммунистов, — еще более активно развивать всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, которое было и является краеугольным камнем внешней политики КПВ и правительства СРВ²³.

¹² См.: «Правда», 5.VI.1984.

¹³ См.: «Экономическая газета», 1983, № 45, с. 20.

¹⁴ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 10, с. 5.

¹⁵ См. там же, 1980, № 7, с. 5.

¹⁶ См.: СРВ. Социально-экономические проблемы, с. 179.

¹⁷ См. там же, с. 197.

¹⁸ См.: «Правда», 7.VI.1984.

¹⁹ См.: «Экономическая газета», 1983, № 47, с. 5.

²⁰ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 10, с. 3.

²¹ Подсчитано по статистическим сборникам: Внешняя торговля СССР в 1981—1983 гг.

²² См.: Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне, 12—14 июня 1984 г. Документы и материалы. М., 1984, с. 24.

²³ См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 96.

Эта линия получила новое закрепление в ходе визита в СССР партийно-правительственной делегации СРВ, состоявшегося в конце июня 1985 г. Советские и вьетнамские руководители обсудили конкретные направления советско-вьетнамского экономического сотрудничества на ближайшую перспективу. Для его дальнейшего последовательного расширения, как было отмечено, имеются большие потенциальные возможности.

Достигнуты договоренности об увеличении Советским Союзом экономического содействия Вьетнаму в ускорении развития ведущих отраслей промышленности, сельского хозяйства и повышении благосостояния населения, представлении СРВ кредита на нынешнее пятилетие и об отсрочке платежей в погашение ранее предоставленных кредитов. СССР также увеличит поставки таких наиболее необходимых народному хозяйству СРВ товаров, как нефтепродукты, прокат черных металлов, удобрения и хлопок.

Исходя из необходимости повышения эффективности сотрудничества, развития специализированных производств и реализации взаимовыгодных целевых программ, стороны условились направлять основные усилия на строительство объектов, имеющих первоочередное значение для укрепления материально-технической базы экономики СРВ и ее экспортной базы.

Итоги переговоров между партийно-правительственными делегациями СССР и СРВ получили закрепление в документах о развитии двустороннего торгово-экономического сотрудничества на период 1986—1990 гг. Протоколом о координации государственных планов СССР и СРВ, соглашением о товарообороте и платежах и соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве между двумя странами предусмотрено осуществление мероприятий по дальнейшей реализации важнейших положений долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества и решений Экономического совещания стран—членов СЭВ на высшем уровне. Объем взаимных поставок товаров возрастет в 1,7 раза по сравнению с 1981—1985 гг. Значительно увеличатся объемы технического содействия и всесторонней экономической помощи, оказываемой Советским Союзом Вьетнаму в развитии народного хозяйства. Параллельно с ростом поставок из СССР в СРВ машин и оборудования, в том числе комплектного, топлива, сырья и других товаров будет расширяться и экспорт в СССР ряда вьетнамских товаров, прежде всего сельскохозяйственной продукции — чая, кофе, изделий легкой и местной промышленности²⁴.

Советско-вьетнамские экономические отношения приобретают с каждым годом все больший размах, надежно служат решению задач коммунистического и социалистического строительства, интересам развития народного хозяйства СССР и СРВ.

О. В. ПЕТРОВ

²⁴ См.: «Правда», 12, 24 и 25.I.1986.

Экономические связи СССР — КНДР

Дальневосточный экономический район, объединяющий Хабаровский и Приморский края, Амурскую, Сахалинскую, Камчатскую, Магаданскую области и Якутскую АССР, занимает огромную территорию (27% площади СССР), на которой проживает несколько миллионов человек. Ныне Дальний Восток является индустриальным районом с развитыми транспортными функциями (транспорт в его экономике составляет 17% по стоимости продукции против 11 в среднем по стране), высоким удельным весом в хозяйственном комплексе строительства (14% против 10,8 в СССР); вместе с тем регион характеризуется сравнительно слабым развитием сельского хозяйства (7,9% при 15,9 по стране). Он занимает ведущее положение в СССР по производству таких продуктов горнодобывающей промышленности, как олово, вольфрам, борпродукты, флюорит и прочее. Рыбная промышленность Дальнего Востока обеспечивает около 40% добычи рыбы и морепродуктов; от 6 до 11% составляет доля региона в союзном производстве продукции лесопереработки и вывозке древесины. В сельском хозяйстве Дальнего Востока производится более 90% выращиваемой в стране сои, заготавливается около 30% пушнины, до 30 — товарного меда, 12 — лекарственно-технического сырья, 90% папоротника. Морской транспорт Дальнего Востока обеспечивает около 15% морского грузооборота страны. В машиностроении Дальнего Востока производится почти треть мостовых электрических кранов, подавляющая часть литейного очистного оборудования, создано крупное судостроение и авиационная промышленность.

Одной из характерных черт современного развития Дальневосточного экономического района является его активное включение в сферу внешнеэкономических связей страны. Здесь создан определенный экспортный потенциал, позволивший в 1970—1983 гг. увеличить объем экспорта почти в 2 раза. По таким товарным позициям, как пиловочник, целлюлоза, рыбная продукция, судовые лебедки, зерноуборочные комбайны, кабельная продукция и др., за счет поставок дальневосточной продукции обеспечивается заметная доля союзного экспорта (от 8 до 40%).

Качественно новым в развитии внешнеэкономических связей советского Дальнего Востока явилось широкое использование различных форм международного сотрудничества: компенсационные соглашения, развитие транспортных услуг (транссибирская контейнерная линия), организация совместных компаний по вылову и обработке рыбы, прибрежная и приграничная торговля. Опыт развития этих форм экономического сотрудничества свидетельствует о целесообразности их дальнейшего углубления и совершенствования, учитываемая имеющаяся для этого благоприятная предпосылки.

Широкие возможности для развития различных форм открываются в экономическом сотрудничестве с социалистическими странами Азии. Углубление этого направления является одним из основных в развитии внешнеэкономических связей советского Дальнего Востока. Этому способствует не только географическая близость, но и общность задач по повышению эффективности общественного производства, наличие реальных ресурсов, представляющих взаимный интерес, зарождающийся процесс экономической интеграции социалистических стран Азии.

Международные связи Дальневосточного района СССР с социалистическими странами Азии носят сегодня разнообразный характер. Они включают внешнюю торговлю, научно-техническое сотрудничество, совместную разработку природных ресурсов, предоставление транспортных услуг, туристические и другие связи.

В структуре дальневосточных экспортных поставок в социалистические страны Азии представлены все основные группы товаров регионального экспорта. Номенклатура этих поставок более диверсифицирована, чем экспорт в остальные государства Тихоокеанского бассейна, особенно в отношении продукции обрабатывающих отраслей промышленности. При этом доля отдельных товаров в поставках в эти страны значительно превышает аналогичный показатель регионального экспорта в целом (по товарам народного потребления, строительным материалам, черным металлам, топливно-энергетическим товарам и др.).

Заметное место в дальневосточном экспорте в социалистические страны Азии занимает Корейская Народно-Демократическая Республика. Сюда с советского Дальнего Востока поставляются машины и оборудование, нефтепродукты, деловая древесина, целлюлоза, прокат, рыбная и другая пищевая продукция, товары народного потребления. В районы советского Дальнего Востока из КНДР поступают металлорежущие станки, кабельная продукция, цемент, одежда и спортивная обувь, фарфоровая посуда, свежие овощи и фрукты.

В приграничных районах СССР и КНДР получили развитие многие формы сотрудничества, затрагивающие различные отрасли промышленности и транспорта. Одной из первых форм сотрудничества между СССР и КНДР на территории советского Дальнего Востока явилась заготовка леса на долевом участии силами корей-

ских рабочих в Амурской области и Хабаровском крае. Это сотрудничество между двумя странами началось в 1967 г. В дальнейшем, учитывая накопленный положительный опыт сотрудничества, было признано целесообразным значительно расширить его масштабы. В итоге в январе 1975 г. было подписано Соглашение между правительствами Советского Союза и КНДР об увеличении объемов заготовки леса на территории СССР силами корейских рабочих¹. Данный вид сотрудничества имеет большое значение для развития экономики обеих стран. КНДР, имеющая весьма ограниченные лесные ресурсы, за счет рассматриваемой формы сотрудничества обеспечивает подавляющую часть своих потребностей в деловых лесоматериалах. Советский Союз в свою очередь вовлекает непосредственно в районах Дальнего Востока в народнохозяйственный оборот новые лесные массивы, создавая на их базе дополнительные лесозаготовительные, а в последние годы и лесоперерабатывающие предприятия.

Эта форма сотрудничества постоянно совершенствуется, что особенно характерно для 70-х годов. Здесь наблюдается более комплексное использование выделяемых ресурсов, поскольку помимо заготовки леса увеличивается производство технологической щепы из отходов древесины; попутно в лесонасаждениях, подлежащих вырубке, заготавливается живица. В настоящее время действует новое пятилетнее соглашение, подписанное в марте 1982 г., согласно которому объем заготовки деловой древесины остается примерно на достигнутом уровне и увеличивается производство технологической щепы.

В перспективе будет повышаться комплексность в использовании лесных ресурсов за счет расширения производства полуфабрикатов и готовой продукции. Благоприятные возможности для этого имеются прежде всего во вновь осваиваемых районах хозяйственной зоны Байкало-Амурской магистрали, где сосредоточено свыше 10 млрд. м³ древесины, что позволит развернуть в крупных масштабах лесозаготовительную и деревообрабатывающую промышленность. Появятся несколько новых мощных леспромпхозов, деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов. Особый интерес для освоения представляет территория Хабаровского края и Амурской области, где возможна организация лесозаготовок, а также расширение существующих и создание новых деревообрабатывающих комбинатов.

Другой формой международного сотрудничества, получившей развитие между районами советского Дальнего Востока и КНДР, является совместная деятельность в области рыболовства. Эта отрасль имеет исключительно важное значение для народного хозяйства КНДР, учитывая, что рыбо- и морепродукты традиционно составляют заметную долю в рационе питания граждан этой страны. Поэтому повышение жизненного уровня трудящихся, решение продовольственной проблемы тесно связано с ростом добычи рыбы и морских продуктов.

Повышение требований к технической оснащенности в морском промысле, введенные странами мира 200-мильной рыболовной (или экономической) зоны значительно осложнили для КНДР рыболовство, которое требует в настоящее время современных орудий лова, использования в полном объеме научных методов его ведения. Решению этих проблем в значительной мере способствует подписанное между правительствами СССР и КНДР 18 января 1974 г. Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства и протокол к нему от 28 июля 1977 г.² Согласно этим документам предусматривается обмен опытом по вопросам организации морского рыболовства и использования рыбных ресурсов на научной основе, развития техники промысла и технологии обработки рыбных продуктов, прудового рыболовства и биотехники разведения моллюсков и водорослей, проведение совместных научно-исследовательских работ и др.

Активное участие в реализации этого соглашения принимают дальневосточные рыбаки и ученые. КНДР переданы несколько судов для использования их в качестве плавучих баз, оказывается содействие в освоении промысловых объектов северо-западной акватории Тихого океана, в овладении передовыми методами добычи рыбы, оказывается помощь в проведении ремонта корейских промысловых судов. Коллектив Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии Министерства рыбного хозяйства СССР поделился с учеными КНДР материалами исследований и научной документацией по вопросам рыболовства. Деловые и научные контакты советских и корейских специалистов продолжаются.

Значительное развитие получили товарообменные операции по линии приграничной торговли между дальневосточными районами СССР и северными провинциями КНДР. Начало этой торговли относится к 1968 г., когда в соответствии с Протоколом о приграничной торговле между СССР и КНДР были осуществлены первые торговые сделки. Все операции, связанные с осуществлением этой формы внешнеторговых связей, производятся через Всесоюзное внешнеторговое объединение

¹ См.: «Внешняя торговля СССР», 1975, № 8, с. 13; «Экономическая газета», 1980, № 33, с. 20.

² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4, с. 18; Отношения Советского Союза с народной Кореей, 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981, с. 317—322, 371—375.

«Дальинторг» (город Находка), специально созданное для ведения прибрежной и приграничной торговли со странами Тихоокеанского бассейна.

Эта торговля в отличие от межгосударственной имеет три основные особенности. Первая из них проявляется в номенклатуре экспорта, основу которой составляют товары дальневосточного происхождения. Ресурсы для производства этих товаров достаточны как для удовлетворения внутренних потребностей, так и для поставки на экспорт. В одних случаях это необходимое сырье для промышленности, а в других — товары народного потребления (продовольственные, хозяйственно-бытовые и др.). По линии импорта завозятся товары потребительского характера и производственно-технического назначения, потребность в которых испытывает Дальний Восток.

Другая особенность приграничной торговли заключается в принципе товарного обмена, балансирующего экспортно-импортные операции: выручка от продажи экспортных дальневосточных товаров расходуется на закупку импортных товаров для нужд районов Дальнего Востока.

Третья особенность рассматриваемой формы торговли заключается в контингенте ее участников. С советской стороны в обмен товарами по линии приграничной торговли вовлечены дальневосточные хозяйственные организации, выступающие на внешнем рынке через В/О «Дальинторг». С корейской стороны — мелкие и средние предприятия северных провинций, выступающие через внешнеторговые общества.

Отмеченные специфические особенности и определяют сущность приграничной торговли как одной из форм внешнеторговых связей районов советского Дальнего Востока со странами Тихоокеанского бассейна (в том числе с КНР, Японией, Австралией). Эта форма не противоречит основным принципам монополии внешней торговли, так как осуществляется под контролем Министерства внешней торговли СССР.

В общем объеме советско-корейского внешнеторгового оборота приграничная торговля занимает скромное место (менее 1%). Невелика ее доля и в общем обороте В/О «Дальинторг» — немногим более 2%³. В перспективе возможно увеличение объемов приграничной торговли, учитывая реальные возможности партнеров. Значимость же этой формы торговли и впредь будет определяться ее особым региональным характером, проявляющимся в положительном влиянии на развитие экономики Дальнего Востока и северных провинций Народной Кореи.

Для районов Дальнего Востока приграничная торговля является дополнительным источником, который способствует более полному удовлетворению потребительского спроса населения на такие товары, как свежие овощи и фрукты, текстильные изделия, спортивная обувь, фарфоровая посуда. В свою очередь корейским потребителям за счет приграничной торговли наряду с такими товарами, как хозяйственное мыло, алюминиевая посуда, оконное стекло, строительные гвозди, керосин, увеличиваются поставки электронагревательных приборов, ручных часов, холодильников, телевизоров, стиральных порошков. О заинтересованности корейских внешнеторговых обществ в развитии торговли с районами советского Дальнего Востока свидетельствует совершенствование структуры экспортно-импортных операций, а также растущие их объемы: с 1976 по 1982 г. товарооборот приграничной торговли увеличился более чем в 2 раза.

Приграничная торговля имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития, имеются еще многие не вовлеченные в ее оборот ресурсы и взаимная заинтересованность сторон. Об этом свидетельствовала и проведенная в 1983 г. в городе Находке первая выставка корейских товаров номенклатуры приграничной торговли. На выставке были представлены многие товары народного потребления (трикотажные, швейные и галантерейные изделия), лекарственные препараты из женьшеня, косметика, фарфоро-фаянсовая посуда, художественные изделия, строительные материалы, а также свежие овощи, фрукты и продукция их переработки. Большая заинтересованность со стороны дальневосточных предприятий и организаций была проявлена ко многим из этих товаров.

Кроме отмеченных форм, успешно развивается сотрудничество коллективов железнодорожного, морского и воздушного транспорта районов советского Дальнего Востока и КНДР. Многие годы, например, поддерживают между собой деловые связи коллективы железнодорожных станций — дальневосточной Хасан и корейской Туманган, обеспечивая доставку грузов в приграничные районы обеих сторон. Дальневосточное морское пароходство пользуется услугами корейского порта Раджин для перевозки советских внешнеторговых грузов, отправляемых оттуда в различные страны Азии.

В 1984 г. отмечалось десятилетие открытия воздушной линии между Хабаровском и Пхеньяном. За это время советские и корейские авиаторы перевезли более 60 тыс. пассажиров. Граждане КНДР через Хабаровский аэропорт имеют возможность попасть в 101 страну мира. За десять лет по этой авиалинии было перевезено более 10 тыс. разнообразных грузов. Жителям Дальнего Востока самолетами доставляются из КНДР овощи и фрукты.

³ См.: «Внешняя торговля», 1984, № 11, с. 32.

Анализ экономических связей советского Дальнего Востока с Корейской Народно-Демократической Республикой показывает, что они носят разносторонний характер, опираются на хорошую экономическую базу, развиваются на взаимовыгодной основе. Однако масштабы и формы этого сотрудничества пока не в полной мере соответствуют возможностям и хозяйственным интересам обеих стран. Имеется целый ряд экономических предпосылок для дальнейшего развития и углубления внешнеэкономического сотрудничества. Одна из них — растущий экономический потенциал обеих сторон.

Будущее Дальневосточного экономического района будет характеризоваться дальнейшими сдвигами в его экономике. Эти сдвиги касаются наиболее фундаментальных областей дальневосточного хозяйства: в промышленности увеличится доля перерабатывающих отраслей и отраслей, обеспечивающих освоение морских ресурсов; центр экономической деятельности в области добывающей промышленности будет сдвигаться на Север; появятся новые районы концентрированного промышленного производства и инфраструктурной деятельности, освоение которых будет базироваться на формировании территориально-производственных комплексов; значительно повысится доля затрат на инфраструктуру, геологоразведку, то есть на подготовку территории Дальнего Востока к интенсивному хозяйственному развитию; усилятся продвижение новейших научно-технических достижений в регион. Эти сдвиги в экономическом развитии приведут к усилению роли Дальнего Востока в экономике СССР, а также к возрастанию дальневосточного внешнеторгового потенциала, к усилению его позиций на тихоокеанском международном рынке.

Исходя из основных тенденций развития товарных рынков стран Тихоокеанского бассейна, к которому тяготеет дальневосточный экспорт, а также перспективных планов хозяйственного развития региона, формирование его экспортной базы целесообразно решать в двух направлениях. Первое за счет диверсификации производства, которая позволит существенно увеличить долю экспорта готовой продукции, включая и машино-технические изделия региона, второе — за счет наращивания экспорта сырьевых товаров и полуфабрикатов, пользующихся повышенным спросом на внешнем рынке.

Определяющими этапами в развитии внешнеэкономической направленности будут следующие факторы: создание специализированных экспортных производств, активное использование форм экономического сотрудничества, углубление сотрудничества с социалистическими странами. Наращивание экспортных поставок сырья в основном будет обеспечиваться путем освоения новых территорий в зоне Байкало-Амурской магистрали и в более отдаленной перспективе за счет хозяйственного освоения Тихоокеанского побережья. На первоначальном этапе освоения зоны БАМа экономически целесообразным является увеличение экспорта лесных товаров и южно-якутских углей. В дальнейшем номенклатура экспорта этой зоны будет расширяться за счет разработки месторождений железорудного сырья, меди, строительных материалов и пр. Если на первом этапе экспорт зоны БАМа будет иметь сырьевую направленность, то в последующем предусматривается совершенствование его структуры путем поставок на внешний рынок полуфабрикатов и готовой продукции.

Наращивание объемов экспорта сырья является первым этапом в решении задачи создания крупной экспортной базы на Востоке страны.

Вторым и определяющим направлением в формировании стабильной экспортной базы является организация комплекса экспортных производств по выпуску готовой продукции. В долгосрочной перспективе это направление будет усиливаться за счет лесопереработки, рыбной и химической промышленности, машиностроения.

Особого внимания заслуживает проблема диверсификации экспортного производства в машиностроении Дальнего Востока с учетом потребностей стран Тихоокеанского бассейна и прежде всего социалистических стран Азии. В настоящее время более 90% экспорта продукции дальневосточного машиностроения направляется в европейские социалистические страны и развивающиеся государства Ближнего и Среднего Востока и лишь 7—9% — в страны Тихоокеанского бассейна, главным образом в социалистические. Одна из основных причин сравнительно слабого участия Дальнего Востока в вывозе машин и оборудования в социалистические страны Азии — несоответствие потребностей данного рынка сложившейся специализации регионального машиностроения. Однако потребности этого рынка и самого региона совпадают по многим видам машиностроительной продукции (горно-шахтное, дорожно-строительное оборудование, металлорежущие станки, оборудование по лесопереработке и производству рыбной продукции и пр.).

В перспективе определяющее влияние на развитие машиностроения советского Дальнего Востока будет иметь намечаемое ускоренное развитие профилирующих отраслей самого региона и восточной зоны в целом, а также территориальные сдвиги в размещении производительных сил восточных районов и прежде всего вовлечение в интенсивное хозяйственное использование северных территорий. Это определяет развитие ускоренными темпами таких отраслей регионального машиностроения, как энергетическое, горно-шахтное и горнорудное, тракторное и сельскохозяйственное, производство подъемнотранспортного оборудования, электротехническая промышленность и др., где необходимо учитывать и потребности рынка социалистических стран Азии. Несмотря на имеющийся определенный производственный потенциал, эти стра-

ны испытывают потребности во многих перечисленных выше видах машин и оборудования. Ориентация экспорта продукции машиностроения в эти страны благоприятно скажется не только на расширении внешнеэкономических связей региона в целом, но и будет способствовать развитию социалистического международного разделения труда на Азиатском континенте.

Среди социалистических стран Азии КНДР характеризуется наибольшим развитием машиностроения. Быстрые темпы его развития и разнообразие его отраслей позволили КНДР в значительной мере удовлетворять потребности народного хозяйства республики в основных видах машин и оборудования, увеличить их поставку на экспорт. Вместе с тем продукции корейского машиностроения приходится сталкиваться с высокой конкуренцией на зарубежных рынках. Поэтому дальнейшее совершенствование машиностроительной базы КНДР обуславливает необходимость участия республики в международном социалистическом разделении труда, налаживании производственной кооперации в этой области с другими социалистическими странами, прежде всего с СССР и его дальневосточными районами.

Предпосылки для взаимного сотрудничества просматриваются и в других отраслях промышленности. Например, в КНДР базовыми отраслями тяжелой индустрии являются топливная, энергетическая и горнодобывающая промышленность, что определяется значительными сырьевыми ресурсами и большими масштабами их освоения. По имеющимся оценкам, общие запасы органического топлива и гидроэнергии КНДР в пересчете на условное топливо составляют несколько млрд. т. Однако топливно-энергетические ресурсы КНДР имеют не совсем благоприятную видовую структуру. Наибольший удельный вес среди первичных источников топлива занимает каменный уголь. Несмотря на стабильный рост его добычи, потребности КНДР за счет собственного производства удовлетворяются не полностью. Это обусловлено отсутствием коксующихся углей, которые КНДР импортирует, в том числе из СССР.

Направлением дальнейшего развития сотрудничества между районами советского Дальнего Востока и КНДР могло бы стать налаживание производственной специализации и кооперации в черной металлургии и кабельной промышленности. В настоящее время в КНДР экспортируются с Дальнего Востока СССР некоторые виды проката, а оттуда поступает в регион стальной лист. Такой же взаимный обмен существует в поставках кабельной продукции. Представляется целесообразным этому обмену придать форму производственного сотрудничества между родственными предприятиями двух стран.

Имеются возможности и для совместного сотрудничества в области сельского хозяйства, в частности в рисоводстве. В КНДР рисоводство является традиционной и основной отраслью растениеводства. В настоящее время рисоводство на Дальнем Востоке набирает темпы. На долю района приходится в среднем 4% общего объема производства риса в СССР⁴. Основным районом его возделывания на Востоке страны является Приморский край. К 1990 г. предусмотрено увеличение сбора риса⁵. Все это создает благоприятные возможности для сотрудничества в развитии рисоводства между учеными и практиками обеих стран.

Интерес представляет использование корейского опыта в производстве разнообразных видов соевой продукции, и прежде всего соевого соуса, который пользуется традиционным спросом во многих странах Тихоокеанского бассейна. Дальний Восток, являясь главной соевой плантацией страны, пока изготавливает из этой ценной продукции ограниченный набор товаров (главным образом масло, муку и шрот). Более широкое использование международного опыта по переработке сои и производству из нее разнообразной продукции позволило бы пополнить стабильную группу экспорта дальневосточных товаров и расширить ассортимент соевой продукции на внутреннем рынке.

Весьма перспективным направлением сотрудничества может стать культивирование многих видов морепродуктов, пользующихся стабильным спросом не только в КНДР, но практически во всех странах Тихоокеанского бассейна. В Народной Корее накоплен большой опыт искусственного разведения морской капусты, устриц, кальмаров, трепангов, креветок и пр., а также выработки из них готовой продукции.

На советском Дальнем Востоке это направление находится пока в начальной стадии своего развития. По мнению специалистов, прибрежные воды советского Дальнего Востока, особенно в южных районах, имеют благоприятные условия для крупномасштабного искусственного разведения и товарного выращивания большого числа беспозвоночных и водорослей (гребешок, устрица, трепанг, ламинария, анфельция). Современные методы марикультуры, основанные на последних достижениях науки, позволяют достичь высокой производительности морских хозяйств, средняя продуктивность которых во много раз превышает наиболее продуктивные шельфовые зоны океана. Растущий интерес к искусственному разведению рыбы и морепродуктов вызван тем, что промысел этой продукции в открытом море становится ненадежным.

Кроме того, все больший интерес в зарубежных странах привлекает разведение

⁴ См.: А. Д. Нестеренко. Продовольственный комплекс Дальнего Востока. Владивосток, 1983, с. 89.

⁵ Там же, с. 90.

многих плантаций водорослей как источника кормов для развития животноводства. Данный источник является более эффективным, чем разведение травяных культур на земле, ибо отличается высокой урожайностью и меньшими затратами на производство. К тому же в перспективе возможности сельскохозяйственных угодий будут сокращаться в силу пространственных (с учетом процесса урбанизации) и экономических (пределы интенсивности использования) ограничений, — следовательно, роль подводных плантаций может существенно возрасти.

Для Дальнего Востока непосредственный интерес представляет разведение подводных плантаций в южных прибрежных водах Приморья, а также Камчатки и Сахалина. Целесообразность организации подобных производств подкрепляется и необходимостью загрузки береговых рыбокомбинатов. Специализация этих комбинатов на разведении водных плантаций и выработке изделий из морепродуктов позволила бы повысить эффективность использования биологических ресурсов, улучшить экономические показатели отрасли.

В этом убеждают и обнадеживающие результаты, полученные на созданных в Приморье экспериментальных базах по культивированию гребешков и устриц. По предварительным расчетам, «урожай» этих пищевых моллюсков может составить в год до 20 т с га. На первом действующем в Советском Союзе экспериментальном участке по выращиванию морской капусты (на рыбокомбинате «Валентин») 1 га подводной плантации приносит 60—70 т сырья⁶. Имеются перспективы для разведения на подводных плантациях и таких ценных пищевых объектов, как мидия, трепанги, морские ежи и др. Недалеко то время, когда эти экспериментальные участки перерастут в крупнейшие промышленные предприятия по производству деликатесной продукции.

В определенной мере этому может способствовать сотрудничество заинтересованных специалистов СССР и КНДР. Перечень возможных направлений советско-корейского экономического сотрудничества в районах Дальнего Востока можно продолжить и дальше, например в отраслях легкой промышленности.

Советско-корейские связи успешно развиваются по многим направлениям. Возрастающую роль в них призвано сыграть взаимовыгодное экономическое сотрудничество двух стран.

Н. Л. ШЛЫК,
кандидат экономических наук

⁶ См.: «Правда», 24.IX.1976.

Китай и ЮВА: по страницам сборника документов

В последние годы неуклонно возрастает интерес историков и политологов к Азиатско-тихоокеанскому региону, который все более выдвигается на авансцену мировой политики. Важное место в общей системе взаимосвязей стран региона занимают отношения между Китаем и государствами Юго-Восточной Азии. Этой области страноведения посвящен целый ряд исследований советских и зарубежных авторов. Однако глубокая и всесторонняя ее разработка затруднялась тем, что до недавнего времени ученые не располагали необходимыми документами и материалами, на которые можно было бы полагаться как на серьезные источники информации. Ценный вклад в преодоление такой ситуации вносит предпринятое профессором Делийского университета Р. К. Джайном издание сборника (на английском языке) документов и других материалов в восьми томах, дающих хронологически построенную картину развития отношений Китая с Бирмой, индокитайскими государствами и странами АСЕАН в 1949—1984 гг.

Один из первых выпущенных Р. К. Джайном сборников посвящен отношениям Китая с Малайзией. Такая очередность объясняется прежде всего тем обстоятельством, что около 35 % населения Малайзии составляют китайцы.

В рассматриваемом сборнике приведено 362 документа на английском языке из китайских и малайзийских источников. Сборник содержит выдержки из двусторонних коммюнике, полные тексты заявлений и интервью руководящих деятелей двух стран, информационные сообщения, редакционные статьи и комментарии печати КНР и малайзийской (малайской) прессы, официальные публикации ООН, некоторые другие материалы. В приложении к сборнику дается перечень визитов, которыми обменялись Китай и Малайзия в 1971—1983 гг., список двусторонних соглашений за период 1971—1982 гг., статистические данные о торговле между двумя странами в 1948—1981 гг. и о китайских закупках каучука с 1949 по 1972 г. Сборник включает обширный библиографический раздел.

В период с октября 1949 г. до провозглашения 31 августа 1957 г. формальной независимости Малайской Федерации в политике Пекина в отношении этой страны главное внимание уделялось местной китайской общине, а также выражению поддержки развернувшегося в Малайе антиколониального движения, которое осуществлялось под руководством КПКМ.

Еще до образования КНР, говорится в сборнике, контролировавшаяся КПК пресса открыто заявляла о солидарности китайского народа с вооруженной борьбой против английских колонизаторов в Малайе. При этом подчеркивалось, что угнетенным массам стран Юго-Восточной Азии необходимо учитывать опыт китайской революции и что победа национально-освободительной войны в Китае ясно указывает им, каким путем следует идти (см. документы № 2 и 4). После октября 1949 г. эти тезисы стали пропагандироваться еще более настойчиво. Именно вооруженная борьба, говорил Лю Шаоци в выступлении на конференции профсоюзов стран Азии и Австралии 16 ноября 1949 г., может и должна стать главной формой развития национально-освободительного движения в колониях и полуколониях. Он отмечал, что вооруженную борьбу в деревне следует сочетать с легальной и нелегальной борьбой масс в городах и районах, контролируемых врагом (д. 5).

Аналогичных взглядов придерживалось и руководство Компартии Малайи. В сборнике приводятся выдержки из ряда закрытых документов КПКМ, датированных 1955—1956 гг. В них одновременно с утверждением о том, что «вооруженная борьба — единственно верный путь колониальных народов в борьбе за свободу, независимость и освобождение» (д. 19), отмечалось, что «в период, когда вся нация сплочена в общей антианглийской борьбе, классовая борьба должна быть замедлена» (д. 22), а разногласия между партиями и классами не должны ослаблять антиколониалистские силы (д. 29).

На практике КПКМ не удалось создать широкий фронт борьбы против возрождения английского колониализма в Малайе, революционизировать малайское крестьянство. Используя разнообразные средства, разжигая религиозный фанатизм, власти методически внедряли в сознание малайского населения представление о том, будто КПКМ является партией только китайской общины, что преследуемые ею цели чужды и праждебны интересам малайцев. Под натиском карателей отряды КПКМ вынуждены были отступать все дальше в глубь джунглей, где они оказывались в полной изоляции.

Английские колонизаторы бросили на подавление партизанского движения огромные военные силы. С целью пресечь связи КПМ с местным китайским населением сотни тысяч проживавших в сельской местности китайцев были согнаны в так называемые «новые деревни», которые представляли собой особые резервации, обнесенные колючей проволокой, охраняемые полицией и войсками.

В 1950 г. Англия пошла на установление дипломатических отношений с КНР, однако в связи с этим английский верховный комиссар в Малайе М. Макдоналд поспешил заявить, что признание «коммунистического Китая» отнюдь не означает более терпимый подход английских властей к КПМ (д. 7).

Руководство КПМ неоднократно выступало с предложениями о прекращении военных действий и проведении переговоров с властями для достижения взаимоприемлемого соглашения. Эта линия находила поддержку Пекина. В январе 1956 г. «Жэньминь жибао», касаясь провала переговоров между делегациями КПМ и правительства Малайи в Балинге, писала, что единственная причина, почему на этих переговорах не было достигнуто соглашения, состоит в «противодействии и саботаже британских колонизаторов». Китайский народ, подчеркивал орган ЦК КПК, «следит за событиями в Малайе с самым пристальным вниманием» (д. 24).

Важное место в политике КНР в отношении стран ЮВА, в том числе Малайи, занял вопрос о китайских общинах в этих странах. Для руководства работой, связанной с зарубежными китайцами (хуацяо), при Государственном совете КНР был создан Комитет по делам китайцев, проживающих за границей. Его возглавила Хэ Сянин, вдова Ляо Чжункая, видного деятеля левого крыла гоминьдана, сподвижника Сунь Ятсена. В опубликованном 30 сентября 1950 г. заявлении Хэ Сянини содержался решительный протест по поводу закрытия английской колониальной администрацией в Малайе двух газет местных хуацяо. В заявлении делался упор на то, что, поскольку правительство Великобритании признало Центральное народное правительство КНР, британские колониальные власти в Малайе должны с уважением относиться к проживающим там хуацяо (д. 11).

29 декабря 1950 г. МИД КНР выступил с заявлением, в котором привлек внимание мировой общественности к тому, что тысячи малайских хуацяо подвергаются депортации или томятся в тюрьмах. В заявлении сурово осуждались жестокие расправы британских солдат над китайцами. На английское правительство и колониальные власти возлагалась вся полнота ответственности за последствия, связанные с гонениями на хуацяо, и высылку их из Малайи (д. 14).

В последующие годы правительство КНР, взяв линию на нормализацию межгосударственных отношений со странами проживания хуацяо, стало отходить от позиции подчеркивания тесных связей с китайскими иммигрантами. На Бандунгской конференции в апреле 1955 г. делегация КНР отстаивала принципы мирного сосуществования. Глава делегации Чжоу Эньлай заявил, что его страна не намерена использовать зарубежных китайцев в подрывных целях. Заместитель министра иностранных дел Чжан Ханьфу в выступлении на конференции охарактеризовал вооруженную борьбу в Малайе как внутреннее дело этой страны, которое не имеет никакого отношения к Китаю.

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, в 1950—1951 гг. между КНР и Малайей в значительных масштабах осуществлялись торговые связи. В эти два года на Малайю приходилось от 60 до 32,6 % общего импорта Китаям натурального каучука (приложение 5). Однако в мае 1951 г. англичане в ответ на убийство партизанами КПМ британского верховного комиссара в Малайской Федерации ввели эмбарго на торговлю Федерацией и Сингапура с КНР.

Отношения между Малайей и КНР стали активизироваться по мере продвижения Малайи к независимости. В феврале 1956 г. было достигнуто соглашение о предоставлении Англией независимости Малайе с августа 1957 г., и вскоре Куала-Лумпур отменил эмбарго на торговлю с Китаем, что с большим удовлетворением было воспринято в Пекине (д. 27, 28).

Провозглашение 31 августа 1957 г. независимости Малайской Федерации ознаменовало начало следующего периода отношений между двумя странами. В Пекине не скрывали надежд, что с обретением Малайей большей самостоятельности ее подход к КНР изменится в лучшую сторону. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай направили первому премьер-министру Малайи А. Рахману приветствия, причем в послании Чжоу было заявлено о признании Китаем Малайской Федерации (д. 32). Отделение от Федерации Сингапура в Пекине расценили как стремление Англии к национальной и региональной дезинтеграции с целью сохранить свое господствующее положение в Малайе (д. 31), превратить Малайю в свою атомную базу в Азии (д. 38).

Последствия колониальной зависимости отчетливо сказывались на всех сторонах жизни Малайи в первые годы после провозглашения ее независимости. Большую роль во внутренней и внешней политике страны продолжала играть Англия. В Малайе располагались английские, австралийские и новозеландские войска, проводившие боевые действия против партизан; английский капитал сохранял прежние позиции в экономике Федерации.

В такой обстановке Малайя воздержалась от официального признания Китайской Народной Республики, пошла на ряд шагов, препятствующих налаживанию деловых связей с КНР. В июле 1958 г. была запрещена экспозиция товаров КНР на выставке

в Куала-Лумпуре; в октябре 1958 г. наложен запрет на импорт многих изделий китайской текстильной промышленности; 28 марта 1959 г. правительство Малайи опубликовало «Белую книгу», в которой обвинила Пекин во вмешательстве во внутренние дела своей страны; 1 апреля 1959 г. малайские власти закрыли отделение Банка Китая в Куала-Лумпуре и т. д. Ответственность за дестабилизацию обстановки в Юго-Восточной Азии печать КНР возлагала на американских империалистов, которые, сея семена раздора, стремились «заставить азиатов драться с азиатами» (д. 42).

Выступая с недружественных Пекину позиций, правительство Малайи вместе с тем стремилось избежать чрезмерного обострения отношений с КНР и не пошло на признание за Тайванем права представлять Китай в ООН (д. 48). На XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1961 г. представитель Малайи, повторив свои прежние нападки на Пекин, тем не менее заявил о необходимости КНР стать членом ООН. Он аргументировал свою точку зрения тем, что участие КНР во всех международных мероприятиях, направленных на сохранение мира и международной безопасности, не только желательно, но и необходимо (д. 52). Однако одновременно малайское правительство настаивало на признании Тайваня в качестве самостоятельного государства (д. 48, 52).

Большим количеством документов и материалов (свыше половины их общего числа) представлен в сборнике период от образования Федерации Малайзия в сентябре 1963 г. до установления дипломатических отношений между нею и КНР в мае 1974 г.

Превращение Малайской Федерации в Федерацию Малайзия явилось сложным и противоречивым процессом, в который были вовлечены как внутренние, так и международные факторы. Важнейшим звеном образования Малайзии первоначально рассматривалось объединение Малайской Федерации и Сингапура, однако целесообразность этого вызвала сомнение среди малайских лидеров, которые опасались, что тем самым будет нарушен и без того шаткий количественный баланс между малайцами и китайцами в пользу последних. Ситуация изменилась после того, как открылась возможность включения в состав Федерации Сабаха, Саравака и Брунея, в результате чего малайцы остались бы большинством населения и после воссоединения с Сингапуром. Свои особые цели преследовала Англия, соглашаясь на образование Федерации Малайзия в составе Малайской Федерации, Сингапура и Сабаха. Она рассчитывала на то, что таким путем будет легче справиться с революционным движением, которое приобретало все больший размах в Сингапуре. Это хорошо видели прогрессивные силы в Сингапуре, выступившие против его объединения с Малайской Федерацией на разработанных официальными властями условиях. Создание Малайзии натолкнулось также на противодействие Филиппин, которые возражали против включения в ее состав Сабаха, заявляя, что считают эту территорию своей. Против намеченного Лондоном и Куала-Лумпуром решения вопроса о Сабахе и Сараваке высказалась и Индонезия.

В конечном итоге план образования Федерации Малайзия был осуществлен, за тем исключением, что в нее не вошел Бруней. Однако это сопровождалось серьезным осложнением обстановки в Юго-Восточной Азии. В день провозглашения Федерации Индонезия и Филиппины разорвали дипломатические отношения с Малайзией. Начался период конфронтации между Индонезией и Малайзией, продолжавшийся три года. Англия воспользовалась этим для укрепления своих позиций в Федерации. Под предлогом ее защиты Лондон сосредоточил свои крупные военно-морские силы в Сингапуре.

Прочность Федерации Малайзия подтачивалась и внутренними противоречиями, которые выражались в растущих разногласиях между Малайей и Сингапуром. 9 августа 1965 г. состоялось формальное отделение Сингапура от Федерации.

В Китае отрицательно прореагировали на планы образования Малайзии, считая, что это даст британским колониальным властям возможность укрепить свои пошатнувшиеся позиции в Сингапуре и на Северном Калимантане, облегчит подавление ими разворачивающегося здесь национально-освободительного движения (д. 54, 56, 57). В опубликованной 29 сентября 1963 г. статье в газете «Жэньминь жибао» отмечалось, что Китай стоит на стороне народов Северного Калимантана, Малайи и Сингапура в их борьбе за самоопределение и достижение подлинной независимости, против неоколониалистского заговора создания Малайзии (д. 62). Как показывают документы сборника, в создании новой Федерации в Пекине усматривали прямую угрозу Индонезии (д. 61, 62, 66—70, 74, 75). Это вызывало в КНР особое беспокойство, поскольку в начале 60-х годов Пекин настойчиво добивался сближения с этой страной, осуществлял широкие меры по налаживанию сотрудничества с нею в различных областях. Китай решительно выступил в поддержку Индонезии во время ее конфронтации с Малайзией в 1963—1965 гг.

Вполне очевидно, что такой ход событий вел к усилению напряженности в отношениях между КНР и Малайзией. Это проявилось, в частности, в том, что в ноябре 1964 г. Куала-Лумпур пошел на открытие в Малайзии тайваньского консульства (д. 71), что было с негодованием воспринято в КНР (д. 72). Пытаясь смягчить реакцию Пекина, малайзийское правительство заявило, что оно руководствуется всего лишь желанием укрепить торговые и туристические связи с Тайванем и что его политика признания Тайваня в качестве Китая остается неизменной (д. 85). Анало-

гичным образом Куала-Лумпур интерпретировал свои действия при открытии в декабре 1966 г. малайзийского консульства в Тайбэе.

После событий 30 сентября 1965 г. в Индонезии Куала-Лумпур ужесточил свою линию в отношении Пекина, обвиняя его в «экспансионизме» и в попытках «вмешательства во внутренние дела» стран Юго-Восточной Азии.

В период развертывания в Китае «культурной революции» произошло усиление пропагандистской работы Пекина в отношении Малайзии, что вызывало глубокую обеспокоенность в правящих кругах Федерации. Как отмечает составитель сборника Джайн, с учетом характера внешней политики Пекина в период «культурной революции» Малайзия, Сингапур, Таиланд, Индонезия и Филиппины пошли в августе 1967 г. на создание Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В КНР отнеслись к возникновению АСЕАН с большой настороженностью, расценив ассоциацию как «военный союз, направленный против Китая». Отношения КНР с Малайзией еще более обострились в связи с происшедшими в мае 1969 г. в Федерации массовыми столкновениями между малайской и китайской общинами.

Правительство А. Разака, пришедшее к власти в Малайзии после кризиса 1969 года, учитывая общие изменения обстановки на мировой арене, наметившийся процесс разрядки международной напряженности и мнение прогрессивных общественных сил внутри страны, продолжая сохранять тесные связи с Западом, стало развивать и дружественные отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами, заявило о своей готовности проводить политику неприсоединения, выразило стремление к созданию зоны нейтралитета в Юго-Восточной Азии, безопасность и стабильность которой, по его мнению, должны были обеспечить США, Советский Союз и Китай (д. 154).

Лидеры Малайзии продолжали утверждать, что политика Пекина служит причиной дестабилизации внутривосточного положения, сложившегося в Малайзии, а также в Индонезии, на Филиппинах, в Таиланде (д. 166). В то же время в Куала-Лумпуре признавали, что Китай, как одно из крупнейших государств мира, играет значительную роль в ЮВА (д. 150); по-прежнему выступали за принятие КНР в ООН (д. 155, 159, 160 и др.), отстаивая позицию, согласно которой отсутствие Китая нарушает принцип универсальности этой международной организации (д. 162).

Придавая большое значение реализации идеи о нейтрализации ЮВА, Малайзия сознавала, что достичь такой цели невозможно без определенных гарантий со стороны Китая. Это побуждало Куала-Лумпур стремиться к установлению дипломатических отношений с КНР. В марте 1971 г. премьер-министр А. Разак заявил, что Малайзия рассматривает правительство КНР как единственное законное правительство континентального Китая, что она не признает Тайвань и, таким образом, не проводит «политику двух Китаев» (д. 170).

В мае 1971 г. КНР посетила торговая делегация Малайзии, в результате чего было заключено соглашение о закупках Китаем малайзийского каучука в размере 150 тыс. т в год (д. 180). В ходе ответного визита в Малайзию делегации КНР была достигнута договоренность о дальнейшем расширении торговли между двумя странами (д. 185, 186).

Малайзия приветствовала восстановление прав КНР в ООН, назвав этот факт событием, важным для всей Организации Объединенных Наций (д. 194). В мае 1972 г. на заседании малайзийского парламента премьер-министр А. Разак подчеркнул, что Малайзия рассматривает установление дипломатических отношений с КНР в контексте внесенного ею ранее предложения о нейтрализации ЮВА (д. 206).

Переговоры об установлении дипломатических отношений начались летом 1973 г. в Нью-Йорке и растянулись почти на целый год. 31 мая 1974 г. А. Разак и Чжоу Эньлай подписали наконец в Пекине совместное коммюнике о положительном решении этого вопроса. В коммюнике была высказана готовность двух стран развивать отношения друг с другом на основе принципов мирного сосуществования. Малайзия признавала Тайвань неотъемлемой частью Китая и соглашалась закрыть свое консульство в Тайбэе, а Китай заявлял, что будет уважать независимость и суверенитет Малайзии (д. 246). В специальном заявлении от того же числа правительство Малайзии информировало о прекращении консульских и иных официальных отношений с Тайванем, закрытии генконсульства и других учреждений Тайваня в Малайзии. Сообщалось, что торговые связи и туристический обмен будут осуществляться частными лицами (д. 247) и что самолеты малайзийской авиакомпании МАС сохраняют свои рейсы в Тайбэй (д. 248).

В коммюнике декларировался отказ от принципа двойного гражданства китайского населения Малайзии. Проживающим в Малайзии китайцам предлагалось выбрать либо малайзийское гражданство, либо гражданство КНР. Подчеркивалось, что в последнем случае они должны соблюдать малайзийские законы, уважать традиции и обычаи малайцев и жить с ними в дружбе. В коммюнике отмечалось, что правительство КНР будет отстаивать интересы проживающих в Малайзии граждан КНР, а правительство Малайзии — относиться с уважением к этим гражданам (д. 246).

Установление дипломатических отношений открыло новый период в развитии отношений между КНР и Малайзией. Прежде всего это выразилось в широком осуществлении двусторонних контактов, в том числе на высшем уровне. В ноябре 1978 г. Малайзию посетил Дэн Сяопин, а в августе 1981 г. в Федерацию нанес официальный

визит премьер Госсовета КНР Чжао Цзяня. В мае 1980 г. состоялась поездка в Китай малайзийского премьер-министра Х. Онна. В эти же годы стороны обменялись визитами министров иностранных дел. Согласно приводимому в сборнике перечню, в период с мая 1974 по июнь 1983 г. более 20 делегаций КНР (правительственных, торгово-экономических, культурных, спортивных и др.) посетили Малайзию и свыше 30 малайзийских побывали в Китае.

Визиты в Малайзию Дэн Сяопина и Чжао Цзяня продемонстрировали стремление Пекина к развитию отношений КНР со странами АСЕАН. Вместе с тем на банкете в честь Чжао Цзяня 9 августа 1981 г. премьер-министр Малайзии Махаттар подчеркнул, что стороны должны еще немало поработать, чтобы «устранить препятствия на пути к лучшим отношениям между ними» (д. 322). С китайской стороны был сделан упор на совпадении позиций КНР и стран АСЕАН по вопросу о Кампучии. Однако малайзийцы и здесь придерживались своих собственных взглядов. Они не захотели полностью солидаризироваться в этом вопросе с Пекином, подчеркнув свою приверженность принципу «равноудаленности в отношениях со всеми великими державами».

В последующие годы, выходящие за рамки рассматриваемого сборника документов и материалов, Куала-Лумпур предпринял шаги по активизации экономических связей с КНР, используя в этих целях провозглашенную Пекином «политику открытых дверей». После июля 1984 г., когда состоялся визит в Пекин министра иностранных дел Малайзии Газали Шафие, были ослаблены ограничения на поездки в КНР местных китайцев, малайзийским предпринимателям разрешено делать капиталовложения в Китае.

Разумеется, содержащиеся в сборнике документы и материалы не дают полной картины развития отношений между Малайзией и КНР. Остаются нераскрытыми или представленными отрывочно многие моменты, касающиеся позиций двух стран в период американской агрессии во Вьетнаме, становления АСЕАН, их подхода к Кампучии после образования НРК, некоторые другие важные проблемы. Особо следует подчеркнуть, что требуют критического анализа приводимые в сборнике документы и материалы, затрагивающие политику Советского Союза в отношении стран Юго-Восточной Азии.

Однако в целом сборник, несомненно, представляет интерес при изучении современного положения в Юго-Восточной Азии.

*С. Н. ГОРЕНКО,
Б. Т. КОЛОСКОВ*

Торгово-экономическое сотрудничество стран АСЕАН

При создании в 1967 г. АСЕАН экономическое развитие было определено как одно из главных направлений сотрудничества стран — членов ассоциации.

В основу стратегии развития экономического сотрудничества в рамках АСЕАН были положены рекомендации, выработанные по просьбе стран-учредителей исследовательским центром ЭКОСОС при участии ЭКАДВ, ЮНКТАД и ФАО в период с 1970 по 1972 г. Эти рекомендации, известные как «доклад Кансу», сводятся к следующему: выборочная либерализация торговли определенными товарами, которая должна осуществляться на основе межправительственных соглашений; привлечение частного капитала для промышленного развития стран субрегиона в сферах, одобренных правительствами; комплексные соглашения по строительству совместных промышленных объектов. В «докладе Кансу» были также представлены прогнозы, предусматривающие введение зоны свободной торговли в субрегионе к 1990 г.

В соответствии с рекомендациями экспертов ООН в АСЕАН было решено развивать взаимную торговлю на основе ее либерализации. По предложению Сингапура были начаты консультации по разработке порядка взаимного предоставления льгот. Принципиальная договоренность о предоставлении взаимных преференций в торговле сырьевыми и продовольственными товарами была достигнута в 1975 г. Год спустя был определен порядок заключения соглашений по преференциям (по результатам совместных переговоров), а 25 февраля 1977 г. было подписано Соглашение о преференциальном торговом регулировании АСЕАН — первый официальный документ, зафиксировавший основные принципы предоставления преференций, разработанные на Балийском совещании глав правительств и первой встрече министров экономики стран-участниц.

В июне 1977 г. было подписано первое соглашение о преференциях, по которому были снижены таможенные тарифы на 71 наименование товаров. Преференциальный тариф по сравнению с действующим был понижен на 10—30 %. Это соглашение вступило в силу с 1 января 1978 г. и распространялось на такие товары, как рис, сахар, продукты животноводства, нефть, продукцию химической промышленности и др.

В результате последующих переговоров в 1978 г. было подписано соглашение о торговых преференциях еще на 755 позиций товаров, в 1979 г. — на 1501, в 1980 г. — на 1500. В АСЕАН был также поставлен вопрос об автоматическом предоставлении единых преференций (в размере 20 %) товарам, общая стоимость годового импорта которых не превышает 50 тыс. ам. долл. Соглашение по этому виду преференций вступило в действие с 22 июля 1980 г. и охватило свыше 6000 товарных позиций. В конце 1981 г. была достигнута договоренность об автоматическом предоставлении преференций торговле товарами, годовой импорт которых не превышает 500 тыс. ам. долл. (предусматриваемая скидка — 20—30 % с таможенной пошлины)¹.

В 1982 г. число товаров, для которых во внутриасеановской торговле предусматривались преференции, было доведено до 8529, в 1983 г. оно составило 10 000, а в 1984 г. достигло 12 000². Однако наряду с внушительным на первый взгляд расширением списка преференциальных товаров в печати региона отмечалась низкая эффективность осуществляемых мер. Так, торговля товарами, которым были предоставлены преференции, составила лишь 2 % от всей внутриасеановской торговли.

Выполнение Соглашения о преференциальном торговом регулировании должно было прежде всего повлечь, по замыслу авторов программы экономического сотрудничества АСЕАН, существенное расширение внутризональной торговли. Хотя в абсолютном выражении ее объем действительно возрос (с 2242,4 млн. ам. долл. в 1969 г. до 29 260,6 млн. ам. долл. в 1983 г.)³, удельный вес ее продолжает оставаться на прежнем уровне (около 15 %). Вместе с тем по-прежнему ключевые позиции в торговле стран АСЕАН сохраняют Япония, США и страны ЕЭС (в 1983 г. доля товарооборота асеановцев с ними соответственно составила 22,7 %, 17,1 % и 11,4 %)⁴.

Среди причин, по которым деятельность ассоциации в данном направлении не достигла ожидаемых результатов, в странах АСЕАН называют следующие: преференциальная скидка с таможенного тарифа в большинстве случаев предусматривалась в размере лишь

¹ In: The Straits Times, 25.IV.1980; Asean briefing, N 41, December 1981.

² In: Asean briefing, N 43, February — 1982; Asia Yearbook 1984. Hong Kong, 1984, p. 108; Asia Yearbook 1985. Hong Kong, 1985, p. 97.

³ Подсчитано по: IMF Direction of trade 1966—1970. Washington, 1971; IMF Direction of trade 1977—1983. Washington, 1984, товарооборот Сингапура с Индонезией подсчитан по индонезийской статистике.

⁴ Подсчитано по: IMF Direction of trade 1977—1983..., 1984.

10 %; зачастую предоставление таможенной скидки решается многоступенчато (чтобы предоставить таможенную скидку по какому-либо товару на 20 %, товару дважды предоставляется скидка по 10 %); предоставление преференций идет довольно медленными темпами, так как преференции предоставляются в основном товарам, не играющим существенной роли во внутризональной торговле; наличие в странах — участницах обширных негласных списков товарных позиций (к ним относятся товары, наиболее чувствительные к конъюнктурным колебаниям), по которым они пока не собираются предоставлять преференции.

Если рассматривать программу торгового сотрудничества АСЕАН с точки зрения ее выгоды, то очевидно, что в целом ее осуществление должно благоприятно сказаться на экономике партнеров по ассоциации. Рост взаимной торговли и сокращение товарооборота с развитыми капиталистическими странами, развитие новых отраслей производства, гарантированные поставки энергоресурсов и продовольствия — все это объективно отвечает интересам развивающихся стран и способствует развитию их экономики. Однако следует принять во внимание такой важный аспект, как наличие условий для реализации этой программы. Надо признать, что эти условия в странах АСЕАН в силу различного уровня экономического развития партнеров крайне неодинаковы, поэтому и выгода от осуществления программы для стран — участниц различна. В ассоциации самым развитым является Сингапур, примерно одинакового уровня достигли Малайзия, Бруней, Таиланд и Филиппины, Индонезия характеризуется более низким уровнем развития. Стремление слабых партнеров сохранить равенство, не дать получить большую прибыль и упрочить свои позиции более сильным проявляется в оттягивании выполнения программы, поиске лазеек, которые не противоречили бы букве соглашения, но снижали бы эффект от его реализации. Схожесть природно-климатических условий и колониальное прошлое обусловили идентичную структуру национальных хозяйств большинства стран АСЕАН. В перспективе это могло бы способствовать развитию в них взаимодополняемости производственных процессов, однако на современном этапе однотипность хозяйственных структур порождает скорее конкуренцию, чем сотрудничество. Проведение политики импортзамещения, получившей распространение в странах АСЕАН, в конечном счете также тормозит развитие субрегиональной торговли, так как под ограничения импорта подпадают как раз те товары, которыми партнеры по ассоциации могли бы обмениваться (потребительские товары, продукция легкой промышленности и сельского хозяйства). Наконец, и это самое главное, сохраняется сильная экономическая зависимость стран АСЕАН от империалистических стран, которая не позволяет существенно расширить внутризональную торговлю за счет сокращения товарооборота с промышленно развитыми капиталистическими странами.

Другим важным направлением экономического сотрудничества в ассоциации является промышленное сотрудничество. Члены АСЕАН полагают, что оно позволит ускорить экономическое развитие стран — участниц и укрепить их экономические связи на основе углубления разделения труда и специализации производства.

Промышленное сотрудничество АСЕАН осуществляется на межправительственной основе и в частном секторе. В связи с этим были составлены соответствующие программы сотрудничества.

Программа межгосударственного промышленного сотрудничества была выработана в 1976 г. Она предусматривала совместное строительство ряда крупных заводов (заводы по производству мочевины в Индонезии и Малайзии, завод по производству суперфосфата на Филиппинах, завод по производству дизельных двигателей в Сингапуре, завод по производству кальцинированной соды в Таиланде) и автоматическое предоставление преференций продукции этих предприятий. Странам-членам предлагалось провести исследования и дать заключения о целесообразности строительства этих объектов. Была предложена формула совместного финансирования строительства объектов: до 60 % страной, где строится объект, остальная часть должна быть распределена между другими странами АСЕАН. Для финансирования было решено привлечь частные национальные и иностранные капиталы. Предлагалось до $\frac{2}{3}$ акций разместить в частном секторе.

Однако детальные исследования и обсуждение перспектив совместных промышленных объектов показали, что некоторые из них дублируют уже существующие или строящиеся предприятия в странах субрегиона, обнаружилось определенное препятствие на пути их осуществления. Из первоначальных пяти проектов наиболее благоприятными и реальными оказались только два: заводы по производству мочевины в Индонезии и Малайзии.

Местом расположения индонезийского завода был выбран Ачех (на севере Суматры). Еще в конце 1978 г. на встрече министров экономики стран АСЕАН было подписано соглашение о завершении строительства завода к 1981 г. Однако ввиду затянувшейся подготовки технико-экономического обоснования сроки сдачи объекта были сорваны по вине японских специалистов. Индонезийский завод, расходы на строительство которого составили 410 млн. ам. долл., был пущен только в 1984 г.⁵

Затраты на строительство малайзийского завода оценивались в 335 млн. ам. долл. Его планировалось разместить в Бинтулу (штат Саравак) с главной конторой в Куала-Лумпуре. Государственная нефтяная корпорация «Петронас» была назначена прави-

⁵ In: «Asia Yearbook 1985»..., p. 97.

тельством Малайзии — основным держателем акций с малайзийской стороны. Строительство этого предприятия первоначально предполагалось завершить в 1983 г., но позднее срок пуска завода был отнесен на 1985 г.

Завод по производству кальцинированной соды в Таиланде предполагалось строить на северо-востоке страны вблизи от источника сырья. Однако размещение завода в указанном районе остро поставило вопрос о необходимости строительства там железной и автомобильной дорог и порта. Кроме того, японские эксперты заявили, что тайландский проект невыгоден, так как его продукция будет не в состоянии успешно конкурировать с натуральной содой из США и Кении и даже с синтетической содой из Японии, Болгарии и Франции. Позднее были проведены повторные исследования при участии Канады, которая предложила финансировать строительство этого объекта. Но 1 апреля 1985 г. правительство Таиланда на основе анализа текущих цен на кальцинированную соду признало проект нежизнеспособным и приняло решение отказаться от его реализации⁶.

Филиппины отказались от строительства первоначально предложенного суперфосфатного завода как совместного субрегионального предприятия, поскольку, по результатам проведенных исследований, он был признан «неэкономичным» из-за падения мировой цены на суперфосфат и увеличения мощностей индонезийских национальных суперфосфатных заводов. Вместо этого проекта Филиппины выдвинули проект строительства бумажной фабрики. Это предложение не встретило возражений со стороны партнеров, но в ходе дальнейшего обсуждения было решено заменить его проектом завода по выпуску медных изделий.

В Сингапуре по программе намечалось строительство завода по производству дизельных двигателей. В результате проектных изысканий и тщательного изучения предполагаемых рынков сбыта Сингапуром было принято решение строить завод, выпускающий двигатели малой и средней мощности. Однако это решение встретило серьезные возражения Индонезии, которая, защищая свои интересы, отказалась предоставить преференции для данного вида продукции. Кроме того, Таиланд и Филиппины включили в национальные программы промышленного развития сооружение аналогичных предприятий. Все это привело к тому, что Сингапур приступил к реализации проекта без участия партнеров по АСЕАН. Таким образом, сингапурский проект выпал из субрегиональной программы промышленного развития.

Конфликтная ситуация с сингапурским проектом побудила страны АСЕАН отступить от принципа консенсуса, ставшего препятствием к осуществлению намеченной программы развития субрегионального сотрудничества в области промышленности. Участие всех пяти стран в строительстве будущих совместных промышленных объектов было признано не обязательным (преференции в таких случаях будут предоставляться только участвующим странам). Был изменен общий порядок совместного финансирования объектов: 60 % — страна, где строится объект, по 13 — три остальные члена ассоциации и 1 % — Сингапур.

В 1984 г. (после вступления в АСЕАН Брунея) Сингапур считал возможным вновь присоединиться к программе межгосударственного промышленного сотрудничества АСЕАН. Ассоциацией был одобрен совместный сингапуро-брунейский проект строительства фармацевтического предприятия.

Значительное влияние на развитие экономического сотрудничества стран АСЕАН продолжают оказывать наиболее развитые капиталистические страны, преследующие при этом свои цели, расходящиеся с интересами стран — участниц ассоциации.

Так, готовность предоставить 1 млрд. ам. долл. для финансирования всех пяти промышленных объектов первоначально выразила Япония, но, по результатам проведенных исследований по проектам, она подтвердила свое участие только в двух из них — индонезийском и малайзийском. Предоставление японским компаниям исключительных прав на строительство и пуск субрегиональных объектов поставило их реализацию в сильную зависимость от подрядчиков. Предложенные Японией цены за поставку оборудования, монтаж и техническое обслуживание для индонезийского завода оказались намного выше предполагаемых. Затянувшаяся подготовка технико-экономического обоснования проектов АСЕАН привела к повышению их стоимости в среднем на 30 %.

Несмотря на то что за восемь лет удалось осуществить только один проект первой очереди, в АСЕАН уже намечены субрегиональные проекты второй очереди. Это предприятия по производству покрышек повышенной прочности — в Индонезии, металлообрабатывающих станков — в Малайзии, газетной бумаги и белой жести — на Филиппинах, кинескопов — в Сингапуре, рыбных консервов и калийных удобрений — в Таиланде.

В прессе субрегиона постоянно подчеркивается, что АСЕАН может рассчитывать на заметные успехи в развитии внутрizonального экономического сотрудничества только при условии активного участия частного национального капитала. С целью обеспечения поддержки инициатив АСЕАН частным сектором в 1971 г. была создана Торгово-промышленная палата АСЕАН. При ней были образованы 15 промышленных и 5 товарных клубов.

Для развития промышленного сотрудничества на уровне частного сектора в АСЕАН

⁶Ип: «Far Eastern Economic Review», 1985, April 18, p. 10.

была разработана программа создания взаимодополняющих производств, которая предусматривает производственную специализацию и обмен продукцией между двумя или большим числом партнеров. Ее суть заключается в том, что частным сектором в каждой участвующей стране производятся определенные детали и узлы согласованного промышленного изделия, на основе взаимной торговли этими комплектующими изделиями в каждой стране может производиться сборка конечной продукции. Эта программа была составлена на основе перечня проектов, внесенных на рассмотрение Торгово-промышленной палаты АСЕАН промышленными клубами.

Самым активным участником программы создания взаимодополняющих производств является автомобильная федерация АСЕАН, которая разработала проект создания «асеановского автомобиля», одобренный в 1980 г. Первая очередь включает производство в Индонезии дизельных двигателей мощностью от 80 до 135 л. с., в Малайзии — деталей для мотоциклов, в Сингапуре — гибких соединений, на Филиппинах — кузовов для автомобилей «Форд», в Таиланде — кузовов для автомобилей весом более 1 т. Она начала действовать с января 1982 г. Продукции этих предприятий предоставлена таможенная скидка в размере 50 %. Вторая очередь предусматривает производство в Индонезии рулевых систем, на Филиппинах — задних мостов для грузовиков и автобусов, в Малайзии — фар, в Сингапуре — топливных насосов, в Таиланде — карбюраторов.

Кроме программы создания взаимодополняющих производств для вовлечения частного сектора стран-партнеров в сотрудничество, была также составлена в ноябре 1982 г. программа совместных предприятий, которая была одобрена лишь год спустя (из-за возражений Малайзии) министрами экономики стран АСЕАН. Этой программой предусматривается минимальное участие национального капитала двух или более асеановских стран в размере 51 %. Продукция предприятий в рамках программы пользуется 50 % скидкой с таможенной пошлины в странах — участницах. Страны, не принимающие участия в строительстве совместного предприятия, спустя четыре года могут претендовать на предоставление преференций для подобной продукции. Из 21 первоначально предложенного на рассмотрение проекта в 1984 г. было утверждено только четыре: стекольный завод и предприятие по выпуску электрооборудования для мотоциклов, которые будут расположены в Таиланде, а также предприятия, производящие подвижные соединения и узлы систем рулевого управления, в Малайзии⁷.

Привлекательность сооружения промышленных объектов в зоне ассоциации видится авторам программы экономического сотрудничества АСЕАН в том, что они должны использовать сырье, имеющееся в странах-членах, способствовать расширению производства продовольствия, экономии иностранной валюты и росту занятости. В целом идею создания сети субрегиональных промышленных объектов можно оценить как полезную для активизации сотрудничества в АСЕАН и экономического развития отдельных ее членов.

Однако следует заметить, что выполнение этой программы обнажило ряд существенных противоречий, что значительно снизило эффект, на который рассчитывали в субрегионе. С самого начала при выборе конкретных проектов нередко возникали осложнения. Опыт реализации программы экономического сотрудничества АСЕАН в области промышленности показал, что ряд серьезных вопросов не был должным образом продуман и разработан. Так, при обсуждении проектов следовало, видимо, более внимательно отнестись к выбору конкретных объектов для промышленного сотрудничества; должны были быть учтены такие факторы, как существование приоритета национальных интересов над региональными и сохраняющееся недоверие к более сильным партнерам. При избрании того или иного проекта более уместна ориентация не на мировые рынки, а на внутренние потребности стран-участниц. И наконец, вопрос о финансировании промышленных проектов АСЕАН Японией также был решен первоначально крайне невыгодно для ассоциации. Препятствия, появившиеся на пути реализации программы промышленного сотрудничества, свидетельствуют об имеющихся в ней значительных недочетах. На их преодоление на основе принципа консенсуса уходило много времени. В итоге на протяжении почти десяти лет в АСЕАН велась бурная деятельность в основном по улаживанию конфликтных ситуаций.

Энергетический кризис и его последствия вынудили страны АСЕАН поставить вопрос о необходимости выработки программы сотрудничества в области энергетики. Этим занимаются комитет по промышленности, минеральным ресурсам и энергетике (на межправительственном уровне) и Совет АСЕАН по нефти (в частном секторе). Были намечены следующие основные направления энергетической программы: разработка существующих и разведка новых нефтяных месторождений; исследование и развитие нетрадиционных для субрегиона источников энергии (солнечной, ядерной, геотермальной, гидроэнергии); обмен опытом в использовании энергоресурсов; развитие сети учебных центров по подготовке кадров; рациональное и эффективное использование энергии. Однако когда в соответствии с этими направлениями в конце 1981 г. асеановцами были внесены конкретные предложения, затронувшие интересы иностранного капитала в субрегионе и способствующие ослаблению зависимости стран-участниц от западных поставщиков нефти и нефтепродуктов, представители Запада выступили с утверждениями о неспособности государственных компаний решить энергетиче-

⁷ In: «Far Eastern Economic Review», 1985, January 31, p. 71.

ские проблемы и призвали по существу «не терять времени на обсуждение межасеоановского сотрудничества, а покупать все и вся — в кредит, в оплату сырьем, поставками дешевой рабочей силы, политическими уступками»⁸. Натолкнувшись на резкие возражения промышленно развитых стран (главных кредиторов внутриасеоановских программ), предложения представителей АСЕАН остались на бумаге.

В результате совместных исследований были также разработаны проекты развития транспорта и связи в субрегионе. Одним из первых совместных проектов АСЕАН является создание сети кабельной связи, соединяющей столицы субрегиона. Стоимость этого проекта оценивалась в 150 млн. ам. долл. В инвестировании этого проекта принимают участие японская, австралийская и английская компании. В октябре 1978 г. было объявлено о завершении прокладки кабельной линии между Сингапуром и Манилой. Участок Сингапур — Джакарта был сдан в эксплуатацию в августе 1980 г. Линия Сингапур — Куала-Лумпур — Бангкок была завершена в сентябре 1983 г. Сеть завершается прокладкой маршрута Бангкок — Манила.

В АСЕАН неоднократно обсуждалась проблема ослабления зависимости от западных и других сухоходных линий. В 1981 г. в ассоциацию было внесено предложение об организации регулярной судоходной линии АСЕАН (это позволило бы странам АСЕАН ежегодно экономить до 4 млрд. ам. долл.). Однако после обсуждения этого проекта было признано, что страны АСЕАН не готовы к его реализации, так как прежде им необходимо усовершенствовать национальные морские законодательства, модернизировать и унифицировать систему информации, ускорить портовое обслуживание, наращивать портовые мощности, улучшить и расширить систему подготовки кадров. В 1984 г. вопрос о линиях морских перевозок стран-партнеров по ассоциации вновь обсуждался. Единого мнения по проекту создания линейной службы морских перевозок АСЕАН в деловых кругах ассоциации до сих пор нет, поэтому на рассмотрение был предложен другой проект: создание системы межгосударственных линий перевозок.

Таким образом, единственным, пожалуй, удачным из всех проектов в этой области сотрудничества оказался проект сооружения подводной кабельной сети. Об этом можно судить уже потому, что его реализация идет в целом в соответствии с ранее установленными сроками. Особенно остро в АСЕАН стоит проблема улучшения использования и совершенствования средств и инфраструктуры морского транспорта. Но как раз в решении этого вопроса достичь каких-либо положительных результатов членам ассоциации пока не удалось. Так, задача совершенствования транспорта на субрегиональной основе остается без решения. Одна из причин пассивности АСЕАН в решении транспортных проблем связана с тем, что развитие транспорта в субрегионе должно прежде всего обслуживать торговлю и поэтому идти параллельно с ее расширением. В свою очередь активизация взаимной торговли сдерживается рядом трудностей. Это лишает страны-участницы заинтересованности в эффективном решении транспортной задачи.

Разработка сельскохозяйственных проектов АСЕАН началась лишь в конце 70-х годов. Всего было намечено свыше 70 проектов. Среди них назывались асеано-канадский проект по переработке продукции рыболовства, асеано-канадский проект создания селекционного центра АСЕАН по лесоводству, асеано-американский проект создания центра АСЕАН по развитию и планированию сельского хозяйства и пр. Между тем обозреватели АСЕАН признавали, что далеко не все проекты одинаково перспективны для всех участников и не все они будут осуществлены. Действительно, сотрудничество в данном направлении не получило размаха.

Серьезным препятствием на пути успешного развития экономического сотрудничества стран АСЕАН является нехватка собственных финансовых средств, необходимых для реализации разрабатываемых программ. Это вынуждает АСЕАН прибегать к помощи развитых капиталистических стран, ТНК и международных организаций при реализации внутрирегиональных проектов и программ. С целью получения более выгодных условий иностранного финансирования страны АСЕАН прибегают к организации тендеров. Это позволяет им добиваться некоторых уступок, однако в целом условия предоставления кредитов развивающимся странам в последние годы ухудшились.

Условием самостоятельной реализации программ экономического сотрудничества могло бы стать финансовое сотрудничество партнеров по ассоциации, направленное на аккумуляцию имеющихся в субрегионе средств. Однако развитие сотрудничества в этой области наталкивается на различия в проведении валютной политики стран-участниц, сильные отличия систем развития банковского дела, разное отношение к иностранным банкам, практику дефицитного финансирования (как следствие нехватки финансовых ресурсов) и, наконец, слабые связи между национальными банками стран АСЕАН. Все это определило скромные успехи финансового сотрудничества стран АСЕАН, которое продолжает переживать затяжной организационный период. Пока лишь созданы органы, которые должны его осуществлять на межправительственном уровне (встречи министров финансов и управляющих центральными банками, в период между ними — комитет по финансам) и в частном секторе (Банковский совет АСЕАН). Для координации сотрудничества на межгосударственном уровне и в част-

⁸ «Правда», 18.X.1981.

ном секторе были созданы постоянный отраслевой комитет по банкам и финансам и рабочая группа по банкам при Торгово-промышленной палате АСЕАН.

На межгосударственном уровне в середине 1977 г. в АСЕАН была достигнута договоренность о заключении между центральными банками стран-участниц кредитнообменного соглашения, которое вступило в силу 5 августа 1977 г. Срок действия был определен в 1 год с правом его продления. В соответствии с соглашением был образован фонд в 100 млн. ам. долл. (взнос каждой страны — 20 млн. ам. долл.). Каждый участник соглашения мог получить кредит в американских долларах под залог эквивалентной суммы в национальной валюте. Срок предоставления кредита — 3 месяца, максимальный размер — 40 млн. ам. долл. В 1978 г. общая сумма фонда была удвоена, но и после этого соглашение практически не было использовано.

Банковским советом АСЕАН проводятся встречи, на которых обсуждаются пути привлечения частного сектора к сотрудничеству в ассоциации. Пятью комиссиями Банковского совета было разработано немало различных проектов субрегиональных финансовых институтов и программ, нацеленных как на аккумуляцию национальных капиталов, так и на привлечение зарубежных фондов, однако далеко не все они после многолетних обсуждений были осуществлены. Едва ли не единственным проектом, по которому сравнительно быстро была достигнута договоренность и который начал функционировать, стала финансовая корпорация АСЕАН, официальное открытие которой состоялось в 1981 г. в Сингапуре. Ее первым практическим шагом стало финансирование двух проектов предприятий по производству пальмового масла на Минданао (Филиппины) в 1983 г.⁹

Таковы в целом результаты экономического сотрудничества АСЕАН по шести основным направлениям (по торговле, промышленности, энергетике, транспорту и связи, сельскому хозяйству и финансам).

На важность экономического сотрудничества неоднократно указывалось в различных годы в выступлениях лидеров асеановских стран. При этом неизменно подчеркивалось его первостепенное значение для АСЕАН. «Двумя главными целями Декларации (имеется в виду Декларация АСЕАН 1967 г. — М. Я.) были ускорение экономического развития и способствование миру и стабильности в регионе», — отмечал в 1971 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Эта же идея содержится в высказывании министра иностранных дел Таиланда Ч. Чунхавана в 1973 г.: «Эффективное региональное сотрудничество является одним из средств, которое сильно увеличит наши усилия, направленные соответственно на способствование экономическому и социальному прогрессу наших народов». Главной целью АСЕАН назвал экономическое сотрудничество премьер-министр Малайзии Датук Хуссейн Они в 1977 г. Приоритет экономического развития в субрегионе был отмечен на второй встрече глав правительств АСЕАН президентом Индонезии Сухарто. В конце 70-х годов на конференции, посвященной вопросам об иностранных инвестициях, была также высказана позиция Филиппин: «АСЕАН — экономическая группировка... она не преследует какую-либо политическую или военную цель. Она принципиально экономическая по своей природе»¹⁰.

Вместе с тем обращает на себя внимание следующий факт: во всех официальных документах и высказываниях государственных деятелей делается акцент на то, что АСЕАН является ассоциацией прежде всего с экономическими целями, но наряду с этим первый документ, открывающий путь к решению конкретных задач экономического сотрудничества (Соглашение о преференциальном торговом регулировании), был подписан членами правительств АСЕАН только спустя десять лет после ее образования. Кроме того, программы экономического сотрудничества, разработанные в рамках АСЕАН, имели целый ряд упущений, что затрудняло их осуществление. Тем не менее в большинстве случаев эти недостатки не были своевременно ликвидированы.

Между тем АСЕАН активно развивает сотрудничество в политической области, которая первоначально не называлась в числе предполагаемых направлений деятельности этой субрегиональной группировки. Официальное признание политического сотрудничества в качестве самостоятельной сферы деятельности произошло лишь девять лет спустя после образования ассоциации в ходе первой встречи АСЕАН на высшем уровне в феврале 1976 г. на Бали (Индонезия). На этой встрече впервые АСЕАН признала наличие политических аспектов своей деятельности, сформулировала цели и задачи в данной области и оформила их в виде политической программы организации.

Все чаще в последние годы в обзорах по региону при оценке результатов деятельности ассоциации в экономике и политике делаются выводы, что АСЕАН все же остается в первую очередь политическим союзом. Даже самые ревностные сторонники АСЕАН вынуждены признать, что по сравнению со скромными достижениями экономического сотрудничества этой организации удалось продвинуться дальше в политическом сотрудничестве.

⁹ In: «Asia Yearbook 1984». Hong Kong, 1984, p. 116.

¹⁰ ASEAN (Association of South-East Asia Nations). Jakarta, 1975, p. 56, 59, 65; Asean identity, development & culture, ed. R. P. Anand etc., Philippines, 1981, p. 222; Asean and a positive strategy for foreign investment, ed. L. R. Vasey, Honolulu, 1978, p. 46.

В рамках политического сотрудничества партнеры по АСЕАН вырабатывают согласованный курс в отношениях с третьими странами и группировками, оказывают политическую поддержку членам ассоциации, расширяют военное сотрудничество, ведут совместную борьбу против повстанческих движений в своих странах и пр. Характерным для политического сотрудничества является то, что в этой области (по сравнению с экономической) АСЕАН удается оперативно принимать решения на основе быстрого улаживания разногласий в тех случаях, если таковые возникают.

В этой связи нельзя не отметить, что в последние годы в политической жизни АСЕАН уделяется большое внимание так называемой «кампучийской проблеме», ставшей чуть ли не главным направлением в деятельности ассоциации. Начав с политической поддержки Таиланда, занявшего откровенно враждебную позицию в отношении трех индокитайских государств и осуществляющего открытое вмешательство во внутренние дела соседней с ним Кампучии, асеановцы перешли к поддержке правительства несуществующей «Демократической Кампучии», отказавшись признать законное правительство НРК. Это повлекло за собой обострение обстановки в Юго-Восточной Азии, не отвечающее интересам и стремлениям народов региона. На протяжении последних лет Кампучия, Лаос и Вьетнам неоднократно выступали с мирными инициативами по урегулированию имеющихся проблем в регионе на принципах равенства, взаимного уважения и невмешательства, однако всякий раз странами АСЕАН выдвигались неприемлемые требования в качестве условия для начала такого диалога.

Глубокие социально-экономические процессы, происходящие в НРК, не ущемляют интересов стран АСЕАН и не представляют для них угрозы. Непримируемость позиции АСЕАН по «кампучийской проблеме» объясняется прежде всего общностью классово-стратегии правящих кругов в странах-партнерах. Искусственное разжигание страстей вокруг «кампучийского вопроса» призвано повысить акции ассоциации в капиталистическом мире, что должно сыграть определенную роль в признании АСЕАН в качестве единой группировки среди капиталистических стран. Реакционные круги капиталистических стран продолжают оказывать всяческую поддержку активности «шестерки» по «кампучийскому вопросу», которая воспринимается некоторыми кругами в ассоциации как признание ее авторитета на международной арене. Налицо явное стремление определенных сил в АСЕАН «компенсировать» неудачи экономического сотрудничества стран — участниц повышением политической активности ассоциации. В качестве предлога для такой активности и избрана «кампучийская проблема».

М. А. ЯКОВЛЕВА

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Герои Халхин-Гола бессмертны

И. И. Кузнецов. Герои Халхин-Гола (дополненное, исправленное, 3-е изд.). Улан-Батор, 1984, 143 с.

О нерушимой дружбе советского и монгольского народов, об экономическом, культурном и военном сотрудничестве между СССР и МНР написано немало. К этой теме вновь и вновь возвращаются советские и монгольские ученые, писатели и журналисты, общественные деятели.

Книга советского ученого, доктора исторических наук, профессора И. И. Кузнецова посвящена одной из ярких страниц истории боевого содружества двух наших стран — событиям в районе реки Халхин-Гол 1939 г. и их славным героям. Рецензируемая книга вышла на русском языке в Улан-Баторе в 1984 г. Ей предпослано предисловие кандидата исторических наук, генерал-майора Д. Цэдэва, в котором указывается, что «из содержания книги читатель может составить полное представление о жизни и подвигах героев Халхин-Гола, которых современное молодое поколение может взять для себя как образец служения Родине, своему народу, верности идеям марксизма-ленинизма» (с. 10).

Автор книги использовал обширный материал Центрального государственного архива Советской Армии, воспоминания участников боев и другие достоверные источники, и ему удалось ярко показать подвиги героев Халхин-Гола, людей высокой и благородной цели, бесстрашных советских и монгольских воинов, которые действовали в едином строю.

1921, 1939, 1945 гг. — вот веки славного боевого содружества наших народов и армий. До второй мировой войны на карте мира были только две социалистические страны — СССР и МНР. Свыше двух десятилетий в условиях капиталистического окружения они взаимно поддерживали друг друга. Халхин-Гол явился одним из важных этапов в укреплении дружбы, братства и боевого содружества СССР и МНР.

Автор отмечает, что у японских империалистов были далеко идущие планы. Они рассчитывали захватить территорию МНР, через нее вторгнуться в пределы советского Дальнего Востока и отторгнуть его от СССР. С начала 30-х годов, говорится в книге, японские милитаристы приступили к созданию крупного стратегического плацдарма на Азиатском континенте. Оккупировав Маньчжурию, а также почти всю Внутрен-

нюю Монголию, они вышли к границам СССР и МНР и начали непосредственную подготовку к нападению на них. Японские империалисты считали, что сложившаяся в то время международная обстановка в Европе создавала им благоприятные условия для развязывания войны.

11 мая 1939 г. японские войска атаковали пограничные части МНР в районе озера Буир-Нур, в 20 км восточнее реки Халхин-Гол. Внезапное нападение позволило японским войскам вклиниться в территорию Монгольской Народной Республики и подойти к реке Халхин-Гол. Здесь завязались бои между монгольскими пограничными частями и японскими войсками.

В связи с вторжением японских войск на территорию МНР правительство СССР сделало предупреждение о том, что оно будет защищать границу Монгольской Народной Республики так же решительно, как и границу своей страны, и приняло меры к организации отпора японским империалистам.

По просьбе правительства МНР на помощь частям монгольской армии в районе реки Халхин-Гол были направлены части Советской Армии, которыми командовал комкор, будущий маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Развернувшиеся военные действия в районе реки Халхин-Гол полностью опрокинули расчеты японских захватчиков. На протяжении четырех месяцев (май — август 1939 г.) японские войска большими силами неоднократно пытались осуществить наступление и оттеснить советско-монгольские войска. Наступление войск противника не имело успеха, все атаки японцев были отбиты с большими для них потерями.

20 августа советско-монгольская войска после тщательной боевой подготовки перешли в решительное наступление и в течение восьми дней завершили окружение и разгром японских войск.

Так бесславно закончилась в 1939 г. авантюра японской военщины против МНР.

Военное поражение японских войск в районе реки Халхин-Гол явилось серьезным ударом по агрессивным планам японского империализма и расчетам всей международной империалистической реакции.

Убедительная победа над японскими агрессорами у реки Халхин-Гол имела важное международное значение. Она явилась ярким проявлением принципов интернационализма, нерушимой дружбы советского и монгольского народов. Это был первый опыт коллективной защиты социализма. В нем зримо воплотились в жизнь указания В. И. Ленина о том, что народам, вставшим на путь социалистического развития, «...обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз»¹.

Страна Советов высоко оценила ратные подвиги советских воинов. Сотни бойцов, командиров и политработников, отличившихся в боях с японскими захватчиками, были награждены орденами и медалями СССР. Самым отважным из них была присвоена высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Герои Халхин-Гола, как отмечает автор, — это в большинстве своем люди од-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 46.

ного поколения. Родились они незадолго до Октября 1917 г., их детство и юность прошли в годы Советской власти. Они росли и мужали вместе со всей страной. Только небольшая группа героев — это люди старшего поколения, кому довелось воевать за власть Советов еще в годы гражданской войны (Г. К. Жуков, Я. В. Смушкевич, Т. М. Штерн, И. И. Федюнинский), кто пришел им на смену сразу же после гражданской войны (Т. Я. Борисенко, М. Ф. Бурмистров, Т. М. Михайлов, П. А. Скопин, М. П. Яковлев) (с. 25).

Все они по зову родной партии и правительства на берегу Халхин-Гола выполняли свой воинский и интернациональный долг.

Национальный состав героев Халхин-Гола отражает братское сотрудничество народов СССР, глубокую преданность своей Родине представителей всех национальностей нашей страны. Весьма интересны сведения о дальнейшей судьбе героев, их военной и трудовой деятельности. В годы Великой Отечественной войны погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками 17 Героев Советского Союза — участников боев на Халхин-Голе (с. 42).

Автор книги подчеркивает, что в боях у Халхин-Гола с самого начала вооруженного конфликта приняли участие части Монгольской народно-революционной армии. Героически сражались монгольские пограничники, на которых обрушился первый удар врага. Уже майские бои выявили многих славных героев сражений. 24-летний командир 17-го кавалерийского полка Л. Дандар в конном строю трижды водил циркиров в атаку и взял в плен 14 японцев.

Советское командование неоднократно отмечало смелые и решительные действия монгольских воинов. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях пишет: «Бойцы монгольской армии восхища-

лись боевыми свершениями советских войск, но и мы, советские воины, были не менее восхищены героическими подвигами монгольских бойцов и командиров. Мне приходилось лично наблюдать массовую боевую отвагу монгольских циркиров и их командиров»².

За личную храбрость и отвагу тогда же, в 1939 г., более 400 циркиров, командиров и политработников было награждено боевыми орденами МНР (с. 126). Самые смелые и храбрые были удостоены высшей награды республики — звания Героя МНР. В числе их командир 6-й кавалерийской дивизии полковник Л. Дандар, пулеметчик и разведчик Ц. Олзвой, политрук Л. Гэлэгбатор, водитель броневика рядовой Д. Хаянхярва, полковники Д. Нянтайсурэн и П. Чогдон, майор Ч. Дугаржав и др. Из 54 Героев МНР одна треть получила это почетное звание за бои у Халхин-Гола (с. 128). Кроме того, звание Герой МНР присвоено двум советским военачальникам — непосредственным участникам боев на реке Халхин-Гол Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову и генералу армии И. И. Федюнинскому.

В книге И. И. Кузнецова содержится много интересных данных о жизни и подвигах героев Халхин-Гола, об источниках героизма и дружбы советских и монгольских воинов. На протяжении всей книги красной нитью проходит мысль о советско-монгольском боевом содружестве, о нерушимой дружбе и братском сотрудничестве двух наших стран.

Проходят годы, десятилетия со времени халхин-гольских боев 1939 г. Но славные героические дела героев Халхин-Гола бессмертны. Подвиги героев Халхин-Гола служат прекрасным образцом для советского и монгольского народов, занятых ныне мирным созидательным трудом.

Д. УЛЫМЖИЕВ,

доктор исторических наук, профессор

² Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1. М., 1983, с. 216.

Исследование о видном китайском философе

М. Л. Титаренко. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1985, 245 с.

Книга М. Л. Титаренко посвящена одному из самых оригинальных и интересных мыслителей древнего Китая — Мо Ди и его школе. Автор книги — представитель советской школы Китаеведов, которая направляет свои усилия на исследование с позиций

марксистско-ленинской методологии материалистических традиций в китайской общественной мысли. Начало этому направлению было положено А. А. Петровым¹.

¹ См.: А. А. Петров. Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая. Л., 1940; его же. Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954; Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.—Л., 1950; его же. Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984; Я. Б. Радуль-Затуловский. Дай Чжэнь — выдающийся китайский просветитель. «Вопросы философии», 1954, № 4; его же. Великий китайский атеист Фань Чжэнь. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.—Л., 1957; Н. Г. Сеппин. Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ятсена. М., 1956; В. А. Кривцов. Китайский космогонический трактат XI в. — «Вопросы философии», 1958, № 12; его же. Эстетические взгляды

В Китае вследствие безраздельного господства на протяжении почти двух тысячелетий конфуцианской идеологии имя Мо Ди — как главного идейного противника Конфуция — игнорировалось. Лишь в XVIII в. появился интерес к его идеям, были сделаны попытки реставрации древнего текста «Мо-цзы».

В 1905 г. в журнале «Миньбао» (№ 1) — органе суньятсеновской партии «Объединенный союз», издававшемся в Японии, был помещен портрет Мо Ди с надписью: «Первый в мире великий глашатай равенства и братства». Это свидетельствовало об отношении китайских революционных демократов к своему знаменитому далекому предшественнику. Буржуазные китайские философы (Ху Ши, Лян Цичао и др.) выдавали Мо Ди то за китайского предтечу прагматизма, то за китайского Иисуса Христа. Даже Го Можо, который, по его собственному признанию, в молодости восторгался Мо Ди, в 40-х годах изменил свою точку зрения и, гипертрофируя слабые и консервативные стороны учения Мо Ди, объявил его теологом и реакционером, оставшись на этих позициях до конца жизни.

В курсах по истории китайской мысли философские взгляды Мо Ди и его школы рассматриваются Фэн Юланем, Хоу Вайлу, Ду Госяном, Ян Юнго, Жэнь Цзюем и другими современными китайскими учеными. Эти труды послужили важным источником для автора рецензируемой книги².

В советской литературе имеются отдельные публикации, излагающие или отдельные стороны, или самое общее описание учения Мо-цзы, в которых не всегда содержатся объективные оценки. Монография М. Л. Титаренко является первым целостным исследованием системы взглядов школы моцзя и ее основоположника Мо Ди.

Одна из трудностей, которую нужно было преодолеть автору, — показать историческую обстановку, в которой возникла, развивалась и погибла школа моцзя, восстановить условия жизни и деятельности мыслителя и его последователей, рассмотреть историю создания книги «Мо-цзы» и вскрыть идейные и классовые истоки учения моц-

стов. Этому автор посвятил первые четыре главы своего исследования. Ему предстояло научно воссоздать сложную картину формирования, становления и исторической эволюции учения Мо-цзы, а также деяния и труды ранних и поздних моистов на протяжении двух с половиной столетий деятельности этой школы.

Прежде всего не решен еще вопрос о характере дневнекитайского общества периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.), на сей счет есть несколько точек зрения среди специалистов-историков, включая советских. Автор, сопоставляя эти точки зрения, выдвигает в качестве рабочей гипотезы свою концепцию, согласно которой в эпоху Чжаньго рабовладельческие отношения вытеснялись феодальными, последние постепенно становились господствующими при сохранении серьезных пережитков патриархально-родового, а также рабовладельческого строя, сраставшихся с новой феодальной системой. Это и обусловило «многоукладность» китайской экономики на протяжении всего периода Чжаньго (с. 17).

Социальную структуру верхушки китайского общества этого периода составляли два основных класса эксплуататоров — наследственная рабовладельческая аристократия (ваны, гуны, дафу) и крупные землевладельцы, которые вели ожесточенную борьбу с наследственной аристократией за политическое господство. Основными эксплуатируемыми классами (шуминь) были крестьяне-общинники, мелкие торговцы, ремесленники и рабы. «Промежуточную» социальную прослойку составляло служилое сословие (ши) — чрезвычайно пестрая по своему составу часть населения. Это были выходцы из среды пришедших в упадок старых аристократических родов, а также выходцы из среды землевладельцев, торговцев, ремесленников, свободных крестьян. Служилая прослойка включала в себя ученых, военных, врачей, гадателей и др. Автор отнес Мо Ди по социальному происхождению к той части служилых, которая была близка к социальным низам, выступала с протестом против жестокой эксплуатации и требовала улучшения условий жизни.

Концепция, выдвинутая автором, вполне может иметь права гражданства.

В III главе автор анализирует различные версии создания трактата «Мо-цзы», отделив в них, с одной стороны, то, что относится к самому Мо Ди, раннему моизму и к дальнейшим последователям, а с другой — то, что было привнесено в текст сторонними комментаторами и что можно считать достоверным и аутентичным в сохранившемся до наших дней тексте. Свой анализ автор заключает выводом, с которым нельзя не согласиться. «Исследование истории создания книги «Мо-цзы» позволяет не только определить период существования школы моцзя, но и установить этапы ее развития: философские и общественно-политические идеи раннего моизма получили отражение в 33 главах основного текста книги, построения поздних последователей Мо-цзы — в шести главах «Канона» и других не дошедших до нас произведениях учеников мыслителя.

ды Ван Чуа. — В кн.: Из эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961; М. Л. Титаренко. Мо-цзы и ранние моисты о процессе познания. — «Вопросы философии», 1964, № 1; его же. Социально-политические идеи Мо-цзы и школы «Мо-цзя» раннего периода. — «Философские науки», 1965, № 6; Атенсты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (Вступ. статья, перевод и комментарии Л. Д. Позднеевой). М., 1967; В. Г. Буров. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М., 1976; В. Ф. Феоктистов. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы (Исследов. и перевод). М., 1976 и др.

² В западной буржуазной литературе заслуживают внимания переводы и исследования С. Холта, Мэй Ибао, Дж. Нидема и Б. Уотсона.

Несмотря на наличие четких признаков, отличающих взгляды разных поколений монстов, глубокая взаимосвязь, преемственность их идей дают нам возможность излагать и анализировать философское и общественно-политическое учение моизма как единую систему взглядов, в то же время показывая развитие и трансформацию его в зависимости от изменения исторической обстановки» (с. 69).

Важным моментом для понимания учения монстов является анализ их идейных истоков. Как и другие древнефилософские учения, моизм испытал на себе влияние китайской мифологии, древних народных сказаний и учений своих современников, поскольку они так или иначе являлись отражением в головах людей процессов реальной жизни. В монографии приведен ряд конкретных примеров, свидетельствующих, как идеи «Мо-цзы» перекликались с идеями, содержащимися в классических памятниках — «Книге песен» и «Анналах истории». Автор показывает, что, хотя Мо Ди и был решительным критиком основного содержания учения Конфуция, тем не менее ряд его рациональных идей, в частности относительно обучения и воспитания, он одобрял. Подытоживая высказанные соображения, автор сделал правильный вывод: «...Хотя идейные истоки учения Мо-цзы коренятся в глубинных пластах традиционной культуры, сложенных задолго до его рождения, однако духовный облик моизма в значительной степени определялся современными его основателю социально-политическими и идеологическими реалиями» (с. 85—86).

Общественно-политические, этические и философские взгляды Мо Ди и его школы раскрываются в V—VII главах книги. Поскольку социально-политические и этические проблемы занимают центральное место в учении монстов, их рассмотрение выдвигается на первый план.

Не претендуя на всесторонний анализ политических взглядов Мо Ди, автор поставил своей главной задачей определить позиции моизма в идейно-политической борьбе по кардинальным проблемам, которые волновали в то время китайское общество. Конфуцианцы и монсты, выражая интересы противоположных классов (конфуцианство — господствующей рабовладельческой аристократии, а моизм — свободных тружеников города и деревни), были антагонистами и в идейно-политической борьбе.

Вопреки традиционному представлению о «небесном» происхождении государства и его правителей, которое решительно поддерживалось Конфуцием и его сторонниками, Мо Ди выдвинул и защищал идею о естественном происхождении государства, выборности правителя и его помощников самими гражданами. Для обеспечения справедливого управления страной он считал необходимым выдвигать на государственные должности сверху донизу «мудрых людей», независимо от их происхождения. Эта идея созвучна нашему времени.

Принципом взаимоотношения государств Мо Ди считал мир, недопущение захватнических войн, в которых гибнут и терпят не-

переносимые страдания массы людей, опустошаются на десятилетия земли, попусту растрачиваются богатства, накопленные огромным трудом. Эта идея также созвучна нашему времени.

Автор приводит и анализирует интересные рассуждения мыслителей школы Мо Ди о роли труда в жизни общества, их критику конфуцианского «учения о судьбе» и преклонения конфуцианцев пред властью старины. Все это свидетельствует об исторической прогрессивности взглядов монстов.

Блестящие догадки Мо Ди и его учеников о происхождении государства, о роли труда в жизни общества, выступлении против захватнических войн, против «учения о судьбе» и преклонения перед стариной автор книги не без основания называет крупным позитивным вкладом китайских мыслителей в развитие древнекитайской политической мысли (см. с. 119).

Один из важных разделов монографии посвящен анализу этических взглядов Мо Ди и его школы. На обширном материале источников автор показывает, что самой постановкой вопроса о морали — ее происхождении, характере роли в жизни общества, критериях ее прогрессивности и т. д. — моисты внесли существенный вклад в теоретическую разработку этики. Вместе с тем, расценивая оригинальность этических идей монстов, отражавших образ жизни трудовых слоев китайского населения того времени, автор подвергает критическому разбору извращенное толкование характера этического учения монстов не только некоторыми западными буржуазными исследователями, но и китайскими, в том числе современными.

М. Л. Титаренко справедливо отмечает, что этическое учение монстов, направленное своим острием против этической концепции конфуцианства, аристократической по существу, и содержавшее целый ряд рациональных моментов, неизбежно несло на себе печать своего времени. С точки зрения сегодняшнего дня в нем немало наивного, утопического, противоречивого. Этическое учение монстов в принципе вполне подпадает под характеристику теории морали Фейербаха, данную Ф. Энгельсом. Однако вряд ли можно согласиться с выводом автора, что поскольку моисты рассматривают этическое понятие пользы и вреда как отношения приятного и неприятного, удовольствия и неудовольствия, то в этом «отчетливо сказывается наивно-материалистический подход к трактовке данных понятий» (с. 145). На самом деле из приведенной посылки скорее можно сделать вывод о субъективном подходе монстов к этическим понятиям пользы и вреда. Теория же морали монстов является идеалистической, как об этом говорит и сам автор в конце главы, приводя упомянутую ссылку на Ф. Энгельса.

В заключительной главе книги рассматривается философско-гносеологический аспект учения Мо Ди и его последователей. Но прежде всего стоит обратить внимание на то, как автор осмещает место и роль религиозного фактора в мировоззрении монстов, поскольку именно по этому вопросу среди исследователей имеются наибольшие рас-

рождения в оценке характера философии школы *моцзя* (освещение религиозного аспекта трактата «Мо-цзы» дано в социально-политическом разделе, хотя по своему содержанию он ближе к философскому).

Автором собран очень интересный материал, анализ которого позволяет ему опровергнуть точку зрения ряда китайских, европейских и японских исследователей, которые объявляют моизм религией или религиозной философской системой на том основании, что Мо Ди часто ссылался на «Небо», соглашался признать за ним роль творца всего сущего и «высшего судии».

Отмечая противоречия во взглядах Мо Ди и критикуя его религиозные отступления, автор вместе с тем показывает, что основная направленность этих взглядов была исторически прогрессивной и заключала в себе значительные элементы атеистического содержания. Поэтому вполне убедительно звучит следующий вывод автора: «Учение Мо-цзы имеет своей целью не отвлечение человека от реальной жизни, не призыв к страданию во имя счастья в загробном мире, а, наоборот, призыв к преобразованию, реформации существующего мира и достижению благополучия человека в нем. Таким образом, хотя этико-политическая система взглядов моистов, отражавшая чаяния низовых свободных слоев древнего Китая, включает определенные элементы религиозного мировоззрения, в целом ее нельзя признать теологической» (с. 118). Вполне логично замечание автора, что если учение Мо Ди считать теологическим, то как на этой базе его последователи могли развить материалистические идеи во взглядах на природу и в теории познания.

Вопросы предмета и способов познания, критерия истины привлекали внимание еще ранних моистов — Мо Ди и его учеников. К постановке и решению этих вопросов они подходили в основном с наивно-материалистических позиций, проявляя при этом непоследовательность. «Заслуга Мо-цзы и ранних моистов в области гносеологии состоит в том, — отмечает автор, — что они сделали смелую попытку обобщить практический, чувственный опыт людей и от частных, отдельных знаний поднять его до уровня теории, пусть ограниченной, но создавшей базу

для дальнейшего развития теоретического мышления последующими поколениями китайских философов» (с. 172).

Более глубоко и с более строгих материалистических позиций разрабатывали проблемы теории познания последователи Мо Ди — поздние моисты. Они считали предметом познания весь мир вещей, среди которых живет человек. Вещи существуют в пространстве и времени, имеют начало и конец, поэтому и мир — и бесконечен, и конечен, а познание мира, в свою очередь, безгранично как процесс и предельно как способность отдельных людей.

Поздние моисты вплотную подошли к пониманию двух ступеней познания — чувственной и рациональной. Они разработали ряд категорий теории познания: причина и следствие, тождество и различие, единичное и общее, аналогии и др. Они внесли определенный вклад в разработку учения о понятиях и в другие аспекты логики.

Монография М. Л. Титаренко — первое не только в советской, но и в мировой китаеведческой литературе цельное научное исследование системы взглядов очень влиятельной в свое время, но находившейся много столетий в опале у официальной идеологии, философской школы *моцзя*. Объект исследования поставлен в строго конкретно-исторические рамки, взгляды мыслителей рассматриваются не изолированно, а в сопоставлении со взглядами других китайских и зарубежных мыслителей, что придает работе особую ценность. Содержащее большой объем по-новому осмысленного фактического материала, исследование М. Л. Титаренко подтверждает установленную марксизмом истину, что «история философий различных народов и континентов, несмотря на ряд специфических особенностей каждой из них, имеет общие закономерности развития» (с. 196). Вот почему книга М. Л. Титаренко вне всякого сомнения сыграет стимулирующую роль в дальнейшем подъеме исследовательской работы в области истории философской мысли не только Китая, но и других стран зарубежного Востока.

Н. Г. СЕНИН

доктор философских наук, профессор

НТР

и социальный прогресс Вьетнама

НТР и строительство социализма во Вьетнаме. М., «Прогресс», 1985, с. 248.

Задача обеспечения возрастающих экономических потребностей и построение соответствующей материально-технической

базы в Социалистической Республике Вьетнам требуют постоянного роста масштабов и совершенствования механизма коллективного использования научно-технического потенциала стран социалистического содружества. Для Вьетнама сотрудничество в области науки и техники в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) является одним из определяющих факторов решения большинства актуальных задач, стоящих практически во всех сферах и отраслях народного хозяйства.

Рецензируемая книга — первое советско-вьетнамское исследование этих вопросов. Главное место в ней занимает анализ форм, методов, путей и механизмов приобщения СРВ к современным достижениям НТР.

Социалистическая Республика Вьетнам достигла значительных успехов в строительстве нового общества, однако, как отмечалось на V съезде КПВ, в стране пока еще не решена главная задача переходного периода — не осуществлена социалистическая индустриализация¹. Экономическая отсталость, доставшаяся в наследство от колониального режима, агрессия французского, а затем и американского империализма, трудности, связанные с восстановлением разрушенного войной хозяйства, задержали процесс экономического роста и социалистической индустриализации Вьетнама. Удельный вес крупной промышленности продолжает оставаться незначительным, недостаточно развита специализация и кооперация производства.

В книге нашли отражение программные документы и решения Коммунистической партии Вьетнама, выступления партийных и государственных деятелей СРВ, исследования вьетнамских ученых по вопросам социалистического строительства и научно-технической политики. Так, в первом разделе монографии рассмотрены такие вопросы, как научно-техническая революция и глобальные проблемы современности, воздействие НТР на социальные процессы и ее специфика в развивающихся странах. При этом авторы подчеркивают, что соединение научно-технического и социального прогресса с необходимостью выдвигает вопрос о творческом и интеллектуальном обогащении человеческого труда. «Автоматизация и кибернетизация производственного процесса задают такой тип связи человека и техники, при котором за работником закрепляются интеллектуально насыщенные функции, предусматривающие высокий уровень профессиональной подготовки и квалификации, а за машиной — механические и стереотипные» (с. 22—23). Таким образом создаются условия, обеспечивающие человеку интеллектуальное развитие в самом процессе труда. Вот почему в развертывании НТР вместе с ростом научно-технического потенциала страны существенное значение приобретают социальные и культурные факторы, то есть культурно-технический уровень, включая профессиональную и общеобразовательную подготовку, ориентацию труженика на знание, творческое отношение к труду и т. д.

При рассмотрении авторами книги проблемы «НТР и развивающиеся страны» правильно указывается на то, что научно-техническая революция давно перешагнула границы развитых государств, где она возникла, и стала всеобщим мировым процессом. Вместе с тем, являясь более объективной, чем активными участниками НТР, развивающиеся страны пока не влияют на ход и характер ее развертывания, поскольку доля этих стран в промышленном производстве составляет лишь 9%, на них приходится лишь 2% мирового объема научных исследований и около 3% мировых расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (с. 61), в то время как

сегодня население развивающихся стран составляет $\frac{3}{4}$ мирового населения (с. 59).

Во втором разделе монографии авторы исследуют роль научно-технической революции в социалистическом строительстве Вьетнама. Победа вьетнамского народа в войне против американской агрессии ознаменовала новый этап в развитии социалистической революции в стране. На новом этапе задачи социалистического строительства были определены V съездом КПВ, которые связаны с сохранением позиций диктатуры пролетариата, с развитием права трудового народа быть коллективным хозяином, с осуществлением на этой основе трех революций — в сфере производственных отношений; научно-технической революции, которая является ключевой и без которой невозможно социалистическая индустриализация, переход к крупному социалистическому производству; революции в области идеологии и культуры, связанной с воспитанием нового человека².

Реорганизация производства, направленная на рационализацию наличных производственных мощностей, предполагает последовательный переход мелкого производства к крупному товарному социалистическому производству, реализацию принципа преимущественного рационального ведения сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности, создания единой индустриально-аграрной экономической структуры в масштабах всей страны. Вместе с тем, как отмечают авторы, для СРВ (как, впрочем, и для абсолютного большинства развивающихся стран) характерен низкий исходный уровень экономического развития и отсутствие крупных накоплений, что ограничивает процесс структурных преобразований, но потенциальные возможности в СРВ имеются, и немалые. Вьетнам располагает богатыми и разнообразными природными ресурсами. «По общим запасам угля СРВ занимает первое место в Юго-Восточной Азии. Имеются богатые месторождения олова, марганца, бокситов. СРВ располагает благоприятными условиями для развития сельского, лесного и рыбного хозяйства. Климатические условия позволяют собирать 2—3 урожая в год. Есть и необходимые трудовые ресурсы. Задача состоит в том, чтобы максимально эффективно и рационально использовать все ресурсы на основе достигнутых НТР» (с. 100—101).

Авторы рецензируемого труда правильно подмечают, что соединение промышленности с сельским хозяйством, тяжелой промышленности с легкой, имеющее своей последующей целью преимущественное развитие производства средств производства, является необходимостью для всех стран, добившихся независимости и вставших на путь социальных изменений. Поэтому так важен для этих стран опыт СРВ в деле внедрения НТР в экономическую жизнь страны, в структурную перестройку всего народного хозяйства. Здесь необходимо иметь в виду, что цели социалистической

¹ См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 28.

² См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама, с. 28.

индустриализации совпадают с интересами всех трудящихся, ибо она создает реальные условия для ликвидации социальных противоречий между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, для преодоления нищеты и отсталости. «Устраняя различия в уровне материально-технической оснащённости, — подчеркивают авторы, — промышленности и сельского хозяйства, она (индустриализация. — Л. Б.) содействует непрерывному развитию сельского хозяйства, укрепляет союз между рабочим классом и крестьянством, являющийся прочной опорой диктатуры пролетариата» (с. 105).

Последовательное претворение в жизнь курса КПВ позволило стране в короткий исторический срок увеличить свой технический потенциал почти в 1,5 раза (с. 107). При этом первоочередное значение для укрепления социалистических производственных отношений и для проведения индустриализации имел количественный и качественный рост рабочего класса. Определяющим фактором формирования нового труженика выступает овладение народом накопленными всем человечеством знаниями. Без этого невозможно приобщение страны к НТР, ибо последняя «не может быть делом только работников умственного труда, научно-исследовательских учреждений. По своей сути она должна стать делом широких народных масс, постоянным движением и навыком работы десятков миллионов трудящихся»³.

Опыт научно-технического развития СРВ опровергает точку зрения тех буржуазных исследователей, которые сомневаются в возможностях НТР в развивающихся странах и считают, что молодым государствам (в том числе и Вьетнаму), не прошедшим этапа индустриализации, следует ориентироваться только на достижения начала прошлого века, в крайнем случае середины или его конца. Однако если иметь в виду СРВ, то необходимо учитывать, что научно-техническая революция здесь выступает как часть социалистической революции, что на возможность и характер ее развития определяющее воздействие оказывают социалистические производственные отношения, преимущества организации и ведения народного хозяйства, основанного на общественной собственности на средства производства. Принимая во внимание это обстоятельство, Коммунистическая партия Вьетнама сделала вывод о возможности НТР в стране и о ее ключевой роли в социалистическом строительстве. При этом СРВ должна пройти два этапа.

На первом этапе (до 1990 г.) в плане социально-экономического развития будет продолжаться курс на социалистические преобразования и преодоление экономических трудностей. Это будет период укрепления морально-политического единства всего народа, стабилизации и повышения его жизненного уровня на основе дальней-

шего развития экономики страны и упрочения социалистических основ общества. «На данном этапе роль НТР состоит в обеспечении материально-технических условий для преодоления экономической отсталости и в создании необходимых предпосылок для последующего развертывания научно-технического прогресса в стране» (с. 121).

Второй этап в развитии НТР по времени связан с процессом построения материально-технической базы социализма, то есть осуществлением индустриализации на основе использования современных достижений науки и техники, прежде всего комплексной механизации и автоматизации производства. Решение задач этого исторического этапа будет означать построение социалистического общества, завершение процесса перехода к крупному общественному производству, а вместе с ним обеспечение условий, необходимых для полного и всестороннего развертывания научно-технического прогресса.

Развитие НТР и внедрение ее результатов в жизнь связывается с расширением и углублением интеграционных процессов со странами социалистического содружества. Жизнь и повседневная практика показали, что вступление СРВ в СЭВ, расширение сотрудничества с этими государствами стали исключительно важными факторами укрепления оборонной и экономической мощи страны, развития всего народного хозяйства. С целью усиления помощи Вьетнаму в развитии экономики на основе достижений современного научно-технического прогресса на XXXIII заседании сессии СЭВ (с. 125) было принято решение распространить на СРВ положения Комплексной программы социалистической экономической интеграции по ускорению ее экономического и научно-технического развития, как это ранее было сделано в отношении Монголии и Республики Куба. Сейчас эти меры разрабатываются в СЭВ применительно к Вьетнаму и будут рассмотрены на очередном заседании сессии СЭВ в 1986 г.

В соответствии с планом ускоренного развития науки и техники СРВ до 1990 г. выработана система по оказанию помощи в оснащении научно-исследовательских центров СРВ необходимой материально-технической базой, современным оборудованием и материалами, в подготовке и переподготовке научных кадров, в осуществлении научных разработок и создании научных объектов. В рамках СЭВ по линии укрепления материально-технической базы науки вьетнамской стороной выделено 25 научно-исследовательских объектов, которые оснащаются оборудованием и приборами, поставленными странами СЭВ. Между СССР и СРВ за пятилетие с 1981 по 1985 г. осуществлялась разработка 90 важнейших для Вьетнама научно-технических проблем в 20 отраслях народного хозяйства (с. 126).

В рецензируемой монографии правильно подмечено, что своеобразие момента состоит в том, что развитие вьетнамского сельского хозяйства и тяжелой промышленности должно осуществляться одновременно. Преимущественное развитие индустрии, без которой невозможен переход от мелкого

³ Ле Зуан. Твердо придерживаться закономерностей, обновлять управление экономикой. — «Коммунист», 1984, № 15, с. 69.

производства к крупному, само построение социалистического общества, предполагает развитие сельского хозяйства на базе достижений науки и техники. Об этом говорит следующий пример. До последнего времени промышленность СРВ развивалась более быстрыми темпами, чем сельское хозяйство, но рост капитальных вложений за 1975—1981 гг. в сельское и лесное хозяйство составил 240%, в то время как в промышленности — 148% (с. 131), и это свидетельствует об особом внимании КПВ и правительства СРВ к вопросам сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем развивалась и тяжелая промышленность, поскольку «именно развитие тяжелой промышленности означает создание материально-технической базы социализма» (с. 140). Ориентация на развитие тяжелой промышленности позволяет оснастить передовой техникой все отрасли экономики, превратить мелкое производство, основанное на применении ручного труда, в крупное социалистическое производство, характеризующееся высоким уровнем механизации, концентрации и централизации. Определяющую роль в средствах производства играют орудия труда, поэтому индустриализация СРВ связывается с развитием прежде всего машиностроения, обеспечивающего переход сначала к механизированному, а затем частично к автоматизированному производству. Развитие машиностроения обуславливает повышение уровня электровооруженности промышленного производства. Специфика Вьетнама состоит в том, что предпочтительнее отдается гидроэнергетике, поскольку страна располагает крупными, требующими регулирования речными системами. Курс на НТР предполагает обеспечение проектирования небольших, средних и мощных гидроэлектростанций с целью достижения оптимального уровня электрификации всех районов страны.

Исторический опыт СРВ, как это говорится в книге, показывает, что переход к крупному социалистическому производству не может осуществляться сразу и непосредственно, если страна идет к социализму, минуя стадию капитализма. Социалистическая индустриализация, подготавливающая такой переход, осуществляется в два этапа. На первом этапе развитие науки и техники подчиняется в первую очередь задаче ускоренного развития сельского хозяйства на базе электрификации, механизации и химизации, имеющего целью повышение производи-

тельности труда и обеспечение условий для диверсифицированного развития сельского хозяйства. Затем, как подчеркивают авторы, следует развить промышленность, причем это должно осуществляться параллельно с развитием сельского хозяйства, иначе говоря, движение к крупному промышленному производству возможно только через укрепление сельского хозяйства и наоборот.

Подъем экономики высокими темпами на основе внедрения современных достижений науки и техники остро ставит вопрос об охране окружающей среды. Эта проблема рассматривается в отдельной главе, в которой авторы подчеркивают, что «правильный подход к решению проблемы связан с предупреждением возможных отрицательных экологических последствий, запрещением тех общественных проектов, которые не соответствуют экологическим требованиям, с исправлением ошибок прошлых лет» (с. 174).

В третьем разделе монографии критически исследуются буржуазные концепции научно-технической революции, особенно ее философские и социологические аспекты. Авторы отмечают, что, неправомерно устанавливая прямую связь между научно-техническим прогрессом и обостряющимся социальным антагонизмом, нарастающей отчужденностью между обществом и личностью, человеком и природой, буржуазные теоретики отвлекаются от того, чьим интересам прежде всего подчинено развитие производительных сил (с. 195).

Буржуазные теоретики хотели бы свести сущность революционного развития в современном мире исключительно к «скачку» научно-технического прогресса, а саму НТР представить как чисто технологический феномен. В действительности мировой революционный процесс, как правильно показали авторы в своей работе, сводится не только к сдвигам в области науки и техники, ибо он (процесс) складывается прежде всего из социальных революций, преобразующих общественное лицо мира. Во главе этого процесса идут социалистические страны, действие которых приходит в первую очередь от СССР. Опыт строительства социализма в Советском Союзе оказывает огромное прогрессивное революционизирующее воздействие на общественное мировое развитие в целом.

Л. Н. БАУМАН

Из истории международных отношений на Дальнем Востоке

В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск. Кн. изд-во, 1984, 271 с., ил. («Дальневосточная историческая библиотека»).

В течение 15 лет в Хабаровске, Владивостоке и Магадане в серии «Дальневосточная историческая библиотека» издаются книги, которые знакомят сегодняшнего читателя с классическими трудами участников русской дальневосточной эпопеи: Г. И. Шелихова, И. Ф. Крузенштерна, Г. И. Невельского, В. М. Головнина, М. И. Венюкова¹, работами советских авторов. Диапазон публикаций настолько широк, что охватывает самые разнообразные области исторической науки, от археологии до истории международных отношений новейшего времени².

Закономерно появление в этой серии второго издания монографии известного советского историка В. А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах». Впервые книга увидела свет в 1969 г. и была воспринята с большим интересом как советскими, так и зарубежными читателями. В рецензиях на первое издание отмечалось, что «труд В. А. Александрова не только вводит в научный оборот огромное количество новых

¹ См.: Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971; И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1976; Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—1855. Хабаровск, 1969; В. М. Головнин. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972; М. И. Венюков. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.

² См.: Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979; Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. Хабаровск, 1978.

³ См.: Н. Н. Диков. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тыс. лет истории. Магадан, 1969; История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945—1977. Хабаровск, 1978.

данных, но и содержит решение многих впервые им сформулированных или по-новому решаемых вопросов»⁴. Работа В. А. Александрова высоко оценивалась «с точки зрения результатов, связанных с богатыми архивными материалами и их свободным использованием»⁵.

Тема монографии В. А. Александрова и поныне не утратила своей актуальности. В последние годы изучение истории Сибири и развития международных отношений на Дальнем Востоке интенсивно ведется в различных аспектах у нас в стране и за рубежом. Об этом свидетельствуют недавно изданные работы японских авторов Есида Кинъити и Синтаро Накамуры, китайских исследователей Чжао Личжи, Хоу Юйчэна и Сюй Цзинсюэ⁶.

Во втором издании автором учтены практически все публикации по теме, которые вышли за 15 лет, истекшие с момента первого издания. Это существенное дополнение сделало исследование еще более многогранным.

Другой положительной особенностью рецензируемой монографии является то, что в ней присоединение Восточной Сибири к России и хозяйственное освоение русскими переселенцами Забайкалья и Приамурья описанные широко и с глубоким анализом (гл. 1), рассматриваются в непосредственной связи с процессом развития отношений между Русским государством и народами Восточной Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии (гл. 2). Подобный подход к изучению проблемы позволил В. А. Александрову проследить, как сопряжено возникновение новых соседями сосуществовало возникновению сложных внешнеполитических задач, которые приходилось разрешать русской дипломатии.

Трудность состояла в том, что Русское государство еще не накопило опыта общения с центральноазиатскими государствами и Китаем. Отсутствие регулярных контактов препятствовало формированию достоверных представлений друг о друге и вследствие этого — развитию отношений между государствами. С другой стороны, напряженность в отношениях с западными странами (польско-литовская и шведская интервенции, Тридцатилетняя война в Европе) лишила русское правительство возможности уделять должное внимание восточной политике.

Вплоть до начала 50-х годов XVII в. общая внешнеполитическая установка Москвы предписывала сибирской администрации, не вступая в самостоятельные дипломатические сношения, неофициально, «не посольством

⁴ «Народы Азии и Африки», 1974, № 2, с. 209.

⁵ «Тоё гакухо», т. 54, № 3 (декабрь 1972), с. 124.

⁶ Е. Кинъити. Россия-но тохо синсюцу то Нерутинсуку дзёяку (Продвижение России на восток и Нерчинский договор). Токио, 1984; С. Накамура. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983; Сюй Цзинсюэ. Эго чжэнфу Сиболля цзялюэ (Очерки истории завоевания Российской Сибири). Харбин, 1984.

и не от себя», а «будто ненароком проведывать» про государство Алтын-ханов и Китая (с. 76). Однако взаимодействие субъективного и объективного факторов в процессе развития двух крупных феодальных государств привело к тому, что установление более тесных связей между цинским Китаем и Русским государством вылилось в историческую необходимость.

Стремление упрочить маньчжурское владычество в Китае и расширить границы вновь созданного государства за счет Центральной Азии побудило Циннов обратить конкретную внешнеполитическую деятельность на поддержание контактов с Россией и приграничными государственными образованиями, существовавшими у Средней империи еще при Минах, а также на развитие новых связей. Сведения о расширении пределов русских владений и об укреплении дальневосточных рубежей России, а также неудачно окончившиеся для империи Цин первые военные столкновения в Приамурье с русскими войсками породили в Пекине беспокойство за исход намечавшихся экспансионистских предприятий. Развитие русско-китайских отношений существенно осложнилось также различием в подходе к международным и взаимным отношениям, различием в идеологических, правовых и дипломатических нормах. Цинская империя стремилась устанавливать связи лишь на основе китаецентристской модели «сюэрен» — «вассал» (с. 82—83).

Объективная необходимость установления контактов с Россией, пройдя через призму политического сознания цинских стратегов, породила идею навязать Русскому государству статус вассала империи Цин. Однако придворным чиновникам не удалось добиться желаемой цели, несмотря на различные ухищрения, к которым они прибегали во время приема в Пекине посольств из России (с. 84, 85, 99 и др.). Твердая позиция, продемонстрированная русской стороной в ходе переговоров, заставила представителей цинской администрации поначалу выждать, прежде чем решиться на вооруженное выступление против Русского государства.

80-е годы XVII в. — период кульминации в отношениях между Россией и Китаем. Не случайно В. А. Александров уделил особое внимание изучению этого наиболее напряженного десятилетия в истории русско-китайских связей XVII в. Практически третья часть рецензируемой книги (гл. 3—5) отведена анализу событий 1681—1689 гг. Причем автор выделяет три основных этапа — подготовка и начало цинской агрессии (1681—1684), оборона Приамурья и Забайкалья (1684—1689), заключение Нерчинского мира, — которые сыграли ведущую роль в процессе формирования и последующего развития системы международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Тщательное изучение источников позволило автору сделать вывод о том, что во время военных действий в Приамурье и Забайкалье подавляющая часть сибирского ясачного населения не только хранила верность Русскому государству, но и оказала существенную помощь русским властям, сообщая о действиях неприятеля и непосредственно участвуя в боевых операциях (с. 136). Это обстоятельство в значительной мере способствовало укреплению позиций России на дальневосточных рубежах.

Геронческая защита поселенцами приамурских владений России побудила цинскую администрацию принять предложение русской стороны и перейти к мирному урегулированию конфликта. Основное значение Нерчинского мирного договора, по мнению В. А. Александрова, «заключалось в том, что он знаменовал начальный этап государственного территориального размежевания между Россией и Цинской империей» (с. 194).

Русская дипломатия занимала твердую позицию при решении международных проблем в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, что фактически привело к подрыву одного из основных принципов цинской дипломатии — не иметь общей границы с сильным государством (с. 194). Вместе с тем цинским правителям удалось путем военного нажима изменить ситуацию в свою пользу, Россия вынуждена была пойти на территориальные уступки в районе Приамурья.

Таким образом, события 60—90-х годов XVII в. значительно изменили внешнеполитическую обстановку на Дальнем Востоке. Как справедливо указывает В. А. Александров, «с конца XVII в. она целиком стала определяться взаимоотношениями только между Россией и цинским Китаем» (с. 203).

Русско-китайские экономические связи в конце XVII в. давно находятся в сфере исследовательских интересов В. А. Александрова⁷. Поэтому вполне логично, что новое издание его монографии завершается главой о торговле России с Китаем через Нерчинск в соответствии с условиями мирного договора.

Следует отметить, что новое, существенно дополненное издание монографии В. А. Александрова является серьезным научным достижением, которое, несомненно, вызовет большой интерес у широкой читательской общественности.

Н. Ю. НОВГОРОДСКАЯ

⁷ См.: В. А. Александров. Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г. — «История СССР», 1957, № 5.

«Нодон синмун» о Советском Союзе

Хёнчжэый нара сорёнсо (В братской Стране Советов). Пхеньян, Нодон синмунса, 1985, 239 с.

В 1985 г. советский народ вместе со всем прогрессивным человечеством торжественно отметил 40-летие победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Особый размах это празднование приобрело в тех странах, которые в результате поражения Германии и Японии были освобождены от ига фашизма и колониализма и обрели свободу и национальную независимость. К числу таких стран принадлежит и народная Корея.

В соответствии с Постановлением Политбюро ЦК Трудовой партии Кореи (сентябрь 1984 г.) в КНДР был проведен комплекс мероприятий, в ходе которых была показана решающая роль Советской Армии в освобождении Кореи от японского колониального господства, непреходящее значение помощи Советского Союза в становлении и развитии корейского социалистического государства. Празднование 40-летия освобождения Кореи — 15 августа — вылилось в яркую манифестацию традиционной советско-корейской дружбы. По приглашению корейских друзей в торжествах приняла участие партийно-государственная делегация Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым, военная делегация, возглавляемая первым заместителем министра обороны СССР Маршалом Советского Союза В. И. Петровым, а также около 30 других делегаций советских министерств и ведомств, имеющих тесные связи со своими корейскими коллегами.

Вышедшая в те августовские дни книга журналистов-сотрудников органа ЦК ТПК газеты «Нодон синмун» — «В братской Стране Советов» представляет собой сборник очерков о различных аспектах истории и современной жизни Советского Союза, впечатлениях и встречах, которые они имели во время поездки в Москву, Ленинград, Ульяновск, столицы союзных республик и другие города нашей родины. Она призвана еще полнее ознакомить корейского читателя с историей и революционным прошлым советского народа, его героической борьбой в годы отражения фашистской агрессии, показать грандиозный размах созидательной деятельности Страны Советов, отразить чувства дружбы и братства, существующие между нашими народами.

Уже в предисловии отмечается, что «скрепленная кровью и окрепшая в дли-

тельной борьбе против империализма, за осуществление общих целей и идеалов дружба между нашими странами и народами сегодня всесторонне углубляется и расширяется во всех областях политики, экономики и культуры» (с. 2). Эта мысль является главной во всей книге.

Авторы начинают свое повествование с рассказа об Ульяновске, жизни и деятельности В. И. Ленина, Великой Октябрьской социалистической революции. События Великой Отечественной войны отражены в очерках о блокаде Ленинграда, Сталинградской битве, партизанском движении в Белоруссии, мемориальных комплексах в Хатыни и Саласпилсе.

Последующие главы книги посвящены борьбе трудящихся СССР за выполнение одиннадцатой пятилетки, перевод советской экономики на интенсивный путь развития, осуществление Продовольственной программы. Рассказывается о перспективах развития Сибири, приводятся цифры и факты, отражающие рост материального благосостояния советского народа. В отдельных главах рассказывается о развитии науки, культуры и искусства, решении в СССР национального вопроса.

Особый интерес представляет десятая глава книги — «Навеки одной дорогой», где раскрывается тема советско-корейских отношений. Авторы неоднократно отмечают, что для нынешнего этапа развития сотрудничества между КНДР и СССР важное значение имеет визит в Советский Союз партийно-государственной делегации КНДР во главе с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сенем в мае 1984 г., встречи и беседы советских и корейских руководителей, достигнутые на высшем уровне договоренности.

Становление и развитие КНДР по пути социализма неразрывно связано с помощью и поддержкой Советского Союза. СССР, подчеркивается в книге, первым признал молодое корейское государство, установив с ним 12 октября 1948 г. дипломатические отношения.

Наши экономические отношения стали планомерно развиваться после заключения 17 марта 1949 г. советско-корейского соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве (с. 235).

Трудные испытания выпали на долю корейского народа в годы отражения в 1950—1953 гг. агрессии американского империализма и лисынмановской реакции, в период восстановления разрушенного войной хозяйства. И в это время Советский Союз оказал КНДР «материальную помощь и моральную поддержку» (с. 236). «Есть поговорка, — пишут корейские журналисты, — что друг познается в беде. Советский Союз искренне помог нашему народу в трудный период тяжелых испытаний, не только как освободитель Кореи, но и как помощник и союзник» (там же). Во время войны СССР поставлял в КНДР все необходимое для разгрома агрессоров и обеспечения продуктами питания, одеждой населения Республики. После окончания

военных действий — в 1953 и 1956 гг. — Советский Союз предоставил безвозмездную помощь, в счет которой было восстановлено, реконструировано и вновь построено 20 народнохозяйственных объектов.

В книге подчеркивается, что прочной основой корейско-советской дружбы является подписанный 6 июля 1961 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между нашими странами. Время убедительно подтвердило его непреходящую значимость для дела строительства социализма и коммунизма в СССР и КНДР, для обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове и на Дальнем Востоке в целом. Исходя из этого, в 1981 г. Договор был пролонгирован.

Советский Союз и социалистическая Корея, верные букве и духу союзного Договора, активно сотрудничают на международной арене, умножая объединенные усилия всех стран социализма по срыву попыток агрессивных империалистических кругов, прежде всего США, развязать мировую ядерную войну. Как отмечается в советско-корейском коммюнике, подписанном по итогам визита в СССР в апреле 1985 г. члена Политбюро ЦК ТПК, заместителя премьера Административного совета, министра иностранных дел КНДР Ким Ен Нама, «нет сейчас более важной задачи, чем предотвратить сползание к ядерной катастрофе, уменьшить военную опасность, укрепить мир»¹. СССР и КНДР выступают в поддержку усилий всех государств, направленных на укрепление мира и безопасности, в том числе и в таком обширном регионе, как Азиатский континент. Советский Союз и народная Корея делают все возможное, чтобы в Азии воцарилась атмосфера доверия и сотрудничества.

С волнением пишут авторы о своих встречах в Советском Союзе с участниками освобождения Кореи, с теми советскими гражданами, которые помогали корейскому народу в становлении народной власти и защите ее от посягательств реакции в первые годы после освобождения. «Наш народ, — отмечают они, — не забывает подвигов бойцов Советской Армии — освободительницы и будет помнить советских воинов, кровью вписавших славные страницы в летопись корейско-советской дружбы» (с. 230).

Особо выделяется встреча с Героем труда КНДР Яковом Тихоновичем Новиченко, совершившим 1 марта 1946 г. героический подвиг. В тот день корейский народ впервые на освобожденной земле отмечал 27-ю годовщину антиимпериалистического народного восстания. На привокзальной площади Пхеньяна состоялся многотысячный митинг. Внезапно из толпы на трибуну, где стояли руководители Временного народного комитета Северной Кореи во

главе с товарищем Ким Ир Сенем и представителем советского военного командования, была брошена граната. Находившийся рядом с трибуной младший лейтенант Я. Т. Новиченко перехватил гранату, прижал ее к себе. Граната взорвалась, тяжело ранив советского офицера, но на трибуне никто не пострадал. В год 40-летия освобождения Кореи Советской Армией от японского колониального ига советскими и корейскими кинематографистами был снят и вышел на экраны совместный фильм об этом героическом поступке советского воина — «Секунда на подвиг».

В благодарной памяти корейского народа подвиги советских людей остались навечно. По всей стране воздвигнуты обелиски и памятники воинам-освободителям. В связи с 40-летием освобождения в столице — городе Пхеньяне — был реконструирован монумент Освобождения, привезены в порядок кладбища советских солдат и офицеров в различных городах КНДР.

Ныне по всей стране можно увидеть наряду с памятниками советским воинам, павшим в боях за освобождение Кореи от японского колониального ига, памятники мирного созидательного труда двух народов, воплощенные в заводах и фабриках, шахтах и электростанциях. Из года в год растет экономическое сотрудничество между нашими странами. При советском техническом содействии на земле народной Кореи восстановлено, реконструировано и вновь построено около 70 народнохозяйственных объектов. В настоящее время продолжается сооружение еще нескольких предприятий, разрабатываются планы дальнейшего расширения двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества. Сотни советских специалистов награждены орденами и медалями КНДР за интернациональный вклад в укрепление социализма в Корее.

Везде, где бы ни побывали корейские журналисты, повсюду они слышали от советских людей слова поддержки курса КНДР на мирное демократическое объединение своей родины. В этом заключается последовательный курс КПСС и Советского правительства. В Советском Союзе находят полную поддержку предложения КНДР о выработке декларации о ненападении между Севером и Югом Кореи, о замене соглашения о перемирии мирным соглашением, о создании Демократической конфедеративной республики Корё.

Несомненно, что в стране друзей — народной Корее — книга о Советском Союзе, о братских советско-корейских отношениях с большим интересом будет встречена читателями. Ее по праву можно рассматривать как заметный вклад в дружбу между народами СССР и КНДР.

**В. И. АНДРЕЕВ,
В. И. ОСИПОВ**

¹ «Правда», 25.IV.1985; «Нодон син-мун», 25.IV.1985.

Памяти Владимира Алексеевича Кривцова

20 декабря 1985 г. после тяжелой продолжительной болезни на 65-м году жизни скончался член КПСС с 1950 г., видный советский китаевед, заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктор исторических наук, профессор Владимир Алексеевич Кривцов.

В. А. Кривцов родился в Москве в семье рабочего. На китайском отделении Московского института востоковедения В. А. Кривцов изучал язык, историю, культуру Китая. Он закончил институт в 1949 г., в год создания Китайской Народной Республики. Это и определило дальнейшее поле деятельности молодого китаеведа: началось строительство нового типа государственных отношений между нашей страной и Китаем, для этого требовались высококвалифицированные дипломаты. В. А. Кривцов начинает работу в Министерстве иностранных дел СССР и через год, в 1951 г., становится сотрудником Посольства СССР в КНР.

В 1958 г. В. А. Кривцов успешно заканчивает Высшую дипломатическую школу МИД СССР. В 1958—1960 гг. он — первый секретарь Посольства СССР в Японии, а в 1960—1962 гг. — генеральный консул в Шанхае, в 1963—1966 гг. — советник Посольства СССР в КНР. В течение долгих лет работы в Китае и Японии В. А. Кривцов изучает один из главнейших компонентов китайской культуры — эстетическую мысль древнего и средневекового Китая. Он являлся крупным специалистом в области истории общественной мысли Китая. Исследования В. А. Кривцова отличаются глубокое знание китайской политической культуры, традиционных политических концепций и методов управления. Диапазон научных интересов В. А. Кривцова необычайно широк. Его привлекали проблемы культуры Китая, китайской эстетики, истории китайской живописи, литературы, классической философии. Он участвовал в подготовке хрестоматии по древней китайской философии [Дневнекитайская философия. Собрание текстов. М., 1972], где опубликован его перевод конфуцианского канона «Лунь юй», выступал со статьями о средневековых китайских художниках и с монографией о выдающемся китайском коммунисте-интернационалисте Ли Дачжао.

Под руководством и при непосредственном участии В. А. Кривцова создается цикл работ, исследующих проблемы социальной и этнической психологии китайцев. В этой области широко раскрывались стремление ученого к поискам нового, его умение ставить и разрабатывать задачи, находящиеся на стыке отраслей знания, использовать в китаеведении методики других общественных дисциплин.

Начав свою преподавательскую деятельность на курсах стажеров при Посольстве СССР в КНР в 1951—1952 гг., В. А. Кривцов продолжал подготовку дипломатических и научных кадров высшей квалификации. Он руководил аспирантами, читал лекции слушателям Дипломатической академии СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Много сил В. А. Кривцов отдавал научно-организационной и общественной работе. Он являлся заместителем директора Института Дальнего Востока АН СССР и членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». В качестве заместителя председателя правления Общества советско-китайской дружбы В. А. Кривцов участвовал в деятельности общества, направленной на воспитание уважения к китайскому народу, его истории, культуре, революционным традициям.

Многогранная деятельность В. А. Кривцова отмечена орденом Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почета», другими наградами Родины.

Светлая память о Владимире Алексеевиче Кривцове навсегда останется в наших сердцах.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1986, № 1, 192 с.

Технический редактор *Сологубова Т.*

Сдано в набор 8.01.1986. Подписано в печать 12.02.1986. А 04192 Формат 70×108^{1/16}
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 192
Уч.-изд. л. 19,65. Усл. кр.-отт. 16,8. Изд. № 41987. Тираж 10.926 экз.
Заказ 3583 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Кампучия: жизнь после смерти. Сост. Е. Кобелев. — М.: Политиздат, 1985. — 224 с., ил. — 65 к. 50 000 экз.

«Дзэйцхар Мигчжан» — памятник тибетской медицины. Отв. ред. Б. Б. Бада-раев. — Новосибирск: Наука, 1985. — 88 с. — 40 к. 50 000 экз.

Соколов-Ремизов С. Н. Литература — каллиграфия — живопись: К пробл. синтеза искусств в худож. культуре Дальнего Востока. — М.: Наука, 1985. — 311 с., ил. — 1 р. 90 к. 5 000 экз.

Асеева Т. А., Блинова К. Ф., Яковлев Г. П. Лекарственные расте-ния тибетской медицины. — Новосибирск: Наука, 1985. — 160 с. — 50 к. 50 000 экз.

Средний возраст: Современ. кит. повесть. Пер. с кит.; Сост. Б. Рифтин. — М.: Радуга, 1985. — 477 с. — 3 р. 20 к. 50 000 экз.

Валиханов И. И. Собрание сочинений: В 5-ти т. — Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985. Т. 2. 416 с. — 1 р. 80 к. 15 000 экз.

Абэ Кобо. Тайное свидание. Пер. с япон.; Сост., предисл. В. Гривнина. — М.: Известия, 1985. — 218 с. — 1 р. 10 к. 50 000 экз.

Федюнинский И. И. На Востоке. — М.: Воениздат, 1985. — 224 с. — (Воен. мемуары). — 1 р. 10 к. 100 000 экз.

Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Отв. ред. Р. Е. Пубаев. — Новосибирск: Наука, 1985. — 127 с. — 65 к. 14 550 экз.

Панцов А. В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. — М.: Наука, 1985. 116 с. — 1 р. 20 к. 1550 экз.

Жерносек И. Ф. Народное образование в Монгольской Народной Рес-публике. — Киев: Рад. шк., 1985. — 217 с. — 60 к. 2 500 экз.

Миура Т. Блуждающий огонек. Рассказы. Пер. с япон.; Сост. Г. Ф. Рон-ская. Предисл. В. Гришиной. — М.: Радуга, 1985. — 174 с. — 85 к. 50 000 экз.

Шествие в пасмурный день: Сб. Пер. с япон.; Сост. Б. Раскина; Вступ. ст. В. Гривнина. — М.: Радуга, 1985. — 214 с. — 1 р. 60 к. 100 000 экз.

Прошин А. А., Тимонин А. А. НеокOLONиализм США и Южная Корея. — М.: Наука, 1985. — 190 с. — 1 р. 80 к. 1 100 экз.

Корнеев А. В. По разные стороны океана: США — Япония: борьба за природные ресурсы Тихого океана. — М.: Мысль, 1985. — 192 с. — 1 р. 14 000 экз.

Современная японская новелла. Пер. с япон.; Сост. Б. Раскина; Предисл. Е. Маевского. — М.: Радуга, 1985. — 398 с. — 2 р. 60 к. 50 000 экз.

Бонифатьева Л. И., Сучков И. В. Шри-Ланка. — М.: Мысль, 1985. — 110 с., ил. — (У карты мира). 40 к. 57 000 экз.

Дерманов В. К. Япония и США: проблемы торговой конкуренции. — М., Междунар. отношения, 1985. — 191 с. — 95 к. 8 000 экз.

Рамзес В. Б. Личное потребление в Японии. М.: Наука, 1985. — 289 с. 1 р. 30 к. 5 500 экз.

Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. Редкол.: Г. М. Бонгард-Левин и др. — М.: Наука, 1985. — 267 с. — 2 р. 20 к. 4850 экз.

Семенов А. В. Ляо Чжункай: Полит. деятельность кит. революционера. — М.: Наука, 1985. — 143 с. — 1 р. 30 к. 1500 экз.

Лапина З. Г. Учение об управлении государством в средневековом Ки-тае. — М.: Наука, 1985. — 383 с. — 3 р. 30 к. 4150 экз.

Басё. Стихи. Пер. с япон. В. Марковой; Грав. Л. Ильиной. — М.: Худож. лит., 1985. — 223 с., ил. — 1 р. 50 к. 30 000 экз.

Хиросима: Романы, рассказы, стихи. Пер. с япон.; Сост. К. Рехо. — М.: Худож. лит., 1985. — 574 с. — 3 р. 50 к. 50 000 экз.